

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович

Воплощение духовности в личности и творчестве Ф. М. Достоевского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»
МОСКВА – 2013

УДК 159.9
ББК 88
К 62

СОДЕРЖАНИЕ

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Кольцова В. А., Холондович Е. Н.

К 62 Воплощение духовности в личности и творчестве Ф. М. Достоевского. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 304 с.

ISBN 978-5-

УДК 159.9
ББК 88

В книге рассматриваются феномены гениальности и гениальной личности, делается попытка раскрыть содержание этих категорий, определить критерии гениальности, факторы ее формирования и развития, психологические характеристики гениальной личности. Предложена процедура комплексной реконструкции психологических характеристик исторической личности на основе всестороннего изучения ее жизнедеятельности и продуктов творчества, которая апробирована на основе жизнеописания и анализа творчества Ф. М. Достоевского. Показано, что одним из важнейших критериев гениальности является высокая духовность личности. Духовное богатство внутреннего мира личности определяет направленность и характер ее деятельности и взаимодействия с миром.

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2013

ISBN 978-5-

Введение 5

ЧАСТЬ 1

ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ГЕНИАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ФЕНОМЕНЫ МЕЖДИЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 1. Разработка проблем гениальности и гениальной личности в научном знании.....	11
1.1. Проблемы гениальности и гениальной личности в междисциплинарных исследованиях.....	11
1.2. Критерии гениальности.....	21
1.3. Факторы формирования гениальности и гениальной личности.....	30
1.4. Психическое состояние и психологические характеристики гениальной личности.....	40
Глава 2. Методологические основания психолого-исторического исследования гениальной личности.....	54
2.1. Естественнонаучное и гуманитарное направления в психологической науке и место исторической психологии в исследовании личности.....	54
2.2. Методы реконструкции психологических особенностей исторической личности.....	74
2.3. Исследование психологических особенностей исторической личности в зарубежной психоистории.....	93
2.4. Психологические исследования исторической личности в отечественной науке.....	101
2.5. Теоретическая модель комплексной реконструкции психологических характеристик гениальной личности.....	131

ЧАСТЬ 2
ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ И ЛИЧНОСТНОГО ПОРТРЕТА
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Глава 1. Факторы формирования личности и творческой деятельности Ф. М. Достоевского	139
1.1. Социально-историческое развитие России конца XIX–начала XX в. как фактор формирования мировоззрения и идейных позиций Ф. М. Достоевского	140
1.2. Духовные традиции русской культуры как источник личностной идентификации, формирования творческого пути и системы ценностей Ф. М. Достоевского.	157
1.3. Роль родительской семьи в развитии и воспитании личности писателя.	167
1.4. Женское окружение и его влияние на личностную и творческую самореализацию Ф. М. Достоевского	174
1.5. Психическое состояние Ф. М. Достоевского как фактор развития его личности и творчества	188
1.6. Кризисные периоды жизни как катализаторы развития личности и творческой деятельности писателя.	198
Глава 2. Творческая деятельность как воплощение и проявление гениальной личности	209
2.1. Этапы творческой деятельности писателя и ее место в общественном сознании России.	209
2.2. Динамика проблематики творчества Ф. М. Достоевского как воплощение его духовных исканий, установок, ценностей и личностных противоречий.	214
2.3. Эволюция жизненных смыслов и ценностей Ф. М. Достоевского на разных этапах его творческой деятельности	228
Глава 3. Психолого-историческая реконструкция личностных характеристик Ф. М. Достоевского	250
3.1. Личность Ф. М. Достоевского в восприятии и оценке его современников.	250
3.2. Дневники писателя как источник выявления особенностей его мировоззрения и личностных характеристик	259
3.3. Психологический портрет Ф. М. Достоевского.	275
Заключение	278
Литература	281
Приложения	293

ВВЕДЕНИЕ

Способен ли мир, зараженный прагматизмом и увлеченный погоней за удовольствиями, воспроизводить гениев? В современном обществе так много восходящих и утрачивающих популярность «звезд» и так мало по-настоящему талантливых и одаренных людей!

Питаясь суррогатом от искусства, люди, между тем, мечтают о достижении вершин в своей деятельности, о выдающихся свершениях, способных кардинально изменить окружающую действительность, ставят на пьедестал такие личностные качества, как креативность, самосовершенствование, самореализация.

Вся история XX в. была направлена на разрушение и ниспровержение имеющихся идеалов и ценностей, поиск новых форм жизненного устройства и абсолютной свободы, итогом чего стали бездуховность и вседозволенность. Парадокс нашего времени заключается в том, что именно безграничная свобода самовыражения и «оригинальность» породили массовое искусство, которое теперь стремится навязать свои критерии и правила потребляющему его обществу. Но, к счастью, ему не удалось уничтожить шедевры прошлого, перед которыми бессильны и время, и любые социально-культурные инновации.

Как же создавались эти шедевры? И каков человеческий облик их творцов, признанных гениев? В чем секрет их гениальности? Какие особенности их личности и жизненного пути повлияли на создание бессмертных творений? Эти вопросы встают перед человечеством снова и снова, начиная с древности. Поиск ответа на них побуждает обратиться к психологическому исследованию жизненного пути и личностных особенностей гениальных личностей.

К числу признанных гениев русской и мировой словесности относится Федор Михайлович Достоевский. Его личность, биография,

художественное наследие вызывают интерес и являются предметом многочисленных исследований историков, литературоведов, психологов, психиатров. И хотя общепризнанна его гениальность, противоречиво отношение к его творчеству, вызывающему непрекращающиеся споры и суждения. Для одних он несомненный гений, его произведения – эталон духовных исканий человека; у других признание его гениальности сочетается со стойким отторжением. Важно, что при этом людей, равнодушных к творчеству этого выдающегося писателя, практически нет. Но в том и состоит предназначение литературы – вызывать у читателя живой отклик, размышления, сильные эмоции, заинтересованность.

Являясь одной из вершин отечественной культуры и русской духовности, литературное наследие Достоевского «перешагнуло» национальные рамки. Его идеи оказались инкорпорированными в пространство мировой культуры, стали ее неотъемлемой составляющей. Его произведения изучаются студентами многих стран мира, по ним ставят театральные постановки и снимают фильмы.

Многие известные философы, ученые, деятели культуры – Н. А. Бердяев, В. В. Вересаев, А. В. Луначарский, Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, С. Цвейг, Л. И. Шестов и др. – посвятили ему свои работы. Психиатры – В. Ф. Чиж, О. Н. Кузнецов, В. И. Лебедев, Н. Н. Николаенко, К. Леонгард и др. – с большим интересом исследовали природу творчества и особенности его психического состояния. К. Леонгард использовал образы, представленные в романах писателя, для иллюстрации акцентуированных типов личности (Леонгард, 1981). М. М. Бахтин опирался на его идеи в обосновании «многоголосности», «полифоничности», диалогичности человеческого сознания .

В. Ф. Чиж, ссылаясь на идеи Ф. М. Достоевского, раскрывая личностные особенности патологических типов, склонных к преступлениям (Чиж, 2001а).

Психологами также проведен ряд исследований личности и творчества Ф. М. Достоевского, но в основном это работы психоаналитиков, в которых писатель представлен как невротик и моралист. З. Фрейд и И. Нейфельд в начале XX в. до мельчайших подробностей проанализировали жизнь и творчество Ф. М. Достоевского с акцентом на инцестуозной фиксации личности писателя, связанной с комплексом Эдипа, который, по их мнению, обуславливает и тематику произведений, и все перипетии жизненного пути, и политические взгляды, и особенности его личности, и даже является источ-

ником его патриотизма и любви к Родине (Фрейд, 2002; Нейфельд, 2002).

А. Адлер в статье «Достоевский» осуществляет анализ психологических проблем, представленных в романах писателя. При этом личность Достоевского и его жизненный путь объясняются на основе комплекса недостаточности и стремления к власти (Адлер, 2002).

Отечественные психоаналитики, в частности И. Д. Ермаков, П. С. Попов, проведя анализ произведений Достоевского, сделали выводы о бессознательных истоках поступков человека, природе детской сексуальности, значении снов в психической жизни и т. д. (Ермаков, 2002; Попов, 2002).

В своем исследовании жизненного пути и творчества Ф. М. Достоевского мы попытались взглянуть на личность писателя в аспекте феномена гениальности. Наша задача – выделение факторов личностного и профессионального формирования и развития Ф. М. Достоевского, определение критерия гениальности и воссоздания психологических характеристик личности гения. Мы опирались на разработанную процедуру комплексного изучения исторической личности прошлого, позволяющую воссоздать целостный психологический портрет писателя. Естественно, нельзя было не коснуться психологических проблем, нашедших отражение в творчестве Достоевского и представляющих огромную ценность для современной психологической науки.

Часть 1

**ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ГЕНИАЛЬНАЯ
ЛИЧНОСТЬ КАК ФЕНОМЕНЫ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

ГЛАВА 1

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ ГЕНИАЛЬНОСТИ И ГЕНИАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ В НАУЧНОМ ЗНАНИИ

1.1. Проблемы гениальности и гениальной личности в междисциплинарных исследованиях

Природа и факторы формирования гениальности и гениальной личности – предмет междисциплинарного исследования. Познание данных феноменов предпринималось и до сих пор осуществляется философами, деятелями культуры, учеными, представляющими разные отрасли научного знания, – культурологию, психологию, педагогику, психиатрию, литературоведение.

К данному феномену, в первую очередь, был обращен психоанализ, представители которого попытались разгадать тайну происхождения гениальных личностей (Л. да Винчи, М. Лютера, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого) со скрупулезностью и интересом к детальной разработке детских впечатлений и бессознательных структур психики. Долгий путь поисков ответов на вопросы, касающиеся природы гениальности, не привел к однозначному решению.

Гениальность – явление редкое и уникальное, не подчиняющееся неким единым закономерностям. Психический мир гения глубоко своеобразен; его формирование носит специфический характер. Как известно, единичное, уникальное, сверхнормативное можно описать, но невозможно исследовать строго научными методами. Полученные на этой основе знания не экстраполируемы на общепопуляционную выборку, не подвергаются эмпирической проверке. Интересно, например, описание А. Р. Лурией уникального и гениального «человека-счетчика». Но продвинуло ли это нас в познании закономерностей мнемической деятельности? Разве что убедило в безграничных, но, увы, не реализуемых у большинства людей границах и возможностях памяти. Но это означает, что при изучении

гениальности мы располагаем лишь возможностями идиографического познания, что априори выводит данный феномен за рамки строго научного исследования. На этой основе в современной психологии подчас высказывается мнение о бесперспективности изучения проблемы гениальности, а само это понятие относится к области обыденного знания.

Действительно, несмотря на то, что феномен гениальности не перестает вызывать интерес, его изучение остается довольно сложной проблемой. Исторические воззрения на природу гениальности определялись пониманием творческого процесса.

От Античности идет взгляд на гениальность как на род иррационального вдохновения, «озарения» свыше (Платон, неоплатонизм и др.).

В эпоху Возрождения получил распространение культ гения как творческой индивидуальности, достигший апогея в эпоху романтизма, немецкие романтики связывали его с идеалами свободы личности и ее права на индивидуальность. В противоположность зажатому рамками логики рассудку гений представлялся свободным, подобным ничему не подвластной стихии. Спонтанность, интуиция, эмоциональность стали восприниматься как обязательные атрибуты гениальной личности.

В период Просвещения утвердился новый взгляд на гениальность. Так, К. А. Гельвеций считал гения «шедевром случая», причем под «случаем» он понимал благоприятное стечение обстоятельств – экономических, политических, педагогических условий развития. Напротив, Д. Дидро настаивал на наследственной природе гениальности. В этот период гений воспринимался как представитель только художественного творчества. Считалось, что, поскольку наука рациональна и подчинена строгим законам логики, в ней нет места фантазии, иррациональным началам. Г. В. Лейбниц утверждал, что художественное творчество требует «простора воображения» (экстаза, интуиции), научное же познание определяется законами рационального мышления. И. Кант также полагал, что научному творчеству чужда иррациональность, которую он связывал только с искусством, ходе позже он пришел к выводу, что и в науке немалую роль играют пронизательность мышления и одаренность ученого.

В XIX–XX вв. развиваются психологические и социологические исследования различных аспектов гениального творчества. В это время широкое распространение получает рассмотрение гения через призму психиатрии, которое превалирует и в настоящее время.

Наибольшее развитие проблема гениальности приобрела в начале XX в. как в отечественной, так и в зарубежной науке. Это было обусловлено стремлением найти методы для создания человека новой эпохи, «сверхчеловека», способного осуществить задачу переустройства мира.

Еще в конце XIX в. Ф. Гальтон, один из создателей дифференциальной психологии, заложил основы нового направления – евгеники, учения о наследственном здоровье человека и путях его улучшения. Он настаивал на необходимости изучения одаренности, особенностей психики, наследственных болезней и дефектов с целью выработки строго научной основы, обеспечивающей улучшение «породы» людей. В своей работе «Наследственность таланта: ее законы и последствия» он привел обширные биографические, статистические и исторические данные исследования выдающихся людей Англии – известных судей, государственных деятелей, полководцев, писателей, поэтов, музыкантов, художников, спортсменов, ученых. Его цель состояла в доказательстве наследуемости таких свойств человека, как черты характера, психологические особенности, талант и одаренность. Это определяло отбор биографического материала и способы его изучения. Обосновывая «даровитость» исследуемых им персонажей, Гальтон апеллировал к данным о жизненном пути исследуемых личностей, их происхождении и семейном воспитании, исследовал генеалогическое древо и выявлял проявление таланта в предшествующих поколениях. Его исследование опирается на отобранные в соответствии с принятыми им критериями источники (Гальтон, 1996).

Гальтон был уверен, что наследственность и отбор – главные факторы развития человека и общества в целом. Наряду с наследственностью он отмечал роль других факторов, способствующих развитию одаренности и таланта: особенности характера и влияние окружающей среды. Однако главную роль в развитии и проявлении таланта, согласно его мнению, играет все же «природная одаренность». Под «природной одаренностью» он понимал «такие качества ума и характера, которые дают человеку возможность и способность совершать действия, ведущие к высокой репутации. При этом не только способность должна быть соединена с энергией, но и, кроме того, необходимо, чтобы с ними была связана выносливость в труде, т. е. способность совершать трудную работу в течение продолжительного времени. Впрочем, и этих качеств еще не вполне достаточно: нужно, чтобы человек, предоставленный самому

себе, в силу некоторого внутреннего, присущего ему стимуламог восходить по тропинке, ведущей к вершине человеческого величия, и мог бы достигнуть этой вершины, преодолевая и уничтожая препятствия, мешающие свободному проявлению его деятельных стремлений» (там же, с. 34). Таким образом, даровитость, энергия и способность к тяжелому, продолжительному труду, согласно Гальтону, – наследуемые качества. Препятствия, о которых упоминает ученый, можно квалифицировать как некие кризисные моменты в биографии гениальных людей, служащие толчком к развитию и проявлению их дарования. Он настаивал на том, что наличие образования или отсутствие такового не является особенно важным, так как при значительном упорстве шансы даровитой личности и посредством, получившей образование, выравниваются к среднему возрасту и ставят их в одинаковые условия. Преодоление же значительных препятствий свидетельствует о гениальности человека при его значительных достижениях.

Работы Ф. Гальтона стали катализатором в распространении евгеники по всему миру. В России до 1930-х годов евгеника развивалась очень активно. Представители этого направления (Н. К. Кольцов, Ю. А. Филипченко, П. П. Чулков и др.) провели тщательное изучение генеалогии знаменитых родов Российской империи (Толстых, Пушкиных и др.), а также родословных знаменитых выходцев из народа (Ф. И. Шаляпина, М. Горького, С. А. Есенина). Это привело их к выводу, что, с точки зрения современной генетики, можно «связать наследственную гениальность не с одним и не с двумя, а с большим количеством наследственных задатков, из которых некоторые рецессивны и должны быть получены от обоих родителей, а другие доминантны и могут быть получены от одного только родителя. Гений представляет, таким образом, чрезвычайно редкую комбинацию ценных наследственных задатков» (Кольцов, 2008, с. 208–209). Изучение родословных представителей академической интеллигенции показало, что наиболее выдающиеся из них отличаются «высокой, иногда исключительной одаренностью и, в то же время, громадной работоспособностью» (Филипченко, 2008, с. 297). Чем сильнее одарена интеллигенция и чем шире ее круг, тем вероятнее появления гения из ее рядов. «При бедности* интеллигенции трудно ждать появления большого числа талантов» (там же,

* Имеется в виду не материальное положение интеллигенции, а ее количественная представленность в социальной структуре общества.

с. 300). Изучая генеалогии рода Толстых, П. П. Чулков сделал вывод о том, что большинству его представителей были свойственны одаренность, долголетие, большой художественный вкус, склонность к литературному творчеству, религиозность. При этом он отметил наличие психических отклонений в каждом поколении Толстых.

Не только приверженцы евгеники считали изучение гениев перспективным направлением в науке. В 1927 г. В. М. Бехтерев выступил с предложением к Правительству СССР о создании «Пантеона мозга». Задачей данного проекта была организация на базе Государственного рефлексологического института в Ленинграде исследовательской базы по изучению анатомической основы гениальности и одаренности. Это предполагало создание «банка мозгов» одаренных людей из области политики, культуры и искусства. Подобные идеи высказывались и раньше. Так, в 1918 г. психолог и педолог Н. А. Рыбников разработал проект организации специального Биографического института, задача которого – сохранение возможно большего числа биографий великих личностей (см.: Спивак, 2001, с. 37). В 1921 г. доктор медицины Г. В. Сегалин обратился с предложением об учреждении Института гениального творчества, где изучалось бы строение мозга великих людей.

Основные задачи, стоящие перед «Пантеоном мозга», В. М. Бехтерев видел в научно-исследовательской работе по изучению строения мозга и творческой деятельности выдающихся людей. Планировалось проведение исследований по двум направлениям: патолого-анатомическому и психологическому. Второе направление является наиболее интересным для нашего исследования. Оно включало сбор и научную обработку данных о характерологических особенностях высокоодаренных лиц. Исследовательским материалом должны были служить записки и воспоминания близких лиц, автобиографические данные, а также продукты творчества изучаемой персоналии, в особенности в области ее профессиональной деятельности. Смерть Бехтерева приостановила создание Пантеона мозга, но он все же был открыт в 1928 г. в Москве. В коллекцию Пантеона Государственного института мозга вошли мозги многих известных политиков, ученых и деятелей культуры: Э. Г. Багрицкого, А. Белого, В. М. Бехтерева, А. А. Богданова, Л. С. Выготского, М. Горького, М. М. Иполитова-Иванова, В. И. Ленина, А. В. Луначарского, В. В. Маяковского, И. В. Мичурина, И. П. Павлова, И. В. Сталина и др. Изучение мозга для понимания природы гениальности существенных результатов не дало, однако положительным итогом проведен-

ной работы стало определение схемы «исследования выдающейся личности» (Спивак, 2001).

Русский философ и психолог первой половины XX в. И. Лапшин в работе «Философия изобретения и изобретение в философии», описывая природу философского гения, анализирует биографии и творчество великих философов: Аристотеля, Демокрита, Г. В. Ф. Гегеля, И. Канта, О. Конта, Г. В. Лейбница, Платона, Г. Спенсера и др., а также рассматривает точки зрения ученых разных эпох на природу дарования научных гениев и их открытий. Он приходит к выводу, что факторами, способствующими раскрытию дарований гения, являются в равной мере *наследственность*, выраженная в генетически обусловленной природной одаренности, и *социальная среда*, обеспечивающая развитие потребности человечества в различного рода открытиях. Развитие науки имеет поступательное течение и связано преемственными линиями с предшествующими этапами. Так, он отмечает, что многие выдающиеся философы были последователями различных философских школ. На начальном этапе их деятельности большую роль играло подражание, которое, как отмечал еще И. Кант, является залогом гениальности: «Подражание есть скромный, надежный путь гения, который в избираемой дороге сообразуется с попытками, сделанными другими. Не было ни одного великого мастера, который не подражал бы, и не было ни одного изобретения, которое не могло бы рассматриваться как находящееся в некоем соответствующем отношении к предшествующим открытиям. Все подчинено закону непрерывности, и то, что совершенно оторвано и обособлено от предшественников пропастью, принадлежит к миру пустых призраков» (цит. по: Лапшин, URL).

Природная одаренность, в свою очередь, подкрепляется *огромной любознательностью*, проявляющейся у большинства философов в накоплении большого количества знаний в юном возрасте. Лапшин подчеркивает, что одаренность изучаемых им персоналий проявляется не только в избранной ими сфере деятельности, но и в других науках, а также и в художественном творчестве, что свидетельствует об *универсальности гения*.

Мнение же К. А. Гельвеция о случайности научных открытий представляется Лапшину необоснованным, и в подтверждение своей точки зрения он приводит слова Лагранжа о том, что на случай при великих открытиях наталкиваются те, кто его заслуживает. Во всех случаях огромную роль играет подготовленность в известном направлении «всей апперцептирующей массы ученого: бо-

гатство и организованность его памяти и обостренное внимание» (там же).

И. Лапшин также высказывает несогласие с мнением тех ученых, которые видят природу гениальности в психической патологии. Он допускает, что патологические процессы выступают следствием напряженной деятельности философа и потому могут проявиться в старческом возрасте; они также являются источником «особой чувствительности». Но для него несомненен тот факт, что философское творчество лежит вне психической патологии.

Автор указывает на «*кризис сомнения*» как стимул в развитии способностей будущих гениев. Критическая установка выступает, по сути, способом разрыва «с традиционным и наивным образом мыслей», преобразует «всю аффективно-волевою сторону личности, обогащая ее состав, содействуя одновременно ее самопознанию, проникновению в глубины сердца и ее перевоплощаемости в другие души, способности становиться на весьма различные, нередко прямо противоположные точки зрения» (там же).

Особое внимание он обращает на *личностные кризисы*. Личное горе выступает толчком к переходу на более высокую ступень в творчестве одаренных людей: происходит преобразование личных интересов в сверхличные. «Мотивы личного горя перед призраком смерти преобразуются в сверхличное стремление „смертью смерть поправ“» (там же).

Не меньшую роль Лапшин отводит *творческой интуиции, воображению и колоссальной работоспособности ученых, связанной с увлеченностью своим делом*.

Хотелось бы заметить, что универсальность, определяемая И. Лапшиным как характерная черта гениальности, выделяется также С. Л. Рубинштейном в качестве ключевой ее характеристики наряду с высоким уровнем одаренности: «Высокий уровень одаренности, который характеризует гения, неизбежно связан с незаурядностью в разных или даже во всех областях. В качестве примера универсализма, часто свойственного гениям, достаточно назвать Аристотеля, Леонардо да Винчи, Р. Декарта, Г. В. Лейбница, М. В. Ломоносова, К. Маркса. Но и одаренность гения имеет определенный профиль; и в нем какая-то сторона доминирует, какие-то способности особенно выявлены и оформлены в ведущем направлении его творчества» (Рубинштейн, 2000, с. 544).

В качестве подтверждения данного мнения можно сослаться на исследование В. Л. Дранкова, посвященное жизни и творчеству

гениального русского певца Ф. И. Шаляпина. Автор на основе подробного анализа биографических документов, писем, воспоминаний современников и т. п. приходит к выводу, что одним из секретов русского оперного гения была *универсальность его дарования*. Он был не только одарен музыкально, но и наделен художественным вкусом (рисовал и увлекался скульптурой), литературными, драматическими способностями, которые в определенные моменты его творчества помогали ему создавать бессмертные оперные образы. Естественно, главным его дарованием была музыкальность, но она сочеталась с колоссальным трудолюбием, неиссякаемой любознательностью, терпением, умением постигать новое и применять полученные знания в своем творчестве, стремлением к постоянному совершенствованию, что и приводило к потрясающим результатам. «Многогранность способностей стала основным законом шаляпинского таланта. На первый взгляд может показаться, что способности Шаляпина возникали и развивались последовательно. Каждая как бы присоединялась, дополняя предшествующую. В действительности же в каждый период его творчества преимущественное развитие одних художественных способностей сопровождалось потенциальным формированием всех остальных. Способности Шаляпина развивались в структуре его таланта не в порядке очередности, а по всему фронту, взаимодействуя и обуславливая друг друга. Его талант возник как сочетание многих художественных способностей, где каждая, оплодотворенная творческими методами остальных, выполняла специфические функции в создании и сценическом воплощении оперных партий» (Дранков, 1973, с. 103). Данный и другие примеры из жизни выдающихся людей опровергают высказывания ученых, которые полагают, что гений односторонен.

В 1929 г. в БМЭ была опубликована статья Л. Выготского и П. Зинovieва, посвященная гениальности. Мнения психолога и психиатра в данном вопросе диаметрально противоположны. Л. С. Выготский отстаивал точку зрения, согласно которой гениальность – «более или менее одностороннее чрезмерное развитие творческой деятельности» (Выготский, Зинovieв, 1929, с. 612). Он приводит высказывание Морселли, что гений – эволюционирующая, прогрессивная вариация человеческого типа в какой-либо области. Вопрос о наследственной передаче гениальности, по мнению Выготского, недостаточно выяснен. Он склонен считать, что «благоприятные экономические и социальные условия могут содействовать наилучшему использованию врожденных задатков. Если наследственность

создает возможность гениальности, то общественная среда реализует эту возможность и создает гения. «Всякое великое открытие, изобретение или любое другое проявление гениального творчества подготавливается всем предшествующим ходом развития, обуславливается культурным уровнем эпохи, ее запросами и требованиями» (там же). Таким образом, *гений – это продукт своего времени*. И общество должно быть заинтересовано в его появлении и воспитании.

П. Зинovieв настаивает на тесной связи между гениальностью и психической патологией. В качестве примера он приводит заключение Ланге о том, что «гений никогда не имеет равного ему по творческой силе кровного потомства (а часто оказывается биологически и вовсе бесплодным)» (там же). Следовательно, гениальная личность «большей частью представляет явление бионегативное – не зарю нового дня, а вечернее солнце, не предвестника новой породы людей, а, скорее, – человека, в короткий промежуток времени судорожно растрачивающего накопившуюся в ряде поколений энергию» (там же, с. 613). Зинovieв полагает, что отдельные психопатические особенности свойственны почти каждому человеку, и они, как правило, выражены тем сильнее, чем ярче индивидуальность их носителя.

Согласно мнению известного психолога начала XX в. А. Ф. Лазурского, талантливость и гениальность не имеют качественного отличия от других уровней способностей. У гения те же самые свойства, что и у каждого человека, но в количественном отношении они превосходят имеющиеся у других (цит. по: Алекринский, 1970, с. 12). Таким образом, однозначного ответа на природу гениальности в данный период развития советской науки не существовало.

После 1930-х годов с осуждением и запретом педологии, психотехники, евгеники в СССР проблема гениальности практически не разрабатывалась. Наследование таланта и гениальности отвергалось; главными аспектами в развитии гениальности считались среда и воспитание необходимых качеств для ее проявления. Утверждалось, что «талант, гений – это, прежде всего, огромное трудолюбие, колоссальная настойчивость и сильная воля» (там же, с. 18).

Только в 1970-е годы в психологии актуализируется внимание к проблемам способностей и таланта, которые становятся предметом исследования в работах Б. М. Теплова, Я. А. Пономарева, В. Н. Дружинина, Д. Б. Богоявленской и др. Творческие способности как необходимая составляющая одаренности, таланта и гениальности рассматриваются в контексте творческой деятельности.

В конце XX в. интерес к проблеме гениальности в России, как и во всем мире, значительно возрастает. В частности, в Америке появляется много работ психологов, посвященных анализу данного феномена (Э. Торанс, Л. Холл, К. Тэйлор и др.). Гений рассматривается авторами как носитель высочайшего интеллекта в совокупности со способностью к глубокому постижению истины, волевой целеустремленностью и интуитивной пронизательностью, а также богатством чувств (прежде всего, чувства нового). Комплекс этих качеств позволяет ему достичь вершин как в научном творчестве, так и художественном, создать бессмертные творения, которые становятся важной вехой в прогрессе человеческой культуры.

Ряд ученых (например, Дж. Йенсен и Г.-Ю. Айзенк) в результате исследований интеллекта пришли к выводу, что гениальность определяется на 80% генетически обусловленными способностями, на 20% – социальным фактором.

Появляются работы (например, Р. Дилтса, Дж. Гриндера и др.), в которых анализируются творческие и мыслительные стратегии гениев с позиции НЛП. Основная их задача видится авторами в расширении возможностей применения этих стратегий и переносе их из области, где они получили свое изначальное развитие, в другие сферы человеческой деятельности и, тем самым, обеспечение их доступности для каждого человека.

В России в большинстве работ гениальность рассматривается с точки зрения психиатрии: во главу угла ставятся психопатологические особенности гениальной личности (М. И. Буянов, Г. П. Колупаев, В. М. Клюжев, Н. Д. Лакосина, С. П. Журавлев, В. П. Руднев, А. С. Бернацкий и др.). Высказывается мнение о том, что гениев как таковых нет; каждый человек – гений. Главное для человека – научиться высвободить свой скрытый потенциал, и это обеспечит ему достижение вершин успеха. В качестве примера можно привести книгу И. О. Вагина «Умейте мыслить гениально» (2001). Рассмотрение проблемы «как стать гением», с точки зрения овладения способом мышления и стратегией гениальных личностей, представлено в работах Г. Альтшуллера и И. Верткина (1994). В книге Б. Сергеева (1999) оспаривается мнение о наследственной природе гениальности.

В 1991 г. выходит монография Н. В. Гончаренко «Гений в искусстве и науке». В ней представлен подробный анализ феномена гения и гениальности: выделяются критерии гениальности, условия ее формирования, особенности творчества, жизненного пути и психического

мира гениальной личности, ее взаимоотношений с обществом. Автор приводит различные показатели гениальности, представленные у большого исследователей этого феномена: частота упоминаний гения в энциклопедиях и цитирования его трудов; сила воздействия на современников, на общество; выход за пределы собственного творчества и т. д. Наиболее значимыми, по мнению, Гончаренко являются такие качества гениальной личности, как универсальность, высокое мастерство в определенной сфере деятельности и дар предвидения. На них, в свою очередь, влияют «потребности и дух времени, классовые интересы, мировоззренческие ориентации, профессиональные склонности и т. д.» (Гончаренко, 1991, с. 74).

Современный американский психоаналитик Д. Н. Ландрам выделяет в качестве критерия гениальности тот уровень успеха и власти, которого достигла та или иная историческая личность. К числу гениев он относит Наполеона Бонапарта, А. Гитлера, П. Пикассо, Н. Теслу, У. Диснея, А. Дункан, Э. Пиаф, маркиза де Сада, А. Эрхарт, Г. Хьюза, Р. Мердока, Ф. Л. Райта, М. Монтессори и др. (Ландрам, 1997). Подобные представления высказывают и другие исследователи, гениальными они считают все президенты США, их жены, выдающиеся спортсмены современности и многие другие знаковые фигуры (Simonton, 2003), что, на наш взгляд, неправомерно расширяет число гениев в истории человечества и размывает само понятие гениальности.

Проведенный обзор исследований феномена гениальности показал, что на современном этапе развития научного знания отсутствует глубокая разработка проблемы гениальности и гениальной личности. Требуют уточнения семантическое поле понятия гениальной личности, его дифференциация от близкого по значению понятия «историческая личность», критерии гениальности, факторы ее формирования.

1.2. Критерии гениальности

В современном научном языке понятие гениальности все еще не получило четкого и однозначного определения. Его трактовка в разных источниках имеет некоторые различия. Еще более неопределенным является понятием «гений». Приведем для иллюстрации несколько определений понятий «гений» и «гениальность».

«Гениальность – наивысшая степень проявления творческих сил человека. Связана с созданием качественно новых, уникальных тво-

рений, открытием ранее неизведанных путей творчества» (Большой энциклопедический словарь, 2000, с. 263).

Гений – человек, обладающий высшей степенью «творческой одаренности, употребляемой на благо человечества». Указывается, что «первоисточником является лат. „genius“ – гений, „дух-хранитель“ (от гр. „рождаю“, „произвожу на свет“, „порождаю“») (Историко-этимологический словарь..., 2001, с. 185).

«Гениальность (от лат. „genius“ – дух) – высший уровень развития способностей, как общих интеллектуальных, так и специальных. О наличии гениальности можно говорить лишь в случае достижения личностью таких результатов творческой деятельности, которые составляют эпоху в жизни общества, в развитии культуры» (Краткий психологический словарь, 1985, с. 61).

«Гениальность – свободно используемый термин, относящийся к самому высокому уровню интеллектуального и творческого функционирования. Не существует какого-либо определенного набора свойств, который определял бы гениальность; все модели поведения подчинены ряду „некогнитивных“ фактов, таких как мотивация, темперамент, эмоции и необходимые характеристики среды, и люди, проявившие себя как гении в одной обстановке, не обязательно делают это в другой. Целесообразность использования этого термина в научном контексте сейчас находится под сомнением» (Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 173).

Приведенные выше определения порождают ряд вопросов. Если гениальность – это высокий уровень развития способностей, то чем она отличается от таланта? В этой же плоскости можно рассмотреть и такой дифференцирующий признак гениальной личности, как способность делать новые открытия. Но и талантливые люди осуществляют выдающиеся открытия. Более того, в настоящее время, прежде всего, в естественных и технических науках выдающиеся открытия и находки, задающие новые направления общественного прогресса (освоение космоса, определение путей избавления человечества от ранее неизлечимых болезней и т. д.), становятся продуктом деятельности не отдельного гениального ума, а результатом совокупных усилий больших творческих коллективов, в которых, наряду с «генераторами идей», представлены люди с разным уровнем способностей, но четко и добросовестно выполняющие поставленные перед ними руководителем проекта задачи. Суммирование их знаний и умений, в конечном счете, приводит к выдающимся результатам.

Таким образом, в большинстве определений гениальности отсутствует ее разграничение с талантом и одаренностью. Это побуждает нас сделать следующие уточнения.

На наш взгляд, способности, как общие, так и специальные, являются неотъемлемой составляющей таланта. Одаренность – это качественное своеобразие сочетания способностей, обеспечивающее успешное выполнение деятельности. Талант – высокий уровень развития способностей, прежде всего, специальных. Он проявляется в результатах деятельности, которые отличаются принципиальной новизной и оригинальностью подхода. Наивысшим же проявлением способностей человека (как специальных, так и общих) является гениальность. По мнению Н. А. Бердяева, гениальность заложена в природе человека, но гениями становятся единицы, так как «гений есть *соединение гениальной природы со специфическим талантом*. Талант есть в какой-то мере удачничество. Талант обычно создает ценности и оценивается. В таланте есть умеренность и размеренность. В гениальности – всегда *безмерность*. Талант есть послушание. Гениальность – *дерзновенность*. Талант – от „мира сего“. Гениальность – от „мира иного“» (Бердяев, 2002, с. 157; курсив наш. – В. К., Е. Х.).

Важно отметить, что гениальность по своей сущности *макромасштабна*. Если талант проявляется в определенной конкретной сфере деятельности, то гениальность выходит на более высокий уровень. Она задает координаты в сфере развития культуры и человечества в целом. Гений несет в себе духовный заряд, приводящий к коренному сдвигу в восприятии обществом идей и окружающего мира. Он задает тот *духовный вектор*, который продвигает человечество вперед, расширяет горизонты его познания, стимулирует поступательное, восходящее развитие культуры. Произведения гениев, превосходя по своей глубине другие творения, обеспечивают прогрессивное развитие науки и искусства, дают начало новым взглядам на мир.

Личность гения, безусловно, *многогранна*. Но нельзя забывать, что гении – живые люди, которым присущи определенные свойства характера, тип поведения и т. д.: ничто человеческое им не чуждо. Они, как и обычные люди, терзаемы сомнениями, страдают и любят, подвержены перепадам настроений, радуются удачам и переживают неуспех в своей деятельности, утомляются от продолжительной работы и испытывают разные психические состояния. Но именно в своем творчестве, в его продуктах они достигают вершин, обретают величие.

Нельзя также забывать, что гениев «выдвигает» общество. Именно общество, находящееся на определенной стадии исторического развития объективно формулирует социальный заказ, исходя из насущных потребностей и стоящих перед ним задач. Оно же воспринимает и оценивает выдвинутые гением идеи, определяет их ценность, новизну, практическую значимость, принимает или не принимает их в силу собственной подготовленности к их освоению. Например, в науке известны случаи «опережающего отражения», когда выдающиеся открытия ученого в силу тех или иных причин оказались непонятыми и не востребованными его современниками и получили признание лишь спустя десятилетия. Гениальность и талант в художественной сфере, как правило, признаются уже при жизни его субъекта. Хотя и в этом случае общество далеко не всегда оказывает гениальной личности должную помощь и поддержку. Вспомним, в каких материально стесненных условиях приходилось жить и творить гениям русской словесности А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю, Ф. М. Достоевскому, композитору М. И. Чайковскому, художнику И. И. Левитану; о том, что в нищете и полном забвении провел последние годы своей жизни немецкий гениальный философ Г. В. Лейбниц, как фактически и без средств от общества осуществляли свои судьбоносные открытия в области радиоактивности супруги П. Кюри и М. Склодовская-Кюри. Подобных примеров множество. Но если гениальность человека становится признанной в общественном сознании, увы, часто уже после его смерти, он превращается в своеобразный «маркер» эпохи, гордость нации. И именно этим, по-видимому, обусловлено желание приукрасить гения, сотворить из него некий эталон идеальной личности, лишенной каких-либо человеческих слабостей и недостатков.

Вместе с тем выдвижение на авансцену истории «злых гениев» и оценка их деяний также обусловлены определенными общественными и социальными тенденциями. Недаром Иван Грозный становится в СССР эталоном политического деятеля в 1930-е годы: его стиль правления соответствовал принципам тоталитарного общественного устройства. И, разумеется, личность Гитлера не может быть признана гениальной в послевоенной или современной Европе, испытавшей на себе злодеяния фашистских захватчиков и признавшей их деяния преступлением против человечества.

В связи с этим встает еще одна важная проблема – разграничение понятий «историческая личность» и «гениальная личность».

Под исторической личностью понимается субъект, который оставил значимый «след» в истории, благодаря чему сохранился в па-

мяти человечества, обессмертив свое имя. Исторические личности делали научные открытия, выдвигали новые идеи, пересматривали существовавшие нормы, порой оставляли кровавый след в истории, развязывая войны и перекраивая «карты мира». Как это ни парадоксально, но нередко в историю входили имена тех людей, которые являлись извергами, тиранами, разрушителями. Таких имен в летописи человечества, к сожалению, немало. Этот печальный ряд открыл Герострат, обессмертивший свое имя разрушением одной из сокровищниц культуры – храма богини Артемиды. Лица, добившиеся статуса исторической личности, несомненно, являлись людьми яркими, харизматичными, неординарными и даже часто талантливыми. Однако неправомерно характеризовать их как людей гениальных.

Гениальные личности принципиально не могут быть ориентированы на разрушение и уничтожение жизни людей и ценностей культуры. Глубоко чувствуя и переживая несовершенства действительности и человека, они отражают те деструктивные тенденции, которые улавливают в окружающем их мире, но не поддерживают и не культивируют их, а, наоборот, силой своего творчества противодействуют их утверждению, предупреждая человечество о существующих угрозах. Будучи по сути своей гуманистически ориентированными, они привносят в жизнь людей идеалы добра, правды, справедливости, красоты, поддерживают не порочное и низменное в человеческой натуре, а ее лучшие, наиболее ценные стороны, помогая тем самым духовному оздоровлению общества и совершенствованию личности.

В этой связи представляется важным мнение о гениальности и гениях русских религиозных философов начала XX в. В частности, С. Л. Франк писал, что гений – это, прежде всего, личность, несущая духовные и нравственные идеалы. Индивидуальное Я гения воплощается в общечеловеческом. «Гений – существо с наиболее ярко выраженной и сильной индивидуальностью в смысле неповторимой индивидуальности личности – есть, вместе с тем, существо наиболее многообъемлющее, творчество которого имеет объективное значение и потому встречает наиболее широкое понимание и отклик в человечестве. Оставаясь по большей части непонятым или не до конца и не как следует своими современниками, ближайшей ему средой, дух его живет многие века в человечестве и постепенно постигается как выражение некоей объективной, сверхчеловеческой правды. Да и сам гений, чувствуя себя одиноким в своей ближайшей ограниченной среде, вместе с тем, сознает свое глубочайшее родство с веч-

ными и универсальными силами и началами бытия. Гениальность есть менее всего отрешенность, замкнутость в себе, бесплодное, никому не понятное и не нужное чудачество; она есть, напротив, универсальность, глубочайшая укорененность в вечном и общем, сила, открывающая ценные и общие всем людям начала бытия. Чем глубже и богаче гений, тем более в нем живет человек вообще – вечное, всеобъемлющее существо человека, и о нем в высшем смысле может быть сказано, что ничто человеческое ему не чуждо» (Франк, URL). Подчеркивается, что гений – такой же человек, как и каждый из нас; он подвержен ошибкам, неудачам, отчаянью и даже порокам, но его проникновение в суть бытия достигает такого уровня, который недостижим для простого человека. И именно духовная составляющая и является тем источником, который позволяет достичь вершин в познании и творчестве, о которых пишет С.Л. Франк.

К числу черт гениальной личности многие исследователи относят особенности организации и функционирования ее психического мира. Так, П.И. Ковалевский считает, что гении обладают утонченной чувствительностью, высоким вниманием, помогающим им все видеть и слышать в окружающем мире, быстротой мышления и богатством суждений, способностью делать глубокие обобщения, оригинальные выводы, открывать законы явлений. Их отличают поразительная работоспособность, быстрота, разнообразие и совершенство деятельности.

Согласно И. Канту, гений способен создавать нечто, что не подвластно определенным правилам.

На указывал А. Шопенгауэр считал, что совершенство и высочайший уровень интеллектуального потенциала гения проявляются в его даре открывать в исследуемых явлениях главное, общее и существенное, создавать благодаря силе своего ума и воображения то, что недоступно обычному человеку. Он полагал, что гении обладают живым темпераментом, огромной энергией, высокой впечатлительностью и отзывчивостью на все, что окружает их во внешнем мире. Вместе с тем часто они наивны, непритязательны в бытовой жизни, непрактичны.

Большинство ученых сходятся во мнении, что гении – создатели совершенных творений, люди, существенно опережающие свое время, открывающие тайны мира, обеспечивающие решение задач будущего.

Н.А. Бердяев характеризует гениальность как форму «жертвенности». Гений посредством своего духовного потенциала поднима-

ется над миром, общепринятыми этическими законами (ни в коем случае не переступая через них), и ему открывается другое видение действительности, дающее возможность задать вечные вопросы о сущности бытия, и, может быть, подступить к их решению. «Творческий путь гения требует жертвы, не меньшей жертвы, чем жертвенность пути святости. На пути творческой гениальности так же нужно отречься от „мира“, победить „мир“, как и на пути святости. Но путь творческой гениальности требует иной жертвы – жертвы безопасным положением, жертвы обеспеченным спасением. Гений-творец никогда не отвечает требованиям мира, никогда не исполняет приказов мира, он не подходит ни к каким мирским категориям. В гениальном всегда есть какое-то неудачничество перед судом мира, почти ненужность для миру. В гениальности нет ничего специального, она всегда есть универсальное восприятие вещей, универсальный прорыв к иному бытию. Гениальность есть целостное бытие, универсальное качество. Гениальность есть особая напряженность целостного духа человека, а не специальный дар» (Бердяев, 2002, с. 155). С этой точки зрения может быть понят тезис С.Л. Франка о том, что ничего человеческого не чуждо гению.

Гениальная личность платит за свое «второе видение» (понятие, использованное Л. Шестовым) слишком большую цену, рискуя своим физическим и психологическим здоровьем, собственной репутацией. Что считается позволительным для обыкновенного человека, гению, как правило, не прощается. В обыденном сознании гений предстает как безупречный, идеальный человек.

Говоря об отличии гения от обыкновенного человека со ссылкой на Ф.М. Достоевского, В.В. Розанов отмечает: «Как, однако, художник достигает этой силы научения и в чем вообще значение гения в истории? Не в другом чем, как в *обширности духовного опыта, которым он превосходит других людей*, зная то, что порознь рассеяно в тысячах их, что иногда скрывается в самых темных, невысказывающихся характерах; знает, наконец, и многое такое, что никогда еще не было пережито человеком, и только им в необъятно богатой его внутренней жизни было уже испытано, измерено и оценено. Можно сказать, что в то время, как другие люди по преимуществу *существуют*, гений – по преимуществу *живет*: т.е. он никогда не остается все тем же; разные душевные состояния слагаются в нем и разлагаются; миры созданий проходят через его сердце – и все это без сколько-нибудь прочного, уловимого отношения к действительности» (Розанов, URL; курсив наш. – В.К., Е.Х.).

Таким образом, теоретический анализ позволяет считать *высокую духовность* важнейшей характеристикой гениальности.

Под духовностью мы понимаем не некое метафизическое явление, а особое состояние психической жизни, когда ценности, смыслы, нравственные нормы и правила, мировоззрение личности становятся определяющими в ее поведении, деятельности и жизненном пути. Так, Д. Б. Богоявленская выделяет духовную составляющую как один из важнейших критериев высоких творческих свершений: «Рассматривая понятие духовности скорее как философское, мы не можем не касаться его со стороны мировоззрения, системы ценностей, направленности личности. Ибо именно эти моменты, являясь сущностными компонентами системы, в интеграции со способностями человека определяют его возможность развития деятельности за пределами нормативных требований. Здесь мы наблюдаем феномен самодвижения деятельности, который приводит к выходу за пределы заданного, что и позволяет увидеть „непредвиденное“. В этом выходе за пределы заданного, в способности к продолжению познания за рамками требований заданной (исходной) ситуации, т. е. в ситуативно не стимулируемой продуктивной деятельности, и кроется тайна высших форм творчества, способность видеть в предмете нечто новое, такое, чего не видят другие. Таким образом, не особая специфическая способность, а позиция субъекта деятельности (мое отношение к миру, смысл осуществляемой деятельности) определяет возможность творческих достижений, т. е. духовное богатство внутреннего мира личности определяет ее действия во внешнем мире» (Богоявленская, 2000, с. 197). Следовательно, можно предположить, что *ценности, идеалы и смыслы*, лежащие в основе мировоззрения гениальной личности, в совокупности с природным талантом позволяют ей достигать вершин творчества. Соответственно, рассматривая личность гения, мы должны учитывать духовный критерий как один из главных в определении и объяснении природы гениальности.

Обобщение различных дефиниций позволяет дать следующее определение гениальности. *Гениальность – это наивысшая степень проявления творческих сил личности, высочайший уровень ее интеллектуального, творческого духовного развития, позволяющие создать качественно новые, уникальные творения, представляющие ценность для человечества, составляющие эпоху в жизни общества, приводящие к коренному сдвигу в восприятии идей и мира в целом.*

Проведенный анализ работ по проблеме гениальности дал возможность выделить следующие *критерии гениальности*: универсальность; наивысшее проявление творческих сил; критическая установка мышления как способ разрыва с традиционными взглядами и представлениями; творческая интуиция; богатство чувств и воображения; волевая целеустремленность и колоссальная работоспособность; высокая духовность, наличие нравственных общечеловеческих идеалов и гуманистической ориентации личности; провидческий дар.

Универсальность – глубина проникновения в различные сферы познания и способность к различным видам творчества; широкий кругозор и объем знаний; способность улавливать ритм, гармонию и «дыхание» мироздания, постигать часто скрытую закономерную связь явлений и определяющие их причины.

Высокое мастерство в определенной сфере деятельности – способность к новому истолкованию существующих сторон бытия, его свойств, многообразия их проявлений, возможность создания оригинального творения, превосходящего по своей познавательной (или практической) ценности все, что было сделано в этой области.

Провидческий дар – способность видеть то, что скрыто для обыкновенного человека, предвидеть ход событий, выявлять зарождающиеся тенденции, прогнозировать направления и последствия их развития.

Высокая духовность личности – нравственная основа личности, мировоззрение, система ценностей, духовный опыт, которые в совокупности со способностями обеспечивают ее деятельность на уровне, превышающем нормативные показатели, и позволяют достичь вершин творчества.

Гений – это неотъемлемая часть культуры как отдельного народа, так и всего человечества, некий «маяк», демонстрирующий огромные творческие, созидательные потенциалы человека, вселяющий в людей надежду в возможность развития по пути прогресса. «Гений не только творит историю вместе со своим народом, он ее постигает, интерпретирует и объясняет другим» (Гончаренко, 1991, с. 404). Поэтому историю страны и человечества можно проследить по работам гениальных личностей. Еще В. Дильтей отмечал, что «дух времени» наиболее полно воплощают в себе и отражают выдающиеся личности (Дильтей, 1987).

На тесную связь общества и гениев указывает Е. А. Хомченкова в диссертационном исследовании «Феноменология гениальности».

ти: от антропной к социокультурной детерминации». Отмечается, что общество оказывает решающее воздействие на феномен гениальности, персонифицируя его, устанавливая в результате социальной оценки статус гения. Но, в свою очередь, гений оказывает влияние на общество. В этом смысле моральные качества гения, его жизненные и мировоззренческие установки, система ценностей играют не меньшую роль, чем деятельность в области науки, искусства или религии. Следовательно, правомерно обозначить *духовно-нравственную функцию гениальности*, которая в высоком своем проявлении свойственна всем гениям, наличие которой, особенно на современном этапе развития, является залогом благополучного существования человечества.

1.3. Факторы формирования гениальности и гениальной личности

Каковы же факторы формирования и развития гениальности и гениальной личности?

Прежде всего, необходимо рассмотреть вопрос о соотношении роли наследственности и среды в генезисе и развитии гениальности.

Изучение литературы, посвященной исследованиям природы гениев, приводит к выводу о неоднозначности трактовки данной проблемы. Признавая, что одаренность, задатки, предрасположенность к различному роду способностей передаются по наследству, большинство авторов, в то же время, подчеркивают, что эти качества развиваются в условиях той среды (семьи, общества в целом), к которой принадлежит индивид.

Например, яркий сторонник идеи наследуемости таланта, Ф. Гальтон, указывает на влияние матерей (их восторженное отношение к своим наследникам и должную заботу о них), а также наличие соответствующей среды (научной, музыкальной, художественной и т.д.) как на обязательные условия формирования и развития гениальности.

Представители евгеники, настаивая на передаче таланта и гениальности по наследству, одновременно не отрицают большого значения наряду с генотипом и фенотипа. Так, Н. К. Кольцов, ставя задачу изучения причин и условий возникновения тех или иных творческих способностей, проявляющихся при жизни выдающегося человека, приходит к выводу, что большое значение имеют как наличие разнообразных психических задатков, данных челове-

ку от рождения, так и их развитие под влиянием социальной среды, воспитания и рода деятельности. Кольцов исследует родословные так называемых «выдвиженцев» – людей, вышедших из народа и достигших больших высот в литературе, искусстве, науке: М. Горького, С. Есенина, Л. Леонова, Ф. Шаляпина, Н. Кравкова. Изучив воспоминания родных об этих личностях и их автобиографии, автор констатирует, что талант и способности, как правило, передаются с X-хромосомой по материнской линии, как и наследственные заболевания, в том числе, психические. «Генетики знают, что только мать, а не отец, передают своему сыну X-хромосому, которую сама она получила от отца или матери. С этой X-хромосомой она передает сыну иногда тяжелые наследственные заболевания, как, например, кровоточивость – гемофилию, а вместе с тем, вероятно, и многие высокие душевные качества, способности, таланты. И так как эти способности проявляются наиболее ярко в фенотипе мужчин, то внук нередко бывает наиболее похож на отца своей матери» (Кольцов, 2008, с. 143). Автор выделяет основные наследственные качества изученных им гениальных личностей – энергию, работоспособность, предприимчивость, творчество в связи с физическим здоровьем и выносливостью – полагая, что эти качества являются характерными для значительного процента народных масс и закрепляются в результате длительного отбора в борьбе за существование.

В работе «Потомство выдающихся людей» Д. Н. Жбанков утверждает, что гении и таланты не подпадают под обычные законы наследственности: их дарования редко передаются потомкам. «Гений есть нечто исключительное, прирожденное, но не наследственное и не передаваемое; мы не знаем ни одного примера, где бы гений или герой повторился в одном роде, в прямых и боковых степенях родства. Таланты и другие низшие дарования передаются и наследуются, но и здесь мы редко встречаем два равных дарования, двух или несколько равновеликих выдающихся людей в одном роде; чаще всего есть только один наиболее талантливый член семьи, совершивший подвиг или давший великое произведение миру, а считающиеся также выдающимися его родственники или дети обладали гораздо слабейшими дарованиями и были переоценены по заслугам первого. Особенно это относится к детям» (Жбанков, 2008, с. 201). Таким образом, по мнению автора, наследственность не играет значительной роли в природе гениальности. Однако следует иметь в виду, что чрезвычайно трудно проследить деяния лиц, принадлежащей к одной семье, в течение длительного времени, например,

на протяжении трех-четырех столетий, особенно в нашей стране, где в результате революционных бурь и разрушительных войн многие генеалогические данные были утеряны.

Ю. А. Филипченко в статье «Интеллигенция и таланты», говоря о наследственной природе гениальности, подчеркивает огромное влияние среды: в обществе, где таланты и гении не нужны и не востребованы, они и не появятся.

На данную особенность указывает и В. П. Эфроимсон: «Если демократизация не привела к пропорциональному возрастанию числа гениев и талантов, то причина – всеобщее недостатки воспитания, образования, отбора и выдвижения» (Эфроимсон, URL).

В работах современного американского психолога Д. К. Саймонтона представлены исследования природы таланта и одаренности. Автор приводит эмпирические данные о том, что талант по своей сути – многомерное, многоуровневое и динамически развивающееся явление. Если он и имеет наследственную природу, то в его состав входит сложный комплекс генетических компонентов, и талант в одной сфере требует одного или несколько таких компонентов, тогда как в другой может регулироваться дюжиной или более. Причем вся совокупность компонентов чаще всего полностью не передается по наследству. Вместе с тем люди талантливые в одинаковых сферах деятельности не всегда имеют сходные изначальные способности. Лица с одинаковыми способностями могут иметь разные генетические профили. «Случайность» таланта также показывает низкую семейную наследственность. Проявление и развитие таланта является не однородным. У одних индивидов рано проявляются способности, у других – позже. Кроме того, рано проявившиеся способности не всегда в дальнейшем развиваются в исключительные таланты, т. е. динамика и темп их развития непредсказуем и глубоко индивидуален (Simonton, 2001).

Таким образом, можно сделать вывод о неоднозначности ответа на вопрос, передается ли гениальность по наследству. Наиболее правильным, по-видимому, будет утверждение, что гениальность – это результат накопления сложной генетически обусловленной природной одаренности, выраженной в задатках, которые, в свою очередь, развиваются под воздействием среды, окружающей одаренного ребенка.

В книге В. П. Эфроимсона «Предпосылки гениальности» рассматриваются биосоциальные факторы повышенной умственной активности, в качестве объекта исследования выступают выдающиеся

деятели в различных областях науки, искусства и т. д. различных эпох. Изучив большое количество документальных свидетельств, биографии более 50 великих людей, автор приходит к выводу, что источником гениальности изученных персоналий является совокупность факторов:

- 1) *Способность к невероятному труду, абсолютная одержимость и стремление к совершенству в сфере своей деятельности.* На данные особенности гениальной личности указывают и другие исследователи – И. Лапшин, Дж. Ландрам, В. Дранков и др.
- 2) *Наличие стимулирующей среды:* если в обществе есть потребность в развитии той или иной отрасли науки, искусства, техники, то гении не замедлят появиться. В качестве примера Эфроимсон приводит Австрию и Германию XVIII–XIX вв., где развитие музыкальной культуры привело к появлению большого количества выдающихся композиторов (И. С. Бах, Г. Ф. Гендель, Ф. Й. Гайдн, В. А. Моцарт, Л. Бетховен, Ф. Шуберт, Р. Шуман, Р. Вагнер). Показательна в этом отношении также история России XVIII–начала XIX в.: активное развитие и образование дворянского общества, начавшееся в царствование Петра I, привело к культурному всплеску и появлению большого количества гениальных людей (Ф. М. Достоевский, М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. И. Тютчев и др.).
- 3) *Для гениев характерен средний коэффициент интеллекта (без выраженных дефектов), но в сочетании со следующими характеристическими особенностями: способность к экстремальной самомобилизации; исключительная творческая устремленность; раннее развитие талантов; внутренняя собранность и целеустремленность; специфические ценностные координаты.*

«Решающую роль в колоссально повышенной творческой отдаче играет вовсе не сверхнормальное дарование, а повышенное стремление к реализации имеющегося, очень сильная установка, ведущая к непрерывным поискам самого себя» (Эфроимсон, URL). И даже если изначально гений в силу тех или иных причин занимается делом, не отвечающим его интересам и склонностям, талант рано или поздно «приводит» его туда, где его способности получают максимальное развитие. В качестве примера называются Ж. Ж. Руссо, долгое время бывший оперным либреттистом; Мольер, начавший свою карьеру как драматический актер и не имевший на данном поприще успеха; Г. Х. Ан-

дерсен, перепробовавший множество занятий, прежде чем стать знаменитым сказочником. Сходную точку зрения высказывал Ф. Гальтон: «Даровитый человек нередко проявляет причудливость и непостоянство, прежде чем остановить свой выбор на одном каком-нибудь занятии, но, раз этот выбор сделан, он предается своему делу со страстным увлечением» (Гальтон, 1996, с. 23). Самые значительные люди нередко бросали выбранное для них родителями поприще, и, несмотря ни на какие жертвы, следовали «неодолимому внушению своей собственной природы» (там же, с. 39).

- 4) *Наличие условий в детском возрасте для развития и реализации своих способностей.* Эфроимсон в качестве таких условий выделяет наличие любящих и понимающих родителей, способствующих развитию, как интеллектуальной, так и духовной сфер своих детей: «Через средовое воздействие особенно сильно формируется личность. Развитие гения – проблема биосоциальная. Реализация гения – проблема социобиологическая» (там же). Он считает важным, с одной стороны, наследование способностей и склонностей, с другой стороны, наличие у родителей определенного уровня образования, их принадлежность к определенной среде и возможность служить для своих детей примером для подражания. В качестве примера приводятся выдающиеся деятели культуры Германии XIX в., являющиеся выходцами из пасторских семейств. В этой среде было принято мужчинам давать университетское образование и заключать брак с женщинами своего сословия.
- 5) *Наличие органических или наследственных заболеваний, способствующих стимуляции деятельности мозга.* По мнению Эфроимсона, этому, в частности, способствует подагра, при которой происходит избыточное выделение мочевой кислоты (Петр I, Х. Колумб, М. де Монтень, Дж. Мильтон, О. Бисмарк и т. д.). Синдром Марфана (диспропорциональный гигантизм) сопровождается избыточным выбросом адреналина (А. Линкольн, Х. К. Андерсен, Ш. де Голль, К. Чуковский); синдром Морриса (псевдогермафродитизм) приводит к выработке избыточного количества андрогенов (Жанна Д'Арк). Эфроимсон в противовес теории Ч. Ломброзо выдвигает гипотезу о том, что «в отношении психопатов, сифилитиков, алкоголиков и наркоманов» можно сказать, что «талант и гениальность не обязательно должны ограждать от этих болезней. Но не стали ли алкоголики, психо-

паты творцами не из-за своих пристрастий, а вопреки им? Этот вопрос особенно справедлив в отношении тех гениев и талантов, творческий взлет которых был оборван или снижен болезнью. Это достоверно в отношении Чаттертона, Бодлера, Гоголя, Ницше и многих других, погубленных туберкулезом, алкоголем, наркотиками и депрессией» (там же).

Но тем не менее Эфроимсон уверен, что основой гениальности является, прежде всего, здоровая энергия и жизнеспособность. Автор называет ее витальностью. Это «внутренняя энергия, необычайная устойчивость дееспособности, чрезвычайно долго длящаяся молодость с ее ненасытным любопытством, любознательностью, впечатлительностью, заинтересованностью, пусть избирательной, обеспечивающая почти всем им долгую жизнь» (там же).

Важной представляется идея Эфроимсона о необходимости междисциплинарного подхода к изучению гениальности, предполагающего ее рассмотрение с точки зрения генетики, психологии, психиатрии, культурологии и т. д.

Американский психоаналитик Дж. Ландрем в своей книге «Тринадцать мужчин, которые изменили мир» представил результаты изучения жизненного пути ряда гениальных личностей (А. Эйнштейна, П. Пикассо, Т. Эдисона, С. Джебса, Ф. Смита, Н. Бушнеля, Т. Тернера и др.). Согласно Ландрему, гениями можно считать людей, являющихся инноваторами, разрушающих привычные стереотипы, правила, нормы и достигающих вершин в своей творческой деятельности. Гениальность, по его мнению, не является наследуемым признаком; она есть результат действия внешних обстоятельств и тех качеств, которыми наделена личность, среди которых, прежде всего, он выделяет нестигаемую волю и невероятную трудоспособность (Ландрем, 1997а).

Анализируя биографии А. Эйнштейна, П. Пикассо, Т. Эдисона, автор отмечает характерные для них *общие моменты*, которые, как он предполагает, во многом предопределили их креативное развитие. Являясь психоаналитиком, автор особое внимание обращает на детские годы исследуемых персонажей, полагая, что «многие факторы, определяющие будущее креативное поведение, происходят из раннего опыта духовного соприкосновения с окружающим миром» (там же, с. 9).

К числу факторов формирования гениальности Ландрем относит:

- 1) *Изменение (иногда неоднократное) в детстве места жительства, что кардинально нарушало привычный уклад жизни, требовало усилий для адаптации в новом социальном окружении, стимулирует развитие личности, способствуя формированию самостоятельности, гибкости мышления и поведения.*
- 2) *Нестабильное материальное положение семьи. Перед глазами будущих гениев был пример отцов, периодически переживавших в своей деятельности неудачи, но продолжавших упорно трудиться. Это могло стать хорошим примером для подражания, способствовало развитию упорства в достижении целей, стойкости перед жизненными испытаниями.*
- 3) *Большинство инноваторов являлись в семье первенцами, поэтому «внимание любящих родителей и возлагаемые ими надежды требовали от ребенка совершенствования...» (там же, с. 11).*
- 4) *Все исследуемые гениальные личности испытывали сильное позитивное женское влияние (со стороны матери, сестер, жены). Любящие матери предоставляли своим сыновьям полную свободу самовыражения, не стесненную никакими ограничениями. Биографы П. Пикассо отмечают, что мать окружала его любовью и вниманием, внушала ему уверенность в себе, в своей успешности, в возможности достижения выдающихся результатов в той деятельности, которая будет им осуществляться. Эдисон говорил: «Мать создала меня, понимала меня, потакала моим увлечениям» (цит. по: Ландрам, 1997, с. 11). В атмосфере любви рос и Эйнштейн: мать и сестра буквально боготворили его. Став взрослым, он, по сведению его биографа, предпочитал женское окружение мужскому (там же, с. 12).*
- 5) *В семьях всех рассматриваемых личностей господствовали нетрадиционные взгляды на окружающий мир, независимость и критическое отношение к существующим социальным порядкам и нормам. Это сформировало у них стойкое неприятие власти, способность идти против течения, разрушать, «переделывать мир». Так, Эйнштейн, отвергая германский авторитаризм, в 15-летнем возрасте отказался от немецкого гражданства. Пикассо активно проявлял нигилистическое отношение к любой власти, демонстративно оспаривая, опровергая существующие нормы и порядки. Самостоятельностью взглядов и независимостью от мнения окружающих, включая научное сообщество, отличался и Эдисон (Ландрам, 1997а, с. 12).*

- 6) *Все рассматриваемые гениальные личности, как это ни парадоксально, являлись в период обучения отстающими учениками, с трудом справлялись с учебной программой, ненавидели школу. Видимо, здесь они не получали ответы на интересующие и волнующие их вопросы и, будучи сосредоточены на определенной сфере познания, не хотели и не могли уделять должного внимания другим предметным областям. Пикассо писал впоследствии: «Вы думаете, я чему-нибудь научился в школе? Преподаватели, обученные в университете, объясняли нам формальные вещи и упускали из виду великие тайны природы» (цит. по: Ландрам, 1997а, с. 13). Известно также, что Эйнштейна исключили из гимназии в связи с неуспеваемостью.*
- 7) *Для всех гениальных личностей было характерно раннее развитие любознательности и познавательной активности в той сфере, которая соответствовала их интересам. Эдисон в 10 лет создал свою лабораторию, а в 12 лет организовал собственный бизнес, состоящий в торговле продуктами на железнодорожной станции. В подростковом возрасте он освоил разные сферы деятельности – работал телеграфистом, механиком, чернорабочим. К этому времени относятся и первые его изобретения. В 20 лет Эдисон уже руководил созданным им конструкторским бюро. Пикассо, как следует из его биографии, очень рано приступил к рисованию. «Его первые слова были „грифель для карандаша“ и „рисовать“» (Ландрам, 1997а, с. 14). Эйнштейн в 5-летнем возрасте уже начал размышлять о законах жизни космоса.*
- 8) *Все эти люди отличались необыкновенной работоспособностью, жаждой деятельности, полной самоотдачей любимому делу. Работа для них была основным смыслом существования, «эликсиром жизни» (там же). Их характеризовали сосредоточенность на решаемых задачах и высокая физическая выносливость. Как пишет Дж. Ландрам, Эдисон всю жизнь работал по 18 часов в сутки, сократив это время до 16 часов только к 75 годам. Пикассо стоял за мольбертом ежедневно по 18 часов и утверждал, что никогда не устает. На нехватку времени для любимой работы всегда жаловался и А. Эйнштейн (там же, с. 14–15).*
- 9) *Гениальных людей отличают уверенность в своих силах, возможности, осознание своего предназначения. Их уверенность осно-*

ывається на чотком внутрєннєм образє, прорисходящєм от глубоко усвоєнного самоуважєния. Всє эти качєства достигаются воспитанием. Глубокое самоуважєние рождает веру в себя, которая подкрепляется успехом. Но существует и обратная сторона, когда избыток самоуважєния перерастает в эксцентричность и непомерное самолюбие. Именно непоколебимая уверенность в себе позволяла им ниспровергать утвердившиеся в научном сообществе и общественном создании идеи и правила, общепринятые нормы, противопоставляя им собственные воззрения.

Эйнштейн, например, посягнул на парадигмальную основу современной ему физики – теорию Ньютона, предложив собственную, базирующуюся на теории относительности картину мира.

Эдисон делал достоянием широкой общественности возникающие у него догадки и уже затем приступал к их экспериментальному подтверждению. «Таков был его метод подстегивания себя, а заодно и получения финансовой поддержки для исследований» (там же, с. 16). Естественно, что столь рискованный путь, когда на кон ставилась репутация ученого, мог использовать только человек, непоколебимо уверенный в силе своего разума.

Пикассо считал себя олицетворением сверхчеловека в живописи, назвав свою автобиографию «Я – король» (там же).

- 10) Недополученные в школе знания эти люди *компенсировали чтением книг*. «Жажда чтения и поиск кумиров неотъемлемы для большинства новаторов и креативных гениев. Литература оказывает неизгладимое влияние на психику молодой личности и формирует позитивные модели поведения, воплощаемые в дальнейшей жизни» (там же, с. 17). Ландрам приводит в этом отношении следующие данные (там же, с. 16–17).

Эдисон в 10 лет прочел роман В. Гюго «Отверженные», а несколько позже – «Принципы» И. Ньютона. По его утверждению, он прочел почти все книги в Публичной библиотеке Детройта.

Эйнштейн в 13 лет изучил «Критику чистого разума» И. Канта, работы Дарвина и другие научные труды.

Пикассо в детские годы увлекался работами Ницше.

- 11) Гениальные личности обладали *даром огромного влияния на окружающих людей*, увлекая и заражая их своими идеями, собственным энтузиазмом. Это в полной мере относится ко всем рассматриваемым Ландрамом гениальным личностям XX в. С этой точки зрения, автор определяет их как харизматических лич-

ностей. Причем их воздействие на людей порой осуществлялось без каких-либо видимых усилий с их стороны, было обусловлено исходящим от них «сиянием внутреннего огня», мощной энергетикой, непоколебимой уверенностью в себе (там же, с. 17–18).

- 12) Все гениальные личности, отстаивая и реализуя свои идеи, *готовы были идти на риск*. Работа – это смысл их жизни; ради нее они готовы были рисковать всем и идти на любые жертвы. Их жизненное кредо включало упорный труд по достижению поставленной цели, мужество, смелость, отсутствие страха перед возможным поражением. Их не пугали ни общественное осуждение, ни финансовые потери, ибо они были движимы целью завершить начатое дело, доказать правильность своей позиции. Это было главным мотивом их деятельности и жизни в целом, что в сочетании с исключительным талантом и работоспособностью приводило к выдающимся открытиям.

Завершая сопоставительный биографический анализ трех гениальных личностей, Дж. Ландрам делает вывод, что «все они обладали огромной работоспособностью и новаторским духом». Их отличали упорство, дар предвидения, уверенность в себе и осознание своего предназначения, склонность к риску, неприятие любых правил, умение брать на себя ответственность, стремление во чтобы то ни стало воплотить свои мечты, большой жизненный опыт, не всегда позитивный. «Это доказывает, что успех приходит к тому, кто, используя всю свою энергию, неуклонно движется к заветной цели, черпая силы в неиссякаемой вере в себя, и воплощает мечты в реальность независимо от обстоятельств. Это были личности, которые, наряду с другими качествами, обладали самым главным – „духом Прометей“» (там же, с. 19–20).

Автор подчеркивает, что все эти качества не предопределяются генетически: «Креативная продуктивность – результат стремления личности к созиданию и совершенствованию, а не случайной раскладки карт в момент рождения» (там же, с. 20).

В работе Н. Н. Гончаренко в качестве условий формирования гения выделяются природа (врожденная одаренность), собственные усилия (труд), влияние ближайшего окружения и общества в целом.

Автор приводит классификацию факторов развития гениальности, представленную психологом Й. Рензулли, включающую:

- *факторы окружения*: социально-экономические условия; особенности личности родителей, их образование; стимулирование

детских интересов; положение семьи; наличие примера для подражания; физическое здоровье;

- *факторы удачи*: материальные условия жизни; место жительства и т. п.;
- *личностные факторы*: самосознание, смелость, характер, интуиция, потребность в успехе, вера в свои силы, энергия, чувство предназначения, личное обаяние.

Автор задает вопрос: почему одни и те же факторы в одном случае способствуют развитию гениальности, а в другом – нет? Ответ для него очевиден: нельзя создать «модель гения», истинную для всех эпох и культур. При этом возможно найти те существенные черты гениальности, которые устойчиво повторяются у всех гениальных личностей. Гениальность – это результат самоотверженного труда, самообразования, последовательной ориентации на осуществляемое дело, выступающее смыслом жизни, умения рисковать и преодолевать общепринятые нормы и правила, новаторского духа, уверенности в себе, самоуважения, чувства собственного достоинства и осознания своей исторической миссии.

Гончаренко отмечает также роль неблагоприятных факторов в жизни гения, мобилизующих силы гения, в том числе, творческие, и приводит в этой связи слова О. Бальзака, что несчастье – ступень к возвышению гения.

Говоря о личностных особенностях гениев, Н. Н. Гончаренко констатирует: ничто человеческое им не чуждо. Гении, как и обычные люди, подвержены порокам и увлечениям. Но сама гениальность накладывает свой отпечаток на личность человека. Всепоглощающая устремленность к одной великой цели определяет склонности и личностные черты гения.

1.4. Психическое состояние и психологические характеристики гениальной личности

Гончаренко не согласен с точкой зрения тех исследователей, которые говорят о связи гениальности с сумасшествием. Он уверен, что мнение о болезни гениев – миф. «Гениальность – не болезнь; гений – не безумец; ему свойственна *sana in sania* (от *лат.* – „здоровое безумие“). Так называемые „безумные идеи“ рождаются в умнейших головах, а хаос, вносимый ими в привычное течение мысли, – „созидательный хаос“» (Гончаренко, 1991, с. 369).

Мнения психиатров по данному вопросу диаметрально противоположны представленному выше мнению.

Так, Ч. Ломброзо фактически отождествляет понятия «гениальность» и «помешательство» (Ломброзо, 2009). Согласно его мнению, гениальность – следствие наследственного фактора, так же как сумасшествие. Гениальность и сумасшествие в наследственности тесно связаны. Подобный взгляд на природу гениальности разделяют Б. И. Воротынский, Р. Рише, Дж. Селли. В подтверждение своей точки зрения Ломброзо приводит примеры наличия психической патологии у гениальных личностей.

Другие психиатры, не отвергая связь гениальности и помешательства, трактовали ее несколько иначе. Например, В. Гирш (Гирш, 2009) утверждал, что человек становился гением вопреки наличию психической патологии. Этой точки зрения придерживались также русские психиатры В. Ф. Чиж (Чиж, 2001), П. И. Ковалевский (1995), представитель енгеники В. П. Эфроимсон.

М. Нордау полагал, что гениальность не является следствием аномального психического развития, а связана с особым устройством мозгового аппарата.

Согласно Н. Н. Баженову, гений – это некий тип нарождающегося будущего человека и, следовательно, нужно говорить не о «дегенерации», а о «прогенерации», т. е. о неполноте, незавершенности создания высшего психического типа (цит. по: Сироткина, URL).

Э. Кречмер, изучая биографии гениев различных эпох, соглашается с мнением, что многие гении были психически далеки от нормы. При этом главный вопрос, который его интересует: какова степень психического отклонения, способствующая возникновению гениальности. Он категорически отвергает возможность создания гениального произведения при глубокой патологии. Вместе с тем автор допускает наличие психопатологических предпосылок, обеспечивающих создание великих творений гениев. Речь идет о тонкой и неустойчивой психической организации, присущей гению и больному одновременно. «Психические заболевания всех типов в подавляющем большинстве случаев естественно приводят лишь к тяжелому сужению духовной сферы деятельности, в том числе, и в социальном плане. Катализатором гениальности они являются лишь в исключительных случаях, при совершенно определенном сочетании условий и независимой от болезни высокой одаренности человека. Чаще всего такое каталитическое действие проявляется

в инициальных стадиях болезни и в легких пограничных состояниях» (Кречмер, 1999, с. 35).

Кречмер отмечает, что течение заболевания у гениальных личностей происходит в несколько измененной форме. На эту особенность обращает внимание и В. Ф. Чиж, полагая, что, хотя патологический процесс у гениальных личностей неизменно достигает своего «отрицательного» значения, но развивается он у них значительно медленнее, чем у обычных психически больных людей. Он приходит к выводу, что у гениев психические заболевания протекают по-иному и, несомненно, влияет на творчество, которое, в свою очередь, замедляет нарастание необратимых процессов разрушения психики. «Гоголь даже в последнем периоде своей многострадальной жизни превосходил не только обыкновенных, но и даровитых людей и, несмотря на свою тяжкую болезнь, удивлял меткостью своих суждений. К сожалению, болезнь ослабила творческие силы великого поэта, наложила печать на всю его деятельность, и мы можем лишь скорбеть о том, как много она нас лишила» (Чиж, 2001, с. 202).

Б. Г. Ананьев указывает на гетерохронность в развитии общих и специальных способностей у известных личностей: «Биографические исследования ученых, писателей, художников, общественных деятелей, конструкторов и других творческих людей дали основания поставить вопрос о несовпадении критических моментов (старта и финиша) развития общей, профессиональной трудоспособности и специальных способностей» (Ананьев, 1968, с. 323).

Таким образом, изучение биографий знаменитых личностей позволяет исследовать особенности протекания патологических процессов в зависимости от степени одаренности человека, в том числе феномен отсрочивания «финиша» их творческой деятельности.

Результаты исследования творчества выдающихся людей науки и искусства приводятся в работе Н. Н. Николаенко «Психология творчества» (Николаенко, 2005). Изучая творческий процесс на примере здоровых школьников, учащихся, имеющих психическую патологию, особенности творчества выдающихся деятелей мировой культуры и доисторическую наскальную живопись, Николаенко, описывает работу мозга в процессе творческой деятельности. Согласно его мнению, например, у литераторов большое значение имеют отделы мозга, ответственные за переработку зрительной информации, затылочные отделы правого полушария. На раннем этапе творческого процесса, связанном с разработкой замысла произведения,

наиболее важна роль правого полушария. Именно оно является генератором несловесного зрительно-пространственного мышления (оперирует смутными неоречевленными образами и компокует их в зрительном пространстве); этот процесс неразрывно связан со словом. Этот же механизм лежит в основе бессознательного этапа творческого процесса и связанных с ним интуиции и инсайта. Они относятся к той же системе, что и регуляция сна и бодрствования, аффективных состояний. Затем происходит активация левого полушария; образы «переводятся» на язык слова. Так попеременно эти процессы сменяют друг друга. По сути, речь идет о диалоге двух знаковых систем – иконической и символической. Происходит переход от интуитивного процесса творчества к анализу и в последующем – вновь к интуиции.

Н. Н. Николаенко выделяет особенности высокоодаренных личностей, характеризуя их как *индивидуалистов и эгоцентриков, людей смелых, сверхчувствительных, эмоциональных, обладающих богатым воображением, не склонных к избыточным социальным контактам, часто нарушающих правила, независимых, поглощенных идеями, имеющих чувство юмора, «чудаков»*. Автор приходит к выводу, что для человека творческого необходимы обширные знания в своей области. Креативность требует наличия таких характеристик, как *понятливость, нешаблонность, способность мыслить в необычной манере, настойчивость*.

Автор указывает на наличие психической патологии у значительного процента выдающихся деятелей мировой культуры. Он приводит данные о состоянии нормы и разных уровнях психопатологии у 291 высокоодаренного человека из разных сфер творческой деятельности:

- композиторы: норма – 17%; умеренная патология – 33%; выраженная патология 19%, тяжелая форма патологии – 31%;
- художники: норма – 15%; умеренная патология – 29%; выраженная патология – 19%; тяжелая форма патологии – 37%;
- мыслители: норма – 10%; умеренная патология – 28%; выраженная патология – 36%; тяжелая форма патологии – 26%;
- писатели: норма – 2%; умеренная патология – 10%; выраженная патология – 42%; тяжелая форма патологии – 46%.

В качестве различных форм психопатологии он выделяет неврозы, психосоматические расстройства, фобии, маниакально-депрессивный психоз, эпилепсию, шизофрению.

Представляет интерес мнение психиатров о личностных особенностях гениальных личностей.

Так, Ч. Ломброзо полагает, что для гениев характерна *утонченная и почти болезненная впечатлительность*. «Впечатлительность растет и достигает наибольшей силы в гениальных личностях, являясь источником их страданий и славы» (Ломброзо, 2009, с. 9). Мелочи, случайные обстоятельства, подробности, незаметные для обыкновенного человека, перерабатываются и воспроизводят то, что называют творчеством. Ломброзо замечает, что сильные умы обладают и сильными страстями, которые придают особую живость всем их идеям: «Если у некоторых из них многие страсти и бледнеют, как бы замирают со временем, то это лишь потому, что малопомалу их заглушает преобладающая страсть к славе или к науке» (там же, с. 10).

Вторая особенность гениального человека – это *непомерное тщеславие*, что подкрепляется выдающимися результатами их творчества.

По мнению Ломброзо, для них характерны *недоверчивое отношение к окружающим, подозрительность, болезненная мнительность*. «Все, кому выпадало на долю редкое счастье жить в обществе гениальных людей, поражались их способностью перетолковывать в дурную сторону каждый поступок окружающих, видеть всюду преследования и во всем находить повод к глубокой, бесконечной меланхолии» (там же, с. 11).

Гениям свойственны *оригинальность мышления, способность усмотреть скрытую сущность явления, выдвинуть новую идею*. «Оригинальность и является именно тем качеством, которое резко отличает гения от таланта. Фантазия талантливого человека воспроизводит уже найденное; фантазия гения – совершенно новое. Первая делает открытия и подтверждает их; вторая изобретает и создает. Талантливый человек – это стрелок, попадающий в цель, которая кажется нам труднодостижимой; гений попадает в цель, которой даже и не видно для нас» (там же, с. 12).

Гениальные люди отличаются также *рассеянностью, непрактичностью и неумением уstraивать свои дела*.

Э. Кречмер в работе «Гениальные люди» выделяет следующие их психологические особенности: *наличие лабильной нервной системы, чрезвычайная восприимчивость, бурные аффективные реакции, внутренние противоречия, малая способность к приспособлению, капризы и перепады настроения*, что, в свою очередь, затрудняет

их общение с окружающими. «Гений – несколько психопатичный, исключительный человек со сверхчувствительными нервами, с бурными аффективными реакциями, с малой способностью к приспособлению, с капризами и перепадами настроения, который не только по отношению к почтенным обывателям часто выказывает себя довольно раздражительным, обидчивым, бесцеремонным и надменным, но к тому же еще затрудняет жизнь и истощает терпение тех, кто его искренне любит, поддерживает его и хочет ему помочь» (Кречмер, 1999, с. 24).

Подчеркивается, что между гениальностью и областью психопатически-дегенеративных явлений существует глубокая биологическая связь. Хотя вместе с тем, как утверждает автор, среди психически нездоровых людей необязательно можно встретить гения, так же как и среди высокоинтеллектуально одаренных. Он делает акцент на том, что «в состав истинного гения, как правило, входит солидная порция прочной и здоровой структуры» (там же, с. 37).

Кречмер убежден, что значительная одаренность возникает чаще всего «в результате достаточно систематического ее культивирования – и именно в определенной сфере деятельности – благодаря родовому и поместному имбридингу (скрещиванию близко родственных форм в пределах одной популяции)» (там же, с. 31).

Анализируя биографии известных деятелей искусства и науки, он приходит к заключению, что и те, и другие имеют много общих черт: *оригинальность, чувствительность, внутреннее напряжение, фанатизм, выражающийся в поглощенности своим делом*.

Важной является мысль Кречмера о наличии «тяжелых личных несчастий» в биографии гениальных людей как факторе становления и развития их выдающихся способностей. «Они выделяются причудливой оригинальностью; их чувствительность и их внутреннее напряжение создают некое вибрато. Под холодным течением мысли плавится какое-то страстное ядро или простирается какой-то, может быть, тщательно оберегаемый аутический мир мечты. Есть классические примеры, когда *тяжелые личные несчастья становились движителями создания великих научных систем*. И пресловутая деловитость здесь не первичное свойство личности, а приобретенное под влиянием известного фанатизма познания качество, некий прошедший закалку конечный продукт, рожденный высоким внутренним напряжением» (там же, с. 170; курсив наш. – В. К., Е. Х.).

Духовный потенциал гения, как полагает Кречмер, количественно определяется уровнем интеллекта (чувственная восприим-

чивость, емкость памяти, объем лексического запаса, богатство представлений и связей между ними), а качественно – конкретной направленностью, типом одаренности, наследственно заданной ментальной организацией, конституцией и этнической принадлежностью.

Говоря же о *необыкновенной работоспособности высокоодаренных людей*, Кречмер отмечает, что она обусловлена, прежде всего, их глубокой погруженностью в предмет исследований. В связи с этим становятся понятными его слова о том, что «гений исследователя и изобретателя – это прилежание на службе у какой-то сверхценной идеи» (там же, с. 172). Справедливо отмечается, что вся жизнь гения подчинена тому творческому пути, который он избирает. Однако особенности творческого процесса у каждого индивида, а у гения в особенности, не могут быть описаны какой-либо одной универсальной схемой. Творческий процесс имеет свои фазы и колебания. Плодовитость писателей и ученых разная: для одних взлет творческого процесса приходится на ранний юношеский период (Я. Л. Ф. Мендельсон); у других он развивается постепенно и к старости достигает своего зенита (Ф. М. Достоевский); а у некоторых имеет вид цикличности, что напоминает чередование маниакальных и депрессивных фаз (И. В. Гёте).

Э. Кречмер ставит вопрос о природе гениальности женщин. Бытует мнение, что гениальных женщин не бывает, что гениальность – это прерогатива мужчин. Кречмер не может ответить на этот вопрос однозначно. Во-первых, женщины являются носителями «гена гениальности» и передают его по наследству своим сыновьям. «Гениальность женщины – в ее сыновьях, другими словами, те существенные духовные задатки, которые женщина как носительница важного наследственного материала в себе заключает, могут найти свое полное социально значимое выражение в ее сыновьях» (там же, с. 153). Во-вторых, великих женщин Кречмер называет «великими мужчинами», т. е. в их личностях, по его мнению, превалирует мужское начало (маскулинность). К таким женщинам он относит Елизавету Английскую, Екатерину Великую, поэтессу Дросте-Хюльсхоф. «Можно предположить, – пишет Кречмер, – что те женщины, которые своими оригинальными незаурядными свершениями вписали свои имена в политическую или духовную историю, были в том, что касалось их совокупного соматопсихического габитуса, в среднем несколько сдвинуты в пределах конституционально-вариационного ряда в сторону маскулинности» (там же, с. 155). Женщины же, от-

личающиеся достаточной степенью феминности, как правило, являются довольно посредственными литераторами и учеными. Эта точка зрения Кречмена представляется нам довольно спорной и требующей специального подтверждения.

Согласно Кречмеру, главными составляющими феномена гениальности являются: *наследственная одаренность в совокупности с «судорожной невротической напряженностью», острой контрастностью, противоречивостью чувств, переживаний, влечений*. Именно сочетание этих свойств приводит к гениальным свершениям: «Самые мощные духовные силы возникают из столкновения враждебных элементов, из непримиримо контрастных влечений, сосуществующих в груди одного и того же человека и разрывающих ее. Поэтому чувствительный человек, несмотря на свою жизненную слабость, может в социальном плане подняться выше обычного здорового человека, в душе которого есть сила, но нет никаких контрастов» (там же, с. 224). Психический мир гениальной личности представляет собой *сложную комбинацию разнонаправленных свойств*: внутренняя неуверенность в себе, острое чувство неудовлетворенности, депрессии, колебания настроения, трудность в принятии решений соседствуют с «могучей витальностью», энергичностью, мужеством при встрече с серьезными жизненными опасностями, физической работоспособностью, выраженной в темпах художественного или научного творчества.

В. Гирш в работе «Гении и вырождения» анализирует не только личностные качества гениев, но и психологические особенности творческого процесса, присущие гениальным личностям (Гирш, 2009).

На первое место он ставит *бессознательность*, считая, что создаваемые гениями произведения, как бы «слетают извне», являются результатом действия инстинкта.

Творческий процесс объясняется Гиршем в русле господствовавшего в его время ассоциативного подхода. Он считает, что источником творческого процесса выступает произвольное мышление; он осуществляется ассоциативным путем (фантазия) при пассивной роли воли. Фантазия находится в зависимости от предшествующих впечатлений, которые разделяются на мельчайшие частицы и затем вновь собираются в новые образы. Таким образом, творческая способность, согласно Гиршу, обусловлена, с одной стороны, легкостью осуществления ассоциативной деятельности, с другой стороны, силой и яркостью представлений. Эти процессы представлены

и у обычного человека, но у гениев они имеют существенно повышенную интенсивность, что и определяет особую оригинальность их произведений.

Второе место при характеристике психологических особенностей гениальной личности Гирш отводит *напряженности интеллектуальной деятельности*. Произвольность и интеллектуальная деятельность по-разному соотносятся у различных гениев. Рассудочная деятельность – это способность подмечать, «схватывать», запоминать и применять в своей творческой деятельности все, с чем взаимодействует человек в природном и социальном мире.

Гирш приводит еще одну характеристику гениальных личностей, которую, говоря современным научным языком, можно определить как *соотношение внутренней и внешней мотивации деятельности*. По этому параметру гении различаются между собой. Так, В. А. Моцарт, согласно Гиршу, успешно работал и над материалом, выражающим его внутренние переживания, так и над выполняемыми на заказ произведениями, даже если они не были ему близки. Творчество же Л. Ван Бетховена в большей степени обусловлено его внутренними интенциями, отражает его переживания, ощущения и чувства.

Гениям присущи также *чрезвычайная утонченность чувственной жизни, души и настроения, взаимозависимость настроения и представления, стремление придать своим ощущениям, настроению наиболее совершенную форму*. По мнению Гирша, в этом проявляется потребность в выражении аффекта на физиологическом уровне, в выплеске переполняющих творца чувств и снятии таким образом внутреннего напряжения.

Художественное, поэтическое или музыкальное произведение создается полностью сначала в голове автора, а затем только воплощается в словах или нотных знаках. *Богатая фантазия гениального творца детерминирована высокой умственной деятельностью, позволяющей придать произведению необходимую форму, отсесть все лишние элементы*. В данном случае важнейшую роль играет *способность сосредотачиваться*. В гармоничном сочетании и взаимодействии богатого чувственного мира, фантазии и деятельности интеллекта Гирш видит одно из главных условий создания величайших культурных творений.

Созвучные рассмотренным выше воззрения представлены в работе Б. М. Теплова «Психология музыкальных способностей» (Теплов, 2003).

На основе изучения жизни и творчества Н. А. Римского-Корсакого Теплов раскрывает природу гениальности композиторов и делает вывод, что гениальной личности присущи, *кроме специальных способностей* (в данном случае – музыкальности), «*сила, богатство и инициативность воображения*». Например, Римский-Корсаков проявлял богатое воображение еще в детских играх; в бытность же свою композитором он писал стихи, либретто для собственных опер. Композитор был наделен также «цветным слухом», который проявлялся в сочетании слухового и зрительного воображения.

Согласно Теплову, для композитора, наряду с вдохновением, важно *умение сосредоточиться*, сконцентрироваться на создаваемом произведении т. е. *хорошо развитое внимание*. Это качество ярко проявлялось, например, в творчестве Н. А. Римского-Корсакова и М. И. Чайковского, которые тщательно оттачивали свои произведения, стремясь довести их до совершенства. Но оно было не свойственно М. А. Балакиреву, несомненно, музыкально одаренному композитору, но не способному сосредоточиться на своих сочинениях, что отражалось на его творческой плодовитости.

Для композиторской деятельности необходима *колоссальная работоспособность*, которая, в свою очередь, связана с *глубочайшей потребностью* писать музыку, что отличает всех великих композиторов.

Теплов выделяет также «*творческую волю*», которая направляет деятельность музыканта, позволяет доводить начатое до конца, воплощать замысел в создании оригинального произведения.

Одним из главнейших качеств композитора Теплов считает *богатое «духовное – интеллектуальное и эмоциональное – содержание»*, которое приходит со знаниями, базируется на культурном и жизненном опыте. Как пишет Теплов, гениальных композиторов отличают *большой ум и глубокие чувства*.

С точки зрения психолого-исторического исследования гениальности, представляют интерес данные, содержащиеся в работе М. Л. Спивак «Посмертная диагностика гениальности: Эдуард Багрицкий, Андрей Белый, Владимир Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г. И. Полякова)». В книге приводятся психологические портреты выдающихся российских поэтов, созданные в середине 1930-х годов психологом и неврологом Г. И. Поляковым на основе материалов, хранящихся в «Пантеоне ГИМ»*.

* Ранее результаты исследования Г. И. Полякова не были опубликованы.

При описании психологических портретов рассматриваемых личностей автор обращает внимание на ряд интересных моментов.

- Все представленные персоналии выросли в семьях среднего достатка (кроме Белого), и семья оказывала большое влияние на формирование их личностей, интеллектуальных интересов, поддерживала в них веру в собственную уникальность, одаренность.
- Все исследуемые Г. И. Поляковым персоналии характеризуются высоким уровнем развития специальных способностей. У Белого кроме того отмечены высоко развитые общие способности: он был одарен во многих областях – в математике, философии, живописи, музыке, литературе и поэзии.
- В детстве будущие великие поэты выделялись среди своих сверстников богатством воображения, проявляющегося в играх.
- В. Маяковский и А. Белый обладали прекрасной памятью. У Э. Багрицкого память была связана исключительно с профессиональной деятельностью: его характеризовали выраженная избирательность внимания, образность и конкретность мышления. А. Белого отличала склонность к абстрактному теоретическому мышлению.
- Э. Багрицкий и В. Маяковский отличались ярко выраженным эгоцентризмом и высокой самооценкой. Так, Маяковский в молодости искренне верил в свое мессианское предназначение.
- Исследуемые поэты страдали навязчивыми состояниями, были очень импульсивны (особенно Маяковский и Белый).
- У всех отмечена необыкновенная работоспособность.
- Процесс творческой деятельности у них протекал по-разному. Так, Э. Багрицкий творил при наличии вдохновения, не мог работать продолжительное время, в связи с чем делал перерывы для отдыха в течение дня. У В. Маяковского творческий процесс шел непрерывно (в голове). Для А. Белого было необходимо полное погружение в творчество: он не любил отвлекаться и очень раздражался, если обстоятельства принуждали его к этому.
- В молодости все они имели образец для подражания.
- Каждый из них умел отстаивать свое мнение, особенно в сфере своей творческой деятельности.
- В быту все они были довольно неприхотливы.

Анализ проведенного исследования показывает, насколько всесторонне может быть изучена гениальная личность. При этом следует

иметь в виду, что данная работа проводилась непосредственно после смерти изучаемых персоналий, следовательно, ее автор имел возможность использовать различные источники – документальные материалы, продукты творческой деятельности, воспоминания людей, хорошо знавших поэтов.

Психология творчества одним из объектов своего изучения делает творчество гениев. Я. А. Пономарев, описывая структуру психологии творчества, включает в нее центральное и периферическое звенья. Центральное ядро охватывает сам творческий процесс, его структуру и этапы решения творческих задач; периферическое звено – дифференциальные характеристики творческого человека: его способности и личностные качества.

Выделяются следующие фазы творческого процесса:

- сознательная работа – подготовка или особое деятельностное состояние в качестве предпосылки для интуитивного «озарения» новой идеей;
- бессознательная работа над проблемой – инкубация направляющей идеи;
- переход бессознательного в сознание – вдохновение; в результате бессознательной работы в сознание проникает идея решения в виде гипотезы, замысла (создание нового в литературе, искусстве);
- сознательная работа – развитие идеи, ее окончательное оформление и проверка.

В своей работе Пономарев выделяет разработанные в русле развития психологии творчества представления о гениальности. Отмечается, что признаки гениальности выражаются в «особенностях перцепции (необыкновенная напряженность внимания, огромная впечатлительность, восприимчивость), интеллекта (интуиция, могучая фантазия, выдумка, дар предвидения, обширность знаний), характера (нестандартность, оригинальность, инициативность, упорство, высокая самоорганизация, колоссальная работоспособность), мотивации и ценностных ориентаций (непреодолимое стремление к творческой деятельности, удовлетворение от самого ее процесса)» (Пономарев, 1999, с. 456).

Я. А. Пономарев подчеркивает сложность данной проблемы и необходимость ее комплексного изучения.

В. Н. Дружинин, исследуя психологию способностей, дает следующую характеристику творчества: «Творчество спонтанно, не пла-

нируемо. Творчество нецелесообразно, произвольно, иррационально и не поддается (в момент творческого акта) регулированию со стороны сознания. Творчество имеет в основном иррациональную мотивацию – отчуждение человека от мира – и направляется стремлением к этому отчуждению. Творчество реализуется с помощью „положительной обратной связи“: творческий продукт только подстегивает процесс, превращая его в погоню за горизонтом. Творчество есть жизнь бессознательного. Его механизм – взаимодействие активного доминирующего бессознательного с пассивным (рецептивным), субдоминальным сознанием» (Дружинин, 2007, с. 83). Как и другие авторы, он выделяет в качестве одного из важнейших элементов в структуре творчества бессознательное, которое организуется в дальнейшем работой сознания и помогает творцу облечь свои «грезы» в соответствующую форму.

Большую роль в формировании высокоодаренных личностей Дружинин отводит подражанию, которое в подростковом и юношеском возрасте (от 13 до 20 лет) способствует развитию специальных способностей. В этот период на основе «общей креативности» формируется «специализированная креативность»: способность к творчеству, связанная с определенной сферой человеческой деятельности как ее «обратная сторона», дополнение и альтернатива. На этом этапе особо значимую роль играет «профессиональный образец», поддержка семьи и сверстников. Но главное – юноша определяет для себя «идеальный образец» творца, которому он стремится подражать (вплоть до отождествления) (там же, с. 85). Как пишет Дружинин, индивид либо задерживается на данной стадии навсегда, либо переходит к оригинальному творчеству. В данном контексте указывается, что творческое поведение, как и интеллектуальное, проходит стадию социализации. «Подражание необходимо для овладения культурно-закрепленным способом творческой деятельности, которое должен преодолеть писатель своим творчеством» (там же, с. 88). Оно «как бы возводит индивида на последнюю ступеньку развития социокультурной среды, достигнутой людьми, дальше – только неизвестное. Индивид должен и может шагнуть в неизвестное, лишь оттолкнувшись от предшествующей ступени развития культуры» (там же, с. 89).

Дружинин приводит данные исследования способностей людей, склонных к литературному творчеству, а также результаты анализа биографий писателей (всего 137), выполненного Е. А. Корсунским, где отмечается роль наставника и подражания на раннем этапе литературной деятельности.

В ходе исследования выделены необходимые условия развития творческих способностей: наличие наставника (68,8%); влияние семьи (40,8%); публикации в ранние годы (55,8%); особенности времени и эпохи (18%).

Корсунский также приводит данные наблюдений за развитием таланта в течение жизни. Установлено, что с детства талантливые люди имели сильное и яркое воображение, речевые способности и чувство формы. Интересны следующие приведенные им данные: развитие вербальной памяти и высокий уровень интеллекта в 3–5 лет препятствуют проявлению оригинального литературного творчества в подростковом возрасте, а отсутствие богатого воображения в раннем возрасте впоследствии не компенсируется ничем. Наличие выраженного воображения в детском возрасте у гениальных личностей отмечается многими исследователями.

Высокие творческие достижения возможны лишь только тогда, когда творчество всецело поглощает человека, становится для него личностно значимым, смыслом и целью его жизни. Глубокая поглощенность предметом своих интересов обуславливает колоссальную работоспособность.

Дружинин указывает на воздействие ближайшего социального окружения и общества в целом на развитие интеллекта и творческих способностей у детей. Семья является тем «культурным фоном», который влияет на развитие способностей ребенка. Большую роль играет стиль семейного воспитания, интеллектуальный климат в семье. Общество же выступает «потребителем» способностей и талантов. Что востребовано обществом, то «культивируется» и в большей мере и воспроизводится в процессе воспитания.

ГЛАВА 2

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНИАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

2.1. Естественнонаучное и гуманитарное направления в психологической науке и место исторической психологии в исследовании личности

Изучение исторической личности, каковой, несомненно, является личность гения, требует создания соответствующей методологической базы, позволяющей в полной мере раскрыть поставленную проблему, находящуюся на пересечении различных отраслей научного знания, – психологии, философии, психиатрии, истории, культурологии.

Проведение такого исследования сопряжено с рядом серьезных трудностей и требует особой организации.

Во-первых, оно относится к области исторической психологии, являющейся *гуманитарным направлением психологического знания*. Новизна данного направления, его недостаточная теоретическая оснащенность, отсутствие строгих методов исследования, преобладание *описательного подхода* затрудняют интерпретацию выявляемого материала и обеспечение доказательности полученных на этой основе выводов.

Во-вторых, изучение исторической личности предполагает ее рассмотрение в социальном и культурном контексте, привлечение и анализ разнопланового материала исторического и культурологического характера, отражающего внешнюю, социальную детерминацию исследуемой личности. Это вызывает необходимость использования *комплексного, междисциплинарного подхода* как отвечающего задачам исследования.

В-третьих, воссоздание психологических характеристик гениальной личности прошлого требует выявления совокупности исто-

рических источников, содержащих необходимую для исследования информацию о жизненном и творческом пути изучаемого человека, его психологических и личностных особенностях. Исторический источник представляет собой основной объект исторического познания: прошлое раскрывается современному исследователю только опосредованно – через систему исторических источников. Исторический источник доносит до нас и делает доступной для восприятия и интерпретации информацию о его создателе, о том времени, в котором он жил и творил, выступает мостиком, связывающим исследователя с изучаемой им реальностью прошлого (Кольцова, 2008). Очевидно, что глубина психологического исследования исторической личности прошлого определяется полнотой источниковой базы: ее репрезентативностью (включением широкой совокупности источников разных типов и видов, заключающих в себе знание о различных аспектах изучаемой проблемы) и валидностью (соответствием содержащейся в документах информации решаемым задачам), а также использованием адекватных способов анализа и интерпретации выявляемых в ходе источниковедческого исследования данных (об этом см. подробнее: Кольцова, 2008).

В-четвертых, поскольку объектом нашего исследования выступает жизненный путь и творчество гения русской словесности, Ф. М. Достоевского, встает задача включения в круг источников художественных произведений писателя, литературоведческих трудов, посвященных анализу его творчества. Следует отметить, что использование художественной литературы как источника психологического знания о ее создателе, несмотря на авторитетность герменевтического подхода, до сих пор является в отечественной психологии «непроторенной дорогой», чем объясняется отсутствие образцов решения подобных задач.

Вместе с тем можно констатировать, что в последние годы в психологической науке отмечается все больший интерес к принципам и методам гуманитарного знания. Это связано с объективной потребностью в расширении границ психологического познания, рассмотрении человека в его целостности как био-психо-социально-духовного существа, что, в свою очередь, требует интеграции при его изучении всех отраслей психологии, естественнонаучного и гуманитарного ее направлений, а также психологии со смежными с ней науками. Б. Г. Ананьев пишет: «Не только наука, но и практика испытывает потребность в единой теории человекознания, в сближении и интеграции всех средств познания человека и руководстве

его развитием» (Ананьев, 1968, с. 14). Руководствуясь этим положением, Ананьев выдвинул перспективную задачу создания метанауки – комплексного человекознания, объединяющего разные науки о человеке в целях его всестороннего, комплексного исследования – как индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности. Причем в комплексе наук о человеке основополагающую роль он отводит психологии: «В систему наук о человечестве входят науки, изучающие не только общественные отношения между людьми, но и самих людей как производителей материальных и духовных ценностей. Поэтому важнейшее место в этой системе должна занимать психология человека (общая, историческая и социальная), современные концепции которой сосредоточены в области теории сознания, исторического развития психики человека и ее прогресса» (там же, с. 67). Психология должна изучать человека как «целостный организм» во всей совокупности его отношений к миру, «обществу и природе, звеном которых он является», т. е. она должна приобрести более четкую антропологическую направленность.

Сегодня уже недостаточно рассматривать психический мир человека только в его биологической и социальной обусловленности. Человек является *субъектом и объектом исторического процесса*. История его собственной жизни органически «вплетена» в историю его семьи, народа, страны, человечества в целом. По словам Б. Г. Ананьева, личность всегда «*конкретно-исторична*, она – продукт своей эпохи и жизни страны, современник и участник событий, составляющих вехи истории общества и ее собственного жизненного пути». Согласно его утверждению, «как не может быть внесоциальной личности, так же нет и внеисторической личности, не относящейся к определенной эпохе, формации, классу и его определенному слою, национальности и т. д.» (Ананьев, 2000, с. 200; курсив наш. – В. К., Е. Х.). Отсюда делается вывод, что «изучение личности неизбежно становится *историческим исследованием*», а «биографическое исследование личности, ее жизненного пути и творчества *есть род исторического исследования в любой области знания*» (там же, с. 201; курсив наш. – В. К., Е. Х.).

Историческое прошлое как особая реальность бытия человека воздействует на его сознание и поведение через коллективное бессознательное, историческую память, формирующиеся веками традиции, обычаи, суеверия, культурные нормы. Оно тысячами нитей связано с различными сферами современной жизни. В нем – истоки многих проблем, которые нас волнуют сегодня, явлений обществен-

ной и индивидуальной жизнедеятельности. Психический мир наших предшественников не является исключительной принадлежностью своего времени; он сохраняет след в культуре и психике современного человека, в его памяти, менталитете, в фольклоре, стереотипах поведения. Согласно концепции К. Юнга, в коллективном бессознательном воспроизводится многовековой психологический опыт, накопленный многими поколениями наших предков. Именно этим определяется актуальность и теоретическое значение исследования системы «человек – история».

Предметом исторической психологии является изучение человека как объекта и субъекта истории, обусловленности его психического мира и поведения историческим процессом. Таким образом, историческая психология исследует особый класс детерминант – *историческую детерминацию психики*.

Говоря о предмете исторической психологии, один из ее основоположников, М. Блок указывает, что это наука «о людях во времени... Из антитезы этих двух атрибутов, – по его мнению, – возникают великие проблемы исторического исследования» (Блок, 1986, с. 18, 19). Задача историко-научного познания, согласно М. Блоку и Л. Февру, состоит в том, чтобы воссоздать жизнь людей прошлого во всей ее полноте и сложности, проникнуть в их психический мир, увидеть и понять «живого человека» в его «плоти и крови».

Зарождение и накопление историко-психологического знания прослеживается в трудах философов, историков, литераторов, начиная с периода Античности. Особый его всплеск связан с эпохой Возрождения, открывшей человека в его целостности, в разных ипостасях и связях с различными сторонами действительности. В качестве особой отрасли знания историческая психология оформляется в западной науке в конце XIX–начале XX в. и приобретает интенсивное развитие во второй половине XX столетия^{*}.

* Она представлена целым рядом различных течений: (1) психоаналитические концепции З. Фрейда, Э. Эриксона, Э. Фромма, В. Райха и др. авторов; (2) современные направления психоистории (Де Мосс; Дж. Ландрем; А. Ноймайр; Р. Дилтс и др.), а также теории представителей гуманистической психологии А. Маслоу, Г. Олпорта и др., посвященные психобиографическому исследованию личности исторических деятелей прошлого; (3) концепции исторической этнографии Г. Спенсера, Э. Д. Тейлора, К. Леви-Строса, Л. Леви-Брюля и др., направленные на сравнительное изучение психологических характеристик людей разных культур; (4) школа Анналов, созданная М. Блоком и Л. Февром

Не останавливаясь на рассмотрении разных направлений развития историко-психологического знания, выделим ряд моментов, представляющих интерес для нашего исследования. Прежде всего, рассмотрим особенности *методологии гуманитарного исследования в психологии* (непосредственно относящиеся к исторической психологии), ее возможности в психологическом познании человека.

Следует отметить, что проблема соотношения и особенностей гуманитарных* и естественных наук становится предметом осмысления в науке и, в частности, в психологии уже несколько столетий назад.

В философско-психологическом знании она впервые была поставлена немецким ученым XVIII в. Хр. Вольфом, автором учения о психических способностях, разделившим психологическое знание на эмпирическое (опытное) и теоретическое (описательное), что нашло отражение в его трудах, носящих соответствующие названия: «Эмпирическая психология» (1732) и «Рациональная психология» (1734). Как утверждает автор, цель рациональной психологии состоит в выведении фактов и явлений из «существенных основ», эмпирической психологии – в их описании.

Следующий важный шаг в осмыслении специфики естественнонаучного и гуманитарного направлений, в том числе применительно к психологии, осуществил В. Вундт, выдвинувший программу создания «двух психологий» – «физиологической психологии» (ес-

и их последователями – Ж. Дюби, Р. Мандру, Ж. Ле Гоффом, М. Ферро и др., в рамках которой разрабатываются принципы «критики источников и источниковедческого анализа; (6) «психологизирующая история» Л. Кавелина, Н. Надеждина, А. С. Лаппо-Данилевского и др.; (7) теория психологии народов В. Вундта; (8) работы отечественных ученых, исследовавших особенности русского менталитета (славянофилы, западники, народники, представители лингвистической школы А. Потемни, Г. Г. Шпета, Д. Овсяннико-Куликовского и т. д.); (9) теория психолого-исторической реконструкции прошлого И. Мейерсона и представителей его школы; (10) концепции историогенеза психики П. П. Блонского, Л. С. Выготского, Б. Д. Поршнева, А. Р. Лурии, Ф. Кликса и др.

* Само понятие «гуманитарное знание» переводится с латыни как «человечность», «образованность», «эрудированность», «воспитанность». Первоначально оно имело широкий смысл и объединяло одновременно и занятие наукой, и моральное воспитание человека. Задачей науки считалось не только получение знаний, но и совершенствование личности.

тественнонаучной, эмпирической, экспериментальной) и «психологии народов», представляющей гуманитарную ветвь в психологической науке. Основой их дифференциации выступило понимание объектов их изучения. Объект исследования физиологической психологии – низшие, элементарные психические процессы, исследуемые посредством методов интроспекции и эксперимента, а психологии народов – высшие психические процессы, реконструируемые по продуктам духовной деятельности народа.

Вундт обосновывал необходимость преодоления разграничения между психологией и историей, их объединения в рамках особой науки, в которой психология получает богатейший эмпирический материал исторических наук, а история – теоретические знания о человеке и обществе, обеспечивающие ей выявление «психологических мотивов» изучаемых исторических процессов. В противном случае, по его мнению, историки вынуждены будут «сочинять свою собственную психологию», носящую дилетантски-спекулятивный характер (Вундт, 1914, с. 1–2). Симбиоз описательного (гуманитарного) и точного экспериментального знания рассматривался им как логически обоснованный, важный в научном плане, открывающий новые перспективы для их развития.

Согласно В. Виндельбанду, все науки подразделяются на номотетические, законополагающие, выявляющие закономерные проявления большого класса явлений, и идиографические, исследующие отдельные индивидуальные явления. К области номотетического знания относятся естественные науки, сконцентрированные на изучении общего и закономерного в исследуемых явлениях и игнорирующие самостоятельную ценность отдельных частных случаев, которые рассматриваются лишь как иллюстрация проявления общих закономерностей. Историческое познание, наоборот, во главу угла ставит изучение отдельных случаев (событий) в их индивидуальных проявлениях.

Немецкий ученый Г. Риккерт в качестве критерия дифференциации естественных и гуманитарных наук предлагает использовать особенности применяемых ими методов. Для гуманитарных наук характерен идиографический, индивидуализирующий метод, являющийся описательным и направленным на изучение отдельного конкретного объекта. Благодаря описательной методологии гуманитарное знание, по его мнению, относится более к искусству, нежели к науке; его объектом являются не законы природы, а культура как сугубо уникальное явление. Метод естественных наук – номо-

тетический, генерализующий, ориентированный на подведение индивидуального явления под общую закономерность. Согласно Риккерт, психика – предмет исследования естественнонаучной психологии; она не может изучаться в рамках гуманитарных наук. Специфика последних видится Риккертом в их ценностной нагруженности, поэтому соответствующим их природе объектом исследования является не психика, а дух, выражающий ценностную сущность культуры. Таким образом, в отличие от Вундта, ориентированного на обеспечение синтеза гуманитарного (исторического) и естественного (психологического) знания, Риккерт категорически отвергает возможность их объединения (Риккерт, 1911).

В работах Ф. Шлейермахера заложены основы понимания гуманитарного знания как интерпретационного, диалогического по своей природе. Предметом его исследования выступает проблема *понимания текста и его создателя*, которое, в свою очередь, рассматривается как постоянный переход от целого к части и от части – к целому, т. е. фактически ставится вопрос о «герменевтическом круге».

Наряду с объективным («грамматическим») Шлейермахер выделяет субъективный («психологический» или «технический») аспект понимания. Интерпретацию текста он рассматривает как способ познания и понимания его создателя, что предполагает перенесение, «вчувствование» в психологическое пространство его индивидуальной жизни, раскрытие как сознательной, так и бессознательной сторон его творчества. В свою очередь, постижение психического мира автора обеспечивает понимание смысла его произведения, причем более глубокое, чем было доступно его создателю.

Развивая идеи Шлейермахера, В. Дильтей создал учение о духе как области гуманитарного знания. Как утверждает Дильтей, науки о духе имеют особый предмет – *общество, история и человек как общественно-историческое существо*. Их задачи заключаются, во-первых, в изучении психологических закономерностей, лежащих в основе создания культуры (науки, религии, искусства), во-вторых, в исследовании самих этих продуктов культуры как «кристаллизованных объективаций психологических закономерностей». Науки о духе относятся им не к объяснительной, а к понимающей области знания (Дильтей, 1987).

Определяя специфику гуманитарного знания, Дильтей противопоставляет его естественным наукам. Для естественных наук характерна ориентация на познание внешнего явления, которое не дано

человеку непосредственно, а поэтому и знание о нем носит гипотетический и относительный характер. Используемый ими метод состоит в расчленении целостного явления и его аналитическом изучении, что соответствует их объяснительной исследовательской стратегии. Эти же тенденции характерны и для объяснительной психологии, разлагающей психическую жизнь человека на отдельные элементы. В качестве модели объяснительной психологии для Дильтея выступает ассоциативная психология. Гуманитарная описательная наука имеет дело с иным объектом – *внутренним опытом человека, его целостной душевной жизнью как духовным феноменом*. Соответственно, психология, с точки зрения Дильтея, должна изучать не телесно-чувственные характеристики, а внутренний опыт человека, его *переживания*; не отдельные психологические способности, а *человека во всей его жизненной полноте*; не человека вообще как носителя гипотетических элементарных структур, а *конкретного человека в его исторической обусловленности*, в связи с историей культурных ценностей. Таким образом, Дильтей заменяет объяснение описанием как основным методологическим средством познания целостной душевной жизни: «Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем. Во внутреннем опыте даны также процессы воздействия, связи в одно целое функции как отдельных членов душевной жизни. Переживаемый комплекс тут является первичным, различение отдельных членов – дело уже последующего» (Дильтей, 1996).

В качестве основного показателя целостной душевной жизни, согласно Дильтею, выступает переживание, в котором сосредоточена и отражается вся феноменология психического мира человека в ее соотношении с исторической средой. Утверждение Дильтея о том, что переживание исходно «сопринадлежит» человеку, по сути, приводит к противопоставлению переживания восприятию и представлениям, отрицанию предметности и объективного содержания сознания. Объективная действительность понимается Дильтеем не как причина, порождающая психические явления, а как часть субъективного психического мира человека, растворенная в нем. Критически оценивая взгляды Дильтея, С. Л. Рубинштейн отмечает, что «признание основной формой психики переживания субъекта, которому переживание „непосредственно принадлежит“, направлено, очевидно, на то, чтобы включить мир в целостность переживания и таким образом растворить объективность первого в субъективности второго». Рубинштейн подчеркивает, что в концепции Дильтея структура душевной жизни непосредствен-

но дана в переживании, а не является продуктом опосредованного знания.

Дильтей полагает, что понимание человеком себя и других людей, их внутреннего мира опосредовано духовной субстанцией – объективным духом, выступающим в качестве общего основания, на котором строится жизнь народа. Тем самым фактически он обращается к рассмотрению психологии народа как предмету гуманитарного знания. В состав объективного духа Дильтей включает право и религию («однородные связи», характеризующиеся устойчивой структурой), общее языковое пространство (общие значения слов), единые нормативные правила («культурные круги»), регулирующие поведение членов сообщества и определяющие его доступность для понимания. *Культурно-историческая среда, таким образом, выступает в качестве посредника в понимании людьми друг друга.*

Это положение Дильтея является значимым для исследования исторической личности прошлого, которое должно носить контекстный характер, осуществляться посредством перехода от выявления внешнего (социальных, культурных условий) к раскрытию внутреннего (психического мира), рассматривать человека как представителя своего времени, конкретной культурной среды, носителя ее норм и ценностей. Ценным в этом плане представляется и предлагаемый Дильтеем метод понимания души народа – единство логического и иррационального через озарение, вживание, вчувствование, перенесение своего Я в пространство чужой душевной жизни.

Таким образом, понимание гуманитарного знания у Дильтея основывается на его противопоставлении естественнонаучному, носящему объяснительный характер, и определяется как описательное, включающее ценностные характеристики духовной жизни, строящееся на основе принципов индивидуализации исследуемых объектов.

Большой вклад в развитие методологии гуманитарного познания внес лидер герменевтики Г. Г. Гадамер. В его работах последовательно отстаивается приоритет гуманитарного знания, обосновываемый необходимостью перехода от «мира науки» к «миру жизни»: «В немецкой культуре XIX века преобладал дух науки, которому и обязана она своим всемирным значением, однако, в отличие от романского культурного круга, духу науки не соответствовало подобное же общечеловеческое признание „*lettrés*“ – гуманитарной культуры слова. Вот почему выход за пределы научного факта должен был означать для Германии нечто совсем иное и почему в наши дни мы ждем

от философии „жизненного мира“ и его оправдания, его прояснения и обогащения» (Гадамер, 1991а, с. 7). Обосновывая значение и перспективность гуманитарного знания как важнейшей сферы научной мысли, Гадамер призывает «отыскивать и оправдывать, соразмерять с искусством и историей новый масштаб истины» (там же). Особенно ярко гуманитарная ориентация Гадамера проявляется в том, что основным предметом его рассмотрения становится искусство, которое определяется им как «подлинный органон философии, если не ее соперник, предвосхищающий ее во всем», обогащающий философскую мысль, преодолевающий ее опустошенность, расширяющий границы постигаемого ею жизненного опыта (Гадамер, 1991б, с. 9). Более того, искусство оценивается им как своеобразный эталон и для философии, и для гуманитарных наук.

Процесс понимания Гадамер рассматривал с позиции его целостности, реализуемой в виде модели герменевтического круга: «...процесс понимания постоянно переходит от целого к части и обратно к целому. Задача состоит в том, чтобы концентрическими кругами расширять единство понятого смысла» (Гадамер, 1988, с. 345).

В качестве исходного и пускового момента процесса понимания, задающего весь ход его развитию в концепции Гадамера выступает *авторская установка*, определяемая как «набрасывание смысла». Речь идет о предварительном понимании («предпонимании», «предмнении», «предрассуждении») смысла интерпретатором, которое, вступая во взаимодействие с текстом, пополняется, уточняется, переосмысливается. «Предпонимание» отражает герменевтический опыт, или, как пишет Гадамер, исходно присущий исследователю «горизонт». Встречаясь с иным «горизонтом», воплощенным в тексте, он сливается с ним, обеспечивая тем самым понимание. «Предпонимание» отражает не только личный герменевтический опыт исследователя, но и ту историческую традицию («предание»), в рамках которой он формируется.

Гадамер настаивает на активной позиции исследователя, что проявляется особенно ярко в диалектике вопросов и ответов. Вопрос, задаваемый интерпретатором, согласно Гадамеру, занимает центральное место в процессе понимания: «Кто хочет мыслить, должен спрашивать» (там же, с. 441). В вопросе отражается интерес субъекта понимания, проявляются его направленность на постигаемое, глубина смысловой коммуникации интерпретатора и текста. Формулируя вопрос, исследователь должен учитывать особенности познаваемой реальности, задачи установления контакта с ней. Таким

образом, если в естественнонаучном исследовании обеспечивается максимальное нивелирование личностной установки экспериментатора, то, согласно герменевтическому учению Гадамера, наоборот, *субъектная активность рассматривается в качестве необходимого компонента процесса понимания.*

Особенность герменевтического понимания (как и гуманитарного познания в целом) состоит в его *диалогичности*. Исследователь, занимая активную позицию, формулируя вопросы, в то же время «вслушивается» в текст, соотнося с ним свою активность. «Скорее тот, кто стремится понять текст, готов его выслушать и позволяет ему говорить» (там же, с. 321).

Это положение представляется чрезвычайно важным для понимания сущности историко-психологического исследования, которое представляет собой равноправный диалог двух историко-культурных пространств – настоящего и прошлого. Поскольку каждый человек и продукты его деятельности социально-культурно обусловлены, несут в себе отпечаток и выступают в качестве репрезентантов культуры своего времени, по сути, речь идет о межкультурном взаимодействии, поэтому процедура реконструкции определяется нами как «*диалог культур*». Конкретной реализацией указанного принципа выступают: признание активной позиции исследователя; субъектный подход к прошлому как воплощению «чужой одушевленности» (Лаппо-Данилеский, 1913, с. 308), творческих сил и достижений его создателей; необходимость выявления и учета особенностей культуры и менталитета исследуемого исторического времени, что реализуется через процедуры «вживания», «вчувствования» исследователя в прошлое – в психологию и деяния исторических субъектов. Отсюда вытекает необходимость отказа, с одной стороны, от антикваристического взгляда на прошлое как на «явление-в-себе», уникальное и не имеющее аналогов в современной действительности, а потому закрытое для познающего его исследователя, с другой, – от презентистской стратегии, представляющей попытку понять прошлое исключительно с позиции стереотипов, ценностей и целей современного научного знания. Альтернативой указанным стратегиям как раз и выступает «диалог культур», реализуемый в виде опосредованного историческими источниками субъект-субъектного взаимодействия современного исследователя и творца научной мысли прошлого (Кольцова, 2008).

Своеобразно рассматривается Гадамером и вопрос о ценностях, принципиальный для понимания природы гуманитарного знания.

Не отвергая проблему ценностей, он считает возможным использование лишь тех из них, которые не привнесены в понимание извне, а возникли непосредственно в самом процессе герменевтического познания. Таким образом, понимание, согласно Гадамеру, наряду с познавательным, включает также моральный аспект; оно вооружает человека опытом, расширяет его «личные горизонты», приводит к снятию внутренних когнитивных диссонансов, формирует историческое мышление субъекта, погружая его в разные культурные круги.

Сугубо гуманитарную трактовку в работах Гадамера получает проблема истины. Высшая истина у него воплощена в прекрасном, которое определяется как благо, сущее, гармония, единство этического и логического, полнота понимания. Не случайно именно искусство, творящее прекрасное, выступает у него эталоном мудрости и знания.

Таким образом, многие высказанные Гадамером положения имеют большую методическую ценность для гуманитарного познания: идея субъектной активности интерпретатора, контекстного и целостного понимания, диалектики вопросов и ответов, взаимодействия смысловых полей, горизонтов понимающего и понимаемого.

В. Штерн в своей работе «Дифференциальная психология и ее методические основы» (1900) также выделяет два направления психологии – естественнонаучное, ориентированное на физиологию, и гуманитарное, представляющее пограничную область, лежащую на стыке психологии и истории. Он описывает методы, используемые в русле гуманитарной психологии. В частности, к их числу он относит *биографический метод*, применяемый для изучения исторического индивида, «бытие и деяния которого выкристаллизовались во что-то застывшее, представляющее собой уже самостоятельное влияние, поддающееся теперь исследованию» (Штерн, 1998, с. 93). Речь идет, по сути, о психобиографических исследованиях, разрабатывающихся в отечественной (В. М. Бехтерев, И. А. Сикорский, В. Ф. Чиж, П. И. Ковалевский) и современной зарубежной исторической психологии (Э. Эриксон, В. Райх, Р. Дилтс, Д. Ландрам и др.). Штерн считает, что «индивидуальные психографии» – мост, объединяющий психологию с идиографическими, гуманитарными науками, а также с науками о культуре. Он высоко оценивает познавательные возможности историко-биографического исследования, «ведь благодаря этому укрепятся и станут более тесными отношения между психологией и историей, до сих пор все еще слишком слабые.

Если в рамках этой пограничной области психология будет заимствовать у истории материалы и методы, то со своей стороны она предложит ей новые воззрения и результаты» (там же). Особенность психографического метода проявляется в том, что он направлен не на «анализ по горизонтали» – выявление представленности какого-либо одного признака у многих индивидов, – а на «анализ по вертикали», означающий изучение целостной психологической структуры одного индивида на основе множества различных признаков.

Штерн ставит вопрос, может ли индивидуальное и уникальное, включая человеческую индивидуальность, быть предметом научного исследования. Не соглашаясь с теми, кто единственным предметом научного познания считает «общезначимые естественнонаучные закономерности», Штерн настаивает на необходимости введения в науку «принципа индивидуальности». Согласно его мнению, культура – воплощение «общих значений, норм и идеалов», но они проявляются в форме индивидуальных феноменов, действий и способностей, «совершенно неповторимых в своем бытии» (там же). Именно эта неповторимость и исключительность и определяет их особое значение как предмета научного исследования. Соответственно, культура, история, литература, религия, область действия права являются особыми сферами идиографического научного изучения.

Штерн подчеркивает, что «идиографическое исследование не включает установления причинных отношений, однако здесь они приобретают другую форму: не закономерное отношение, а индивидуальное воздействие и подверженность воздействию – вот что становится главной проблемой» (там же).

В своем труде «Личность и вещь» (1906) Штерн доказывает неправомочность противопоставления естественнонаучного (объективного) и индивидуализированного путей познания, полагая, что они связаны друг с другом по принципу дополнительности. Как предмет естественнонаучного рассмотрения человек выступает в виде частного случая проявления общих законов; в отношении же с культурой «он творит и переживает как индивидуальность». Отсюда Штерном делается вывод о том, что номотетический и идиографический методы исследования не могут выступать как основание разделения научных дисциплин: «Это скорее две точки зрения, а не две области исследования; достаточно часто при решении одной и той же проблемы происходит их взаимодействие, а иногда даже и объединение» (там же). Ярким подтверждением этой позиции, согласно Штерну, выступает медицина (добавим: психиатрия и психология). Ставя зада-

чу познания законов протекания и лечения болезней, она является естественной наукой. Но взаимодействие врача с больным означает изучение частного, отдельного индивидуального случая, являющегося неповторимым и уникальным, несмотря на свое типичное протекание. «Диагноз – это идиографическое познание; терапия – индивидуализированное действие. Медик, проводящий „патографию“, очень близок по своим ориентациям к чисто историческому (идиографическому) познанию индивидуальности» (там же).

Штерн полагает, что психология должна, подобно медицине, завоевать и отстаивать право на осуществление идиографического изучения индивидуальности. Он высказывает пророческую мысль о трудности решения этой задачи, учитывая наличие ее активных противников как внутри самой психологии (среди ученых, убежденных в «чисто естественнонаучном статусе психологии»), так и в гуманитарных науках (представители которых хотят «оградить свою собственную область от вторжения естественнонаучного подхода»). Следует отметить, что проблема эта не решена в психологии и сегодня, и гуманитарные исследования, включая историко-психологические, все еще не получили достойного места в системе отраслей психологической науки.

По мнению Штерна, воссоздание реальной сложности и многогранности индивидуального бытия возможно лишь на основе совокупных усилий естественных и гуманитарных научных подходов.

В современной зарубежной психологии альтернативой сциентистским естественнонаучно ориентированным направлениям выступает гуманистическая психология, сторонники которой постулируют уникальность и неповторимость человека, отвергают экспериментальный путь исследования личности, считают наиболее приемлемыми идиографические методы ее изучения (К. Роджерс, А. Маслоу, Г. Олпорт, Ш. Бюллер и др.).

Методология идиографического анализа лежит также в основе одного из направлений исторической психологии – психоистории.

Стремление к гуманитаризации психологического изучения человека и преодолению ограниченности сциентистских подходов академической эмпирической психологии, прежде всего, когнитивизма, характерно для «культурной психологии» Дж. Брунера, глубокий анализ которой дан В. А. Шкуратовым (Шкуратов, 1997). Брунер стремится расширить пространство изучаемой психологической феноменологии за счет включения в сферу научного анализа обыденного сознания. Как пишет Шкуратов, новая наука о чело-

веке, обосновываемая Брунером, «должна кардинально отличаться по своей общественной ориентированности от существующей. Обращение к этнометодологии, заимствующей приемы обыденного сознания, сопровождается критикой сциентизма и научного снобизма. Ученый не может быть свободным от жизненных ценностей, он не возвышается над культурным нормотворчеством, а участвует в нем. Поэтому... культурная психология имеет в обыденном сознании не столько свой объект, сколько фундамент и выступает не разоблачителем ментором, а идеологом и демократическим критиком общества, в котором существует» (цит. по: Шкуратов, 1997, с. 126). Парадигмальному, доказательному способу познания Брунер противопоставляет *нарративный, повествовательный*, включающий изучение человеческой уникальности, действий людей и их интенциональности в связи с нормами общества и культуры. Нарратив повествует об отдельных уникальных случаях и событиях, совокупность и связи которых позволяют выявить лежащие в их основе ментальные нормы культуры. Именно этот способ анализа, по мнению автора, является адекватным для выражения обыденного сознания. Повествование определяется Брунером как исходная, первичная форма выражения человеческой ментальности, эволюционно предшествующая более поздним логическим способам выражения и объяснения. У ребенка оно возникает на самых ранних этапах жизни, задолго до овладения логикой. В примитивных обществах нормы и схемы нарратива, отражающие коллективный обыденный опыт, являются основной опорной точкой решения задач.

В современной отечественной науке парадигмальный подход как основа гуманитарной психологии развивается одним из создателей исторической психологии в нашей стране В. А. Шкуратовым. Понятие «наррадиigma» используется им для объяснения динамики и особенностей гуманитарного повествовательного знания, фаз развития и смены различных его моделей.

Проблема гуманитарного знания в отечественной науке глубоко исследована М. М. Бахтиным. В качестве основного его конструкта он выделяет «текст» (высказывание, знаковую систему) как носитель и выражение мыслей человека, его субъективных переживаний. «Гуманитарные науки, – пишет Бахтин, – науки о человеке и его специфике, а не о безгласной вещи, ее естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные

науки...» (Бахтин, 1986а, с. 477–478). Так же как и Л. С. Выготский, Бахтин считает, что психика имеет знаковую форму бытия и не может существовать вне знакового материала. Отсюда вытекает данное им определение гуманитарной науки как *текстового знания*. Благодаря тексту, созданному мыслителем в определенное время, возникает возможность понять и расшифровать его мысли, чувства, установки и ценности.

Бахтин критически оценивает абстрактно-теоретические схемы номотетического знания, фактически утрачивающие конкретного человека как творящее существо. Согласно его мнению, человек должен выступать главной точкой отсчета и основным предметом изучения, ибо «все в этом мире приобретает значение, смысл и ценность лишь в соотношении с человеком, как человеческое. Все возможное бытие и весь возможный смысл располагаются вокруг человека как центра и единственной ценности» (там же, с. 509). Не случайно в качестве единицы анализа в своем исследовании Бахтин выделяет *поступок человека* как сугубо индивидуализированное и уникальное явление. Основной же сферой изучения индивидуально-личностной природы творящего субъекта у него выступают искусство, литература, где она получает наиболее яркие и отчетливые формы воплощения. Таким образом, от изучения поступка Бахтин переходит к исследованию мира художественных творений, создаваемых человеком. Он разрабатывает теорию литературоведческого исследования культуры, позитивный и практический смысл которой состоит, по его мнению, не только в ее нацеленности на изучение прошлых эпох, но и в возникающей на этой основе возможности осмысления собственной культуры и характерного для нее типа человека.

Предметом особого внимания Бахтина является воссоздание лежащего в основе произведений искусства *диалога автора и созданных им героев*: «Дело не только в появлении автора в поле изображения, – дело в том, что и подлинный, формальный, первичный автор (автор авторского образа) оказывается в новых взаимоотношениях с изображаемым миром: он находится теперь в одних и тех же ценностно-временных измерениях, изображающее авторское слово лежит в одной плоскости с изображенным словом героя и может вступать с ним (точнее: не может не вступить) в диалогические взаимоотношения и гибридные сочетания» (Бахтин, 1986б, с. 415). Акцентирование внимания на диалоге определяет интерес Бахтина к творчеству Достоевского, которое буквально пронизано

диалогичностью, представляет своеобразную литературную вершину психологического полифонизма. Диалогичность, согласно Бахтину, – конституирующий признак гуманитарной мысли: «Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» (Бахтин, 1979, с. 434).

В работах Л. С. Выготского гуманитарная линия в развитии психологии получила выражение в попытке включения психологии в контекст культуры, рассмотрения высших психических функций как продукта культурного развития, интериоризации социальных отношений. Знак у Выготского – граница, отделяющая варварство от истории культуры, цивилизации. Сама история культуры рассматривается через призму развития знаков. Высшие формы психики характеризуются как культурные, исторические, социальные.

Идея взаимодействия гуманитарного и естественнонаучного знания в целостном изучении человека получила убедительное обоснование в русле концепции комплексного человекознания Б. Г. Ананьева.

Характеризуя развитие научных знаний о человеке, Ананьев выделяет в нем две противоположные тенденции, выражающиеся, с одной стороны, в преодолении культивируемых субъективно-идеалистическими концепциями антропоцентризма и антропоморфизма, с другой стороны, в параллельном развитии противоположных процессов – «антропологизации и гуманизации системы научного познания, превращения человека... в одну из самых общих проблем всей современной науки» (Ананьев, 2000, с. 33). Это создает почву для развития целостного знания о человеке. Проблема человека должна стать центральной проблемой всей системы научного знания, а человекознание соответственно, определяется как новая метанаучная дисциплина, охватывающая все многообразные отношения человека с миром. Его целью является построение «синтетических характеристик человеческого развития» (там же, с. 6). В этом контексте непротиворечиво взаимодействуют и взаимодополняют друг друга естественные и гуманитарные науки, изучающие человека под разными углами зрения.

В работах С. Л. Рубинштейна рассмотрены вопросы, касающиеся особенностей гуманитарного знания, путей интеграции естественных и гуманитарных наук. В частности, они получили освещение в докторской диссертации ученого, в которой критически оценивается попытка их решения в русле неокантианского учения.

Важной представляется мысль Рубинштейна о том, что задача гуманитарного знания не ограничивается лишь раскрытием специфики индивидуального случая как особого и единичного явления – это лишь один, но не завершающий этап в его логическом развитии. Конечная же задача состоит «не в жизнеописании отдельного индивида, его единичности, а в том, чтобы от единичного перейти к всеобщему, от случайного – к необходимому, от явления – к существенному в них. Для теоретического психологического исследования изучение индивидуальных случаев является, поэтому, не особой областью или объектом, но средством познания. Через изучение индивидуальных случаев в их вариативности психологическое исследование должно идти к истинной своей цели – к установлению все более общих и существенных закономерностей» (Рубинштейн, 2002, с. 41).

Говоря о гуманитарном знании, С. Л. Рубинштейн, во-первых, признает его специфику, состоящую в рассмотрении особой сферы бытия человека – его взаимодействия с миром культурных ценностей и особой формы детерминации психического – ценностной; во-вторых, обосновывает необходимость его построения как объективной области знания на основе реализации онтологического подхода в понимании структуры бытия и принципа субъекта как основного источника его создания и преобразования; в-третьих, рассматривает сам мир культурных ценностей и значений в его обусловленности общественными основами исторического процесса; в-четвертых, снимает противоречие идиографического и номотетического подходов и видит задачу гуманитарного знания, как в рассмотрении отдельных уникальных явлений, так и в раскрытии того существенного и закономерного, что проявляется в них и определяет их природу.

Проблема соотношения естественнонаучного и гуманитарного знания в современной психологии продуктивно разрабатывается В. М. Аллахвердовым (Аллахвердов, 1993, 1999).

Представляет интерес попытка выделения критериев разграничения гуманитарного и естественного знания. Недостаточной для решения этого вопроса Аллахвердов считает констатацию специфики исследуемой ими предметной области (в одном случае – природа и материальные объекты, в другом – культура, духовные явления). Спорной представляется ему и идея о том, что гуманитарные науки имеют дело с уникальными объектами, в то время как естественные науки изучают «общее и обезличенное», ибо ес-

тественные науки тоже рассматривают уникальное, а гуманитарные – выявляют общие закономерности (например, закономерное влияние протестантизма на хозяйственную жизнь). Более того, трудно разрешимой ему представляется сама проблема разграничения уникального и общего. Дискуссионным, с его точки зрения, является также определение зоны гуманитарного знания на основе выделения специфичного для нее «метода эмпатического понимания», ибо «сам по себе этот метод не может ничего объяснить. Я могу понять автора средневековой саги. Но как мне узнать, правильно ли я его понял?.. Этот метод может быть эвристически полезным, выступая в качестве критерия правдоподобия, но и только» (Аллахвердов, 1999, с. 76–77).

Главный критерий разграничения гуманитарных и естественных наук, согласно мнению автора, заключается в целях их исследования и способах обоснования: «...если задача естественных наук состоит в том, чтобы найти истину, то в гуманитарной науке любые предметы и явления, прежде всего, рассматриваются как тексты, которым может быть приписан смысл. Задача гуманитарных наук в этом, собственно, и состоит – постигнуть смысл происходящего» (там же, с. 77).

Хотя построения гуманитарных наук более произвольны сравнительно с естественнонаучными, однако и в них имеются определенные *способы научной доказательности*. «Во-первых, построения гуманитарной науки обязаны учитывать (не обязательно соответствовать!) уже имеющиеся интерпретации, а потому ученый-гуманитарий обязан не только знать, что сказали другие по интересующей его проблеме, но и выразить свое отношение к сказанному. Во-вторых, новая интерпретация должна позволять увидеть новый смысл не только той информации, которая изначально подлежала интерпретации, но и какой-либо другой, до этого не привлекавшейся к интерпретации. Наконец, в-третьих, предложенная интерпретация должна быть оценена научным сообществом как убедительная или хотя бы правдоподобная» (там же). Поэтому признаками гуманитарных исследований являются: *ссылки на авторитеты, знание разных точек зрения, опора на традиционные интерпретационные модели*.

Аллахвердов считает в равной степени неправомерными утверждения как об отсутствии стремления гуманитарного знания к получению истинного знания, так и об игнорировании естествознанием задачи понимания смысла достигнутого им истинного знания. От-

мечается взаимопроникновение методов этих наук в научные пространства друг друга: «...в той мере, в какой в гуманитарной науке устанавливаются факты (когда, скажем, археологические памятники датируются с помощью физических измерений или находятся новые материалы, сообщающие о неизвестных ранее событиях), гуманитарная наука заимствует методы естественных наук и должна отвечать критериям естественнонаучного знания. И в той мере, в какой логики и естествоиспытатели интерпретируют свои результаты, они выступают уже не как представители этих наук, а как гуманитарии-метафизики» (там же, с. 90).

Это приводит автора к выводу, что, строго говоря, ни одна наука не является чисто естественной или гуманитарной. Ни один способ описания реальности не является единственно возможным и исчерпывающим; «естественнонаучное и гуманитарное описание не только не противоречат друг другу, но и друг друга взаимно дополняют», хотя в каждой науке преобладают определенные нормы доказательства и обоснования. Что касается гуманитарной науки, то ей, как и естественнонаучному знанию, присущи *и логические рассуждения, и поиск фактов*. Особенно актуально это для психологии, лежащей на стыке гуманитарных и естественных наук. Важно лишь каждый раз «отдавать себе отчет, каким языком в каждом конкретном случае мы пользуемся, заранее зная, что именно будет результатом исследования, и никогда не путать между собой разные языки и каноны обоснования» (там же, с. 103).

Таким образом, проведенный анализ позволяет рассматривать гуманитарное знание как развивающееся в русле *требований научной достоверности*, имеющее специфический объект – это целостный человек как носитель культурных ценностей, регулируемое *системой норм и предписаний* (наррадигмальность, диалогичность, ценностное содержание, тестовый характер, ориентированность главным образом на выявление индивидуально своеобразных явлений и раскрытие смыслов происходящего, ответственность ученого), использующее различные *приемы доказательства* (включение в контекст, ссылка на авторитеты, учет и рассмотрение различных точек зрения, опора на традиционные интерпретационные модели) и *критерии оценки достоверности* (логическая непротиворечивость, совпадение результатов интерпретации с данными других исследований, принятие их научным сообществом) (Кольцова, 2004).

2.2. Методы реконструкции психологических особенностей исторической личности

Разные научные дисциплины разрабатывают особые познавательные средства, соответствующие специфике их предметных областей и исследуемых ими объектов. С этой точки зрения, важно охарактеризовать те исследовательские методы, которые могут быть использованы в области исторической психологии.

Но для того, чтобы понять, как исследовать, надо иметь четкое представление о том, что исследуется.

Попробуем описать особенности предметной области исторической психологии и определяемые ее спецификой требования к способам изучения исследуемых ею феноменов. При этом мы будем опираться на положения, сформулированные нами ранее применительно к исследованию психологического знания прошлого, поскольку изучая, психологическую мысль в ее историческом развитии, мы, по сути, проводим ее психолого-историческую реконструкцию (см.: Кольцова, 2008).

1. Историческая психология имеет дело с особым объектом – психологическими феноменами прошлого. Они отдалены от исследователя, порой десятилетиями и веками, недоступны для непосредственного наблюдения и экспериментального изучения. Задача состоит в их воссоздании по тем опорным точкам, которые оказываются в распоряжении исследователя.
2. Исследователь в области исторической психологии имеет дело не с экспериментально сконструированным, а с естественным объектом в его реальной динамике и свойствах. Как писал В. Вундт, в истории имеет место особый вид эксперимента – «исторический эксперимент», для которого экспериментальной площадкой выступает история, а предметом исследования – исторический по своей природе процесс. Исследуемый исторической психологией объект рассматривается в его реальном течении и в той естественной для него исторической среде, в которой он возник и развивался.
3. Особенность феноменов исторической психологии состоит в том, что они выступают как уже сложившиеся, оформившиеся системы, «застывшие формы». Исследователь не может целенаправленно и преднамеренно воздействовать на их естественное развитие, которое исчерпало себя и осталось в прошлом. Его задача состоит в том, чтобы наиболее полно и точно воссоздать и осмыс-

лить уже состоявшуюся историю развития исследуемого историко-психологического явления. В этом состоит, с одной стороны, определенное ограничение, с другой, положительный аспект, так как возникает возможность исследовать определенное с учетом его финальной, завершающей стадии, конечного результата развития. При этом важно, отталкиваясь от представленного в завершенной форме результата бытия явления, попытаться проникнуть к его истокам, выявить особенности его развития, определяющие его факторы. Отсюда следует, что основными принципами историко-психологического исследования являются: во-первых, целостное воссоздание психологических явлений прошлого, во-вторых, нисходящая, «регрессивная» стратегия их изучения: от настоящего – к прошлому; от развитых форм и состояний явлений – к их начальным, ранним и неразвитым стадиям вплоть до их зарождения. О целесообразности регрессивных методов познания писал М. Блок. Он отмечал, что историкам иногда выгодней начать читать историю «наоборот», продвигаясь «от более известного к более темному», так как близкие к исследователю периоды являются для него относительно более ясными. «Добавьте, что, механически двигаясь от дальнего к ближнему, мы всегда рискуем потерять время на изучение начал или причин таких явлений, которые, возможно, окажутся на поверку воображаемыми» (Блок, 1986, с. 28).

4. Историческая психология восстанавливает, воссоздает изучаемые ею явления, поэтому она является реконструкционной дисциплиной, а основным способом ее исследования выступает психолого-историческая реконструкция прошлого.
5. Объективированной формой выражения психологической феноменологии прошлого являются исторические источники (свидетельства), воплощающие мысли, чувства, устремления, установки и ценности их создателей, обеспечивающие их перенесение из прошлых веков в современную культуру и продолжение их бытия уже независимо от создавших их субъектов. Историко-психологическое исследование базируется на исторических источниках, непосредственно определяется их характером, поэтому по своей природе оно является опосредованным. Более того, исследователь в определенном смысле зависит от исторических свидетельств: он может исследовать и понять лишь то, что раскрывают ему исторические источники, и настолько глубоко и полно, насколько широка и полна информация, со-

держащаяся в них. Это обуславливает определенную ограниченность исследовательских возможностей в области исторической психологии. Отмечая данный факт, М. Блок пишет: «Нам отказано в надежде на действительно беспредельное развитие, которое внушает наука вроде химии, способная даже создать свой собственный объект. Дело в том, что разведчики прошлого – люди не вполне свободные. Их тиран – прошлое. Оно запрещает им узнавать о нем что-либо, кроме того, что оно само, намеренно или ненамеренно, им открывает... Такова общая участь всех исследований, чья миссия вникать в явления завершённые» (там же, с. 35, 36). Отсюда следует, что исторический источник – исходная и необходимая предпосылка и важнейшее условие проведения историко-психологической реконструкции психологических феноменов прошлого. С этой точки зрения историческая психология может быть определена как *источниковедческая наука*, осуществляющая воссоздание изучаемых психологических феноменов на основе методов источниковедческого анализа (сбора источников, их «критики», контекстного рассмотрения и т. д.).

6. Воссоздание психологических явлений прошлого предполагает расшифровку информации, содержащейся в историческом источнике, проведение ее семантического анализа, раскрытие поля значений представленных в ней понятий и идей, выявление скрытого, «неявного знания» – личностной позиции автора, его установок, ценностей, смыслов. Так как непосредственное взаимодействие с автором исторического документа, часто отделенным от сегодняшнего дня толщей веков, невозможно, как недоступны исследователю и способы опытного познания и проверки изучаемой им реальности прошлого, то воссоздание смыслов и значений содержащейся в источнике информации является результатом ее интерпретации и понимания с позиции современного научного знания. Историческая психология по сути своей – *интерпретационная область знания*, и методы интерпретации и смыслового понимания занимают в ней большое место.
7. Отсюда остро встает проблема *научной беспристрастности и объективности ученого*. По словам Блока, суть научного метода состоит в том, чтобы за спецификой субъективных представлений созерцателя вычленил и точно описать «созерцаемые объекты». В связи с этим задача исследователя – не ограничи-

ваясь сделанным им умозаключением, критически оценивать ход своих мыслей, выявлять и преодолевать противоречия в логике своих рассуждений, стремиться к подтверждению своих выводов посредством их сопоставления с результатами, полученными другими учеными, а также максимально расширять документальную базу исследования. Необходимо помнить о том, что оценки тех или иных явлений прошлого опираются на систему научного знания, установки и ценности, сложившиеся в современной культуре, и это может приводить к искажению реальной картины исследуемого. «Нет ничего более изменчивого по своей природе, чем подобные приговоры, подверженные всем колебаниям коллективного сознания или личной прихоти» (там же, с. 80).

Для повышения достоверности полученных в ходе реконструкции выводов необходимо опираться на методический инструментарий, разработанный в психологической науке, используя его по мере возможности при решении своих задач. К числу апробированных в историко-научном исследовании относятся методы контент-анализа, семантического анализа, методы изучения продуктов творческой деятельности и др.

Необходимо также иметь в виду, что в условиях возрастающей интеграции разных наук расширяется взаимодействие исторической психологии со смежными и родственными областями знания – историей, источниковедением, культурологией, науковедением, социологией, лингвистикой, языкознанием. Соответственно, в область исторической психологии входят новые методы: источниковедческий и культурологический анализ, наукометрические процедуры, сравнительный метод языкознания, текстологические литературоведческие методы, социологические методы сбора и анализа данных и т. д.

8. Отказ от презентизма, от попыток модернизировать, осовременить исследуемое прошлое – одно из необходимых условий его объективного изучения. Наиболее приемлемой представляется стратегия *взаимодействия настоящего и прошлого*, реализующаяся посредством диалога и основывающаяся на признании их *взаимной ценности*, стремлении понять и принять друг друга, что не исключает, однако, конструктивной критики и уточнения тех или иных положений. М. Блок справедливо отмечал, что исследователи истории слишком часто *осуждают* прошлое, а их задача состоит в том, чтобы *понять его*. «Слово, сказать по правде,

чреватое трудностями, но также и надеждами. А главное – полное дружелюбие... Нам надо лучше понять душу человека хотя бы для того, чтобы вести неизбежные битвы, а тем паче, чтобы их избежать... При условии, что история откажется от замашек карающего ангела, она сумеет нам помочь излечиться от этого изъяна. Ведь история – это обширный и разнообразный опыт человечества, встреча людей в веках. Неоценимы выгоды для жизни и для науки, если встреча эта будет братской» (там же, с. 82).

Таким образом, особенности предметной области и объекта исторической психологии определяют специфику средств и методов его познания, которые являются по своей сути реконструкционными, интерпретационными, опираются на анализ исторических источников, реализуют стратегию диалогического взаимодействия настоящего и прошлого.

Основным способом исследования психологических феноменов прошлого является *процедура психолого-исторической реконструкции*, подробно описанная в ряде работ (Барская, 1998; Спицина, 1994; Климов, Носкова, 2002; Кольцова, 2001, 2004а, б; 2008; Шкуратов, 1997; и др.). «По своему содержанию реконструкция представляет перемещение исследователя в прошлое, выявление и «вычерпывание» воплощенной в исторических источниках интересующей его информации, касающейся рассматриваемого психологического явления, и ее последующей интерпретации и объяснения уже с позиций современной научной мысли. Образно говоря, психолого-историческая реконструкция – это своеобразный мостик, связывающий исследователя с изучаемыми им психологическими феноменами, «рожденными» в специфическом культурном контексте прошлых эпох» (Кольцова, 2008, с. 407–408).

Являясь комплексным, организационно-стратегическим способом познания, процедура реконструкции включает совокупность исследовательских методов.

Одно их ключевых мест принадлежит *биографическому методу*.

Начало разработки биографического метода в психологии восходит к работам Ф. Гальтона и В. Штерна. Но если у Гальтона процедура биографического исследования выдающихся личностей прошлого была не операционализирована, то Штерну удалось решить эту задачу.

Штерн включил биографический метод в систему научных методов психологии, обосновал возможности и практические спо-

собы его использования. Под историко-биографическим методом он понимал составление *жизнеописания, базирующегося на идее единства личности*. Построение биографии он относил к области взаимодействия исторического и художественного исследований, что, соответственно, предъявляет особые требования к ее создателю: «Каждая хорошая биография – это одновременно и художественное произведение; биограф, чтобы воспроизвести единство и живость представляемой личности, должен обладать художественными способностями, интуицией, способностью вчувствования, силой изображения» (Штерн, 1998, с. 208).

Решая задачу воссоздания единства личности и учитывая ее реальную многоплановость, биографический метод должен быть ориентирован на осуществление синтеза разных ее сторон и характеристик. Для этого Штерн разделяет признаки на существенные, менее существенные и несущественные. В свою очередь, существенные признаки подразделяются им на абсолютные (играющие в определении природы индивидуальности «принципиальную роль») и относительные (касающиеся какой-то одной из ипостасей исследуемой персоналии)*. Выбор репрезентативных признаков биографического описания опирается также на концептуальное представление о структуре индивидуальности. А так как число концепций велико, то и рассмотрение индивидуальных биографий может осуществляться с различных точек зрения. Многообразие теоретических подходов, определяющих отбор выделяемых признаков и их синтез, а также различие субъективных интересов исследователей являются, по мнению Штерна, причиной произвольности биографических исследований, их недостаточной структурированности, неполноты выявляемых данных. Результат – создание несоответствующих реальности биографий разных индивидов, что «затрудняет их сравнение, делает невозможным установление межиндивидуального сходства и различий» (там же, с. 211).

Отсюда делается вывод о необходимости выделения *«интегрального и многоаспектного основания биографии»*, обеспечивающего полноту и сопоставимость разных подходов, а также адекватность отбора существенных признаков. С этой целью Штерн разрабатывает специальный метод исследования – психографию, отличающийся от биографии ориентированностью не на единство, а на многооб-

* Например, одни характеристики важны при описании писателя как творца, другие – при раскрытии его личностных особенностей.

разие характеризующих индивида признаков и упорядочивающий их по психологическим основаниям. Достоинство этого метода он видит в возможности изучения на его основе не только выдающихся личностей, но и любых категорий испытуемых. «Психография исходит из положения, что каждая индивидуальность отличается уникальностью внутреннего мира, что и превращает ее в важную исследовательскую проблему» (там же, с. 211). Выявляя совокупность психических признаков человека, их иерархическое строение, психография предоставляет биографическому исследованию необходимый для него эмпирический материал. При этом подчеркивается, что «психография никогда не сможет заменить биографию. Для биографа использование психографической схемы или уже имеющейся психограммы его героя составляет этап *предварительной работы*, включающий также изучение архивных источников, филологически-речевой анализ трудов... но этот материал должен быть художественно обобщен самим биографом» (там же, с. 212). Таким образом, анализ взглядов Штерна приводит к выводу о необходимости обеспечения строгости биографического исследования, использования различных методических приемов, в том числе психографических методов, позволяющих точно описать психологический портрет исследуемой личности, особенности стиля творческой деятельности.

Возможности использования биографического метода в персонологическом исследовании раскрываются представителями гуманистической психологии Г. У. Олпортом (Олпорт, 1982), А. Маслоу (Maslow, 1969), Ш. Бюлер. Так, Маслоу, описывая особенности самоактуализирующейся личности, обращается к исследованию обстоятельств жизни выдающихся людей прошлого, достигших максимальных успехов в тех сферах, с которыми была связана их творческая деятельность. Для этого он привлекает различные письменные источники (автобиографические материалы, свидетельства о результатах профессиональной деятельности, воспоминания современников) и в результате выделяет наиболее важные психологические характеристики самоактуализирующихся индивидов как «лучших образцов» человеческой популяции и строит их типологию. Следует подчеркнуть, что, с одной стороны, пытаясь обеспечить строгость анализа, наряду с выдающимися людьми прошлого автор изучает своих современников, дополняя при этом биографические методы стандартизированными процедурами исследования, с другой, произвольно и без достаточного обоснования отбирает объекты своего

рассмотрения, руководствуясь главным образом собственными приоритетами и мнениями. Недостаточно репрезентативна и документальная база осуществляемой им реконструкции психологических портретов людей прошлого. Концентрируя внимание на выявлении психологической структуры самоактуализирующейся личности, Маслоу в меньшей степени исследует генетический аспект проблемы – раскрытие динамики рассматриваемых характеристик и определяющих ее факторов. Однако сам по себе факт обращения ученого к историко-биографическому анализу способствует расширению границ психологического исследования и с этой точки зрения представляется чрезвычайно ценным.

В работах Г. Олпорта изучение биографических материалов используется при выявлении влияния на личность фашистского тоталитарного режима (1942). Биографический метод оценивается Олпортом как важный инструмент изучения психологии личности. При этом подчеркивается сложность метода и формулируются требования, предъявляемые к его использованию в научном исследовании: опора на проверенные факты, извлеченные из достоверных источников; доказательность выводов; стандартизованность и строгость терминологического аппарата, исключающего употребления «красивых метафор». «Эти ограничения способствуют надежности, проверяемости выводов, уменьшают их пристрастность и субъективность» (Олпорт, 1982, с. 215). Большой вклад Олпорт внес также в разработку документальной базы биографического исследования, выделив, описав и систематизировав совокупность личных документов.

В работах Ш. Бюлер биографический метод выступает в качестве способа исследования жизненного пути человека, который, согласно автору, конструируется самим субъектом на основе осознания его смысла и системы ценностей. Следует отметить значительный объем документов личного характера, привлекаемых автором для решения поставленных задач: дневники, эпистолярные источники, автобиографии, материалы биографических интервью и т. д. Учитывались и анализировались основные события в жизни исследуемых респондентов, продукты их деятельности, субъективные отношения и переживания. Это позволило выделить основные стадии жизненного цикла, положив в их основу уровень самосознания человека, определить движущие силы развития (стремление человека к самореализации, достижению «самости» как главной имманентной характеристики и мотивационной силы личности)

наметить динамику развития личности на разных фазах жизни и сферы проявления (профессиональная деятельность, общение, духовный рост). Подробное освещение опыта биографических исследований Ш. Бюлер представлено в работах Н. А. Логиновой (Логинова, 1980, 2001).

Важность биографического анализа как средства изучения личности подчеркивал В. Франкл: «Личность раскрывается в своей биографии. Она открывает себя, свое „так-бытие“, свою уникальную сущность только биографическому объяснению, не поддаваясь прямому анализу. В конечном счете, биография – это не что иное, как объяснение личности во времени» (Франкл, 1990, с. 100).

В советской психологии разработка биографического метода связана с именами Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, Н. А. Рыбникова, заложившими основы методологии психобиографического исследования.

Н. А. Рыбников не только обосновал важность биографического метода (Рыбников, 1917), но и положил его в основу исследований, направленных на изучение проблем характерологии (Рыбников, 1930). Примечательно, что в качестве объекта в них выступали не выдающиеся личности, а рядовые люди – рабочие, дети, подростки. Использование биографического метода позволило выявить динамику направленности личности рабочих, их отношения к деятельности (Рыбников, 1920, 1928, 1930).

Методология психобиографического исследования опирается на идею уникальности истории жизни человека как основы развития его мировоззрения, системы взглядов, своеобразия его личности. С. Л. Рубинштейн писал, что формирование личности непосредственно связано с индивидуальной историей жизни человека как общественного существа.

Б. Г. Ананьев отводит биографическому методу специфическую нишу: с его помощью осуществляется исследование личности в контексте жизненного пути посредством сбора и анализа данных, отражающих наиболее важные, судьбоносные события в их хронологической последовательности, изучение продуктов деятельности, различного рода свидетельств. Биографический анализ, согласно Ананьеву, включается и в историко-психологические исследования и состоит в раскрытии структуры личности мыслителей, особенностей их биографий, условий и этапов становления их взглядов. При этом Ананьев утверждает, что идеи творца отражают его индивидуально-личностные характеристики (Ананьев, 1997).

Важным методологическим положением, реализуемым при биографическом анализе, является идея *субъектной позиции личности в построении ею своего жизненного пути*, выдвинутая и глубоко обоснованная в работах С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского.

К. А. Абульханова-Славская пишет: «Специфика жизненного процесса связана с тем, как его осуществляет субъект» (Абульханова-Славская, 1991, с. 33). В связи с этим она выделяет ряд важных для конструирования историко-биографического метода понятий: «техники бытия», «жизненный план», «жизненная программа», «сценарий жизни», «жизненный выбор», «биографический кризис» и т. д. Конкретной реализацией историко-биографического подхода в конкретном историко-психологическом исследовании явилась разработка К. А. Абульхановой-Славской и А. В. Брушлинским научной биографии С. Л. Рубинштейна (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989, 1997).

В общепсихологическом плане метод биографического анализа разработан А. А. Кроником, в историко-психологическом аспекте – Н. А. Логиновой, Е. Е. Соколовой.

Основой исследования жизненного пути личности в работах А. А. Кроника выступает понятие «событие»: дается описание событийной истории жизни человека; выявляются события-вехи, оказавшие наибольшее влияние на развитие человека, рассматривается их восприятие и оценка самим субъектом, выделяются «событийные группы» – то социальное окружение, которое содействовало или препятствовало тем или иным значимым событиям в жизни человека (Кроник, Кроник, 1989).

В работе Е. Е. Соколовой на материале русской истории конца XVIII–первой трети XIX в. реконструируются особенности личности человека этого времени. В качестве единицы анализа выступает событийность поступка (Соколова, 2001).

Наиболее глубоко методически принципы историко-биографического исследования разработаны Н. А. Логиновой (Логинова, 1986, 2001). В качестве основных понятий биографического метода она выделяет понятия жизненного пути, жизнедеятельности, биографии, личности, субъекта и индивидуальности, событий и обстоятельств жизни, среды развития, образа жизни (Логинова, 2001). *Жизненный путь* вслед за Ананьевым рассматривается автором как социально-историческая форма индивидуального развития человека. Ближкое к нему по содержанию понятие «*биография*», которое относится

Логиновой и к самой истории жизни, и к способу ее описания. Центральным в ее концепции является понятие *событие жизни*, которое определяется как «факт жизни, имеющий существенное значение для ее дальнейшего хода, кладущий начало новому образу жизни, перестройке внутреннего мира и социального поведения личности, иначе говоря, переломный момент в ней» (Логинова, 2001, с. 16). Более устойчивы и менее осознаны *обстоятельства жизни*, под которыми имеются в виду условия жизнедеятельности человека, обусловленные особенностями времени и места (экономическими, политическими, правовыми, моральными и т. д.) и отражаемые в понятии «биографического хронотопа». В обобщенном виде объективная детерминация жизни определяется как *среда развития*, имеющая многоуровневую структуру (микросреда, или обстоятельства, непосредственно влияющие на человека, – условия семейной жизни, общения, трудовой деятельности и макросреда – особенности общественного развития во всех его аспектах). Выделяется также понятие «собственная среда развития» – это тот пласт жизненных фактов и условий, которые «создает сам человек сообразно своим вкусам и привязанностям, планам и притязаниям», проявляя себя как активный субъект жизнотворчества (там же). Дифференциация указанных понятий приводит к рассмотрению совокупности обстоятельств жизни на разных этапах развития личности. Результатом взаимодействия всех этих факторов становится формирование *образа жизни* как характерной для личности, устоявшейся формы индивидуальной жизнедеятельности, проявляющейся в особенностях ее труда, общения, поведения, общественно-политической активности, быта и досуга. Субъективной характеристикой образа жизни выступает *стиль жизни*, понимаемый как система обеспечивающих его психологических механизмов.

Представляется, что данная теоретическая конструкция может быть дополнена еще одним понятием – *перспективные ориентации личности*. Психологические данные свидетельствуют о том, что осознанная человеком перспектива (ближайшая и дальняя) выступает важным условием организации жизнедеятельности, выполняя функцию ее стимулирования и регулирования. Отсутствие перспективы означает остановку развития или неконструктивные формы его осуществления. Эта проблема глубоко раскрыта А. С. Макаренко на примере развития коллектива.

Основными операциональными единицами биографического метода Логинова называют личные документы или тексты биогра-

фического характера, структурирование которых приводит к выделению четырех групп источников: свидетельства человека о себе (автобиографические источники); продукты его деятельности; официальные документы о личности; свидетельства о ней других людей.

Среди методов психолого-исторического исследования личности большую роль играет *метод анализа продуктов деятельности*. Особенно важное значение он имеет при исследовании выдающейся исторической личности, внесшей значительный вклад в культуру и оставившей богатое творческое наследие.

Методологическим основанием проведения реконструкции психологических особенностей человека прошлых эпох по продуктам его деятельности являются идеи С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, И. Мейерсона и других авторов об объективировании, опредмечивании психики субъекта в результатах его труда.

С. Л. Рубинштейн, разрабатывая психологическую концепцию деятельности, в качестве исходного положения использовал марксистский тезис о том, что в процессе деятельности, преобразуя предметный мир, человек раскрывает свои сущностные силы, и вытекающее из него понимание человеческой деятельности как «*опредмечивания субъекта*», являющегося одновременно «*распредмечиванием объекта*». «*Вся деятельность человека для Маркса есть опредмечивание его самого или, иначе, процесс объективного раскрытия его „сущностных сил“*», – пишет Рубинштейн. Из этого он делает важный в контексте обсуждаемых нами проблем вывод: «*Итак, деятельность человека – не реакция на внешний раздражитель, она даже не делание, как внешняя операция субъекта над объектом, – она „переход субъекта в объект“*. Но тем самым смыкается связь не только между субъектом и его деятельностью, но и связь между деятельностью и ее продуктами» (Рубинштейн, 1973, с. 25). Рубинштейн указывает, что, поскольку человек воплощает, объективирует себя в деятельности и ее продуктах, последние выступают в качестве зримой, опредмеченной формы бытия психики: «*Поскольку деятельность человека есть опредмечивание, объективирование его или переход субъекта в объект, раскрытие в объектах его деятельности, его сущностных сил*, в том числе его чувств, его сознания, постольку предметное бытие промышленности есть *раскрытая книга человеческих сущностных сил, чувственно предлежащая перед нами человеческая психология*» (курсив наш. – В. К., Е. Х.) (там же).

В отличие от авторов, механистически трактующих соотношение деятельности и психики, Рубинштейн подчеркивает диалектичес-

кую связь субъекта и предметной действительности, проявляющуюся в том, что процесс объективирования не сводится к простому переходу в объект уже сложившегося субъекта, к его простой проекции вовне: в ходе предметного взаимодействия с миром происходит как изменение объективной действительности, так и формирование самого субъекта. Сознание человека рождается в человеческой деятельности, конструирует и создает предметный мир, воплощаясь в нем и развиваясь вместе с ним. Оно – продукт исторического развития культуры и человеческой практики. Таким образом, С. Л. Рубинштейн определенно и четко указывает на то, что продукт деятельности воплощает в себе информацию о его субъекте. Развивая эту идею, можно сделать вывод о возможности расшифровки и считывания данной психологической информации в ходе психолого-исторического исследования.

А. Н. Леонтьев, утверждая доминирование на стадии исторического генезиса человека «общественно-исторических» законов, указывает на возникновение нового «механизма» исторической эволюции человечества, состоящего в особых формах закрепления и передачи из поколения в поколение накапливаемого им опыта и достижений своего развития. По мнению Леонтьева, они закрепляются не в результатах действия законов биологической наследственности, а «в совершенно особой, впервые возникшей только в человеческом обществе форме – в форме внешних явлений, в форме явлений материальной и духовной культуры» (Леонтьев, 1972, с. 405). Причину возникновения специфичной для человека формы преемственной передачи своего опыта он видит в присущей ему способности к «созидательной, продуктивной деятельности», прежде всего, к труду. Человек, по Леонтьеву, – единственное существо, являющееся не потребителем, а «созидателем». Удовлетворяя свои потребности, люди в ходе активного преобразующего взаимодействия с миром создают материальные и духовные блага, одновременно расширяя и обогащая свои знания об окружающей действительности. Человек, преобразуя мир, объективируется в продуктах своей деятельности: «В процессе деятельности людей их способности, знания и умения как бы кристаллизуются в ее продуктах – материальных и духовных, идеальных (курсив наш. – В. К., Е. Х.). Поэтому каждый новый шаг в совершенствовании, например, орудий труда может рассматриваться с этой стороны как воплощение новой ступени в историческом развитии двигательных способностей человека; усложнение фонетики языков – как воплощение успехов развития артикуляции

звуков и речевого слуха; прогресс в произведениях искусств – как воплощение эстетического развития и т. д.» (там же, с. 406). Тем самым утверждается, что в продуктах деятельности, создаваемых людьми, фиксируются их психологические особенности, получающие, таким образом, объективированную форму бытия: «Общественно-исторический опыт человечества накапливается в форме явлений внешнего мира, окружающего человека. Этот мир – мир промышленности, наук и искусства – выражает в себе подлинную историю человеческой природы, итог ее исторического преобразования» (там же, с. 409).

Взаимодействие людей с предметным миром, созданным предшествующими поколениями, приводит, по Леонтьеву, к тому, что «они усваивают богатства этого мира и таким образом развивают в себе те специфически человеческие способности, которые в этом мире кристаллизованы и воплощены» (там же, с. 406). Усваивая результаты созидательной деятельности человечества, «каждый отдельный человек учится быть человеком» (там же, с. 408), – пишет А. Н. Леонтьев.

Наряду с информацией о своем творце, исторические источники, созданные в определенной социально-культурной среде и являющиеся по своему онтологическому статусу элементами этой среды, несут в себе в снятом виде также информацию о разных сторонах действительности, об особенностях исторического времени их создания. Этот пласт информации имеет культурно-исторический характер. Причем, в отличие от информации о творце исторические свидетельства о социально-культурной действительности, в которой живет и действует субъект, во взаимодействии с которой он создает свои «творения», представлены в исторических источниках в опосредованном виде, субъективно отраженном и преломленном через особенности жизнедеятельности и специфику внутреннего психического мира их создателя.

Следует также отметить, что любой индивид – человек своего времени. Человек не выбирает время; наоборот, время выбирает его. «В отличие от других живых существ человечество имеет историю, а не просто повторяющиеся циклы развития, потому что деятельность людей, изменяя действительность, объективируется в продуктах материальной и духовной культуры, которые передаются из поколения к поколению. Всякий человек имеет историю, поскольку развитие личности опосредовано результатом ее деятельности, аналогично тому, как развитие человечества опосредуется продук-

тами общественной практики, посредством которых устанавливается историческая преемственность поколений» (Рубинштейн, 2000, с. 640).

Человек приходит в мир в определенный момент и осуществляет свою жизнедеятельность, выстраивает свой жизненный путь в тех исторических условиях, которые объективно существуют, даны ему как условие его развития. Он может принимать или не принимать их, оценивать позитивно или активно бороться с ними, но не в силах игнорировать их как исходную данность своего бытия. Создавая своими деяниями историю, оставляя в ней след – малый или большой, что зависит от масштаба личности, – человек вместе с тем зависит от нее. Время накладывает отпечаток на личность, желает она того или нет. Вспомним слова М. Блока, что люди больше похожи на своих сверстников, чем на своих родителей.

Таким образом, человек выступает как активное существо, деятель, созидатель, творец. Он создает материальные и духовные ценности, объективируя, опредмечивая в них присущие ему свойства – ценности, интересы, установки, эстетические предпочтения. Созданные в далеком прошлом, в определенном культурном и временном пространстве продукты труда, дошедшие до нас в качестве исторических источников, «рассказывают» нам об их создателях, их психологических характеристиках, о той социально-культурной среде, в которой они жили и творили, об особенностях исторического времени их бытия. Главное – уметь прочесть содержащуюся в них информацию.

В. Дильтей, создавая науку о духе, обосновывал необходимость изучения продуктов творчества представителей разных культур, подчеркивая, что именно в произведениях выдающихся писателей, поэтов, художников содержится наиболее правдивое, полное, длительное и фиксированное проявление душевной жизни народа (Дильтей, 1987).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что *по продуктам деятельности можно составить представление о конкретной личности, реконструировать ее психологические характеристики.*

Исторические источники как продукты деятельности человека различаются по своим информационным характеристикам. Выделяются так называемые «молчащие» источники (продукты материальной культуры – орудия труда, архитектурные памятники, жилища, ювелирные украшения и т. д.), в которых информация об их создателях представлена в имплицитном виде, трудно вычленима, хотя,

безусловно, чрезвычайно важна для понимания психологии человека той или иной эпохи. Известно, что именно такого рода источники позволяют ученым восстанавливать психологию и образ жизни людей ранних, дописьменных культур.

В отличие от этого «говорящие» источники – письменные, исторические тексты – представляют мысль и чувства их творцов в явной, открытой форме.

Изучая психологические особенности деятелей словесной культуры – писателей, поэтов – мы, прежде всего, обращаемся к анализу их художественного наследия – созданным ими произведениям. Что же может дать нам их исследование?

Раскрытие тематики произведения позволяет выявить и описать *сферу интересов писателя*, понять, какие явления и события окружающей действительности привлекали его внимание, были для него значимыми, вызывали эмоциональный отклик, порождали глубокие переживания.

Динамика тематики в разных произведениях автора показывает, как *менялись его взгляды и настроения.*

Соотнесение тематики произведений с реальными условиями жизни писателя и конкретными историческими событиями позволяет высказать предположение о тех *мотивах, личностных побудителях и внешних социальных детерминантах*, которыми определялась направленность его творческой деятельности.

Художник слова – не бесстрастный повествователь. Истинный творец не ограничивается простым изложением событий. В героях своих произведений, их действиях и поступках он воплощает *свои представления о добре и зле, должном и недопустимом.* За внешними действиями героев скрывается мысль автора, его взгляды, переживания. Устами своих персонажей он выражает *собственные мысли и оценки происходящего в мире, в жизни человека, в его душе.*

Положительные герои воплощают те *личностные достоинства*, которыми, по мнению автора, должен обладать человек, в *предельной форме – Я-идеальное*, к достижению которого в нелегкой борьбе с самим собой, своими *несовершенствами*, должен стремиться человек. В творчестве Ф. М. Достоевского, например, таким идеалом личности выступает Алеша Карамазов. Отрицательные герои, наоборот, концентрируют в себе те свойства, которые, с точки зрения автора, отражают деформацию личности, толкают человека на низменные действия и поступки. За всем этим стоят *ценности писателя, его социальные установки.*

Ход и исход событий, судеб изображаемых людей вскрывает представление автора о предназначении человека, возможностях его развития и самореализации в конкретных социально-исторических условиях, о характере взаимодействия человека и общества. Писатель обнажает те стороны действительности, которые убивают в человеке «человеческое», пробуждают его низменные инстинкты и страсти, его личность, достоинство, лишают человека свободы самовыражения. В этом проявляется социальная позиция автора, его умонастроение, чувство исторического оптимизма или пессимизма.

Анализ тематики произведений, авторского отношения, его оценок и предпочтений в трактовке описываемых событий, действий, поступков героев, их психологических портретов позволяет выявить то глубинное начало, которое направляет и определяет творческую деятельность писателя – его экзистенциальные ценности и смыслы жизни.

Успешность решения указанных задач обеспечивается использованием тех методов, которые применяются в психологии для анализа текстов: методы тематического, семантического, интенционального анализа, контент-анализа, интерпретации и т. д. Продуктивным представляется развиваемый В. В. Знаковым экзистенциальный подход к исследованию проблемы понимания, согласно которому понимание изучается не только «как процедура индивидуального познания, а гораздо шире – как способ бытия человека в мире» (Знаков, 2005, с. 8). Экстраполируя данное положение в область анализа и понимания художественных текстов, можно утверждать, что, только осмыслив и поняв особенности бытия и личностную уникальность творца, характер его отношений с миром, можно понять его мысль, воплощенную в тексте. Отсюда следует, что анализ текстов художественных произведений автора должен дополняться изучением его жизненного пути, а также того социально-культурного контекста, в рамках которого осуществлялась его творческая деятельность.

Общее направление исследования текста художественного произведения осуществляется путем перехода от его внешнего описания к раскрытию более глубоких, скрытых слоев: от формального анализа текста (особенностей языка, формы и жанра произведения, его стиливых характеристик и тематики, анализа ссылок, отражающих «оппонентный круг» ученого – сторонников и противников его идей) к его содержательному изучению; от перечня отдельных тем и идей – к их систематизации; от выявления идей и значений –

к пониманию личностного смысла, вкладываемого в них автором; от содержательно-тематического анализа отдельных положений – к воссозданию мировоззрения автора в целом.

Являясь продуктом культуры своего времени, текст исследуется как ее компонент в связи с особенностями рассматриваемого исторического периода, спецификой психического склада людей этого времени. Понять, как мыслил человек и почему он так мыслил, можно, только изучив, как и в каких условиях он жил. Б. Г. Ананьев писал: «Психологическое изменение структуры личности, ее характера и таланта уже немыслимо вне категории исторического времени, являющегося параметром общественного развития и одной из характеристик исторической эпохи, современницами которой являются данная конкретная популяция и принадлежащая к ней личность. В масштабах исторического времени в соответствии с уровнем цивилизации и исторически сложившимся способом деятельности складывается структура субъекта познания и различных видов деятельности, обусловленная современным состоянием производства, науки и искусства» (Ананьев, 1968, с. 155).

М. Блок специально подчеркивал, что исследователь, желая понять какие-либо исторические явления (с нашим случае – мысли, установки, ценности выдающейся личности прошлого), «должен поместить их в среду, окунуть в умственную атмосферу того времени, когда существовали духовные проблемы, уже, собственно, не являющиеся нашими проблемами» (Блок, 1986, с. 26). В связи с этим контекстный анализ выступает в качестве важнейшего методического приема психолого-исторического исследования. Яркие примеры глубокого и всестороннего анализа бытия людей разных эпох – их образа жизни, физического состояния, бытовой, материальной и духовной культуры, религиозных верований, обычаев и традиций, особенностей их коллективной памяти и языка – представлены в работах М. Блока, Л. Февра, А. Я. Гуревича, И. Хейзинги и др.

Особое место в психолого-историческом исследовании занимают методы интуитивного познания. Исследователь имеет дело с неявным знанием, которое не обнаруживается простым наблюдением, скрыто, часто выявляется по отдельным, косвенным признакам. В этой ситуации на помощь исследователю должны прийти интуиция, воображение, приемы амплификации (мысленное дополнение до целого данных ему отдельных элементов), вчувствование в изучаемое явление. О необходимости «вчувствования» в исследуемый объект писали Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, А. Ф. Лосев и др.

Так, А. Ф. Лосев, подчеркивая, что «для понимания истории надо пересоздаваться, перевоплощаться» (цит. по: Тахо-Годи, 1991, с. 9).

Вчувствование исследователя в изучаемую эпоху, ее духовную атмосферу, психологию и умонастроения людей рассматриваемого исторического времени дает возможность более полно понять мотивы, установки и устремления исследуемой личности, источники и факторы ее развития и творческого самовыражения, выявить, чем определялись и как формировались ее моральные и духовные ценности, социальные позиции и идеалы.

Важным условием проведения психолого-исторической реконструкции исторической личности прошлого является реализация *комплексного анализа проблемы*. Выявление содержания текстовой информации опирается на данные разных наук, изучающих рассматриваемый период и исследующих особенности изучаемой культуры: культурологии, истории, лингвистики, языкознания. Исследователь должен учитывать и использовать данные, накопленные в этих отраслях знания для решения поставленных перед ним задач. Так, при изучении жизненного пути, творческой деятельности и психологических особенностей Ф. М. Достоевского целесообразно привлекать исторические материалы, характеризующие состояние российского общества конца XIX – начала XX в., опираться на литературоведческие труды, посвященные анализу творческого наследия автора.

Наконец, при исследовании исторической личности необходимо исходить из принципов *системного подхода*. Это предполагает ее изучение как целостного образования, обусловленного в своем становлении и развитии системой факторов (Ломов, 1999).

Историческую личность необходимо изучать как органично включенную в систему общественных отношений, оказывающих влияние на ее развитие. «Вся система общественных отношений, характеризующих данное общество на данной исторической ступени его развития, и образует макросистему для индивида, отдельной личности. Она является объективным основанием формирования жизненных целей личности, социальных потребностей и мотивационной сферы, ценностных ориентаций и установок, ее субъективных (психологических) отношений к действительности» (там же, с. 16).

Наряду с макросистемными влияниями, большую роль играет фактор ближайшего окружения – родительская и собственная семья, близкие значимые люди, а также «оппонентский круг», вы-

ступающий в качестве стимулирующей творческую деятельность и оценивающей ее инстанции.

Влияние культуры осуществляется через доминирующие в ней ценности, идеалы, традиции.

Необходимо рассматривать личность в процессе ее целостной жизнедеятельности, на всех этапах развития, в разных ее ипостасях и сферах самореализации как активного субъекта творчества и как неповторимую индивидуальность.

Наряду с социальными воздействиями необходимо учитывать также влияние биологического фактора – наследственные предпосылки развития способностей, таланта и гениальности, физическое и психическое здоровье исследуемой исторической личности. Применительно к изучению гениальной личности этот фактор имеет особенно большое значение.

Рассмотрение психического мира личности как целостности предполагает выделение *системообразующего фактора*. В нашем исследовании делается попытка выделения такой стержневой характеристики, определяющей все в личности и творчестве изучаемого гения – Ф. М. Достоевского – духовной компоненты. Для ее выявления предполагается изучение мировоззрения личности, выделение в сознании гения духовных ценностей и смыслов на разных этапах его творческой деятельности.

Анализ продуктов творчества, жизненного пути, факторов личностного и профессионального формирования, выделение системы ценностей и смыслов позволит реализовать положения Б. Ф. Ломова о системной организации и детерминации личности.

2.3. Исследование психологических особенностей исторической личности в зарубежной психоистории

Психоистория – один из разделов исторической психологии. Признанный лидер современных американских ученых-психоисториков, директор Института психоистории в Нью-Йорке, редактор «Журнала психоистории» Ллойд Демоз дает следующее определение данной научной дисциплины: «Психоистория – это наука об исторических мотивациях... Нарративная история описывает ход исторических событий; психоистория открывает законы исторической мотивации» (Демоз, 2000, с. 6, 11). Фактически он отвергает традиционную модель исторического познания, ориентированную на изучение влияния общественных событий на частную жизнь, заменяя

ее иным подходом, призванным раскрыть, «как частные фантазии проигрываются на публичной сцене» (там же, с. 11). Демоз убежден, что за каждым историческим событием стоят мотивы людей. Например, «войны являются на самом деле не ужасными „ошибками“, а *желаниями*» (там же, с. 12). Таким образом, задача психоистории – введение в исторический процесс психологической составляющей. Причем, вытекая из законов индивидуальной психологии, психоисторические законы, выходят за их границы, «характеризуя динамику, свойственную исключительно большим группам». Это приводит Демоза к выводу, что психоистория – «история псюхе» культурных сообществ.

В рамках психоистории, апеллирующей к изучению психологической составляющей исторического процесса, выделяется особое направление – *психобиографические исследования*. Предметом психобиографии (от гр. «psyche» – душа – и гр. «biographia» – жизнеописание) является воссоздание жизненного пути и психологических особенностей исторической личности.

Истоки этого направления в зарубежной психоистории восходят к концу XIX–началу XX в. В значительной своей части они опираются на психоаналитическую теорию и носят характер патографических исследований. Особую роль в их становлении сыграли патографические исследования П. Мёбиуса (составившего жизнеописания И. Гете, Ж.-Ж. Руссо, А. Шопенгауэра, Р. Шумана и др.) и З. Фрейда (воссоздавшего психологические особенности Л. да Винчи, В. Вильсона, Ф. М. Достоевского и др.) Дальнейшее развитие психобиографических исследований осуществлялось в связи с эволюцией психоаналитических подходов, в русле которых они осуществлялись.

Первым мощным импульсом для развития психоистории стали проведенные З. Фрейдом психобиографические исследования, задавшие некий образец их организации.

Основу жизнеописания Леонардо да Винчи составили положения теории Фрейда о влиянии бессознательного и особенностей детского развития на личность. Хотя автором исследуются все периоды жизни великого художника, но основное внимание уделяется детству. В качестве источников своего исследования Фрейд использует биографию Леонардо да Винчи Сольми, роман Д. С. Мережковского «Леонардо да Винчи», исследования К. Фиорентино, «Трактат о живописи» художника, а также его дневники и картины. Фрейд описывает внешность Леонардо да Винчи, черты его характера, особенности

творческого процесса, интересы и склонности, исследовательскую деятельность. Анализируя странности в характере и поведении Леонардо да Винчи, его сновидения и фантазии, Фрейд приходит к выводу о том, что личность художника была сформирована под влиянием инцестуозного влечения к матери, что наложило отпечаток на все его творчество. Бессознательные влечения сублимируются в художественном творчестве, что проявляется, например, в картинах «Мона Лиза Джоконда» и «Святая Анна с Мадонной и младенцем Христом» – в улыбке женщин, их местоположении на картинах. З. Фрейд приходит к заключению, что детские впечатления и сексуальные стремления Леонардо трансформировались на более позднем этапе его жизни в пассивную гомосексуальность, а также в страсть к исследовательской деятельности. Этим же он объясняет выбор художником сюжетов для своих картин, состояние незаконченности и даже их быстрое разрушение, его страсть к технике, отсутствие явной религиозности и «поклонение» перед природой (Фрейд, 2001). Основным выводом Фрейда состоит в утверждении, что внутренняя природа человека, его желания и инстинкты имеют основополагающее значение для формирования и развития личности, а определяющим весь жизненный путь человека является детство. При этом социальным детерминантам отводится незначительная роль. Представляет интерес трактовка странностей характера и поведения как присущих гению характеристик, отличающих его от других людей.

Аналогичные выводы получены при исследовании личности Ф. М. Достоевского, жизнь и творчество которого, по мнению Фрейда, обусловлены детским инцестуозным влечением к матери и ненавистью к отцу (Фрейд, 2002).

Представляет интерес также выполненная З. Фрейдом совместно с У. Буллитом работа, посвященная психоаналитическому изучению личности американского президента Вудро Вильсона. Опираясь на основные положения своей теории, Фрейд характеризует Вильсона как религиозного фанатика. Причем эта доминирующая черта личности Вильсона, в свою очередь, коренится в его патологическом состоянии: оторванности от реальности и уходе в мир мифов как компенсаторном механизме психического расстройства. Конечно, особый интерес для ученого представляло выявление истоков данного личностного профиля, обратившего его к исследованию детских переживаний Вильсона, специфике его отношений с отцом, матерью, братом сестрами. Именно эти инфантильные отношения

впоследствии, как утверждает Фрейд, были спроецированы Президентом США на область его политической деятельности.

Наличие большого числа невротиков, облаченных властью, Фрейд объясняет тем, что в жизни оказываются востребованными именно те качества, которыми они обладают, чем и обеспечивается их успех. Невротический характер Вильсона, по мнению Фрейда, объективно соответствовал духу времени и особенностям американского образа жизни, культивировавшего «порок». Но как же пагубно может на истории человечества отражаться приход к власти людей такого психического склада!

Работа Фрейда стала примером для биографических исследований многих известных политиков: Р. Фроста, Ч. Э. Хьюдженса, членов семьи Кеннеди, И. В. Сталина, Дж. Картера, Л. Джонсона и др. После Второй Мировой войны предметом изучения становится также личность Гитлера, интерес к которой сохраняется и поныне.

Значительный вклад в развитие американской психоистории в 1960-е годы внес Э. Эриксон. Не отвергая психоанализ, он в то же время преодолевает его ограниченность, надстраивает над ним «новые этажи». Это, в частности проявляется в том, что при изучении исторических личностей он дополняет психоаналитический анализ историческим и социальным исследованием. Тем самым он закладывает основы *комплексного историко-психологического исследования*. Так, анализируя причины растущей популярности Гитлера в 1930–1940-е годы в Германии, он не ограничивается только психоаналитической интерпретацией, но пытается определить социальные корни и исторические причины данного явления, будучи убежденным в недопустимости отделения «клинической истории» от «собственно истории». Об этом же свидетельствует использование им наблюдений за реальным ходом событий и поведением исследуемой личности. В частности, вскрывая корни фашизма, он опирается на собственные впечатления, полученные во время посещения предвоенной Германии. Описывая психологию американских индейцев, Эриксон длительное время проводит в резервациях, изучая условия жизни и обычаи их жителей (см.: Фрейджер, Фейдимен, 2001, с. 240–242).

В разрабатываемых Эриксоном психоаналитических биографиях прослеживается связь индивидуальной истории личности с социальной и политической историей, вскрывается их взаимовлияние: с одной стороны, выдающаяся личность отражает и выражает особенности эпохи, с другой стороны, оставляет в ней значимый след.

В биографическом исследовании Эриксона «Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование» (1958) центральное место занимает проблема идентичности. Подчеркивается, что, возникая в подростковом возрасте, данный феномен способствует формированию способности личности к решению задач на всех этапах ее дальнейшего развития. Предметом исследования выступает кризис идентичности и его влияние на жизненный путь личности. Объектом изучения Эриксона является Мартин Лютер, религиозный теолог, основатель протестантского направления в христианской религии. Задачи, которые ставит перед собой Эриксон, состоят в рассмотрении, с точки зрения психоаналитической теории жизненного пути Лютера, в выделении особенностей протекания у него кризиса идентичности и влияния последнего на развитие его личности. Основной метод, используемый в работе, – метод интроспекции, модифицированный применительно к исследованию исторической личности и дополненный данными из непосредственной практики психоанализа молодых людей, проводимой Эриксоном на протяжении долгих лет. Эриксон делает существенную оговорку о невозможности обойтись лишь изучением бессознательного, а необходимости исследования также тех социальных влияний, которые испытывает человек на себе от рождения до смерти. «Мы не можем даже начать обзора человеческого жизненного цикла, если не признаем того, что изучаемое нами человеческое существо, пройдя последовательно все стадии, выросло до масштабов социального мира; а этот мир – к добру это или не к добру – шаг за шагом подготовил для него внешнюю реальность, сложившуюся из человеческих традиций и институтов, которые используют и, тем самым, питают его развивающиеся способности, вызывают и модулируют его побуждения, ответственны или ставят границы его страхам и фантазиям и предназначают его к положению в жизни, соответствующему его психологическим силам» (Эриксон, 1996, с. 44). Соответственно, Эриксон анализирует не только внутренний мир Лютера, но и те исторические социальные условия, которые непосредственно влияли на его развитие. Это позволяет ему соотносить в созданной им психобиографии Лютера индивидуальный и исторический кризисы. Согласно Эриксону, освоение идентичности христианским миром Европы и соотнесение ее с освоением идентичности самим Лютером дало возможность последнему сформулировать основные постулаты веры. Лютер интересен Эриксону тем, что в его собственном конфликте идентичности ярко отразились конфликты его времени.

Историческое место и величие Лютера он видит в том, что тот сумел осмыслить свои личные проблемы как всеобщие и предложить найденное им разрешение собственного кризиса идентичности в качестве общей модели, приемлемой и для многих его современников, и для будущих поколений.

Источники, на которые опирается Эриксон, отличаются от тех, которыми пользовался Фрейд. Это, прежде всего, работы самого Лютера (некоторым из них он уделяет особое внимание – например, лекции о псалмах разбираются автором очень подробно), помогающие определить, когда происходит кульминация кризиса идентичности Лютера и какое влияние это оказывает на его дальнейшую жизнь. Кроме того, используются труды психиатров, историков, философов, посвященные Лютеру, его биографии, работы, характеризующие особенности исторической эпохи, к которой он принадлежал.

По такой же схеме Эриксон проводит психобиографические исследования и других известных исторических личностей – А. Гитлера, М. Ганди, З. Фрейда, Франциска Ассизского, Д. Б. Шоу.

Эриксон указывает, что формирование и сохранение идентичности народа – вопрос его жизни и смерти, более важный, чем спор политических систем. На примере Германии он показывает, что именно историческое чувство дискомфорта, переживаемое немцами в связи с вторжениями в их культуру, в немецкую душу «чужой эстетики и этики», инородных ценностей, порождало глубокий кризис идентичности и создавало благоприятную почву для принятия национал-социалистических идей, обещавших освобождение от чуждых влияний. Он предупреждает, что отсутствие сформированной идентичности народа чревато трагическими последствиями. Особенно сильную угрозу будущему он видит в переживании немецким народом последствий поражения в войне. Следует иметь в виду, что выводы Эриксона касались того периода, когда Германия была разделена на два государства. «Политическая и военная машина национал-социализма сокрушена. Однако форма ее поражения несет в себе условия для возникновения новых угроз. Ибо снова Германия разделена внутри себя; образование немецкой политической идентичности опять отложено. Снова немецкая совесть оказывается беспомощной стрелкой на весах двух мировых этик; завтра она опять может заявить права на то, чтобы быть тем самым арбитром, который держит эти весы в своих руках. Ибо тотальное поражение порождает также и чувство тотальной уникальности, готовность снова эксплуатировать себя тем, кто, кажется, может предложить

чувство тотальной власти вместе с перманентной сплоченностью и новое чувство идентичности, избавляющее от ныне бессмысленного прошлого» (Эриксон, 1966, с. 500).

Таким образом, основное отличие подхода Э. Эриксона от традиционного фрейдовского психоанализа, концентрирующегося лишь на выявлении бессознательных побуждений личности, – это обоснование социальной детерминированности человека. Понять бессознательные устремления человека, согласно Эриксону, невозможно без учета социальной среды его жизнедеятельности, общественных отношений, существующих на данном историческом этапе развития общества.

Другой представитель психоаналитической школы, Эрих Фромм, в качестве основы своих психоисторических исследований использует понятие тревоги, которое формируется у индивидов в связи с одиночеством, изоляцией в условиях современного общества. Преодолеть эту тревогу человек может, воссоединяясь с миром в спонтанности любви и творчества либо отыскивая опору в виде самоподчинения более сильной воле, либо испытывая удовольствие от подавления слабых, создавая некий симбиоз, результатом которого является полная потеря индивидуальности и свободы. Данный критерий послужил основой для описания различных типов характера, а также создания портрета Гитлера, который определяется Фроммом как образцовый тип некрофила. Им же предпринята попытка проанализировать психологические особенности немецкой нации (Фромм, 2007).

Проведенный анализ позволяет выделить основные концептуальные принципы, на которые опирается психоанализ при составлении психобиографий:

- признание роли индивидуального бессознательного как основополагающего начала в природе человеческой психики;
- биологизация социальных процессов: деятельность человека детерминируется его влечениями;
- идея актуализации детского опыта на основе клинических аналогий: опыт раннего детства оказывает ключевое влияние на формирование личности и на ее последующие взаимодействия с миром;
- использование опыта психотерапевтической практики с конкретными пациентами для объяснения психики исторической личности.

Вместе с тем следует отметить вклад Э. Эриксона в построение комплексных биографических исследований, включающих, наряду с клиническим анализом, также выявление социальных и исторических факторов формирования личности.

Современная зарубежная психоистория – интенсивно развивающееся направление психологии. Она опирается на психоанализ, определяемый

Л. Демозом как «самое значительное направление глубинной психологии XX века» (Демоз, 2000, с. 9). И хотя ряд положений психоанализа, прежде всего, присущая ему биологизация социальных процессов, подвергается критике со стороны современных психоисториков, доминирующим является мнение о целесообразности его использования в целях раскрытия глубинных механизмов человеческого поведения. Более того, высказывается мнение, что союз психоанализа и историей окажется в равной мере полезным для этих направлений знания, эксплицируя имплицитно существующее в истории представление о психологической составляющей исторического процесса и расширяя объяснительный потенциал психоанализа.

Происходят изменения в методическом инструментарии психоисторических исследований. Наряду с описательными, активно используются точные, количественные методы – контент-анализ, моделирование, сленговый метод, социологические методы. В этом плане представляет интерес попытка построения моделей исторических мотиваций Л. Демозом, созданная им психогенетическая теория истории, в основу которой положены модели взаимодействия поколений и воспитания в западной культуре.

Расширяется источниковая база исследований, в том числе психобиографических. При их проведении полученная из разнообразных документов информация подвергается качественной и количественной обработке.

Исследователи не ограничиваются воссозданием уникального психического мира изучаемых исторических личностей, они пытаются раскрыть факторы его формирования, в том числе социальные.

Вслед за Э. Эриксоном все больше ученых приходят к выводу о необходимости интеграции психоистории с другими научными дисциплинами, занимающимися изучением человека: историей, антропологией, экономикой, политологией, философией. Так, по мнению известного психоисторика Г. Лоутона, именно реализация принципа комплексности и владение знаниями в области

смежных наук обеспечивает ученому результативность психоисторического исследования.

2.4. Психобиографические исследования исторической личности в отечественной науке

В современной российской психологии направление психобиографических исследований исторических личностей практически отсутствует. Его развитие осуществляется в основном на теоретическом уровне в плане обоснования подходов к исследованию жизненного пути личности (Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн, Н. А. Логинова, А. А. Кроник). Это, безусловно, важно для определения методологических опорных точек проведения психологической реконструкции исторической личности прошлого, однако переход от методолого-теоретического обоснования к конкретному эмпирическому исследованию все еще остается нерешенной проблемой. Это объясняется, по-видимому, сугубо естественнонаучной ориентацией и слабостью разработки гуманитарного направления в современной отечественной психологии.

Между тем в истории отечественной науки содержится богатый и интересный опыт проведения такого рода исследований, представленный работами известных русских психиатров – В. М. Бехтерева, П. И. Ковалевского, В. Ф. Чижова, И. А. Сикорского. Следует отметить, что русскими учеными предложен и реализован при составлении психобиографий выдающихся личностей прошлого оригинальный подход – клинический, что существенно отличает выполненные ими работы от зарубежных исследований в этой области, ориентированных исключительно на проведение психоаналитического анализа. В связи с этим представляется важным осмысление накопленного в отечественной науке опыта проведения психобиографических исследований.

Одним из известных психобиографов был П. И. Ковалевский, доктор медицины, профессор, заведующий кафедрой психиатрии в Казанском университете, преподаватель Петербургского университета, создатель первого психиатрического журнала в России. Исследуя психические явления в норме и патологии и выявляя органические причины психических заболеваний*, Ковалевский сле-

* Причину психических заболеваний Ковалевский видел в нарушении питания элементов нервной системы как основы их анатомического разрушения (Юдин, 1951, с. 98).

довал сеченовскому учению о рефлекторной деятельности. В число факторов, определяющих возникновение и развитие душевных патологий, наряду с наследственными, он включал также внешние причины «как соматического, так и психологического характера» (Юдин, 1951, с. 98–99).

Интерес к отечественной истории* и профессиональные занятия в области психиатрии совместились в проводимых Ковалевским психобиографических исследованиях. Им создан ряд психобиографий выдающихся деятелей русской и мировой истории, представляющих интерес и для психологии, и для исторической науки.

Раскрытие биографии выдающихся личностей позволяло автору исследовать природу таких важных и малоизученных феноменов, как *талант и гениальность*.

Так, в книге «Петр Великий и его гений» он рассматривает вопрос о связи гениальности личности с ее психическим состоянием, о соотношении наследственности и воспитания в этиологии гениальности, дает интересное определение данного феномена. В частности, характеризуя гениального человека, он пишет, что его отличает от других лиц, равных ему по возрасту, общественному положению, национальности, «высшее и высочайшее проявление душевных сил». Гений является «высшим душевным даром... украшением и славою человечества, его совершенством и мощью, его светом и красотой. Гений является плодом человечества, работающим, в свою очередь, на благо и пользу всего человечества» (Ковалевский, URL).

В связи с этим Ковалевский однозначно решает вопрос о соотношении гениальности и психической патологии: «Гений никоим образом не есть болезнь» (там же).

Раскрывая причины возникновения гениальности, Ковалевский большое внимание уделяет *наследственному фактору*, утверждая, что «гении не создаются, а рождаются». Он убежден, что «ни воспитание, ни образование, ни другие условия жизни не могут из данного лица создать гения, если он к тому не имеет природных дарований» (там же; курсив наш. – В. К., Е. Х.). Он подчеркивает, что «гений представляет, очевидно, как бы кульминационный пункт того рода, из которого он вышел...» (там же). При этом высказывает предположение, что гений скорее наследует свойства и особенности матери, а не отца.

* П. И. Ковалевский – автор нескольких книг по истории: «Завоевание Кавказа Россией»; «История Малороссии» и др.

К числу наследственных предпосылок гениальности Ковалевский относит, прежде всего, уровень строения и функционирования центральной нервной системы и ее периферических отделов. «Для того чтобы явиться гением, нужно от природы иметь к тому особенное предрасположение, которое должно состоять в полнейшем, совершеннейшем, наивысшем развитии нервных элементов центральной нервной системы и периферических ее окончаний, во всей ее полноте или частично. Отсюда и гении могут быть или полными гениями, или обладать гениальными дарованиями в одном или нескольких направлениях. Таким образом, центральная нервная система гения, как орган ума и души, не в болезненном состоянии должна находиться, а представлять по строению своих нервных элементов *наивысочайшее совершенство нормы*, как по строению нервных клеток, так и по соотношению отдельных частей и частиц их и по питанию их. Мало того, в мире все должно совершенствоваться, развиваться и прогрессировать. Нервные элементы центральной нервной системы гения будут представлять собою *прогресс развития для данного человечества*; а потому они будут совершеннее, полнее и наитончайше устроены, чем у остальных людей. Ввиду такого совершенства устройства нервных элементов нервной системы гения и отправления ее, т. е. *ум и душевные силы, должны быть выше, полнее, мощнее и совершеннее, чем у остальных лиц*. Высота и совершенство этих душевных способностей будут стоять в тесной связи с высотой, совершенством и преобладанием над обычным уровнем центральной нервной системы. Отсюда следует, что гении бывают не одинаковы: одни больше, другие меньше; одни полнее, другие ограниченнее. Такая разница, прежде всего, но не единственно, зависит от совершенства строения нервных элементов центральной нервной системы» (там же; курсив наш. – В. К., Е. Х.).

Акцентируя внимание на внутренних, природных предпосылках гениальности, Ковалевский в то же время не умаляет и роли *ее внешней детерминации*. Он пишет, что, если «предрасположение центральной нервной системы, дарованное природою и унаследованное от рождения, не получает для своего проявления надлежащих жизненных условий: воспитания, условий жизни, надлежащей обстановки и проч., то из такого человека и не будет гения, а только человек со странностями» (там же).

Представляет интерес, хотя и требует специального подтверждения идея П. И. Ковалевского о *влиянии на гениальность национальной и расовой принадлежности*: «Несомненно, что качества гениаль-

ности не одинаковы для отдельных национальностей, и чем выше стоит в культурном отношении нация, тем выше и совершеннее будет ее гении» (там же).

Если утверждение автора о роли расовой и национальной принадлежности как факторе появления гениальных личностей вызывает сомнение (ибо любой народ способен выдвигать из своих рядов гениев), то значение *культурного фактора* представляется бесспорным. Действительно, гений, как и любой другой человек, живет и развивается в контексте культуры, своего времени, воспринимая и интериоризуя (вспомним концепцию высших психических функций Л. С. Выготского) ее достижения. Культура задает нормы и ценности. Представленные в ней знания и опыт их практического использования определяют границы познавательных и преобразовательных действий человека. Развитие культуры осуществляется путем постановки перед обществом и человеком новых перспективных проблем, требующих разрешения. И именно гениальный человек, отличающийся своими возможностями выхода за границы заданных культурных норм в познавательной и практической сферах, способен максимально полно аккумулировать и отразить все достижения культуры, уловить и поддержать наиболее ценные и прогрессивные тенденции, дать импульс их дальнейшему развитию. И с этой точки зрения, чем более богата культура, чем больше возможностей она предоставляет для развития человека и тем более благоприятную почву создает для появления гениальной личности. Важно учитывать при этом содержательные характеристики культуры. Так, в ряде исследований (Кольцова, Медведев, 1992; Lomov, Budilova, Koltsova, Medvedev, 1993; и др.) отмечается высокий духовный потенциал русской культуры, присущие ей антропологизм, рефлексивность, обращенность к нравственным характеристикам человека, его чувственно-эмоциональной сфере, проблемам выбора между добром и злом, справедливости, истинности человеческого бытия. Может быть, именно эти особенности русской культуры стали питательной почвой для выдвижения нашим народом огромного числа гениальных личностей в разных сферах научной и художественной деятельности.

В работе П. И. Ковалевского реализуется *целостный подход* к исследованию жизненного пути Петра I, включающий изучение всех его этапов: начиная с детских лет, развития в рамках родительской семьи и до его самостоятельной государственной деятельности.

Исследуемый персонаж рассматривается одновременно и как яркий представитель психологического типа гениев, и как образец выдающегося политического деятеля. Причем высочайшую результативность Петра I Ковалевский усматривает не в системе его детских отношений с родителями и не в невротических состояниях (как это традиционно делается в рамках психоаналитического подхода), а в *заостренном чувстве сопричастности к судьбе России, ответственности правителя за развитие своей страны и русского народа*. Таким образом, акцент переносится с наследственного и патопсихологического факторов на социальные и нравственно-духовные детерминанты. В этом плане показателен следующий вывод Ковалевского: «От детства и до последнего момента его жизни мы не видели его личного существования. Он жил жизнью, славой, честью, силою и мощью России. Он жил только для России и Россией. Как человек, он жил только настолько, сколько нужно было для его существования. И это жил всемогущий и Великий Петр! Диво дивное... Скажут, у Петра было некоторое ослабление чувства любви к родителям, семейной любви и любви к детям. Может быть. Но во имя ли эгоизма эти чувства были ослаблены? Нет, во имя беспредельного служения родине, заглушающего и подавлявшего в нем все личное, все общечеловеческое. Петр жил бесплотную любовью к родине, к воссозданной им России. Что может быть больше и выше этого величия? Не на самом ли деле Петр был истинный отец отечества и великий человек!» (там же).

В книге «Иоанн Грозный» представлен психологический портрет русского царя. Основная идея, которой руководствуется Ковалевский при проведении своего исследования, состоит в утверждении, что в развитии личности *важнейшую роль играют наследственность и воспитание*. Он пишет, что «два деятеля создают отдельного человека с его особенностями телесной организации, духовного облика и физической деятельности – наследственность и воспитание» (там же).

Соответственно, исследуя биографию и психологические особенности Иоанна Грозного, Ковалевский большое внимание уделяет рассмотрению *наследственных предпосылок его развития*, считая, что наследуются физические и большинство психических свойств обоих родителей. При этом он уточняет, что трудно предугадать, как эти качества будут связаны в характере ребенка.

Столь же подробно раскрываются им особенности родительской семьи и воспитания будущего царя всея Руси.

Ковалевский подчеркивает, что наследственность и воспитание взаимодополняют друг друга в процессе развития личности. При плохой наследственности благоприятное развитие может обеспечиваться использованием правильных методов воспитания. Неправильное же воспитание способно деформировать личность даже самого здорового индивида. Изучая биографию Иоанна Грозного, Ковалевский приходит к заключению, что особенности семейного воспитания, условия жизни Иоанна в детские годы не только не сгладили его прирожденных недостатков и качеств, а наоборот, привели к их усилению.

На основе медико-клинического анализа личности Иоанна Грозного Ковалевский делает вывод о том, что он являлся *типичным параноиком*: «Нужно ли говорить о беспримерных проявлениях его лютой и безнравственности – убийстве сына и поползновении на жену другого... Такие вещи может сделать только параноик» (там же).

Ковалевский изучает особенности характеров и заболеваний предков Иоанна, его самого и его и наследников, прослеживает события жизни царя, анализирует историю России XVI в., круг приближенных и противников властителя, его политическую деятельность по управлению государством. Это позволяет ученому проследить *динамику его психического состояния и раскрыть определяющие ее внешние и внутренние факторы*, показать, как бред преследования в сочетании с отягченной наследственностью, болезненно измененной нервной системой и неправильным воспитанием, вылились в конечном итоге в паранойю.

Осуществляя психобиографическое описание исследуемого персонажа, ученый использовал большую совокупность исторических источников (исторические труды Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, Н. А. Полевого, К. С. Аксакова; переписка Иоанна Грозного и князя А. М. Курбского; летописи; работы самого царя). Это обеспечило достоверность сделанных автором выводов. Опираясь на столь серьезный фактологический базис, Ковалевский сумел воссоздать *целостный психологический портрет* этого противоречивого, неоднозначного человека – особенности его характера, нравственных свойств, мышления, поведения, отношения к окружающим людям, психопатологических проявлений: «Как наследственный болезненной нервной системы, Иоанн еще с детства должен был проявлять черты характера, свойственные этим лицам. Как в детстве, так и теперь, в нем рано проявились:

замкнутость в себе, сосредоточенность, скрытность, усиленная наблюдательность ко всему окружающему („Иоанн усвоил себе привычку ходить оглядываясь и прислушиваясь“), недоверие, подозрительность, крайняя неустойчивость и переходы от одного состояния к другому, отсутствие крепкой привязанности, резкая раздражительность, еще более резкая вспыльчивость, чрезмерное самолюбие и самомнение, трусость и выжидательность, отсутствие прочной любви и привязанности, хитрость, жестокость, чувственная разнузданность, безмерная злость и кровожадность. Иоанн не был по характеру человеком цельным, определенным. Кроме болезненных черт характера самобытного и ясно выкристаллизованного в нем не было. Он был эхом обстановки и окружающих людей» (там же).

И хотя Иоанн Грозный был не лишен определенного «обаяния» (говоря современным языком, харизмы), Ковалевский отказывается признавать его талантливым государственным и политическим деятелем, полагая, что в этом отношении он являл собой посредственность.

П. И. Ковалевским проведены психобиографические исследования и других исторических личностей – русских императоров Петра III и Павла I; гениального русского полководца, генералиссимуса А. В. Суворова; царя Вавилона Навуходоносора; пророка Магомета; Орлеанской девы; королевы Швеции Христины; Эмануэля Сведенборга; Наполеона Бонапарта; короля Баварии Людвига II; царя Израиля Саула.

Естественно, как врача-психиатра Ковалевского интересовало проявление у изучаемых им исторических лиц тех или иных патологических психических состояний. Так, составляя жизнеописание царя Вавилона Навуходоносора III, взошедшего на престол в 601 г. до н. э. и правившего страной в течение 43 лет, Ковалевский обнаруживает у него состояние *ликантропии*, т. е. душевное заболевание, при котором человек воспринимает себя как обратившегося в волка или собаку со всеми сопутствующими этому поведенческими и психологическими проявлениями. В этом случае наблюдается серьезная деформация сознания личности, его раздвоение: «Все прошлое, вся прежняя жизнь, все прежние представления отделяются от настоящего и образуют отдельный, отчужденный самостоятельный мир, не имеющий ничего общего с настоящим, да и настоящее мирозерцание не желает иметь ничего общего с прежним» (Ковалевский, 1995а, с. 17–18). Для таких больных характерны также серьезные нарушения в сфере чувствительности (иллюзии, галлюцинации,

когда возникает ложное ощущение, будто бы на руках и ногах растет шерсть и т. д.). Питательной почвой для возникновения такого рода заболеваний являются предрассудки и суеверия, довлеющие над сознанием, а также отсутствие рациональных знаний о природе животного и человека. Не случайно, что подобные патопсихологические состояния были особенно распространены в период Средневековья, что обуславливалось «невежеством, суеверием, народным убеждением и общим для того времени религиозным фанатизмом» (там же, с. 6).

На примере Саула, царя Израиля, Ковалевский демонстрирует случай *одержимости* («предсердечной тоски»), объясняемый им, согласно взглядам того времени, тем, что им овладел «дух зла». Представляет интерес описание нравственных мук, которые испытывает великий человек, поправший святые законы, отступивший от своего долга (Ковалевский, 1995в). Отсюда можно сделать вывод, что даже от природы одаренный человек, *высоко успешный в своей деятельности не способен подняться до уровня гениальности при отсутствии духовных ориентиров и ценностей.*

Рассматривая жизненный путь пророка Магомета, Ковалевский приходит к выводу, что он «был человек необыкновенный, стоящий далеко выше толпы и властно повелевающий ею, хотя это был и больной человек» (Ковалевский, 1995, с. 51). Магомет страдал эпилепсией. По мнению Ковалевского, этот недуг был присущ многим гениальным личностям. «Никто не станет отрицать гениальных способностей Цезаря, Наполеона I, Ф. М. Достоевского, Ф. Петрарки и многих других хорошо знакомых нам исторических лиц, тем не менее, природа не помешала им быть эпилептиками. Таким образом, одна и та же мать дала им одною рукою их гений, а другою – эпилепсию. Быть может, в жизни и деятельности этих людей очень многое объясняется именно этим сочетанием» (там же, с. 52).

Ковалевский характеризует Магомета как человека высокогуманного, мягкого, доброго, ласкового, кроткого, с огромным уважением относящегося к окружающим, сострадающего несчастным и больным, безразличного к богатству, готового помочь людям в меру своих возможностей, простого и непритязательного в быту. Он был робким, застенчивым и нерешительным, не помышляющим выступить перед всем народом с проповедью нового канона веры, против утвердившегося мировоззрения, косных обычаев и предрассудков. При этом его отличали фанатичная религиозность, глубокие размышления о новом вероучении, молитвенное усердие. Что же

побудило этого мягкого и робкого человека стать решительным борцом за обновление веры? Как отмечает Ковалевский, ссылаясь на исторические свидетельства, к этому ему подвигли «божественные откровения», которые возникали у него после эпилептических припадков. Именно это убедило Магомета в том, что он «является избранником и посланником Божиим. Эта сила убеждения и искренность веры в себя и в свое учение как божественное учение были причиной того, что Магомет – человек мягкий, нерешительный – выступил открыто, не боясь, не стесняясь, ибо он шел для Бога и по Божию велению» (там же, с. 74–75). Ковалевский подчеркивает, что именно *обретение духовности* сделало Магомета из слабого, нерешительного человека гениального проповедника, пророка, вершителя умов и судеб многих его современников и будущих поколений. Исчезли страх и сомнения, терзавшие его. Магомет, несмотря на непринятие его идей многими людьми, продолжал призывать их к признанию единого Бога, отказу от идолов, многобожия. Он «открыто нападал на правителей, обличал их в гордыне, доказывал их ничтожество перед Господом» (там же, с. 79).

Согласно Ковалевскому, Магомет вошел в историю не только как выдающийся проповедник, но и как великий политик, при этом «трудно даже и сказать, в чем больше проявился его гений» (там же, с. 84). Росло число его сторонников; он обретал не только нравственную, но и физическую, военную силу. По его инициативе начинаются крестовые походы против арабских племен-идолопоклонников и иудеев. Знаковым моментом, ознаменовавшим утверждение ислама в арабском мире, стало взятие Мекки (628 г.). Бежавший 8 лет назад из родного города как «жалкий проповедник», Магомет торжественно вернулся в него «великим повелителем». Племя за племенем присягали ему на верность, и «скоро он стал обладателем всей Аравии. Под его мощною рукою создалась могущественная всеарабская держава, которой суждено было покорить едва ли не весь мир» (там же, с. 89–90). Гениальность Магомета, по мнению Ковалевского, состоит в том, что он «дал своему народу такую веру в Бога, которая наиболее соответствовала его природе, историческому развитию, преданиям и условиям жизни. Это поистине была народная душа, оживотворенная верою в единого Бога...» (там же, с. 91). Но гениальность и состоит как раз в способности уловить назревшую актуальную проблему общественного развития и предложить путь ее разрешения, выполнив тем самым ту историческую задачу, которую не в силах осуществить обычный человеческий ум.

Что касается «божественных озарений», которые посещали Магомета, то Ковалевский, с привлечением научных данных, определяет их как проявления галлюцинаций зрения и слуха, возникающих под влиянием самовнушения на почве глубочайшего погружения в религиозные размышления, умственного напряжения, продолжительных, утомительных молитв, постов и как следствия – сильнейшего нервного истощения. Содержание его галлюцинаций отражало содержание его мировоззрения. Поэтому галлюцинаторные видения он принял за реальность, уверовав и в них, и в свое предназначение пророка, борца за веру. Ковалевский возражает тем, кто считает Магомета лжецом, плутом, обманщиком: «Его вера в видение и откровение была искренняя вера; его убеждения в своем избрании были искренними убеждениями, и его проповедь была чистая и искренняя проповедь... В данном случае было все за Магомета: и среда, и обстановка, и веяние времени, и общественные течения, и его личное мышление, и убеждение, и болезненное состояние органов чувств» (там же, с. 99, 100).

Религиозная экзальтация Магомета обострялась под влиянием *эпилепсии*. Суммируя, все эти факторы «приобрели значение непоколебимого патологического убеждения, когда человек отдает свою жизнь и идет на все возможные истязания и мучения мужественно и непоколебимо» (там же, с. 100).

П. И. Ковалевский глубоко исследует личность еще одного гениального человека – Наполеона I. Автор дает подробное описание внешности императора, его родительской семьи, особенностей воспитания, выявляет черты его характера, прослеживая их в динамике, рассматривает Наполеона как полководца и политического деятеля, раскрывает специфику его психического состояния.

Особый интерес в контексте рассматриваемой нами темы исследования представляют размышления Ковалевского о *соотношении гениальности и эпилептического невроза*.

Ковалевский рассматривает взгляд на эту проблему Ч. Ломброзо, утверждавшего, что «гениальность есть форма психоза на почве вырождения с признаками специального и эпилептического характера...». Фактически это означает признание эпилепсии в качестве одного из составных элементов гениальности (цит по: Ковалевский, 1995б, с. 480).

Ковалевский решительно отвергает это представление как абсолютно несостоятельное, приводя убедительные доказательства в поддержку своей точки зрения.

Во-первых, согласно Ковалевскому, гениальность и психоз имеют разную природу: гениальность «не есть болезнь, а особый дар природы и величина положительная, тогда как душевная болезнь есть, прежде всего, болезнь и притом величина отрицательная» (Ковалевский, 1995в, с. 480–481). Хотя он не отрицает, что и гениальность, и психоз – «необыкновенные жизненные явления».

Во-вторых, не имеющей доказательной силы представляется ему ссылка Ломброзо на то, что многие гениальные люди (Цезарь, Петр Великий, Петрарка, Магомет и др.) страдали эпилепсией. По мнению Ковалевского, «совпадение двух состояний вовсе не означает их сродства, а в огромнейшем числе случаев [представляет] только лишь простую случайность» (там же, с. 481). Тем более есть немало случаев, когда эпилепсия возникала в то время, когда человек уже обрел гениальность, поэтому приписывать ее эпилептическому неврозу нелогично.

В-третьих, согласно Ковалевскому, «гениальность – это явление прирожденное, а эпилепсия может быть приобретенной. Приобрести эпилепсию весьма легко, но дает ли эта эпилепсия такому страдальцу хоть каплю гениальности? Нет. Это фальшь» (там же).

В-четвертых, Ковалевский считает необоснованным представление о том, что эпилепсия повышает умственный потенциал личности, возводя его до уровня гениальности. По этому поводу он пишет: «...факт не подлежит никакому сомнению, что ни приобретенная, ни прирожденная эпилепсия никогда не дают улучшения умственных способностей и характера, а, напротив, идиотизм, тупоумие и слабоумие, и счастливы те эпилептики, которые в течение всей жизни удерживают свои умственные способности и характер в добром и благоприятном состоянии» (там же, с. 481–482).

Наконец, как отмечает Ковалевский, «если гениальность есть эпилептический невроз, то отсюда следует, что все гениальные люди должны быть эпилептиками. Однако это несчастье, к великому счастью, минует весьма многих гениальных людей. Гениальных людей-эпилептиков так мало, что они все наперечет; гениальных людей-неэпилептиков так много, что их всех перечест нет физической возможности». Отсюда автором делается однозначный вывод: «гениальность никоим образом не является эпилептическим неврозом» (там же, с. 482).

Рассматривая с этой точки зрения Наполеона, Ковалевский заключает, что он «был высший, первоклассный гений». Вместе с тем он страдал эпилепсией, которая, усилившись в последние го-

ды его жизни, повлияла на его умственную и политическую деятельность. «Его гениальность, как и всякая гениальность, не имела ничего общего с его болезнью, и одновременное существование гения и эпилепсии у Наполеона есть только лишь простая случайность» (там же, с. 484).

Таким образом, наряду с полученными П. И. Ковалевским конкретными результатами, представляющими большой научный интерес, чрезвычайно важной является разработка им вопросов методологии психобиографического исследования. Предложенная им процедура его проведения включает: выявление наследственности изучаемой персоналии, психических особенностей и патологии родителей, генетической предрасположенности к душевной болезни и диагностирование психического состояния изучаемого человека; описание физиологических характеристик (центрального и периферических отделов нервной системы), особенностей семейного воспитания, свойств характера, поведения и отношения к разным сторонам действительности, результативности осуществляемой деятельности. Причем все указанные показатели рассматриваются автором в динамике; прослеживается их проявление на всех этапах жизненного пути личности. Особое внимание уделяется раскрытию побудителей действий и поведения субъекта – мотивов, убеждений, ценностей. Подробно анализируется влияние социальной среды, конкретных исторических условий на развитие личности. Предметом изучения выступают также кризисные периоды в жизни изучаемой персоналии как катализаторы личностного развития. Это позволяет утверждать, что Ковалевский предложил и реализовал *целостный подход* в психобиографическом изучении исторической личности прошлого. Психобиографические исследования П. И. Ковалевского заложили основу для дальнейших разработок в области психоистории.

К числу основоположников психобиографических исследований в отечественной науке относится также В. Ф. Чиж, профессор Дерптского (ныне Тартуского) университета, физиолог, психолог и психиатр, возглавлявший созданную Э. Крепелином экспериментальную психофизиологическую лабораторию в университете.

Чиж является автором ряда психобиографий известных исторических личностей – гениальных русских писателей (А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева), политических (Павла I, А. А. Аракчеева) и религиозных деятелей (монах Фотий Спасский), философов (О. Конта, Ф. Ницше). Он был убежден, что из-

учение истории психиатром имеет большое значение, так как открывает возможность для выявления взаимосвязи между физическим и душевным состоянием выдающейся личности и предпринимаемыми ею действиями, оставившими значимый след в культуре и жизни народа, а также для разграничения болезни и «издержек власти». В духе представлений своего времени Чиж рассматривает душевную болезнь и здоровье с точки зрения их соотношения с общепринятыми нормами. Соответственно аморальность оценивается им как вид патологии. Для характеристики подобных отклонений Чиж использует введенный в 1830-х годах английским психиатром Дж. К. Причардом термин «нравственное помешательство», а также широко распространенное понятие «преступный тип», автором которого был Ч. Ломброзо. Он разделяет идею Ломброзо о существовании биологически закрепленного типа преступника (Унанянц, 2001).

В работах Чижа реализуется *типологический подход*: на примере каждого исследуемого персонажа он раскрывает определенный тип личности.

В качестве объектов изучения Чиж выбирает известных деятелей прошлого, объясняя это, во-первых, тем, что они оставили яркий след в истории; их жизненный путь и деятельность освещены в различных источниках, что позволяет исследователю собрать материал, необходимый и достаточный для составления психологических портретов этих исторических личностей. В частности, говоря об Аракчееве, Чиж отмечает, что «имеющийся в литературе материал вполне достаточен, чтобы очертить весь склад, весь психологический образ Аракчеева: нам известна его биография, известна его умственная деятельность, известны его чувствования, его основная страсть, известна его привязанность, известно, в чем и как проявлялась его воля» (Чиж, 2001б, с. 13). Во-вторых, по мнению Чижа, у выдающейся личности ярко акцентированы определенные типологические черты, что помогает выявлению и изучению различных психологических типов. Например, Аракчеев, по его мнению, представляет собой тип «злодея-преступника» и одновременно «раба»; Фотий Спасский – яркий образец человека-фанатика (там же, с. 14).

Следует отметить, что сходные идеи высказывал Э. Кречмер, отмечая, что «высокоодаренные вследствие своей немногочисленности малопригодны для статических исследований, но зато богаче резко выраженными типическими личностями» (Кречмер, 1995, с. 526).

Основными используемыми Чижом методическими приемами являлись: выявление в различных источниках информации об изучаемом лице, ее анализ и систематизация. Он пишет, что задача исследователя состоит в том, чтобы «расположить весь материал так, как того требует современная психология; психолог должен воспользоваться разбросанным в исторических трудах и журналах материалом, для того чтобы обрисовать все главные признаки, все главные особенности психической организации...» (Чиж, 2001б, с. 12). В качестве анализируемых показателей при психобиографическом описании всех исследуемых лиц в работах Чижа выступали: особенности родительской семьи; условия воспитания в детские годы; психические и медицинские патологии ближайших родственников; развитие личности на всех этапах жизненного пути (в период младенчества, детства, юношества, в зрелые годы); представленность в характере изучаемого индивида типичных черт конкретного психологического типа. Столь детальный и всесторонний анализ позволял автору воссоздать целостный психологический портрет изучаемого человека.

В этом плане представляет интерес данная автором на примере психобиографического изучения А. А. Аракчеева характеристика психологического типа злодея. Исследуемый персонаж, по его мнению, является чрезвычайно ярким представителем данного типа, что обусловило введение автором соответствующего названия данного патологического характера – «аракчеевский тип». «Аракчеевы лишь исполнители чужой воли; как настоящие рабы, они должны всегда служить своим господам, не способны к самостоятельности, подчинены чужой воле. Они трудолюбивы, терпеливы, наделены самообладанием; „раб“ не может обладать сильной волею; она ему совершенно не нужна; наконец, человек с сильной волею не может быть „рабом“. Аракчеевы не обладают инициативой, не наделены сильной волей, преследуют мелкие, низменные цели; они крайне опасны как орудие, но всегда вредны, потому что всюду вносят свою злобность, свое человеконенавистничество, свою мертвящую рутину. Аракчеевых немало, и они всегда причиняют много страдания и горя...» (там же, с. 97).

Чиж подчеркивает, что становление такого типа патологического характера обусловлено как внутренними предпосылками, так и конкретно-историческими условиями, существующими на определенном этапе общественного развития: «Аракчеев был героем зла вследствие того, что все признаки злодея у него были резко выра-

жены, и вследствие исторических условий, в которых ему пришлось действовать» (там же; курсив наш. – В. К., Е. Х.).

Персонажи, воссозданные Чижом в работах «Психология властелина», «Психология злодея», «Психология фанатика», – «герои» своего времени, отражающие его духовную атмосферу и социальные запросы, поэтому через анализ типичных психологических типов осуществляется раскрытие особенностей социальной среды и исторического времени, которые влияли на их формирование и вместе с тем олицетворялись ими. В частности, в работе «Психологии властелина» В. Ф. Чиж рассматривает социальные факторы, обусловившие возникновение патологических черт личности Павла I, подчеркивая при этом, что в строгом смысле слова император не был психически больным человеком (там же, с. 320).

Ряд работ В. Ф. Чижа посвящен психобиографическому исследованию гениальных русских писателей: «Болезнь В. Н. Гоголя»; «И. С. Тургенев как психопатолог»; «Ф. М. Достоевский как психопатолог и криминолог»; «А. С. Пушкин как идеал душевного здоровья».

Наиболее фундаментальным является труд В. Ф. Чижа «Болезнь Н. В. Гоголя». Как психиатра автора, безусловно, интересует психическое состояние писателя, но его диагноз не рассматривается им в качестве основной цели исследования. «Разве не все равно, страдал ли Н. В. Гоголь периодической меланхолией, или круговым помешательством, или наследственным помешательством в смысле Мореля, или... дегенеративным помешательством. Спорить о диагнозе болезни гениального писателя пятьдесят лет спустя после его смерти не имеет смысла, так как проверить справедливость мнений мы не можем, и потому каждый может оставаться при своем мнении» (Чиж, 2001, с. 6). Он ставит иную цель – «объяснить не только жизнь Н. В. Гоголя, но и влияние болезни на его творчество, а это задача весьма нелегкая; тут недостаточно знания психиатрии, а необходимо изучение весьма обширной литературы о Гоголе» (там же, с. 8). В этом проявляется установка автора на проведение междисциплинарного исследования, привлечения данных разных наук – психологии, психиатрии, истории, литературоведения.

В книге «Болезнь Н. В. Гоголя» Чиж уделяет значительное внимание рассмотрению проблемы гениальности, выявлению природы данного феномена. И конечно, он, как и Ковалевский, уделяет внимание активно обсуждаемому вопросу о соотношении гениальности и безумия.

Согласно В. Ф. Чижу, несмотря на слабую изученность феномена гениальности и факторов ее формирования, все же можно предположить, что она представляет отклонение от нормы: «Мы не можем утверждать, что гений может родиться в каждой семье, без всякой подготовки; гений – это какое-то *случайное, непонятное нам уклонение*. Биография Н. В. Гоголя еще раз подтверждает нам, что мы решительно не знаем ни биологических, ни психологических условий, способствующих развитию гения...» (там же, с. 17; курсив наш. – В. К., Е. Х.). Однако Чиж сомневается в правомерности признания психической патологии как *обязательного* признака любой гениальной личности, тем более, что подобное утверждение, по его мнению, не продвигает в понимании природы и причин развития гениальности: «Я вполне понимаю, что объяснение гениальности как патологического явления мало выявляет нам сущность дела. Если даже и признать как безусловно доказанное, что гений обусловлен болезнью, что вообще гениальность есть патологическое отклонение от типа, все же остается невыясненным главное: какие болезни и каким образом обуславливают гениальность, какие отклонения мозга бывают у гениальных людей» (там же).

Но даже если принять точку зрения Ломброзо о связи гениальности и помешательства, необходимо, с точки зрения Чижа, учитывать тот факт, что характер и протекание психических болезней у великих людей отличаются своеобразием сравнительно с аналогичными проявлениями у обычных людей: «Изучение болезни Гоголя, также как и болезни Ницше, приводит к заключению, что гениальные люди и в болезни отличаются от обыкновенных людей. Ломброзо был вполне прав, указав на тот факт, что многие великие люди страдали душевной болезнью, были наделены психопатической организацией. Но великие люди, насколько мы можем судить по тем далеко не полным и не совсем точным сведениям об их жизни, какими мы обладаем, страдали *своеобразными душевными болезнями*, весьма отличными от тех, какими заболевают обыкновенные люди» (там же, с. 202; курсив наш. – В. К., Е. Х.).

Создавая психобиографию Гоголя, Чиж подробно анализирует разные стороны его жизни и творческой деятельности. В-первых, оценивает состояние психического здоровья родителей Гоголя, что приводит к выводу о наследственной предрасположенности к психическому заболеванию писателя. Во-вторых, изучаются детский и юношеский периоды жизни Гоголя, а затем тщательно прослеживается весь его дальнейший жизненный путь. В-третьих,

по воспоминаниям близких, очевидцев и письмам самого писателя воссоздаются особенности его характера и поведения. В-четвертых, что для нас наиболее значимо, проводится разбор некоторых произведений писателя. На основе их анализа делается вывод о том, что в продуктах творчества Гоголя отражаются особенности его личности, а также следы болезни, проявляющиеся в выборе тем произведений, их структуры и стилевых особенностей.

Так, проведя текстологический анализ романа «Мертвые души», Чиж усматривает в нем признаки начавшего ослабления гениальности писателя: «Наше благоговение перед „Мертвыми душами“ так велико, что может показаться даже странной мысль об ослаблении в качественном отношении гения Гоголя за этот период... Если художник отличается от простых смертных ясностью и глубиной восприятия, если главное в художественном творчестве – восприятия, проникающие и обнимающие человека и предмет, то, конечно, гений Гоголя начал слабеть с 1836 года... Чтение „Мертвых душ“ уясняет нам, что Гоголь уже не заботился о верности или точности внешней обстановки действия, не постарался узнать о том, что ему не известно... он уже не замечал бьющих в глаза противоречий» (там же, с. 99–100).

Чиж проводит также сопоставление двух редакций «Тараса Бульбы» (1835 и 1839–1842 гг.) и отмечает их значительную разницу, состоящую в нарастании негативных тенденций в творческой деятельности писателя как следствии усиления болезненного состояния писателя (характерных для второго издания растянутости, напряженности, странных дополнений, искажающих развитие событий и т. п.). Предметом анализа Чижа являются и другие произведения Гоголя – «Портрет», «Выбранные места из переписки с друзьями». Это убеждает его в мысли, что по мере прогрессирования психической болезни ослабевает литературный талант Гоголя. Особенности последних произведений Гоголя, по мнению Чижа, обусловлены разрушительным влиянием болезни.

В отличие от П. И. Ковалевского В. Ф. Чиж отводит незначительную роль среде как фактору формирования характера гениальной личности, объясняя это ее «крайней самостоятельностью и громадной своеобразностью» (там же, с. 19).

Общий вывод В. Ф. Чижа состоит в утверждении, что *патологическую личность формирует болезнь, а не среда или наследственные особенности*. Среда и наследственность оказывают некоторое влияние, но психическая патология имеет определяющее значе-

ние, накладывая отпечаток на формирование личности и ее деятельность.

Обсуждение проблемы связи гениальности и психической патологии представлено также в работе ученого «А. С. Пушкин как идеал душевного здоровья», посвященной психобиографическому описанию жизни и творческой деятельности величайшего гения русской словесности (Чиж, 2001в).

А. С. Пушкин оценивается Чижом как гениальный поэт и образец душевного здоровья: «Бесспорно, Пушкин обладал идеальным душевным здоровьем, и его жизнь, и его понимание истины добра и красоты, и нарастание его духовной энергии убедительно это доказывают... Таким образом, наш великий поэт может служить примером идеального душевного здоровья; изучение его жизни и произведений дает нам весьма поучительный материал для суждения, в чем состоит идеальное душевное здоровье. Такая крупная личность, как Пушкин, представляет весьма яркие и очевидные признаки идеального душевного здоровья; мы можем сравнивать произведения Пушкина с произведениями других писателей для того, чтобы уяснить себе, здоровым или больным человеком написаны эти произведения. Тот несомненный факт, что Пушкин обладал идеальным душевным здоровьем, окончательно опровергает теорию о родстве или близости между гением и помешательством, хотя, несомненно, некоторые гении были люди больные. Нам совершенно непонятен гений, и я думаю, что мы и не можем понять гениальности» (там же, с. 436; курсив наш. – В. К., Е. Х.).

Соответственно, В. Ф. Чиж приходит к выводу о том, что *гениальность не является проявлением болезни*: гений может быть абсолютно психически здоровым человеком.

Определяя содержание понятия «душевное здоровье», Чиж, согласно воззрениям своего времени, включает в него такой показатель, как «моральный оптимизм», т. е. способность смотреть на жизнь «положительно» и поступать соответствующим образом. Нравственно зрелый человек, как считалось, переживает «положительные чувства» (восхищение, любовь, надежда), в то время как безнравственный – «отрицательные эмоции» (презрение, ненависть, разочарование, пессимизм). Таким образом, характеристика душевного здоровья приобретает моральный оттенок. Согласно Чижу, душевнобольные люди отличаются деформированной психической организацией и являются безнравственными личностями: «Большой, ненормальный психически или не любит ни истины, ни доб-

ра, ни красоты, или не способен понимать их.... Психопат не может гармонически стремиться к правде, нравственному и красивому; чаще всего у него нет любви и понимания добра» (там же, с. 438).

С этой точки зрения Чиж исследует психический мир А. С. Пушкина, одного из немногих гениев, отличающихся, по его мнению, гармоничной психической организацией. Он не усматривает у поэта никаких признаков душевной болезни, настаивает на его моральной «безупречности» как главном показателе психического здоровья. При этом художественные дарования Пушкина в рассуждениях ученого отходят на второй план, ибо они характеризуют гениальность поэта, о которой, как считает Чиж, науке практически ничего не известно, и потому трудно об этом высказывать какие-либо суждения. Таким образом, соглашаясь с Ч. Ломброзо в том, что «некоторые гении были людьми больными», В. Ф. Чиж, в то же время считает «тот несомненный факт, что А. С. Пушкин обладал идеальным душевным здоровьем», весомым аргументом в опровержении идеи «о родстве или близости между гением и помешательством» (там же).

В работах В. Ф. Чижа, посвященных творчеству И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского (Чиж, 2001), ставится иная задача – понять, насколько точно в произведениях писателей отражаются психопатологические состояния и преступные деяния. С этой целью Чиж проводит тщательный текстуальный анализ художественных произведений писателей, выявляет условия, в которых они создавались, психологические особенности их авторов. Результатом этого исследования становится вывод о предельной точности изображения психопатологических феноменов в трудах Тургенева и Достоевского.

Так, характеризуя с этой точки зрения творчество И. С. Тургенева, Чиж пишет: «Если Тургенев с неподражаемой точностью изображал ненормальные психические явления, мы должны вполне полагаться на верность всех образов во всех произведениях Тургенева. Если Тургенев так верно изобразил мало ему интересные, непонятные ему психопатические проявления душевной жизни, – бесспорно, что изображения нормальных психических явлений не менее точны. Я вполне понимаю, что произведения Тургенева уже оценены по достоинству, что не было сомнений в полной правдивости нашего великого писателя...» (там же, с. 286).

Аналогичная оценка содержится в работе «Ф. М. Достоевский как психопатолог и криминолог» (Чиж, 2001а). Особый дар Достоевского Чиж видит в умении убедительно и достоверно раскрывать негативные проявления личности, темные ее стороны, психические

аномалии. По его мнению, в его произведениях, по сути, представлена энциклопедия душевных болезней, превосходящая по степени точности и реалистичности их описания некоторые научные труды. Особенно выделяется Чижом роман «Братья Карамазовы», в котором в образах героев воспроизводятся различные патопсихологические проявления, обусловленные наследственными корнями.

Чиж считает, что Достоевский дал также адекватный портрет личности с криминальными наклонностями. Фактически он первым описал психологический тип «врожденных преступников» – лиц, совершающих антисоциальные деяния не в силу тех или иных жизненных обстоятельств, а в связи с генетическим психическим уродством. Лишенные каких-либо угрызений совести, они не только не переживают за свои преступления, но, напротив, оправдывают их и кичатся ими.

Согласно Чижу, Достоевский описывает мир таким, каким он его видит, воспринимает и понимает. В свою очередь, видение действительности и человека Достоевским отражает особенности его собственной души. Этим определяется возможный путь изучения психологических характеристик писателя: от анализа созданных им произведений, их героев к раскрытию психологии автора.

Еще одним известным русским психобиографом был И. А. Сикорский, психиатр, психолог, физиолог, руководитель кафедры психиатрии в Киевском университете, создатель одной из первых в России экспериментальных психофизиологических лабораторий, журнала «Вопросы нервно-психической медицины», основоположник отечественной детской психологии.

Интерес Сикорского к искусству был не случаен. В нем они видели воплощение высших душевных проявлений жизни их творцов. Поэтому психиатр, изучая искусство, познает жизнь в ее высших, идеальных характеристиках, что не менее важно, чем понимание ее болезненных, деградирующих сторон.

Исследуя современную ему литературу, Сикорский пришел к печальному выводу, что в ней отражается упадок общественной нравственности: ослабление воспитательного воздействия на подрастающие поколения, рост числа преступлений, усиление суицидальных тенденций, равнодушия и невнимания к проблемам человека. К сожалению, нередко деятели искусства свои собственные болезненные состояния воплощают в новомодных течениях живописи, поэзии, «патологической литературы», что негативно влияет на нравственное состояние общества и его психологическое здоро-

вье. В связи с этим Сикорский призывает к ответственности творца за свои деяния.

Сикорский – автор ряда психобиографических исследований, среди которых особый интерес представляют «Антропологическая и психологическая генеалогия Пушкина» (1913) и «Психологическое направление творчества Гоголя» (1910).

Основное внимание Сикорский уделяет рассмотрению проблемы гениальности. Он выделяет два фактора появления гениальной личности.

Во-первых, оно определяется *наследственностью*. «Появление на свет гениального человека не совершается экспромтом. Происходит продолжительная и сложная подготовка к великому событию живой природы» (Сикорский, URL). Ссылаясь на антропологические исследования французских ученых, Сикорский отмечает, «что тотальность, талантливость и даровитость, составляя серию смежных градаций одного и того же явления, приурочены к некоторым семейственным группам и родам и появляются на лоне своей биологической почвы, время от времени, с неодинаковой частотой, локализуясь в индивидуумах то мужского, то женского пола. Судьба ста семейств, прослеженная французскими антропологами на расстоянии нескольких столетий, показала, что есть роды и семейства, которые даже за довольно длинный срок (до семи столетий) давали только серенькое потомство без всяких следов „искры Божьей“, т. е. талантливости или даровитости. Но другие семейные группы давали время от времени даровитых и талантливых представителей, после чего творческая сила рода понижалась до нового подъема» (там же).

Во-вторых, важным фактором является *развитие индивидуальных задатков, того, чем наделила природа гениального человека*. Для этого должны быть созданы благоприятные условия.

Интересной представляется мысль ученого о том, что наиболее сензитивным периодом для проявления гениальности являются юношеские годы, т. е. гениальные личности значительно раньше, нежели обычные люди, достигают духовной зрелости.

Исследование выдающейся исторической личности прошлого в работах Сикорского носит целостный характер, включает описание всех основных ее телесных и психологических характеристик, факторов развития и результатов творческой деятельности. Анализируются наследственные предпосылки гениальности, описывается физический облик исследуемой личности, прослеживается весь ее

жизненный путь, вскрывается роль социальной и культурной среды, в которой происходило ее формирование.

Говоря о наследственном факторе, Сикорский расходится во взглядах с П. И. Ковалевским. Если тот считал, что наследуются все качества родителей, то, согласно Сикорскому, «путем биологического наследования передаются от предков потомкам не все качества, а *некоторые*. Причем, эта передача может охватить то внешние формы телесной организации в связи с темпераментом, то внутренние глубокие качества в связи с характером человека и его умственными дарованиями» (там же).

Также как и Ковалевский, Сикорский вводит в наследственный фактор еще одну составляющую – *особенности национальной и расовой принадлежности индивида*, полагая, что при смешении рас человек приобретает возможность получить от своих предков богатое природное наследие – наиболее ценные черты двух национальных характеров. Это демонстрируется на примере А. С. Пушкина. Основную причину гениальности русского поэта он видит в смешении в его родословной двух рас – европейской и негроидной. «В основе таких благочестивых претензий кроется тот действительный факт, что гениальность имеет много антропологических корней; в создании ее участвуют многие, иногда чрезвычайно отдаленные биологические факторы. В личности Лермонтова сказались черты шотландского характера. У Льва Толстого некоторые не без основания допускают родство с Мамаем, татарским князем. Родство Пушкина с негритянским стволом человечества по женской линии через Ибрагима Ганнибала хорошо известно. Тонкие перемишки между основными стволами человечества (белая, желтая и черная расы) не лишены способности послужить биологической почвой для величайших созданий природы. Быть может, они даже содействуют той универсальности духа, которая является отличительной чертой гениальных людей» (там же).

По линии рода Ганнибалов, как считает Сикорский, Пушкин воспринял «дикое инстинктивное начало, хищную чувственность». Этим же он объясняет присущие поэту горячность характера, вспыльчивость, страсть к женщинам. Слияние природных особенностей «черной расы» с укорененными свойствами «старинного дворянского рода» создало особый чувственно-эмоциональный строй психического мира поэта, определило глубину и необыкновенную сложность его переживаний, совершенство его памяти и восприятия окружающей действительности.

Изучение генеалогии поэта показывает, что в его родовом древе на протяжении нескольких столетий появлялись талантливые личности. При этом ученый обращается к мнению самого А. С. Пушкина относительно его родословной, представленному в его работе «Моя родословная, или русский мещанин», к письмам и стихотворениям поэта. Проведенный анализ приводит Сикорского к выводу, что «в талантливом роде Пушкиных каждый член его был застрахован от... физических и нравственных случайностей: на страже неусыпно стояла трезвая программа жизни. Эта программа, строго соблюдаясь, передаваясь от поколения к поколению в течение семи столетий, стала, наконец, унаследованной семейно-традиционной практикой и тем получила свою биологическую прочность – ту прочность и устойчивость, которая стала наследственным ценным прародительским даром» (там же).

Сикорский выявляет конституциональные особенности поэта, обращая для этого к портретам Пушкина, созданным И. Е. Репиным, В. А. Тропининым и другими художниками, к описанию его внешности, оставленной современниками. Воссоздавая психологические особенности личности Пушкина, Сикорский опирается на широкую совокупность источников: его письма (жене и друзьям), воспоминания о нем современников, творческое наследие поэта. Предметом изучения становятся все структурные компоненты психики поэта – восприятие, память, мышление, эмоции, особенности его личности. Тем самым Сикорскому удается реконструировать *целостный психологический портрет* Пушкина, раскрыть его неповторимую индивидуальность. Он приходит к заключению, что «в его душе многие элементарные или даже сложные состояния комбинировались еще и еще раз, давая недостижимые психические пирамиды, недоступные обыкновенному смертному» (там же). Особо подчеркивается высокая нравственность поэта, которая не всегда усматривается за внешними поведенческими проявлениями, но лежит в основе всех его помыслов и действий.

Сикорский утверждает, что здоровая природа Пушкина под воздействием правильного воспитания позволила взрастить «талантливость и независимость духа». Безусловно, большую роль в развитии гениального поэта сыграли семейное воспитание, полученное им образование, социальное окружение.

Аналогичную схему анализа Сикорский использует также при составлении психобиографии Н. В. Гоголя.

Говоря об истории отечественных психобиографических исследований, нельзя не отметить работы В. М. Бехтерева, выдающегося русского ученого, психиатра, психолога, физиолога, организатора первой в России экспериментальной психофизиологической лаборатории (1885), Психоневрологического института (1907), Института мозга и психической деятельности (1918).

В. М. Бехтерев стоит у истоков создания комплексного человекознания. Им разработан и реализован в его собственных исследованиях и в деятельности возглавляемых им научных коллективов принцип *целостного изучения человека*, получивший в советской психологии развитие в работах продолжателей его идей – Б. Г. Ананьева, В. Н. Мясищева, М. Я. Басова, Б. Ф. Ломова.

Будучи ученым-новатором, чутко откликающимся на запросы практики и новые веяния в науке, Бехтерев не мог не заинтересоваться проблемами психоистории, которые получили отражение в его работе «Вильгельм II как дегенеративный тип» (Бехтерева, 1916). Как и Чиж, Бехтерев на примере рассматриваемого персонажа раскрывает особенности конкретного психологического типа – «правлящего дегенерата». Но, в отличие от своих коллег, он исследует не историческую личность прошлого, а своего современника, интерес к которому, по-видимому, был обусловлен историческими событиями: Россия находилась в состоянии войны с Германией.

Используемый Бехтеревым способ создания психологического портрета кайзера осуществлялся по той же схеме, которая применялась традиционно в отечественных психоисторических исследованиях: сбор и анализ разнообразных материалов, касающихся изучаемого лица (выступлений Вильгельма, фактов, касающихся его биографии, личности и деятельности, материалов публицистики, содержащих его оценку как правителя современниками). В работе проводится клиническое исследование состояния душевного здоровья кайзера, выявляются наследственные предпосылки формирования его личности, описываются конституциональные характеристики и присущие ему психологические особенности.

Результатом анализа становится вывод ученого о том, что кайзер является психически здоровым человеком. «Я хочу доказать, что он не сумасшедший и не поражен вообще никакой известной нам формой душевной болезни... Дело в том, что строго объективное определение болезни состоит в более или менее явном, обусловленном болезнью нарушении установившихся, вследствие воспитания и влияния среды, отношений личности к окружающим

условиям. Применяя это определение к Вильгельму II, мы убеждаемся, что не только нет никакого нарушения в отношении личности Вильгельма к окружающим его условиям, но, наоборот, Вильгельм II более чем кто-либо другой, является лицом, в котором, как в фокусе двояко-выпуклой чечевицы, собираются черты германского милитаризма. Недаром Вильгельм II пользовался и пользуется до настоящего времени в широких кругах населения Германии колоссальной популярностью» (там же, с. 4).

Однако при этом и физический облик кайзера*, и его поведение, и психологические черты, по мнению Бехтерева, позволяют отнести его к *психологическому типу дегенератов*: «Ясно, что если сам Вильгельм не должен быть признан душевнобольным человеком, то он не может быть признан и вполне здоровым, ибо многие особенности его натуры доказывают его неуравновешенность и склонность к ненормальным психическим проявлениям и расстройствам, которые столь обычны для всех вообще дегенератов» (там же, с. 12).

В подтверждение своего вывода Бехтерев ссылается на описание дегенеративного типа прирожденного преступника, содержащееся в работе Ч. Ломброзо, которое, как ему представляется, полностью соответствует психологическому облику Вильгельма II: «Чувство семейных и общественных привязанностей у дегенератов притупленное, оно заменяется другими душевными движениями низшего порядка...». Их отличают «тщеславие, чрезмерное чувство собственной ценности, неизменная уверенность в своей правоте...». Для дегенератов «характерно извращение религиозности, при котором им кажется, что Бог оправдывает все их поступки...» (цит. по: Бехтерев, 1916, с. 44). Дегенераты сеют зло, ориентированы не на созидание, а на разрушение. История знает немало дегенератов, облаченных высшей властью. Наиболее ярким из них является римский император Нерон, поэтому, согласно Бехтереву, Вильгельма II с полным основанием можно характеризовать как «дегенерата неронового типа».

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в России в конце XIX–начале XX в. сформировалось и успешно развивалось гуманитарное направление психологии – психобиографические исследования.

* Бехтерев указывает на один из антропологических признаков дегенератизма – неразвитый прогнатизм лица. Если в норме он составляет 90 градусов, а у Вильгельма II этот угол равен только 68 градусам (Бехтерев, 1916, с. 38).

Русские ученые ориентировались на глубинное исследование индивидуальных психологических характеристик исторических личностей. В своих работах они реализовывали комплексное изучение человека, что выражалось в интеграции медико-клинического, психологического и психиатрического подходов. На основе изучения индивидуальных случаев выявлялись объективные закономерности, тем самым делалась попытка соединения в рамках психобиографического исследования номотетического и идиографического подходов. Жизнеописание выдающейся личности прошлого и ее психобиографическое изучение являлось способом исследования актуальных проблем науки: раскрытия психологической структуры личности; выявления факторов ее формирования (биологических, генетических, социальных), описания особенностей психологических типов; изучения феноменов таланта и гениальности.

Для отечественной психоисторической школы характерно целостное исследование исторической личности в разных ее проявлениях и обусловленности совокупностью детерминирующих ее развитие факторов.

Благодаря совокупным усилиям ученых была разработана концептуальная схема проведения психобиографического исследования, включающая выделение и анализ следующих показателей:

- наследственность (болезни и психологические черты родителей; наличие талантов в родовом древе; национальная принадлежность) и ее роль в формировании личности;
- антропологические характеристики исследуемого лица;
- особенности жизненного пути личности;
- условия семейного воспитания, отношения с родителями;
- результативность деятельности личности, анализ ее продуктов;
- особенности социальной среды, в которой происходило формирование индивида;
- состояние душевного здоровья;
- особенности психических функций, характерологических свойств, нравственной сферы человека;
- принадлежность человека к определенному психологическому типу.

Следует отметить, что в отличие от западных ученых русские исследователи занимались изучением не только исторических лиц психопатического склада, но психически здоровых людей. Признавая роль наследственности и влияние на личность отношений с родителями

в детские годы, они вместе с тем большое внимание уделяли социальным факторам ее формирования. Ими решительно отвергалась сложившаяся в западной науке традиция трактовки гениальности как формы психической патологии.

Все это позволяет сделать вывод об оригинальности отечественных исследований в области психоистории, о том, что по глубине анализа, целостности отражения разных сторон психического мира человека, комплексности анализа они превосходили аналогичные разработки зарубежных психологов.

К сожалению, накопленный интересный опыт психобиографических исследований оказался невостребованным российской психологической наукой в послереволюционный период. Это объясняется утверждением в ней естественнонаучного подхода, отсутствием гуманитарных направлений психологии, острой критикой психоанализа, с которым ассоциировались психобиографические исследования, поэтому можно назвать лишь небольшое число работ советских психологов, посвященных выявлению психологических особенностей известных исторических личностей, к тому же рассматривающих изучаемые персоналии не столь объемно, как это было в русской дореволюционной психоисторической школе, а касающихся лишь отдельных сторон их психологической структуры.

К их числу относятся, прежде всего, работы Б. М. Теплова. В его книге «К вопросу о практическом мышлении (Опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам)» (Теплов, 2003а) представлен анализ мышления великих полководцев – Наполеона Бонапарта, А. В. Суворова, М. И. Кутузова, М. Нея, И. Мюрата, Петр I и др. Стратегия и тактика военного искусства исследуется на основе рассмотрения военных кампаний: целей, стоящих перед военачальником, действий и операций, предпринятых для их осуществления. Изучаются личностные качества выдающихся полководцев, важные для их профессиональной деятельности: особенности мышления, волевые качества, эмоциональные состояния, испытываемые полководцем в момент сражения. В качестве источников исследования выступают воспоминания и дневниковые записи самих военачальников, работы военных историков (К. Клаузевиц, М. И. Драгомиров и др.), военные приказы, описания хода и результатов сражений.

Анализируя деятельность крупнейших военачальников, Теплов конструирует обобщенный психологический портрет успеш-

ного полководца. Согласно его мнению, это личность, наделенная практическим мышлением, в котором в равной мере сочетаются ум и воля, простота и ясность мысли, умение тщательно подготовиться к операции, учесть все детали сражения. Для полководца необходимо наличие «боевого возбуждения» в момент опасности, которое стимулирует работу ума. Теплов отмечает у известных военачальников силу характера, «умение превращать сложное в простое», «видеть сразу целое и все детали», принимать решения в экстремальной ситуации, обусловленной лимитом времени (Теплов, 2003а, с. 301). Данное качество он характеризует как синтетическую силу ума, соединенную с конкретностью мышления. Способность к анализу и синтезу, умение выделить существенное, предвидеть ход событий, последствия принимаемых решений, смелость мысли являются неотъемлемыми качествами выдающегося военачальника.

Наряду с изучением мышления, Теплов выявляет особенности других психических функций известных полководцев. Например, он указывает на избирательность их памяти, наличие в характере таких черт, как смелость, готовность брать ответственность на себя и в то же время осмотрительность и осторожность. Полководцев отличает хорошее знание людей, сочетание точного, логического расчета и интуиции.

В другой работе Б. М. Теплова, к сожалению, незаконченной, «Творчество М. А. Балакирева» исследуется жизнь и творчество выдающегося русского композитора. Теплов создает его психологический портрет, выявляя задатки и способности, психологические свойства памяти, мышления, эмоционально-чувственной сферы, состояние здоровья, особенности поведения. В качестве источников исследования в работе используются воспоминания современников композитора, его переписка с коллегами и близкими людьми, биографические сведения, дневниковые записи, мемуарная литература. Этот, по выражению Теплова, «репродуктивный материал» (Голубева, 2007, с. 99) является чрезвычайно ценным». Учитываются культурные тенденции рассматриваемого времени, круг общения композитора.

Следует отметить, что в работах Теплова проводится именно *психологическое*, а не медико-клиническое исследование исторической личности.

Психобиографическое исследование исторических личностей на основе анализа исторических событий проведено Г. И. Чулковым, известным поэтом и прозаиком начала XX в., литературным

и театральным критиком и историком, издателем русского классического наследия, мемуаристом. Ему принадлежат работы, посвященные творчеству А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, Ф. М. Достоевского, деятельности декабристов.

Предметом психобиографического исследования автора выступали также жизненный путь и психологические характеристики русских императоров – Павла I, Александра I, Николая I, Александра II, Александра III (Чулков, 1993). Акцент в данной работе делается на изучении особенностей исторической эпохи, к которой принадлежали изучаемые личности, на описании исторических событий, происходивших в России в XIX–начале XX в., основных идейных течений, развивающихся в этот период времени. Таким образом, личность императора рассматривается на фоне социально-политической жизни; обосновывается ведущая роль социально-исторического фактора в ее формировании.

Чулков предпринимает попытку подойти к изучаемым персоналиям с точки зрения рассмотрения их как живых людей, отбросив идеологические представления и стереотипные мнения. Он анализирует детские годы императоров, выделяет их характерологические свойства, пытается понять те переживания, которые, по его мнению, испытывали данные персоналии, раскрыть влияние взаимоотношений в обществе на личность правителя. Для этого анализируются дневниковые записи императоров, близких к ним лиц, воспоминания современников. Чулков старается «вжиться» во внутренний мир исследуемых им лиц, понять их характеры, источники их поступков, объяснить те или иные принимаемые ими политические решения.

Наиболее полными, объемными, отражающими сложный психологический мир личности с ее слабостями и достоинствами, реально существующими противоречиями, являются психологические портреты Павла I, Александра I и Николая I.

Данная работа в большей мере является литературным произведением, однако в научном плане важны предлагаемые автором методы исследования исторической личности: ее рассмотрение в системе социальных отношений; описание социальных условий развития; анализ различных периодов жизненного пути и кризисных моментов, рассмотрение как оппонентного круга, так и людей, оказавших на нее большое влияние. Анализируя те или иные события, значимые, как для самих императоров, так и для судьбы России, Чулков реконструирует определенные черты характера, формирующиеся в структуре личности изучаемых людей под их влиянием.

С точки зрения методического подхода, представляет интерес также разработанная под руководством Г. И. Поляковой в Институте мозга «схема исследования выдающейся личности». В нее вошли следующие показатели:

- история развития личности – биография (детство, школьные годы, начало самостоятельной деятельности, периоды творчества, вторая половина жизни, последние годы, смерть);
- наследственность (сведения о родственниках по восходящей и нисходящей линии; генеалогическое древо);
- конституциональные особенности человека (рост, вес, цвет глаз, строение тела, состояние организма);
- психомоторная сфера (движения, их характер и темп, игра на музыкальных инструментах, речь, пение, письмо, рисование, чтение);
- психосенсорная сфера (зрение, слух, вестибулярный аппарат, проприоцептивные и осязательные ощущения, вкус, обоняние);
- эмоционально-аффективная сфера (настроение, характер реакций, привычки и влечения, сексуальные влечения, черты тревожно-мнительного характера, отношение к собственному Я, отношение к природе и искусству, к семье, к людям);
- волевая сфера;
- интеллектуальная сфера (речь, письмо, чтение, внимание, воображение, память, объем знаний, характер мышления);
- особенности творческого процесса.

На основе анализа полученных по данной схеме данных выносятся заключение по следующим вопросам: влияние факторов среды и наследственности на формирование личности; роль конституциональных факторов в ее развитии; уровень развития различных психических функций; личностные характеристики изучаемого человека; особенности его творческой деятельности; специфика характера данной личности.

Итогом данной работы стало создание психологических портретов В. Маяковского, Э. Багрицкого, А. Белого.

Рассмотренные результаты и способы проведения психоисторических исследований на разных этапах развития отечественной психологической науки убеждают в необходимости изучения и использования накопленного в них продуктивного опыта познания личности. Они свидетельствуют об актуальности и научном значении данной области знания, открывающей возможность более

глубокого осмысления многих феноменов, рассматриваемых в современной науке: факторы формирования и развития личности, движущие силы ее поведения, природа гениальности и таланта, характеристика психологических типов и т. д.

2.5. Теоретическая модель комплексной реконструкции психологических характеристик гениальной личности

Опираясь на проведенный теоретический анализ проблемы, попытаемся сконструировать *теоретическую модель* проведения психографического исследования гениальной личности прошлого.

«Теоретическая модель включает совокупность положений и принципов, лежащих в основе разработки исследуемой проблемы. По сути, это теоретический каркас работы, основополагающие ориентиры, от которых отталкивается ученый, планируя и организуя проведение научного анализа материала. Теоретическая модель вычленяется из современной системы научного знания. Предполагается, что до того, как начинать собственно реконструкцию психологического знания, необходимо провести углубленное теоретическое осмысление проблемной области, выступающей сферой научных интересов.

Какие же требования предъявляются к теоретической модели?

Она должна: (1) быть адекватной исследуемой проблеме, отвечать общей задаче исследования; (2) учитывать основные положения современной науки, касающиеся рассматриваемой проблемной области; (3) обладать необходимым эвристическим потенциалом, т. е. обеспечивать возможность выявления искомой информации, ее систематизации и объяснения; (4) быть соотносимой с особенностями изучаемого временного периода и рассматриваемой культуры; (5) являться достаточно целостной, т. е. охватывать и полно описывать основные характеристики исследуемого явления» (Кольцова, 2008, с. 418).

Предложенная нами теоретическая модель конкретизируется в ряде концептуальных положений.

Первое положение касается принятой нами за основу *трактовки феномена гениальности*. Под гениальностью понимается наивысшая степень проявления творческих сил личности, высочайший уровень ее интеллектуального и творческого развития, позволяющий ей создать качественно новые, уникальные творения, представляющие ценность для человечества, составляющие эпоху в жизни об-

щества, приводящие к коренному сдвигу в восприятии идей и мира в целом.

Второе положение – выделение тех критериев, которые характеризуют гениальную личность. К ним относятся:

- универсальность;
- высокое мастерство в определенной сфере деятельности, превышающее нормативные показатели и позволяющее достичь вершин творчества;
- критическая установка мышления как способ разрыва с традиционными взглядами и представлениями;
- творческая интуиция;
- богатство чувств и воображения;
- волевая целеустремленность и колоссальная работоспособность;
- высокая духовность, наличие нравственных общечеловеческих идеалов и гуманистической ориентации личности;
- провидческий дар.

Третье положение – рассмотрение факторов формирования и развития гениальности. Следуя положениям системного подхода, при проведении психобиографического исследования гениального человека прошлого необходимо учитывать систему детерминант (факторов), обусловивших его личностное и профессиональное становление, определивших высочайшую результативность его творческой деятельности.

К их числу относится влияние:

1. Семейного воспитания и системы отношений как в родительской, так и в собственной семье. В. Е. Семенов, в частности, подчеркивает необходимость изучения брачно-семейного статуса художника как источника творческого вдохновения, характера его общения с ближайшим социальным окружением, степени духовного родства или антагонизма с близкими людьми.
2. Социальной среды, в которой происходит становление и развитие личности, задающей систему ценностей и нормативов поведения и деятельности, в принятии или преодолении которых личность формирует собственное мировоззрение и реализует свой творческий потенциал. Как писал Б. Г. Ананьев, «жизненный путь человека – это история формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения. Вместе с тем фазы жизненного пути датируются историческими событиями, сме-

ной способов воспитания, изменениями образа жизни и системы отношений, суммой ценностей и жизненной программой – целями и смыслом жизни, которыми данная личность владеет» (Ананьев, 1968, с. 105).

3. Культурных традиций, персонифицированных в виде тех знаковых фигур, жизнь и деятельность которых является для личности образцом для подражания, что особенно важно на ранних этапах ее жизни как условие для выхода на путь самостоятельного творчества.
4. «Значимых других» (соратников и противников), оказавших воздействие на жизненный путь человека, его личностное и профессиональное развитие, а также «референтного круга», включающего людей, с идеями и мнениями которых человек себя идентифицирует.
5. Событий жизни и, прежде всего, ее кризисных моментов как источников формирования мировоззрения и развития творческой деятельности.
6. Конституциональных особенностей человека, его индивидуальных характеристик, наследственных предрасположенностей и задатков как базиса развития личностных и субъектных свойств творца.
7. Психического состояния и психологического здоровья на развитие и творческую деятельность личности.

Четвертое положение – целостное изучение жизненного пути и творческой деятельности гениальной личности, рассмотрение исследуемой исторической личности на всех этапах ее жизненного пути, с момента «старта» и до «финиша», выявление предпосылок ее развития (природно и наследственно обусловленного) и его итогового результата, раскрытие эволюции творческой деятельности, периодов личностных и профессиональных кризисов, событийного аспекта жизни и деятельности, анализ биографии и творческой деятельности.

В психоисторическом исследовании реконструкция личности творца осуществляется через изучение ее биографии и творческой деятельности в их единстве и взаимосвязи. «Личность раскрывается в своей биографии, она открывает себя, свое „так-бытие“, свою уникальную сущность только биографическому объяснению, не поддаваясь прямому анализу. В конечном счете биография – это не что иное, как объяснение личности во времени. В этом смысле само собой разумеется, что любым биографическим данным и даже любой детали из истории жизни присуща биографическая цен-

ность и благодаря этому одновременно – и личная экспрессивная ценность» (Франкл, 1990, с. 100). Понять личность писателя невозможно без изучения его биографии, жизненного пути, равно как невозможно понять биографию творца без проникновения в его творчество, так как «линия, ведущая от того, чем человек был на одном этапе своей истории, к тому, чем он стал на следующем, проходит через то, что он сделал. В деятельности человека, в его делах, практических и теоретических, психическое, духовное развитие человека не только проявляется, но и совершается» (Рубинштейн, 2000, с. 642). Творец объективируется в своих творениях.

На необходимость изучения биографий деятелей искусства и культуры указывает В. Е. Семенов, подчеркивая важность «выявления действительной роли различных жизненных обстоятельств и событий (например, для репрезентативного решения проблемы „сверхкомпенсации“), значения ближайшего окружения (семьи, друзей, педагогов, одноклассников) в развитии художественных потребностей и способностей личности» (Семенов, 1988, с. 32). Он также отмечает важность изучения произведений художника в сопоставлении с его биографией для выявления свойств личности, отраженных в продуктах его творчества. «Путем анализа произведений можно выявить ценностные ориентации художника, понять мировоззренческую направленность его творчества, т. е. исследовать главный компонент в иерархическом строении личности, который является системообразующим свойством и, в конечном счете, направляет творчество художника» (там же, с. 54).

Таким образом, при изучении личности творца необходимо исследовать особенности ее жизненного пути и результаты творческой деятельности и на этой основе реконструировать ее психологические особенности, воплощенные, как в биографии (в том, как личность конструирует свои жизненные планы и стратегии), так и в созданных творениях.

Пятое положение – необходимость исследования жизнедеятельности и психологических характеристик гениального деятеля прошлого в их обусловленности особенностями культуры и исторического времени, в контексте и под воздействием которых происходило его личностное и профессиональное формирование.

Важным условием осуществления целостного и всестороннего анализа психологических характеристик гениальной личности является опора на широкую *совокупность источников*, содержащих информацию о разных сторонах ее жизнедеятельности.

В нашем исследовании использовались следующие группы исторических документов:

- работы, посвященные исследованию жизненного пути писателя (О. П. Миллер, И. Л. Волгин, Л. П. Гроссман, А. Труайя, *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского*);
- воспоминания современников и ближайшего окружения писателя (А. Е. Врангель, С. Д. Яновский, Н. Н. Страхов, А. Г. Достоевская, А. П. Сулова, А. М. Достоевский, В. С. Соловьев, А. Я. Панаева);
- работы, выявляющие особенности социальной среды и круга общения Ф. М. Достоевского (И. Л. Волгин, Н. Л. Громова, А. А. Донов);
- исследования, посвященные творчеству писателя (А. Адлер, Б. Г. Ананьев, Н. А. Бердяев, И. Д. Ермаков, Ф. В. Чиж, К. Леонгард, П. С. Попов, Н. Н. Наседкин, В. В. Розанов, К. Н. Михайловский, П. Н. Ткачев, В. Г. Авсиенко, Е. Г. Марков, В. Е. Семенов);
- литературоведческие исследования (М. М. Бахтин, Л. И. Сараскина, И. П. Володина, А. И. Владимирова, Н. И. Кравцов, Е. П. Кушкин, Г. М. Фридендер, В. В. Дудкин, А. Г. Березин);
- медико-клинические исследования состояния здоровья писателя (О. Н. Кузнецов, В. И. Лебедев, З. Фрейд, И. Нейфельд, Н. Н. Николаенко);
- письма разных лет и дневниковые записи писателя 1860–1881 гг.;
- художественные и публицистические произведения Ф. М. Достоевского.

В качестве основного источника при воссоздании психологических характеристик личности гения выступают, безусловно, продукты творческой деятельности, в которых воплощаются его ценности, идеалы, мировоззренческие установки, отношения к разным сторонам действительности, в которых он проявляется в своей истинной человеческой сущности.

Для решения поставленных в исследовании задач была разработана *процедура комплексной реконструкции психологических характеристик исторической личности* на основе изучения ее целостной жизнедеятельности и продуктов творчества.

Являясь комплексной, процедура реконструкции включает совокупность конкретных исследовательских приемов:

- 1) *Психолого-биографический анализ*, направленный на изучение жизненного пути, творческой деятельности и психологических

особенностей Ф. М. Достоевского и включающий следующие единицы анализа:

- ближайшее окружение личности – родительская и собственная семья;
 - референтная группа и круг «значимых других»;
 - конституциональные и индивидуальные свойства, наследственные задатки;
 - состояние психического и психологического здоровья личности;
 - значимые события в жизни личности;
 - кризисные моменты в жизни личности как источники кристаллизации ее ценностей и идеалов;
 - характеристики интеллектуальной, эмоциональной, волевой и поведенческой сфер личности;
 - особенности характера личности, ее самооценки, нравственных норм, ценностей и идеалов;
 - внутренние конфликты личности;
 - социальная позиция личности, система ее социальных установок;
 - особенности исторической, культурной и социальной среды, в которой осуществлялась жизнедеятельность личности.
- 2) *Праксиметрический метод, или метод анализа продуктов деятельности* – художественных произведений и публицистических работ Ф. М. Достоевского, – используемый в целях выявления тематики произведений писателя, их идейного содержания, характеристики героев, психологических идей как отражения сознания автора, его мировоззрения и мировосприятия, ценностей, идеалов и установок.
 - 3) *Метод периодизации творческой деятельности* – определение ее основных этапов с целью выявления динамики мировоззрения, ценностей и идеалов, социальной и политической позиции автора.
 - 4) *Метод контент-анализа ключевых для каждого из этапов творческой деятельности писателя произведений*, направленный на выявление содержания и динамики основных смыслов жизни и мировосприятия писателя, воплощенных в продуктах его творчества.
 - 5) *Метод экспертной оценки*, направленный на подтверждение адекватности используемой при проведении контент-анализа системы понятий (критериев), характеризующих экзистенциальные ценности и смыслы жизни писателя.

Часть 2

ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ И ЛИЧНОСТНОГО ПОРТРЕТА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

ГЛАВА 1

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

«А любил он, прежде всего, живую человеческую душу во всем и везде, и верил он, что мы все – род Божий, верил в бесконечную силу человеческой души, торжествующую над всяким внешним насилием и над всяким внутренним падением. Приняв в свою душу всю жизненную злобу, всю тяготу и черноту жизни и преодолев все это бесконечной силой любви, Достоевский во всех своих творениях возвещал эту победу. Изведав <божественную> силу в душе, пробивающуюся через всякую человеческую немощь, Достоевский пришел к познанию Бога и Богочеловека. <Действительность> Бога и Христа открылась ему во <внутренней> силе любви и всепрощения, и эту же всепрощающую благодатную силу проповедовал он как основание и для внешнего осуществления на земле того царства правды, которого он жаждал и к которому стремился всю свою жизнь». Эти слова были произнесены на могиле писателя 1 февраля 1881 г. философом В. С. Соловьевым (Соловьев, URL). Рассуждая о месте Достоевского в отечественной культуре, Соловьев замечает, что его отличие от других русских писателей заключается в том, что он сумел в своем творчестве не только отразить реальную сущность бытия, но и раскрыть ее в развитии, динамике.

В чем же заключается гений Ф. М. Достоевского? Почему он так не похож на своих литературных собратьев? Почему именно на его долю выпало и огромное число несчастий, и заслуженно познанная слава властителя дум многих поколений людей? В чем загадка его личности и силы творчества? Почему время оказалось не властным над его великими творениями, которые, несмотря на социальные катаклизмы и возникающие в разные периоды идеологические наветы, не только не утрачивают своей художественной ценности, но, наоборот, раскрывают новые грани?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к рассмотрению творческого пути писателя, раскрыть факторы его личностного и профессионального становления и развития, обусловленности его мировоззрения и деятельности особенностями исторического времени и культурных традиций России конца XIX–начала XX в.

1.1. Социально-историческое развитие России конца XIX–начала XX в. как фактор формирования мировоззрения и идейных позиций Ф. М. Достоевского

По словам М. Блока, историческая психология изучает «человека во времени». Следуя этому положению, необходимо рассмотреть особенности той исторической эпохи, в которой жил и творил Ф. М. Достоевский и которая своеобразно преломилась в личности и творчестве писателя.

Ф. М. Достоевский родился в России и был исконно русским человеком не только по происхождению, но и по духу. И как следствие – все события, происходившие в России, находили живой отклик в его творчестве, в первую очередь, в работах публицистического цикла. На страницах «Дневника писателя» он обсуждал проблемы России, ее внешней и внутренней политики, писал о жизни и психологических особенностях русского народа. Реальная жизнь в ее динамике, трудностях и противоречиях выступала для писателя той «естественной лабораторией», в которой он наблюдал и изучал психический мир человека.

1821 г. – год рождения писателя – совпал с последним периодом царствования императора Александра I. По оценке Н. А. Бердяева, это была эпоха «мистических течений, масонских лож, интерконфессионального христианства, Библейского общества, Священного союза и теократических мечтаний, Отечественной войны, декабристов, Пушкина и развития русской поэзии, эпоха русского универсализма, который имел такое определяющее значение для русской духовной культуры XIX века» (Бердяев, 2000, с. 31).

Н. А. Бердяев называет императора Александра I русским интеллигентом на троне. Он искал пути построения истинного и универсального христианства, был связан с масонами, в молодости прошел через увлечение идеями Просвещения, ненавидел рабство и разделял идеи французской революции. Его воспитатель Лагарп привил ему ценности свободы и справедливости. Поэтому первая полови-

на его царствования проходит под знаком реформ, обусловленных стремлением дать политическую свободу стране, сохранив при этом крепостное рабство. Когда же нелогичность задачи обнаружила себя, встал вопрос о кардинальной перестройке общественных отношений (Ключевский, 2008). Однако, как пишет Бердяев, «самодержавный монарх не мог оставаться верен этим стремлениям своей молодости; это было психологически невозможно» (Бердяев, 2000, с. 35).

Знаковой фигурой в истории и Европы, и России XIX в. являлся, безусловно, Наполеон. Человек, «сделавший себя сам», завоевавший Францию, ставший ее императором и покоривший всю Европу, приковывал к себе общественное внимание, вызывал интерес и восхищение. Как писал А. С. Пушкин, «мы все глядим в Наполеоны» (Пушкин, 1975, с. 39). Естественно, этот выдающийся исторический деятель не мог остаться незамеченным и Достоевским. Именно личность и деяния Наполеона заставляют героя романа «Преступление и наказание» Родиона Раскольникова задуматься о праве одних людей «переступить» через смерть и кровь для достижения своих великих целей, так как они «гении», и о необходимости соблюдения существующих законов другими, обыкновенными, ничем не примечательными людьми.

Вообще весь XIX в. пропитан бунтарским духом. Идеи свободы, преобразования общественной жизни ощущались всеми: не только передовые люди и простые граждане России, но даже императоры понимали необходимость перемен. На фоне происходивших в Европе революций и освободительных войн в России все отчетливее проявлялась назревшая объективная потребность в радикальном реформировании социально-политического устройства. Особенно явно это стало заметно после победоносного завершения войны с Наполеоном. Передовые умы России осознавали несправедливость рабского положения русского крестьянства, вынесшего на своих плечах все тяготы войны и обеспечившего разгром захватчиков. Либерально настроенные дворяне создавали тайные общества, в которых обсуждались вопросы ограничения существующей власти, издания Конституции и отмены крепостного права. Их возникновение вызывало беспокойство в правящих кругах, следствием чего стало издание в 1822 г. рескрипта о запрете на всякие объединения, в том числе масонские ложи.

1.12 (19.11) 1825 г. в Таганроге внезапно умер Александр I. Отсутствие у императора прямого наследника привело к возникновению династического кризиса, что обострило непростую социальную

ситуацию в стране. В сложившихся условиях междуцарствия представители радикального крыла дворянской оппозиции самодержавия – члены Северного и Южного тайных обществ – отказались присягать на верность новому императору Николаю I и организовали мятеж на Сенатской площади в Санкт-Петербурге и в Черниговском полку. Восстание декабристов было подавлено: все его участники арестованы; 25(13).7.1826 г. на кронверке Петропавловской крепости пятерых его организаторов повесели, остальных сослали в Сибирь на каторгу.

Жестокая расправа с декабристами не могла остановить набирающее силу протестное движение в обществе.

В 1844 г. был организован кружок Петрашевского, членом которого стал Ф. М. Достоевский. Основной задачей кружка было уничтожение крепостного права. В 1849 г. деятельность этой политической организации была пресечена властью, а все ее активные участники сосланы на каторгу. Не избежал этой участи и писатель.

Еще более радикальный характер носила деятельность организации «Земля и воля» (1861–1864), ставящая задачу изменения существующего строя путем революции. В ее программу входило: бесплатное наделение крестьян землей, проведение свободных выборов представителей власти – Земского собора, или Народного собрания, а также свержение монархической власти.

К концу XIX в. антиправительственные организации в России стали все более приобретать террористический характер, провозглашая в качестве основного средства борьбы с правящим классом убийство монархических особ и представителей высшей власти. Характеризуя ультрарадикальных представителей интеллигенции XIX в., Н. А. Бердяев пишет: «Когда во вторую половину XIX века у нас окончательно сформировалась левая интеллигенция, то она приобрела характер, схожий с монашеским орденом. Тут сказались глубинная православная основа русской души: уход из мира, во зле лежащего, аскеза, способность к жертве и перенесение мученичества. Она защищала себя нетерпимостью и резким разграничением себя с остальным миром. Психологически она – наследие раскола. Только потому она могла выжить при преследованиях. Она жила весь XIX век в конфликте с Империей, с государственной властью. В этом конфликте права была интеллигенция. То был диалектический момент в судьбе России. Вынашивалась русская идея, которой Империя, в своей воле к могуществу и насилию, изменяла» (Бердяев, 2000, с. 36).

Власть предпринимала все более жесткие меры по борьбе с растущим революционным движением. Однако, несмотря на аресты, репрессии, казни, террористические акты становились все более масштабными. 1 марта 1881 г. в результате предпринятого ультралевой организацией «Народная воля» покушения (седьмого по счету) на императора Александра II он был смертельно ранен и через несколько часов скончался. Незадолго до этого события, 28 января 1881 г., умер Ф. М. Достоевский. Как написано в воспоминаниях жены писателя А. Г. Достоевской, даже если бы он смог преодолеть болезнь, вряд ли бы ему хватило сил перенести зверскую расправу с императором: «Возможно, что муж мой и мог бы оправиться на некоторое время, но его выздоровление было бы непродолжительно: известие о злодействе 1 марта, несомненно, сильно потрясло бы Федора Михайловича, боготворившего царя – освободителя крестьян; едва зажившая артерия вновь прорвалась бы, и он бы скончался» (Достоевская, 2002, с. 353).

Со смертью Александра II в России закончился период, когда еще существовала возможность разрешения объективно назревших социальных проблем и даже преобразования политического строя мирным путем, «сверху», по инициативе властей. К сожалению, правящая верхушка, вероятно, уверовав в свою силу и уповав на покорность и терпение народа, выбрала иной путь – сворачивания либеральных реформ, ужесточения законов, подавления всякого рода инакомыслия.

Примечательно, что Ф. М. Достоевский пророчески предсказывал такой исход событий, отмечая, что следствием расширения радикального движения в России и роста террористических актов неизбежно явятся усиление мер по наведению порядка и прекращение реформирования общества.

12 февраля 1880 г. Александром II была учреждена «Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Возглавивший ее граф Лорис-Меликов наделялся неограниченными полномочиями, дабы «делать все распоряжения и принимать вообще все меры...» (цит. по: Летопись жизни и творчества Достоевского, 1999, с. 378).

Год спустя, А. С. Суворин отмечал в некрологе на смерть Достоевского, что писатель возлагал определенные надежды на провозглашенную политику, рассматривая ее как способ умиротворения общества. Вместе с тем, его волновало, «„хорошими ли людьми окружает себя Лорис, хороших ли людей пошлет он в провинцию. Ведь это

ужасно важно. А хорошие люди есть, выбирать есть из чего... Да знает ли он, от чего все это происходит, твердо ли знает он причины?" И, считая главным именно знание „причин“, а не ответный террор, сердито добавлял: „Ведь у нас все злодеев хотят видеть...“» (там же).

20 февраля 1880 г. народоволец И. О. Молодецкий совершил покушение на графа Лорис-Меликова. По свидетельству А. С. Суворина, это «смутило Достоевского: он боялся реакции. „Сохрани Боже, – говорил он, – если повернут на старую дорогу“» (там же, с. 381).

По мнению И. Л. Волгина, для Достоевского были неприемлемы «охранительные» методы борьбы с революцией, которые все активнее насаждались в России. Он не верил в возможность улучшения ситуации в стране путем применения насилия, опасаясь, что это, наоборот, приведет к непоправимым бедам, от которых будет чрезвычайно сложно оправиться. Вместе с тем Достоевский боялся и «разгула народной стихии», которую стремились «разбудить» революционные круги. А. С. Суворин в феврале 1881 г. писал, что «во время политических преступлений наших он ужасно боялся резни, резни образованных людей народом, который явится мстителем. „Вы не видели того, что я видел, – говорил он, – вы не знаете, на что способен народ, когда он в ярости. Я видел страшные, страшные случаи“» (цит. по: Волгин, 1991, с. 322). Как показал дальнейший ход истории России, эти опасения писателя были не напрасны. Насилие, с какой бы стороны оно ни исходило, приводит к крови, росту напряженности, к социальным катаклизмам.

В социальном плане русское общество XIX в. представляло сложную, быстро изменяющуюся картину. Его основу составляли три социальных слоя. Во-первых, собственно самодержавная власть, опирающаяся на разрастающийся бюрократический аппарат. Во-вторых, крестьянство – темное, неграмотное, составляющее основной массив населения России (более 80%), являющееся главным производителем материальных благ, но одновременно в большинстве своем абсолютно обездоленное. В-третьих, правящий класс – дворянство, по мнению Н. А. Бердяева, в основной своей массе невежественное и закостенелое, но сосредоточившее в своих руках львиную долю материальных ресурсов (земли) страны. Крупнейшим землевладельцем был русский царь, активно отстаивающий и защищающий интересы дворянства.

Наряду с этим возникал новый социальный слой – купечество (русская буржуазия), включающий в свой состав активных, предприимчивых крестьян и мещан.

Из дворян в конце XVIII в. выходит сравнительно небольшой культурный слой – интеллигенция.

Дворянство и самодержавие боялись той огромной силы, которая таилась в русском народе. Однако характерное для русского народа монархическое сознание, любовь к верховному правителю, вера в его справедливость, Богом данное ему право властвовать удерживали в относительном равновесии столь дисгармоничную социальную структуру. «Россия была необъятным и темным мужицким царством, – пишет Н. А. Бердяев, – с очень слабо развитыми классами, с очень тонким культурным слоем, с царем, сдерживающим это царство и не допускающим растерзания народом этого культурного слоя. Пусть царская власть часто преследовала и гнала культурный слой, но она в прошлом делала возможным самое его существование, она до известного времени устанавливала качественную иерархию в русской жизни, градации и ступени» (Бердяев, 2002, с. 587). Именно свержение самодержавия в 1917 г. привело к уничтожению и дворянства, и интеллигенции, и буржуазии.

На протяжении всего XIX в. представители культурной элиты русского общества идеализировали народ. Но при этом отношение к народу являлось отвлеченным; на него смотрели как бы со стороны, не идентифицируя себя с ним. Народ воспринимался как некое абстрактное начало, о котором охотно рассуждали, не зная при этом, как и чем он живет, не задумываясь о том, что именно трудом крестьян обеспечивается благосостояние всех слоев общества. В представлении русских просвещенных людей народ – нечто, противостоящее им: народ–мужик, крестьянин, а наряду с ним и над ним надстраивается привилегированное, культурное общество. Тем самым утвердившиеся в обществе социальные стереотипы определяли четкие демаркационные линии между социальной группой просвещенных людей и народной массой.

Вместе с тем для русской интеллигенции было характерно постоянное чувство вины перед народом и неуверенности в себе как в носителе культуры. Представители всех общественных течений (консерваторы, славянофилы, почвенники, либералы, радикалы) стремились понять и по-своему использовать силу народной стихии. Все лучшие представители интеллигенции делали попытки найти высшую истину именно в этом источнике. Не являлся в этом отношении исключением и Ф. М. Достоевский. Для него истина состояла в *православной вере*, исповедуемой народом и глубоко укоренной в нем. Писатель утверждал, что, даже хорошо не зная канон

нов православного вероучения, русский народ интуитивно осознает его основы и те истины, которые в нем заключены. Этим, в свою очередь, определяется глубинное здоровое нравственное начало в душе крестьянства, его огромные потенциалы в преобразовании общества. Достоевский писал: «Я осмелюсь высказать одну даже, так сказать, аксиому, а именно: чтобы судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, надо брать в соображение не ту ступень безобразия, до которого он временно и даже хотя бы и в большинстве своем может унизиться, а надо брать в соображение ту высоту духа, на которую он может подняться, когда придет тому срок. Ибо безобразие есть несчастье временное, всегда почти зависящее от обстоятельств, предшествующих и преходящих, от рабства, от векового гнета, от загроубелости, а дар великодушия есть дар вечный, стихийный, дар, родившийся вместе с народом, и тем более чтимый, если и в продолжение веков рабства, тяготы и нищеты он все таки уцелел, неповрежденный, в сердце этого народа» (Неизданный Достоевский..., 1971, с. 16).

В отличие от многих искателей «народной правды» Достоевский знал народ не понаслышке, рассматривал его «не извне», с позиции русского барина, озабоченного благополучием своих крестьян, а «изнутри», идентифицируя себя с ним. Глубокие знания жизни простых людей, их психологических характеристик, чаяний и интересов писатель приобрел во время своей четырехлетней каторги. В течение проведенного в остроге времени он не только наблюдал жизнь простого человека, да еще в самой ужасной ее форме, но и разделял с ним все ее тяготы. Его «Записки из Мертвого дома» являются тому убедительным подтверждением.

Полученный в этих условиях опыт убедил Достоевского в существовании огромной пропасти между крестьянством и привилегированными сословиями. Даже в остроге, лишенные прав и дворянского звания, он и его товарищи оставались для простого люда непонятными, а порой даже ненавистными. «Федор Михайлович вспоминает, как он, было встал в ряды вместе с другими „бунтовщиками“ из-за дурной пищи, и вдруг услышал: „Ты здесь зачем?“ „Ишь, тоже выполз!“ „Тут каторга, а они калачи делят, да поросят покупают. Ты ведь собственное ешь: чего-ж сюда лезешь?“ Оставалось только послушаться тех рассудительных поляков, которые уговаривали его уйти вместе с ними на кухню. „Вспомните, за что мы пришли сюда, – говорили они ему. – Их просто высекут, а нас – под суд“. Федору Михайловичу, однако, казалось, что на них окончательно должны

рассердиться за их неучастие в общей претензии. „Да вам зачем показать претензию? – возразил ему один из более к нему расположенных каторжников, – ведь вы свое кушаете?“ „Ах, Боже мой! Да ведь и из ваших есть, что свое едят, а вышли же. Ну и нам надо было... из товарищества...“ „Да... какой же вы нам товарищ?“ – спросил он с недоумением. Я думал, нет ли в этих словах какой-нибудь иронии, злобы, насмешки? Ничего не бывало: просто не товарищ, да и только. Ты иди своей дорогой, а мы своей» (цит. по: Биография..., 1883, с. 138). Этот эпизод биографии писателя показывает, что, уравненные государственным судом за преступления, эти два лагеря оставались чуждыми друг другу, и даже каторга не в силах была сломить преград, воздвигнутых между ними историей.

Безусловно, Достоевский был прав, говоря о том, что русский человек способен на самоотверженность и героизм: это подтверждает вся нелегкая история России. «Ни разу еще в великие или даже в чуть-чуть важные моменты истории русской без него не обходилось, что Россия народна, что Россия – не Австрия, что в каждый значительный момент нашей исторической жизни дело всегда решалось народным духом и взглядом, царями народа, в высшем единении с ним. Это чрезвычайно важное историческое обстоятельство обыкновенно у нас пропускается почти без внимания нашей интеллигенцией и вспоминается всегда как-то вдруг: когда грянет исторический срок» (Достоевский, 2004, с. 75).

Глубокая религиозность русского народа сочеталась с верой в божественную природу царской власти. Вера в особое предназначение высшей власти, ее правоту, сохраняется на всем протяжении истории нашей страны. Именно она делает русский народ во все времена столь лояльным к правящему классу. Это интуитивно ощущала и сама власть. Однако данную особенность русского национального характера не учла радикально настроенная часть дореволюционного общества. Уничтожив в народе веру в самодержавную власть, она тем самым разрушила тот механизм, который удерживал в рамках народную стихию, не позволяя прорваться недовольству крестьян своим угнетенным, бедственным положением. Следствием непопулярной политики самодержавия и деятельности ультралевых организаций стала революция.

Достоевский был художником, чутко улавливающим веяние времени. Именно он показал в своих произведениях, к какой духовной катастрофе и каким неисчислимым бедствиям приводит человека безверие, что происходит с обществом, если к управлению им при-

ходят «бесы». Достоевский верно предсказал те процессы, которые произошли в первые послереволюционные десятилетия. Установки, сложившиеся в современном Достоевском обществе, социальные иллюзии, управляющие мнениями и поступками русской интеллигенции, провоцирующей народ к выступлениям, привели в дальнейшем к необратимым процессам, остановить которые было уже невозможно. Джин оказался выпущенным из бутылки. Февральская революция переросла в события октября 1917 г., окончательно похоронившие Российскую империю. В связи с этим приведем мнение Б. Ф. Ломова о том, что «социально-психологические явления выступают в роли внутренних факторов социальных процессов, ускоряя или замедляя их. Так сложившиеся установки, предрассудки и социальные иллюзии оказывают сильное влияние на инновационные процессы» (Ломов, 1999, с. 25).

Русские религиозные философы первой половины XX в. высоко оценивали провидческий дар Достоевского. Проникновение писателя в суть русского интеллигента, понимание всей трагичности его судьбы – одна из тем романов «Бесы», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы». По мнению С. Н. Булгакова, Достоевский «„предуказал“ в этих романах, в идее „все позволено“ человекобожескую природу интеллигентского героизма, присущее ему „самообожение“, поставление себя на место Бога вместо Провидения, – и не только в целях и планах, но и в путях и средствах осуществления. „Я“ осуществляю свою идею и ради нее освобождаю себя от уз обычной морали; „Я“ разрешаю себе право не только на имущество, но и на жизнь, и смерть других, если это нужно для моей идеи». Больные идеей «религиозного атеизма», герои Достоевского в своих метаниях и сомнениях решают проблему добра и зла: способно ли насильно введенное добро принести счастье людям? Перед ними стоит дилемма – «злая свобода» или «доброе принуждение». «Свобода погибает от раскрывшегося в ней зла, или от принуждения в добре. Свобода как своеволие истребляет себя, переходит в свою противоположность, разлагает и губит человека» (Бердяев, 2000, с. 422).

С. Н. Булгаков полагает, что у русской интеллигенции такое прекрасное качество, как героизм, принимает несколько карикатурные и даже уродливые формы. Истоки его лежат в философских теориях просветительства, идеях западных утопистов-социалистов, взгляды которых имеют сугубо научные истоки и органично вписываются в буржуазный образ жизни. Русский же социализм имеет в своей

основе крайний максимализм и позитивизм. Если на Западе социализм – это средство достижения материального благополучия, то в России – конечная цель как таковая.

Теме «русского социализма» отводится значительное место в дневниковых записях Ф. М. Достоевского: «Отрицание всего – потому, что дешево достается, не требуя малейшего изучения, две-три науки, атеизм и коммунизм (ибо у нас никогда не было социализма, его прямо разрешили формулой коммунизма и примером интернациональной коммуны) не требуют никакой науки и школы. Неученый может даже не прочесть, а услышать от товарища и уж (искренно и чистосердечно) презирает всех» (Неизданный Достоевский..., 1971, с. 605).

С точки зрения Достоевского, атеизм оказывает разрушающее воздействие на психический мир человека. У русской интеллигенции он проявляется в обожествлении себя, крайнем индивидуализме и самолюбовании. «Самообожение» прямо коррелирует с беспринципностью, чувством вседозволенности при осуществлении «гуманистических» идей.

Цели, формулируемые радикально настроенными борцами за народное счастье, часто приобретают обратный эффект. Так, желание осчастливить человечество, «окультурить» свой народ приводят на деле к еще большим несчастьям. Ведь, как известно, «насильное добро» выливается во зло и принуждение.

Достоевский отчетливо видел, что русская интеллигенция имеет очень смутное представление о собственном народе, о его вере, нравах и особенностях: «Одна из характернейших черт русского либерализма – это страшное призрение к народу и... страшное аристократичание перед народом. Русскому народу ни за что в мире не простят желания быть самим собою. Все черты народа осмеяны и преданы позору. Скажут, темное царство осмеяно. Но в том-то и дело, что вместе с темным царством осмеяно и все светлое. Вот светлое-то и противно: вера, кротость, подчинение воле Божией. Демократы наши любят народ идеальный, в отношении к которому тем скорее готовы исполнить свой долг, чем он никогда не существовал и существовать не будет» (там же).

С. Н. Булгаков в статье «Героизм и подвижничество», делаясь своими наблюдениями о первой русской революции, проводит параллели с произведениями Достоевского и отмечает двойственность русской интеллигенции, выделяя характерные для нее, с одной стороны, «народопоклонство», с другой – «духовный аристократизм». Пре-

клонение перед народом, стремление «осчастливить», просветить его сочетаются с элементарным незнанием народной жизни и даже презрением к этой темной массе, олицетворением народа с очень немногочисленным его слоем – пролетариатом (Булгаков, 1992).

Расцвету героизма в русской интеллигенции вольно или невольное способствовало русское самодержавие. Там, где освободительные идеи еще не окрепли, преследования, наказания и т. д. их стойко укореняли. С. Н. Булгаков, анализируя революционное движение XX в., подчеркивает, что его основной движущей силой является молодежь, студенчество. Он называет это «духовной пэдократией» (господством детей) и считает величайшим злом русского общества. Заискивание перед студенчеством – показатель духовной слабости общества. Духовная незрелость русской интеллигенции, незнание научных положений поддерживаемых ею теорий, по его мнению, приведет в политической катастрофе, втянет Россию в непоправимые беды (там же).

Чрезвычайно актуально, будто бы обращенные к нашей действительности звучат слова Достоевского-публициста о недопустимости спекуляций понятием «свобода», равно как и упования на нее как главный способ совершенствования мира без каких-либо усилий по преодолению человеком собственных несовершенств и пороков. Он указывает также на неправомочность отождествления свободы с вседозволенностью. В «Дневнике писателя» Достоевский пишет: «...неустанную дисциплину над собой отвергают иные современные наши мыслители: „слишком-де много уже было деспотизму, надо свободы“, а свобода эта ведет огромное большинство лишь к лакейству перед чужой мыслью, ибо страх как любит человек все то, что подается ему готовым. Мало того: мыслители провозглашают общие законы, то есть такие правила, что все вдруг сделаются счастливыми безо всякой выделки, только бы эти правила наступили... В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, тогда как настоящая свобода – лишь в одолении себя и воли своей так, чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтобы всегда, во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведет лишь к рабству вашему» (Достоевский, 2004, с. 50, 67). Вопросы связи свободы и внутренней дисциплины, самосовершенствования личности занимали Достоевского до последних дней его жизни.

Требуют серьезного осмысления слова Достоевского о важности нравственного состояния каждого человека как условия созда-

ния «здорового общества». Согласно его мнению, главным условием и средством поступательного, прогрессивного развития общества является нравственное самосовершенствование личности, и никакие «механические усовершенствования» (добавим – экономические и социальные меры) не обеспечат достижения этой цели, если «останется несовершенным сам человек» (Достоевский, 2004, с. 456). Сегодня, в условиях глобального экономического кризиса все отчетливее и яснее осознается глубокий смысл этих слов, так как они ориентируют на выявление глубинных корней переживаемых трудностей – безудержной жажды обогащения, попрания нравственных норм и принципов при достижении поставленных целей, эгоизма и индивидуализма.

Глубоко интересовали и волновали Ф. М. Достоевского и внешнеполитические события. Весь XIX в. был насыщен войнами. Это, прежде всего, Отечественная война 1812 г., всколыхнувшая народный дух и принесяшая в общество идеи свободы, равенства, братства; войны на Кавказе: русско-турецкая война 1828 г.; Крымская война 1853–1856 гг.

В 1875 г. на Балканском полуострове начинается восстание поработанных Турцией народов. Турецкая армия жестоко подавляет сопротивление славян. Русское правительство потребовало от турецкого султана прекратить истребление славянских народов. Турция не ответила на это требование, и Россия в 1877 г. объявила войну Османской империи. В этой войне Российская империя, не преследуя каких-либо собственных территориальных и иных интересов, выступала в защиту братских славянских народов. Общество встретило манифест об объявлении войны с большим воодушевлением.

Ф. М. Достоевский писал об этом событии в «Дневнике писателя»: «Восточный вопрос! Вопрос ли это? Для всякого русского это не может и не должно составлять вопроса. Россия поступит честно – вот и весь ответ на вопрос... Скажут иные: не может же Россия идти во всяком случае навстречу явной своей невыгоде? Но, однако, в чем выгода России? Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости. Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков, и которой следовала она до сих пор неуклонно. Эта идея есть, между прочим, и всеединение славян; но всеединение это – не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству. Да и когда, часто ли Россия действовала в политике из прямой своей выгоды? Не служила ли она, напротив, в продолжение всей петербургской своей истории

всего чаще чужим интересам с бескорыстием, которое могло бы удивить Европу, если бы та могла глядеть ясно... Но нам нечего бояться их приговоров: в этом самоотверженном бескорыстии России – вся ее сила, так сказать, вся ее личность и все будущее русского назначения» (Достоевский, 2004, с. 357). Исходя из такого понимания долга и предназначения России, Достоевский решительно отвергает скептические рассуждения либерально настроенной печати о нецелесообразности вступления нашей страны в войну.

Таким образом, многие исторические события находили живой отклик в публицистике Достоевского.

Убеждения писателя на протяжении его жизни претерпели серьезную трансформацию. Во времена членства в обществе Петрашевского он придерживался радикальных идей. В 1860-е годы от радикализма Достоевский постепенно переходит на позиции почвенничества. Итогом его духовных исканий становится глубокая приверженность монархическим взглядам. Достоевский был убежден, что свержение самодержавной власти приведет к краху страны и неисчислимым бедствиям для русского народа. Но для сохранения монархического строя власть должна серьезно «потрудиться». Царь должен стать для своего народа «отцом», для которого народ – его возлюбленные дети. Причем речь здесь идет не об экономической связи народа и власти, а об их высоконравственном единстве. В последнем «Дневнике писателя», который вышел в печать уже после смерти писателя, Достоевский высказал, как считает И. Л. Волгин, «фантастическую» идею о том, что власть должна «оказать доверие» своему народу, именно народу, а не интеллигенции. «Да, нашему народу можно оказать доверие, ибо он достоин его. Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все, в первый раз, может быть, услышим настоящую правду» (там же, с. 462). С этой же точки зрения Достоевский рассматривал и возможные общественные реформы, считая, что они должны быть ориентированы, прежде всего, на потребности и «дух» народа.

Достоевский с большим уважением относился к российской правящей династии. В последние годы жизни он тесно общался с великими князьями Константином Константиновичем и Дмитрием Константиновичем, встречался с наследником престола, будущим императором Александром III и его супругой. Писатель не осуждал Николая I, полагая, что вынесенный ему приговор по делу Петрашевского являлся заслуженным. Достоевский разделял лежащую

в основе царствования Николая I идеологию – «православие, самодержавие, народность».

Следует отметить, что личность Николая I оценивалась его современниками неоднозначно. Приближенные к нему люди восхищались его работоспособностью, скромностью в быту. Радикальные же деятели XIX в. отзывались о нем как о тиране и деспоте с кругозором «ротного командира». Однако при всех нюансах нельзя не признать высочайшей ответственности императора за судьбу России, его стремление сохранить монархию. Свою деятельность на троне он рассматривал как обязанность, служение, данные ему по праву рождения. Столкнувшись в начале своего правления с выступлением декабристов, Николай I стремился оградить Россию от революционной «заразы». Об этом он заявлял четко и однозначно: «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни, пока... я буду императором» (цит. по: Хроника человечества, 2000). Для реализации поставленной цели император придерживался политики «твердой руки».

И, конечно, Достоевский восхищался Александром II, политика которого была направлена на либерализацию существующего порядка в стране. Вступив в 1855 г. на престол, Александр II стал одним из инициаторов отмены крепостного права.

3.3 (19.2) 1861 г. Российский император подписал манифест об отмене крепостного права. Произошло эпохальное событие, о котором мечтали лучшие умы России – Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, П. Я. Чаадаев и др. Как пишет Н. Н. Страхов, «1861 год, то есть год освобождения крестьян, – самая светлая минута прошлого царствования, мгновение истинного восторга. Казалось, в России должна была начаться новая жизнь, что-то непохожее на все прежнее; казалось, сбываются и могут сбыться самые смелые и радостные надежды; вера во все хорошее была легка и естественна... Это было именно время надежд и порываний. Все умы были в таком возбужденном состоянии, все пришло в такое брожение, что, по-видимому, могли совершиться самые невероятные вещи» (цит. по: Биография..., 1883, с. 198).

Отмена крепостного права принесла освобождение 2,5 миллионам крепостных, им была дарована личная свобода и общегражданские права. Но главные ожидания и чаяния крестьян не оправдались: они не получили в собственность землю. Выкупные платежи за нее были столь высоки, что к концу XIX в. крестьянское землевладение увеличилось только на 10%. Таким образом, главная проблема, тор-

мозившая развитие России и таящая в себе потенциальную угрозу социального взрыва, – отсутствие земли у непосредственного производителя – не была разрешена.

Однако сам факт отмены крепостного права, несмотря на все издержки проводимой реформы, означал прорыв в преодолении многовекового застоя социальной жизни России. Достоевский считал освобождение крестьян величайшей заслугой Александра II. Poleмизируя с теми из своих оппонентов, которые выступали с жесткой критикой крестьянской реформы, Достоевский отмечал: «В Европе, например, рабское, феодальное отношение низших сословий к высшим уничтожилось веками и, наконец-то, раздалась революция; все, одним словом, завершилось культурно и исторически. У нас же крепостное право рушилось в один миг со всеми последствиями, и, слава Богу, без малейшей революции. И вот, казалось бы, откуда-то быть потрясению, то есть капитальному, очень большому? Правда и то: все, что вдруг падает, падает, всегда очень опасно, то есть с большим потрясением. Не я, разумеется, не пожалею, что вдруг упало: страшно хорошо, напротив, что весь этот мерзостный исторический грех упразднился разом по великому слову Освободителя. Тем не менее, закон природы нельзя миновать, и потрясение вышло большое. Пусть бы большое, но почему столь великое? Разумеется, на все законы истории, и уж, без сомнения, есть весьма многие, которые и теперь ясно различают, почему все так вышло» (Достоевский, 2004, с. 449).

Наряду с отменой крепостного права, в 1860-е годы проводились и другие реформы.

20.11.1864 г. в России были созданы всесословные выборные органы земского самоуправления, земские собрания и управы.

Проведена военная реформа, предусматривающая уменьшение срока службы солдат, перевооружение армии и улучшение подготовки офицерского корпуса.

Согласно Указу о судебной реформе, установлено равенство всех граждан перед законом, провозглашены принципы независимости суда перед правительством, гласности и состязательности судопроизводства. Для рассмотрения судебных дел введен институт суда присяжных.

Эти нововведения обсуждались Достоевским на страницах «Дневника писателя», получили отражение в его последнем романе «Братья Карамазовы». Писателя интересовала, прежде всего, проблема «нанятой совести» – деятельность адвокатов, суда при-

сяжных. Насколько люди, осуществляющие правосудие, понимают возложенную на них ответственность? Достоевский, анализировал отчеты судебных разбирательств, а иногда принимал личное участие в судьбе приговоренных. Так, он интересовался судьбой некоей Корниловой, приговоренной судом за покушение на жизнь своей падчерицы. На страницах своего «Дневника» писатель доказывал, что подсудимая действовала в состоянии аффекта, связанного с беременностью, и тем самым способствовал спасению женщины от каторги.

Особенно волновала Ф. М. Достоевского проблема обеспечения прав детей. Разбирая в «Дневнике писателя» дело о телесных наказаниях детей родителями, Достоевский возмущается позицией адвоката, который защищает подсудимых (кстати, оправданных судом): «Он все толкует нам о какой-то девочке, испорченной и порочной, пойманной неоднократно в краже и с потаенным развратным пороком в душе своей, и совершенно как бы забыл сам... что дело идет всего только о семилетнем младенце, и что это самое дранье, целую четверть часа, этими девятью рябиновыми „шпицрутенами“, – не только для взрослого, но и для четырнадцатилетнего было бы наверно в десять раз легче, чем для этой жалкой крошки! Спрашиваешь себя невольно: к чему все это г-ну Спасовичу? К чему ему так упорно отрицать страдания девочки, тратить на это почти все свое искусство, так изворачиваться, чтоб нам глаза отвести? Неужели всего только из одного адвокатского самолюбия: „Вот, дескать, не только выручу клиента, но и докажу, что все дело – полный вздор и смех, и что судят отца за то только, что раз посеял скверную девчонку розгой?“» (Достоевский, 2004, с. 233).

Страдания детей – это особая тема в творчестве писателя. Она получила отражение не только в публицистике, но и в его художественных произведениях. В «Неточке Незвановой», «Вечном муже», «Униженных и оскорбленных», «Братьях Карамазовых», в рассказах «Маленький герой», «Мальчик у Христа на елке» и др. произведениях одни из самых трогательных страниц посвящены детям. В них отводится большое место анализу переживаний ребенка, его чувствам к своим родителям, окружающему миру.

И, конечно же, Достоевский не мог обойти вниманием реформу образования. Она проводилась гласно, с учетом общественного мнения. 14 июля 1864 г. было подписано Положение о создании гимназий гуманитарного профиля и реальных училищ естественного профиля. Отменены ограничения, наложенные на уни-

верситеты в период правления Николая I. Возобновлена выборность ректоров и деканата; профессорам разрешено выезжать за границу. 18 июня 1863 г. Александр II утвердил новый Устав университета. Он предусматривал автономию профессорской корпорации, не отменяя при этом обязательности выполнения студентами режима обучения (посещения лекций, сдачи переводных экзаменов).

Достоевского тревожило также состояние русского языка, который рассматривался им как основа культурного развития личности и база изучения других языков: «Ровно пять лет назад произошла у нас так называемая классическая реформа обучения, – пишет Достоевский в «Дневнике писателя». – Математика и два древних языка, латинский и греческий, признаны наиболее развивающим средством – умственным и даже духовным. Не мы признали это и не мы это выдумали, это факт, и факт бесспорный, выжитый на опыте всею Европою в продолжение веков, а нами только перенятый. Но вот в чем дело: рядом со страшно усиленным преподаванием этих двух древних великих языков и математики почти совсем подавлено у нас преподавание языка русского. Спрашивается: как, каким средством и через какой материал наши дети усвоят формы этих двух древних языков, если русский язык в упадке?» (Достоевский, 2004, с. 399). Данный вопрос и по сей день не утратил своей актуальности.

Достоевский обсуждал проблемы образования и воспитания одного поколения и в переписке с читателями. Отвечая на вопрос корреспондента о воспитании детей, Достоевский призывает развивать фантазию ребенка. И лучшее средство для этого, по его мнению, – чтение. «Фантазия есть природная сила в человеке, тем более во всяком ребенке, у которого она с самых малых лет, преимущественно перед всеми другими способностями, развита и требует утоления. Не давая ей утоления, или умертвишь ее, или, обратно, – дашь ей развиться именно чрезмерно (что и вредно) своими собственными уже силами. Такая же натуга лишь истощит духовную сторону ребенка преждевременно. Впечатления же прекрасного именно необходимы в детстве» (Биография..., 1883, с. 119). Ссылаясь на систему воспитания, существовавшую в его собственной родительской семье, Достоевский указывает на необходимость использования художественной литературы как важного средства развития ребенка. Для чтения он рекомендует произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ч. Диккенса, В. Скотта. На следующем этапе развития он считает целесообразным изучение истории, так как «исторические сочинения имеют огромное воспитательное зна-

чение» (там же, с. 120). Трудом, наиболее полно освещающим отечественную историю, он считает «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина.

Из проведенного исторического анализа социально-экономического и политического развития России XIX в. и отношения Достоевского к разным общественным событиям можно сделать вывод о том, что личная судьба писателя была тесно связана с судьбой его страны. Вся события общественной жизни получали отклик в душе писателя; он был глубоко укоренен в ней, был патриотом. Все, что происходило в жизни России того времени, получило отражение в его публицистике и воплотилось в художественной форме в его творчестве. Действительность со всеми ее противоречиями формировала мировоззрение писателя, подтверждала или опровергала его идеи, оттачивала его творчество.

Достоевский гордился достижениями своей страны, с любовью относился к тем, чьим трудом они обеспечиваются, переживал по поводу имеющих место несовершенств и несправедливости в общественном устройстве. Он идентифицировал себя со своим народом, страдал из-за его угнетенного состояния, отмечая в то же время его огромный созидательный потенциал, присущие ему нравственные ценности и идеалы.

Глубокая личностная включенность в происходящее в мире и в России позволяла ему не только тонко чувствовать и адекватно отражать в своих произведениях текущие социальные процессы и события, но также выявлять новые, зарождающиеся тенденции, прогнозировать направление их дальнейшего развития. В этом ярко проявляется его провидческий дар – черта, отличающая гениальную личность.

1.2. Духовные традиции русской культуры как источник личностной идентификации, формирования творческого пути и системы ценностей Ф. М. Достоевского

Человек формируется не только под влиянием макро- и микросоциального окружения, но и той культуры, которая привносит в его жизнь представления о красоте, истине, справедливости, идеалы и ценности. Культура вмещает в себя все, созданное человеческим сообществом в процессе исторического развития, – материальные и духовные продукты его жизнедеятельности, способы бытия, отношения между людьми, систему норм и ценностей, знаний и пред-

ставлений о мире и человеке. Каждый народ создает свою уникальную культуру. В качестве важнейших способов освоения ценностей культуры, выработанных человечеством, выступают целенаправленно организованные воспитание и образование, а также самовоспитание и самообразование.

Человек, формирующийся в раках определенной культуры, несет на себе ее отпечаток, черпает из ее необъятных кладовых необходимые источники и ресурсы для своего развития. Но *что и как* окажется воспринятым, интериоризованным, осмысленным личностью из мира культуры, зависит от ее масштаба, способностей, жизненных целей, устремлений и установок. Гениальную личность отличает глубокий интерес к культуре, как своего, так и других народов мира, способность выявлять в ней наиболее ценное, максимально задействовать накопленный культурный опыт и традиции в своем творчестве, обогащать и развивать их.

Как показало изучение жизненного пути многих гениальных личностей, все они уже с детских лет проявляли высокую любознательность, познавательную активность, любовь к чтению.

Это было характерно и для Ф. М. Достоевского. Одним из его любимых занятий в детские годы было чтение. Брат писателя, Андрей Михайлович Достоевский, вспоминал: «В руках брата Федора я чаще всего видал Вальтера Скотта, Квентина Дорварда и Ваверлея; у нас были собственные экземпляры, и вот их-то он перечитывал неоднократно, несмотря на тяжелый и старинный перевод. Такому же чтению и перечитыванию подвергались и все произведения Пушкина. Любил так же брат Федор повести Нережного... Не помню наверное, читал-ли он тогда что-либо из Гоголя, а потому не могу об этом и говорить. Помню также, что он с большим удовольствием прочел роман Вельтмана „Сердце и Думка“. История же Карамзина была его настольною книгою, и он читал ее всегда, когда не было чего-либо новенького. Появлялись в нашем доме книжки издававшейся в то время „Библиотеки для чтения“» (Достоевский, 1999, с. 24).

В доме Достоевских принято было читать вслух для всей семьи. Читали В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, М. В. Ломоносова и других авторов.

В юности Ф. М. Достоевский увлекался романами О. де Бальзака (он даже сделал перевод его «Евгении Гранде»), В. Гюго, Ч. Диккенса, Ф. К. С. Шиллера, Жорж Санд. Детские увлечения оказались устойчивыми, впоследствии Достоевский посвятил творчеству Жорж Санд несколько глав «Дневника писателя». В детские и юношеские годы

большое влияние на формирование личностных установок Достоевского оказали образы романтических героев, смелых, честных людей, борющихся с несправедливостью.

Образцом писателя для братьев Достоевских был А. С. Пушкин. Они многократно перечитывали произведения поэта, обсуждали их, знали многие его стихи наизусть. Смерть поэта, как вспоминал в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский, произвела на них воздействие, подобное тому, что имела смерть матери, случившаяся тогда же. Уезжая учиться в Петербург, братья мечтали посетить место дуэли поэта и квартиру, где он провел последние часы своей жизни. Любовь к Пушкину сохранилась у Достоевского на всю жизнь. Личность гениального поэта становится основным лейтмотивом заключительного периода его творчества. Речь, произнесенная Достоевским на торжествах, посвященных открытию памятника Пушкину в Москве летом 1880 г., вызвала настоящий эмоциональный взрыв в кругу русских литераторов и всей интеллигенции того времени. Пушкин характеризовался Достоевским, прежде всего, как народный поэт, вместе с тем сумевший выразить не только русскую идею, но и то «общечеловеческое», что присуще каждому европейцу. Это, по мнению Достоевского, являлось главным достоинством его поэтического творчества, проявлением высочайшего мастерства, доступного лишь гению словесности. Именно размышления о роли Пушкина в русской литературе привели Достоевского к выводу о том, что русская интеллигенция должна объединиться во имя интересов своего Отечества, забыть существующие распри и стать подлинной духовной опорой для своего народа. Таким образом, поэтическое наследие Пушкина, его личность, глубокая укорененность в русской культуре, подвиг служения своему народу стали для Достоевского образцом для подражания, отправным пунктом развития его собственного творчества, одним из источников личностного и профессионального становления писателя.

Другим эталоном для Достоевского было творчество Н. В. Гоголя. Как вспоминают близкие ему люди (С. Д. Яновский, Н. Н. Страхов), Федор Михайлович хорошо знал произведения писателя и восхищался ими. С. Д. Яновский писал, что нередко, «возвратясь домой, заставлял Федора Михайловича за чтением вытянутой из шкафа книги, и чаще всего с Гоголем в руках. Гоголя Федор Михайлович никогда не уставал читать и нередко читал его вслух, объясняя и толкуя до мелочей. Когда же он читал „Мертвые души“, то почти каждый раз, закрывая книгу, восклицал: „Какой великий учитель для всех

русских, а для нашего брата, писателя, – в особенности! Вот так настоящая книга! Вы ее, батюшка, читайте каждый день понемножку, ну хоть по одной главе, а читайте; ведь у каждого из нас есть и папка Манилова, и дерзость Ноздрева, и аляповатая неловкость Собакевича, и всякие глупости и пороки» (Яновский, URL).

Этот краткий, но очень выразительный и точный анализ «Мертвых душ» подтверждает наличие у Достоевского способности видеть и понимать человека во всей его сложности, в единстве достоинств и противоречий. Природную наблюдательность в сочетании с почерпнутыми при чтении литературными приемами начинающий литератор применит впоследствии в своем творчестве. Огромное влияние Гоголя на его первое произведение было отмечено литературными критиками, в частности, В. Г. Белинским.

Первые литературные произведения Достоевского были высоко оценены радикально настроенными литераторами: В. Г. Белинским, Н. А. Некрасовым, И. С. Тургеневым, Д. В. Григоровичем и др., разделявшими идеологию западничества, ставящими во главу угла идеи общечеловеческого прогресса, утверждающими приоритет мировой культуры над национальной, творческой силы разума – над стихией «народной почвы». Они мечтали вырвать Россию из границ ее национально-культурной обособленности – мира, с точки зрения западников, косного, искусственно отгороженного от передовой цивилизации. Одной из наиболее ярких фигур этого направления был В. Г. Белинский. Известный русский литературный критик, сотрудник журналов «Телескоп», «Отечественные записки», «Современник», он стремился создать универсальную литературную критику на почве философской эстетики (под влиянием идей Л. Фейербаха, Ф. В. Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля). Определив в качестве основной своей задачи критику существующей действительности, Белинский разработал принципы «натуральной школы» – реалистичного направления в русской литературе, главой которой считался Н. В. Гоголь.

Реализм и натурализм в описании событий и явлений, духовная связь благородных и скромных людей в условиях жестокого мира отмечены Белинским в первом романе Достоевского «Бедные люди». Как выразился в «Дневнике писателя» Достоевский, Белинский с восторгом принял его в свой круг и «тотчас бросился с самой простодушною торопливостью обращаться... в свою веру» (цит. по: Громова, 2000, с. 32).

Естественно, нервного, впечатлительного и мечтательного молодого человека не могло не радовать внимание, оказанное ему зна-

менитым критиком. Он попал под обаяние Белинского и позитивно воспринял некоторые его идеи.

Согласно описанию Достоевского С. Д. Яновским, близко знавшим его в конце 1840-х годов, «Федор Михайлович любил ближнего, как только можно любить его человеку верующему искренно, доброты был неисчерпаемой и сердцеведец, которому подобного я в жизни моей не знал» (там же). По-видимому, отношение Достоевского к Белинскому определялось его собственными установками и ценностями: в лице критика он увидел и высоко оценил, прежде всего, человека, характеризующегося любовью к ближнему, остро переживающего по поводу несправедливости общественного устройства, стремящегося облегчить жизнь простого человека. Однако искренняя вера в Бога, присущая Достоевскому, впоследствии привела его к разрыву с Белинским. Ценности и идеалы, проповедуемые Белинским, оказались чуждыми писателю. Вспоминая в конце жизни свои встречи с Белинским, Достоевский характеризовал его как человека, превыше всего ценящего «разум, науку, и реализм». Вместе с тем, по мнению Достоевского, он понимал, «что одни разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную „гармонию“, в которой бы можно было ужиться человеку. Он знал, что основа всему – начала нравственные. В новые нравственные основы социализма (который, однако, не указал до сих пор ни единой, кроме гнусных извращений природы и здравого смысла) он верил до безумия и безо всякой рефлексии; тут был один лишь восторг. Но, как социалисту, ему, прежде всего, следовало низложить христианство; он знал, что революция непременно должна начинать с атеизма» (Достоевский, 2004, с. 24–25). Для Достоевского как глубоко верующего человека атеизм был неприемлем. Всем своим творчеством и жизнью он опровергал идею Белинского о возможности оправдания преступления ссылкой на провоцирующие к этому условия среды («среда заела»). Решительно отвергалась им также мысль о допустимости совершения преступных действий ради высших целей.

Эти принципиальные мировоззренческие позиции препятствовали в дальнейшем идейному сближению писателя с А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским и другими представителями радикально настроенной интеллигенции. Отдавая должное их образованности и таланту, Достоевский выступал с резкой критикой их идейных убеждений. Возникновение в современном ему обществе организации «Земля и воля», народничества, идейными вдохновителями которых были Герцен и Чернышевский, вызывало у писателя возму-

щение и протест: «Это было тяжелое, болезненное, но роковое своею историческою последовательностью явление, которое будет иметь свою серьезную страницу в петербургском периоде нашей истории. Да и страница эта, кажется, еще далеко не дописана» (там же, с. 41). Достоевский уже тогда предчувствовал всю серьезность и трагические последствия возникновения этих движений. Именно его представители были воплощены им в образах героев в романе «Бесы».

Роман «Бесы», который радикальные круги русской интеллигенции восприняли как пасквиль на революционное движение, вызвал горячую полемику в прессе. Его обвиняли в морализаторстве и преднамеренном очернении социалистов. Писали, что сторонняя позиция, якобы занимаемая писателем, – самая удобная: хорошо стоять в стороне и указывать на недостатки.

Так, полемизируя с Достоевским, Н. К. Михайловский в статье «Комментарии к „Бесам“» писал: «Вы просмотрели любопытнейшую и характернейшую черту нашего времени. Если бы вы не играли словом „Бог“ и ближе познакомились с позоримым вами социализмом, вы убедились бы, что он совпадает с некоторыми, по крайней мере, элементами народной русской правды. А раз вы убедитесь в этом, вы уже не повторите, „что девятнадцатым февралем закончился петровский период русской истории, так что мы давно уже вступили в полнейшую неизвестность“... Но если бы вы знали, г. Достоевский, как мучит иногда совесть бедных социалистов, признающих свой долг (перед народом), особенно в виду того, что кредитор и не сознает себя кредитором. Если бы вы знали, как мучительно напрягается их мысль, взвешивая способы погашения долга... Бывают у этих людей минуты страшного страдания, и они не прячутся от него. Лучше бы вам их не трогать, особенно в такую минуту, когда вокруг кишат и дают тон времени социалисты с совестью хрустальной чистоты и твердости» (цит. по: Критика 70-х годов..., 2002, с. 67). Статья носила обвинительный характер. Михайловский упрекал Достоевского в том, что в качестве героев своих произведений он выводит душевно больных людей.

Еще более резко оценил роман Достоевского автор статьи «Больные люди» П. Н. Ткачев, обвинив Достоевского в отступничестве, предательстве тех идей, поборником которых он был во времена членства в обществе Петрашевского: «Этот великий акт саморазрушения в последнее время едва ли кто производил над собой с таким геройским самоотвержением, как разбираемый мною автор „Бесов“». Что г. Достоевский в юности увлекался – это ни для кого не состав-

ляет тайны. Ни для кого не составляло также тайны, что он давно, по-видимому, покался и отрекся. Сам г. Достоевский употреблял всевозможные усилия, чтобы рассеять на этот счет всевозможные недоумения... Стоит только припомнить все, что писал г. Достоевский в качестве публициста в журнале своего покойного брата, какая тенденция была пришта к роману „Преступление и наказание“, и как многим „Бесы“ позаимствовались от „Некуда“, стоит, наконец, припомнить фельетоны „Гражданина“, и мы без труда поймем, почему г. Достоевский прослыл за „кающегося и отрекающегося“» (там же, с. 69). Автор статьи высказал предположение, что двусмысленность публицистических произведений и «туманность» изъяснения Достоевского объясняется его намерением создать для себя возможность впоследствии оправдаться или отречься от своих слов.

Подобных отзывов на произведения Достоевского было немало. В одном его оппоненты были правы – в констатации глубинной трансформации мировоззрения писателя.

«Бедные люди» воспринимались как радикальное произведение сугубо реалистического направления. Отход от принципов натурализма и реализма наметился в романах «Двойник», «Господин Прохарчин», «Хозяйка», что вызвало недоумение среди сторонников Белинского. Критической оценке со стороны Белинского подвергся фантастический жанр этих работ. Он писал по этому поводу: «Все, что в „Бедных людях“ было извинительными для первого опыта недостатками, в „Двойнике“ явилось чудовищными недостатками, и это все заключается в одном: в неумении слишком богатого силами таланта определять разумную меру и границы художественному развитию задуманной им идеи. В „Двойнике“ есть еще другой существенный недостаток: это его фантастический колорит. Фантастическое в наше время может иметь место только в домах умиленных, а не в литературе, и находиться в заведовании врачей, а не поэтов... В десятой книжке „Отечественных записок“ появилось третье произведение г. Достоевского повесть „Господин Прохарчин“, которая всех почитателей таланта г. Достоевского привела в неприятное изумление. В ней сверкают яркие искры большого таланта, но они сверкают в такой густой темноте, что их свет ничего не дает рассмотреть читателю... Сколько нам кажется, не вдохновение, не свободное и наивное творчество породило эту странную повесть, а что-то вроде... как бы это сказать? – не то умничанья, не то претензии...» (цит. по: Громова, 2000, с. 41).

После десятилетнего перерыва появление романа «Записки из Мертвого дома» было воспринято литературным сообществом как возвращение автора на прежние позиции. В описаниях ужасов каторги прогрессивные деятели усмотрели обличение крепостнического самодержавного строя, не заметив при этом, сколь глубоко автор раскрывает образы простого русского мужика, желая понять и принять характеры и судьбы окружавших его каторжан.

В романе «Преступление и наказание» тема «униженных и оскорбленных» отходит на второй план, сменяясь темой нигилизма. Выступая практически в роли главного редактора «Времени», журнала, выпускаемого братом Федора Михайловича, М. М. Достоевским, писатель все более четко очерчивает свои взгляды в рамках нового направления, идейным вдохновителем которого он становится и идеологию которого развивает в журнале «Эпоха». Представители этого направления были названы «почвенниками». Его прародителями можно назвать славянофилов, прежде всего, А. С. Хомякова и И. В. Киреевского. Признание почвенниками разрыва между народом и интеллигенцией, ставшего следствием реформ Петра I, обоснование особого пути развития и предназначения русского народа, требование вернуться к «почве», к «народным началам», были очень близки к славянофильским идеям. Но была в этом направлении и особая самобытность – решительное отстаивание необходимости примирения образованных классов с народом и как следствие – достижение некоего синтеза, снятие исторически сложившихся противоречий. Эта идея присутствует в Пушкинской речи, произнесенной Достоевским незадолго до смерти, следовательно, проповедуетсся им до конца жизни. В объявлении об издании «Времени» данная идея была выражена предельно четко: «Мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача – создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал... Мы не отказываемся от нашего прошедшего: мы сознаем и разумность его... Мы знаем, что не оградимся теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальней-

шее развитие в *русской народности*» (цит. по: Биография..., 1883, с. 180; курсив наш. – В. К., Е. Х.). Высказав эти идеи еще в 1860-х годах, Достоевский разрабатывает их в дальнейшем в «Дневнике писателя».

Итак, в первой половине творческого пути Ф. М. Достоевского прослеживается влияние на него реалистической школы, вдохновляемой В. Г. Белинским, идеями французских утопистов-социалистов, что нашло отражение в ранних произведениях Достоевского и в его участии в кружке Петрашевского. Вторая половина его литературной и журналистской деятельности ознаменовалась созданием собственного направления – «почвенников», которое горячо отстаивалось им на протяжении последующих двадцати лет. Религиозные представления Достоевского гармонично вписывались в это направление, так как *вера в Бога*, по мнению Достоевского, является основным стержнем русского народного духа.

В 1870-е годы писатель обращается к православной вере. Это выражается не только в его внутренних переживаниях, но и в творчестве. Героями его произведений становятся люди, духовная жизнь которых тесно связана с Православием, в частности, его интересует проблема старчества. Старчество как монашеский институт, основанный на духовном руководстве старца (монаха-наставника) аскетической практикой послушника, пользовалось популярностью в народе и отвечало его поискам духовности в изменившейся исторической ситуации. К числу выдающихся духовных деятелей XVIII–XIX вв. относятся Дмитрий Ростовский, Тихон Задонский, Феофан Прокопович, Серафим Саровский, Игнатий Брянчанинов и мн. др. Прототипами героев Достоевского становятся Тихон Задонский и старец Амвросий, которого писатель посетил в 1878 г. после смерти сына Алексея в Оптиной Пустыне. Как пишет Анна Григорьевна Достоевская, с о. Амвросием «Федор Михайлович виделся три раза: раз в толпе при народе и два раза наедине, и вынес глубокое и проникновенное впечатление. Когда Федор Михайлович рассказал старцу о постигшем нас несчастии и о моем слишком бурно проявившемся горе, то старец спросил его, верующая ли я, и когда Федор Михайлович ответил утвердительно, то просил его передать мне его благословение, а также те слова, которые потом в романе старец Зосима сказал опечаленной матери» (Достоевская, 2002, с. 302). Из Оптиной Пустыни Достоевский вернулся умиротворенный и успокоенный. Именно тогда окончательно укрепилось в нем христианское мировоззрение.

Религиозные представления Достоевского были далеки от ортодоксальных. На эту особенность христианства Достоевского указывает И. Л. Волгин, приводя слова К. Леонтьева: «В Оптиной „Братьев Карамазовых“ „правильным“ православным сочинением не признают... У отца Зосимы (устами которого говорит сам Фед. Мих.!) – прежде всего мораль, „любовь“, „любовь“ – и т. д., ну, а мистика очень слаба» (цит. по: Волгин, 2010, с. 618). Комментируя данное утверждение, Волгин заключает, что Достоевский «не вполне религиозен, по крайней мере, не вполне теологичен» (там же).

По нашему мнению, Федор Михайлович в своей вере был близок к религиозной экзистенциальной философии, сформировавшейся уже в начале XX в. Экзистенциальную сущность философии Достоевского подчеркивают представители экзистенциальной философии и психологии – Н. Бердяев, Л. Шестов, В. Франкл и др. С. Л. Братченко в работе «Экзистенциальная психология глубинного общения» выделяет Ф. М. Достоевского как одного из основоположников экзистенциальной психологии XX в. наряду с С. Кьеркегором. Это мнение подтверждается основополагающей идеей писателя, проходящей красной нитью через все его произведения: постигая свое существование в мире, человек обретает свободу, которая есть выбор самого себя, своей сущности, накладывающей на него ответственность за все происходящее в действительности. Тихон из «Бесов», отец Зосима из «Братьев Карамазовых» проповедуют именно эти идеи. «И да не смущает вас грех людей в вашем делании, не бойтесь, что затрет он дело ваше и не даст ему совершиться, не говорите: „Силен грех, сильно нечестие, сильна среда скверная, а мы одиноки и бессильны, затрет нас скверная среда и не даст совершиться благому деланию“. Бегите, дети, сего уныния! Одно тут спасение себе: возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской» (Достоевский, 1976, с. 290). Эти слова очень близки идеям В. Франка, высказанным уже в середине XX в.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что в юности образцами для подражания у Ф. М. Достоевского выступали А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь. Творчество Пушкина поразило писателя еще в детстве и стало для него основным ориентиром направления, отстаиваемого им в публицистике, почвенничестве. Творчество Гоголя оказало влияние на его первый роман; в нем многие современные писателю литераторы увидели следование канонам гоголевской прозы. В последующих произведениях Достоевский уже предстает как оригинальный писатель, создатель

своего, оригинального литературного направления. Следовательно, это подтверждает тот факт, что подражание в юности является источником творческой идентификации начинающего писателя, своеобразной «стартовой площадкой», обеспечивающей выход на путь самостоятельной творческой деятельности.

1.3. Роль родительской семьи в развитии и воспитании личности писателя

В психобиографиях, составленных в русле психоанализа (З. Фрейдом, Э. Эриксоном, Дж. Ландромом и др.), а также в исследованиях отечественных авторов (П. И. Ковалевского, И. А. Сикорского, В. Ф. Чижа) изучению семейного окружения исторической личности отводится ключевое место, так как именно оно является той ближайшей социальной средой, в которой происходит ее становление и развитие, формируются установки, нормы поведения, отношение к разным сторонам действительности. Как утверждают представители психоаналитической школы, детство имеет решающее значение в жизни индивида. С этим трудно не согласиться, так как именно в детском возрасте происходит формирование тех психологических свойств, которые определяют дальнейшее развитие человека. Как писал Л. С. Выготский, социальная ситуация является определяющей для развития психических свойств ребенка, с которыми он появляется на свет, и формирования высших психических свойств личности.

Федор Михайлович Достоевский родился 30 октября 1821 г. в семье штаб-лекаря Мариинской больницы для бедных Михаила Андреевича Достоевского.

Дед Федора Михайловича Достоевского был священником. По мнению И. Л. Волгина, Достоевские происходили из старинного дворянского рода, упоминавшегося в документах юго-западной Руси еще в XV в. Этот род постепенно обеднел и перешел в сословие священнослужителей. В XIX в. за заслуги перед Отечеством отец писателя получил звание дворянина (Волгин, 1991).

Михаил Андреевич Достоевский начал свое образование в Подольской Духовной семинарии. Но в 1809 г. он неожиданно покинул семинарию, переехал в Москву и поступил на Московское отделение Императорской Медико-хирургической академии (Громова, 2000, с. 9). В воспоминаниях брата Федора Михайловича Достоевского, Андрея Михайловича, отмечается, что отец после окончания кур-

са в 1812 г. служил лекарем в Головинском и Касимовском госпиталях, затем – в Бородинском пехотном полку. В 1818 г. он продолжил службу в Московском военном госпитале, а после увольнения был переведен в московскую Мариинскую больницу.

Мать Федора Михайловича, Мария Федоровна, происходила из купеческой семьи, которая потеряла все свое состояние во время войны 1812 г. Брат писателя, А. М. Достоевский, в своих воспоминаниях пишет: «Дед моей матери... Михаил Федорович Котельницкий... принадлежал к дворянскому роду и в год замужества своей дочери Варвары Михайловны (моей бабушки), в 1795 году, был коллежским регистратором и занимал должность корректора при Московской духовной типографии. По всей вероятности, личность эта была недюжинная» (Достоевский, 1999, с. 11). Далее Андрей Михайлович отмечает, что по своей должности он должен был в совершенстве владеть русским языком, «находился в сношении с тогдашними литераторами и мог быть в сношениях со знаменитым Новиковым^{*}» (там же, с. 11). Его сын, Василий Михайлович, получил высшее образование и стал профессором Московского университета на одной из кафедр медицинского факультета. Василий Михайлович, не имея своих детей, очень любил маленьких Достоевских и в праздничные дни забирал их к себе, водил их гулять. Дети были сильно к нему привязаны.

Таким образом, семья Достоевских испытала на себе влияние идей эпохи Просвещения. Сын священника, готовящийся отцом для продолжения его дела, оставил Духовную семинарию и выбрал для себя иную сферу деятельности. Семью матери писателя также не обошли новые веяния. Прадед писателя по роду своей профессиональной деятельности был знаком со многими идеями, проникшими в Россию из Европы и развивавшимися на русской почве. Но поскольку семья является первичной группой, определяющей социальную ситуацию развития, то нормы и ценности, значимые для членов семейного круга, приобретают значимость и для развивающегося в этой атмосфере ребенка.

Следует отметить, что семья Достоевских представляла собой своеобразный срез существовавшей в то время социальной структуры общества, вмести в себя разные ее слои: обедневшее дворянство, купечество, разночинцев. Достоевских можно отнести к нарождав-

* Имеется в виду известный отечественный просветитель и издатель ряда журналов Н. И. Новиков.

шемуся интеллигентскому слою общества. Понятие «интеллигенция» существует только в России и определяется как «социальная группа, состоящая из людей, профессионально занимающихся умственным трудом. В русском языке слово „интеллигенция“ вошло в употребление сначала в значении „умственные способности“ в 60-х годах XIX века» (Большой энциклопедический словарь, 2000, с. 351). На русской почве оно получило особое значение. В начале XIX в. это был некий слой привилегированных людей, образованных и озабоченных проблемами России и русского народа. Уже к середине века интеллигенция приобрела статус интеллектуальной прослойки, занимающей промежуточное положение между аристократией и народом. В ее состав входили мелкие дворяне и дети разночинцев (священнослужителей). Основным доход, на который они существовали, – это умственный труд, а главная отличительная особенность – приверженность прогрессивным идеям, озабоченность внутренней политикой государства и, как правило, оппозиционность по отношению к существующей власти.

Возвращаясь к семье Достоевского, можно констатировать, что Федор Михайлович по происхождению являлся дворянином и, как вспоминала дочь писателя Любовь Федоровна, своим дворянством очень гордился (Волгин, 1991), в то же время по линии матери у него имелись купеческие корни (дед Федор Тимофеевич Нечаев). В его роду были образованные (дядя матери Василий Михайлович Котельницкий) и «служилые» (дед матери Михаил Федорович Котельницкий) люди. Даже по своему происхождению он был выразителем тех структур общества, которые окончательно оформились во второй половине XIX в. Все герои Достоевского представители именно этого интеллигентского слоя.

Семья Федора Михайловича отличалась религиозностью; в первую очередь, это было характерно для его матери, Марии Федоровны. Одно из первых воспоминаний писателя относилось примерно к трем годам и касалось прочтения им вечерней молитвы: «...няня привела его, лет около трех, при гостях в гостиную, заставила встать на колени перед образами и, как это всегда бывало на сон грядущий, прочесть молитву: „Все упования, Господи, на тебя возлагаю. Матерь Божья, сохрани мя под кровом Своим“. Гостям это очень понравилось, и они говорили, лаская его: „Ах, какой умный мальчик!“ Воспоминание это врезалось в его память, молитву же эту он твердил всю жизнь, и ею же напутствовал ко сну своих собственных детей» (Биография..., 1883, с. 6). Вероятно, именно в осо-

бенностях семейного воспитания кроются корни религиозных воззрений писателя, сохраняющихся на протяжении всей его жизни. Полученное на каторге от жен декабристов Евангелие, с которым он никогда не расставался, поддерживало и укрепляло его в христианской вере.

Учить в семье детей начинали рано – по достижении ими четырехлетнего возраста.

Особенно большое значение обучению детей придавал глава семейства – М. А. Достоевский. Грамоте детей учила мать. Их первой книгой для чтения была «Священная История Ветхого и Нового Завета» на русском языке. Андрей Михайлович Достоевский вспоминал: «Помню, как в недавнее уже время, а именно в конце 70-х годов, я, разговаривая с братом Федором Михайловичем про наше детство, упомянул об этой книге, и с каким он восторгом объявил мне, что ему удалось разыскать этот же самый экземпляр книги (т. е. наш детский), и что он бережет его как святыню» (Достоевский, 1999, с. 18). Для старших мальчиков, Михаила и Федора, были наняты преподаватели, прежде всего, для изучения Закона божьего и французского языка. В предшкольном возрасте дети посещали пансион Н. И. Драшусова для подготовки к поступлению в него (данное заведение описано в романе «Подросток»). Латинскому языку братьев обучал отец. Эти занятия были для мальчиков очень сложными психологически. М. А. Достоевский был человеком крайне вспыльчивым и раздражительным. Он требовал неукоснительного выполнения своих требований и строгого послушания, и, если дети в чем-то его ослушивались, впадал в сильный гнев. А. М. Достоевский в своих воспоминаниях так описывает эти уроки: «У отца братья, занимаясь нередко по часу и более, не смели не только сесть, но даже и облокотиться на стол. Стоят, бывало, как истуканчики, склоняя по очереди... Братья очень боялись этих уроков, происходивших всегда по вечерам. Отец, при всей своей доброте, был чрезвычайно взыскателен и нетерпелив, а главное – очень вспыльчив. Бывало, чуть какой-либо со стороны братьев промах, – так сейчас и разразится крик. ... При малейшем промахе со стороны братьев, отец рассердится, обзовет их лентяями, тупицами, в крайних же случаях даже бросит занятие, не докончив урока, что считалось уже хуже всякого наказания» (Достоевский, 1999, с. 20). Несмотря на свою вспыльчивость, М. А. Достоевский не применял по отношению к детям телесных наказаний и даже не ставил их в угол или на колени, как это было принято в те времена.

В биографии писателя, изданной под редакцией О. П. Миллера, отмечается, что, по отзывам родственников, отец Федора Михайловича «был человек угрюмый, нервный, подозрительный» (цит. по: Биография..., 1883, с. 20). Однако в «Воспоминаниях» А. М. Достоевского столь нелестная характеристика отца опровергается, хотя брат писателя подтверждает, что отец был вспыльчив и крайне ревнив. Несмотря на то, что Мария Федоровна часто была в положении, Михаил Андреевич постоянно ее ревновал. Об этом, например, свидетельствует одно из писем Марии Федоровны мужу: «В прошедшем письме твоем ты упрекнул меня изжогаю, говоря, что в прежних беременностях я ее никогда не имела. Друг мой, соображая все сие, думаю, не терзают ли тебя те же губительные для обоих нас и несправедливые подозрения в неверности моей к тебе, и, ежели я не ошибаюсь, то клянусь тебе, друг мой, самим Богом, небом и землею, детьми моими и всем моим счастьем, и жизнью моею, что никогда не была и не буду преступницей сердечной клятвы моей, данной тебе, другу моему, единственному моему, перед святым алтарем в день нашего брака! Клянусь также, что и теперешняя моя беременность есть седьмой крепчайший узел взаимной любви нашей, со стороны моей – любви чистой, священной, непорочной и страстной, неизменяемой от самого брака нашего...» (цит. по: Биография..., 1883, с. 92). Это качество передалось по наследству и Федору Михайловичу, также отличавшемуся ревнивостью. Но вместе с тем взаимоотношения супругов были очень нежными, что подтверждают их письма друг к другу.

Есть сведения, что глава семейства был скуп. «Он очень часто повторял, что он человек бедный, что дети его, в особенности мальчики, должны готовиться пробивать себе сами дорогу, что со смертью его они останутся нищими» (там же, с. 72). Вместе с тем, Андрей Михайлович утверждал, что на содержание сыновей М. А. Достоевский отводил достаточные средства. Постоянные же жалобы на безденежье брата Федора в письмах из Инженерного училища он объяснял его непрактичностью и нежеланием в чем-то отличаться от своих товарищей. «Волей или не волей, а я должен сообразоваться с уставами моего теперешнего общества. К чему же делать исключение собою? Подобные исключения подвергают иногда ужасным неприятностям» (из письма Ф. М. Достоевского от 10 мая 1839 г.) (там же, с. 13).

Мать свою Федор Михайлович очень любил, хотя и не был ее любимым сыном, так как это место в сердце матери принадлежало ее первенцу, Михаилу. А. Г. Достоевская вспоминает, что ее муж все-

гда вспоминал о матери с большой теплотой, об отце же говорить не любил. Это подтверждают также воспоминания С. Д. Яновского: «...об отце... решительно не любил говорить и просил о нем не спрашивать» (цит. по: Биография..., 1883, с. 39). Мария Федоровна в отсутствии мужа разрешала детям пошалить и порезвиться. Самое лучшее время для детей, по воспоминаниям и самого писателя и его брата, – посещение детьми вместе с матерью села Даровое, принадлежавшего семье Достоевских.

Федору Михайловичу было 16 лет, когда 27 февраля 1837 г. умерла от туберкулеза его мать. Это была тяжелая утрата для всей семьи. Михаил Андреевич очень тяжело переживал смерть любимой супруги. Пытаясь найти способ выхода из тяжелого душевного состояния, вызванного постигшим его горем, отец пристрастился к алкоголю. Об этом упоминает А. М. Достоевский: «Пристрастие его <отца> к спиртным напиткам, видимо, увеличилось, и он почти постоянно бывал не в нормальном положении» (цит. по: Громова, 2000, с. 21).

6 июня 1839 г. М. А. Достоевский был убит своими крепостными крестьянами. Причиной смерти, по воспоминаниям А. М. Достоевского, стала вспышка гнева у Михаила Андреевича, спровоцировавшая, в свою очередь, ответные агрессивные действия крестьян. Официальная версия смерти – апоплексический удар, но родные были уверены в факте убийства. Незадолго до смерти отца Ф. М. Достоевский писал брату Михаилу: «Мне жаль бедного отца! Странный характер! Ах, сколько несчастий перенес он! Горько до слез, что нечем его утешить. А, знаешь ли? Папенька совершенно не знает света. Прожил в нем 50 лет и остался при своем мнении о людях, какое он имел тридцать лет назад. Счастливое неведение. Но он очень разочарован в нем; это, кажется, общий удел наш» (Биография..., 1883, с. 12). Несмотря на тяжелый характер отца, сыновья очень уважительно и с любовью относились к нему. Письма братьев Достоевских наполнены заботой и любовью по отношению к отцу, боязнью огорчить его. Андрей Михайлович вспоминает, что уже в конце 1870-х годов при встрече с братом Федором упомянул он об отце и вызвал горячую ответную реакцию: «Брат мгновенно воодушевился, схватил меня за руку повыше локтя (обыкновенная его привычка, когда он говорил по душе) и горячо высказался: „Да, знаешь ли, брат, ведь это были люди передовые... и в настоящую минуту они были бы передовые! ... А уж такими семьянинами, такими отцами... нам с тобою не быть, брат...“» (цит. по: Достоевский, 1999, с. 94). Эти сведения опровергают мнение о том, что Федор Михайлович испытывал нена-

висть к отцу, на что, в частности, указывала дочь писателя, Л. Ф. Достоевская (Волгин, 1991), а также ставят под сомнение выводы психоаналитиков об инцестуозной природе творчества Достоевского.

Наиболее значимой фигурой в детстве и на протяжении всей дальнейшей жизни для Федора Михайловича Достоевского был брат Михаил. «Старшие братья были погодки, росли вместе и были очень дружны; дружба эта сохранилась до конца жизни старшего брата» (Биография..., 1883, с. 7). Братья были напарниками не только в играх, но и, что наиболее важно, вместе читали и обсуждали прочитанное. Если Михаил отдавал предпочтение поэзии, то Федор – серьезной литературе. Как писал Ф. М. Достоевский, смерть брата, почти совпавшая со смертью первой жены писателя, создала пустоту в его душе, которую невозможно было ничем заполнить.

Выше приведенные свидетельства позволяют сделать вывод о том, что для Достоевского семья имела очень большое значение. Здесь он приобрел интерес к знаниям, религиозные установки, ценности любви, взаимопомощи, сердечного отношения к человеку. Позитивное влияние на писателя оказал высокий образовательный уровень родителей и их стремление дать детям хорошее образование. Именно накопление на протяжении нескольких поколений большого интеллектуального ресурса, по мнению Ф. Гальтона, становится залогом появления гения. Важным фактором являлась общая атмосфера семьи, характеризующаяся, с одной стороны, высокой приверженностью православной вере, любви, взаимопомощи, сочувствию человеку, испытывающему нужду, с другой стороны – открытостью для новых идей и ценностей, проникавших из Европы в своеобразно преломлявшихся в русской культуре (разума, знания, долга и т. д.).

Сформировавшееся еще в детстве трепетное отношение к родителям было пронесено Федором Михайловичем через всю жизнь. Воспитательные методы, применявшиеся в родительской семье, он применял для собственных детей.

Необходимо отметить большое влияние на него матери. Его религиозные представления были заложены именно в детстве в значительной мере благодаря ее влиянию. Дружеские же связи с братьями, сложившиеся в детстве, будут сохранены и станут опорой в дальнейшей жизни писателя.

Можно констатировать, что в Ф. М. Достоевском отразились особенности личности его родителей: религиозность матери, мнительность, вспыльчивость и ревнивость отца.

1.4. Женское окружение и его влияние на личностную и творческую самореализацию Ф. М. Достоевского

В жизни человека большое значение имеет система его межличностных отношений, включая отношения с противоположным полом. Дж. Ландрем подчеркивает большое влияние женского окружения на формирование и развитие гениальной личности (Ландрем, 1997а). В. Е. Семенов указывает на необходимость изучения брачно-семейного статуса художника как источника творческого вдохновения, а также значимых социальных контактов, духовного родства или антагонизма (Семенов, 1988).

Психоаналитики, изучая творчество писателя, отмечают двойственность и амбивалентность чувств, переживаний и характера взаимоотношений героев Ф. М. Достоевского. Например, И. Нейфельд подчеркивает, что любовь в романах Достоевского имеет двойственный характер: с одной стороны она предстает как крайнее сладострастие (отношения Настасьи Филипповны и Рогожина), с другой – как сострадание (отношение Настасьи Филипповны и князя Мышкина), причем сострадание беспредельное: «любить не любовью, а жалостью». Если искать этому параллели в жизни писателя, то можно увидеть подобные отношения Федора Михайловича с Аполлинарией Суловой и его первой женой Марией Дмитриевной. Психоаналитики причину этой двойственности объясняют влиянием эдипова комплекса, вытесненных инцестуозных желаний. Для невротиков характерна невозможность любить, когда желаешь, и невозможность желать, когда любишь. Исключительную удачность второго брака писателя они объясняют тем, что комплекс ослабел, или, согласно И. Нейфельду, Анна Григорьевна не подходила под психологический портрет его матери, в отличие от его первой жены.

Взаимоотношение Ф. М. Достоевского с его первой женой были сложными. Федор Михайлович познакомился с ней в Семипалатинске, когда она была замужем первым браком. Дед Марии Дмитриевны Исаевой-Констант, Степан Констант, был французским эмигрантом. Бежав в Россию от революции, он поступил на службу к Екатерине II. Мария Дмитриевна была женщиной образованной, религиозной и, по воспоминаниям современников, очень приятной в обращении. Вот как описывает ее А. Е. Врангель: «Марии Дмитриевне было за тридцать, довольно красивая блондинка среднего роста. Она была начитана, любознательна, добра, необыкновенно жива и впечатлительна. В Федоре Михайловиче она приняла горячее

участие, приласкала его, не думаю, чтобы глубоко оценила его, скорее, пожалела несчастного, забитого судьбой человека. Возможно, что даже привязалась к нему, но влюблена в него ничуть не была. Она знала, что у него падающая болезнь, что у него нужда в средствах крайняя, да и человек он „без будущности“, говорила она. Федор же Михайлович чувство жалости и сострадания принял за взаимную любовь и влюбился в нее со всем пылом молодости. Достоевский пропадал у Исаевых по целым дням...» (Врангель, URL).

Как утверждают потомки Марии Дмитриевны, с большой симпатией к ней относился и И. С. Тургенев.

Познакомившись с Марией Дмитриевной, Достоевский был покори обаянием этой женщины и, являясь человеком впечатлительным и порывистым, увлекся ею. Л. П. Гроссман пишет в своей книге: «В личном разговоре Анна Григорьевна Достоевская сообщила мне дополнительные сведения о первом браке Достоевского: „Федор Михайлович сильно любил свою первую жену. В жизни его это было первое настоящее чувство...“» (цит. по: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1999, с. 56). По мнению исследователей творчества писателя, история их взаимоотношений отражена в романе «Униженные и оскорбленные» (Туайя, 2004). Несмотря на сложность своего положения (отбывание службы рядовым в Семипалатинске и ожидание помилования, возвращения всех прав, разрешения печататься и проживать в столичных городах), Федор Михайлович после смерти мужа М. Д. Исаевой очень настойчиво добивался ее руки, и его усилия увенчались успехом.

Исследователи указывают на странности взаимоотношений Марии Дмитриевны и Ф. М. Достоевского, отмечая череду взаимных измен и непонимание между супругами.

Достоверными источниками, характеризующими отношения супругов, являются письмо Марии Дмитриевны к сестре (как утверждает потомок М. Д. Достоевской, А. А. Донов, – единственный рукописный документ, дошедший до современников) и дневниковые записи Ф. М. Достоевского, написанные в день смерти его первой жены.

Вот как оценивает М. Д. Достоевская первые годы своего брака: «Чтоб не потерять случай, а, тем более, что мы так долго не писали одна другой, я принялась нацарапать тебе, Варя, несколько строк... Скажу тебе, Варя, откровенно – если бы я не была так счастлива и за себя, и за судьбу Паши, то, право, нужно было поссориться с тобой, как с недоброю сестрою, но в счастье мы все прощаем.

Я не только любима и балуема своим умным, добрым, влюбленным в меня мужем, но даже уважаема его родными. Письма их так милы и приветливы, что, право, остальное стало для меня трин-травой... Паша кланяется тебе и Лиде, он очень любим и умно балуем Федором Михайловичем...» (цит. по: Донов, 2004, с. 34). Здесь отражены не только чувства самой Марии Дмитриевны, но и показаны взаимоотношения между супругами в начальном периоде их брака, а также радость матери за своего ребенка, которому Федор Михайлович заменил отца. Действительно, на протяжении всей своей жизни Достоевский считал себя отцом Павла Исаева и постоянно о нем заботился.

Брак просуществовал в течение шести лет, до смерти Марии Дмитриевны, которая тяжело переживалась писателем. В письме брату Михаилу от 15 апреля 1864 г. Ф. М. Достоевский описывает последние часы жизни горячо любимой жены: «...вчера с Марией Дмитриевной сделался решительный припадок: хлынула горлом кровь и начала заливать грудь и душить... Она со всеми простилась, со всеми примирилась, всем распорядилась. Передает всему твоему семейству поклон с желанием долго жить... С тобой изъявила желание примириться. (Ты знаешь, друг мой, она всю жизнь была убеждена, что ты – ее тайный враг*.) Мария Дмитриевна умирает тихо, в полной памяти... Сейчас, в 7 часов вечера, скончалась Мария Дмитриевна и всем вам приказала долго и счастливо жить (ее слова). Помяните ее добрым словом. Она столько выстрадала теперь, что я не знаю, кто бы мог не примириться с ней...» (цит. по: Биография..., 1883, с. 55).

Откровенно и предельно четко об амбивалентности отношений с супругой – огромной взаимной любви и одновременно несчастливом браке – Ф. М. Достоевский пишет в письме А. Е. Врангелю о 13 марта (14 апреля) 1865 г.: «О, друг мой, она любила меня беспрдельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо... Все расскажу Вам при свидании – теперь же скажу только то, что, несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастливы вместе (по ее странному, мнительному и болезненно фантастическому характеру), мы не могли перестать любить друг друга; даже чем не-

* Мария Дмитриевна была в очень натянутых отношениях с братом мужа и считала его одним из виновников неблагополучия их брака. По-видимому, Достоевский переживал сложность отношений жены и брата, так как к брату он был очень привязан.

счастнее были, тем более привязывались друг к другу...» (цит. по: Биография..., 1883, с. 57).

А. Донов в своей книге «Мария Констант, жена Достоевского» сравнивает Марию Дмитриевну с образом Екатерины Ивановны из романа «Братья Карамазовы», считая, что ей были присущи «ум, доброта и самопожертвенность» этой героини. Кроме того, согласно его мнению, ей были также свойственны «красота, впечатлительность и порывистость» Настасьи Филипповны из «Идиота» и «отчаяние, жертвенность и безумная истеричность» Екатерины Ивановны Мармеладовой из «Преступления и наказания» (Донов, 2004).

Из немногих источников, дошедших до нас, можно сделать вывод, что сложность взаимоотношений была обусловлена сходством характеров супругов. Оба они были порывисты, ревнивы, мнительны, крайне впечатлительны и имели психическую симптоматику. Ф. М. Достоевский был подвержен эпилептическим припадкам. Мария Дмитриевна страдала тяжелой формой туберкулеза, ставшего причиной ее смерти по истечении шести лет брака, а, как известно, в тяжелых стадиях туберкулез отягощается психической симптоматикой. Сложность и нестабильность отношений супругов, по-видимому, усугублялись тяжелым материальным положением семьи и отсутствием общих детей.

Другой женщиной, сыгравшей значительную роль в жизни Достоевского, была Апполинария Прокофьевна Сулова, человек яркий и неординарный. Вот какой портрет Суловой оставил В. В. Розанов: «С Суслихой я в первый раз встретился в доме моей ученицы А. М. Щегловой: вся в черном, без воротников и рукавчиков (траур по брату), со следами былой (замечательной) красоты... Взглядом опытной кокетки она поняла, что „ушибла“ меня, – говорила холодно, спокойно. И, словом, вся – „Екатерина Медичи“... Говоря вообще, Суслиха была действительно великолепна, я знаю, что люди были совершенно ею покорены, пленены. Еще такой русской я не видал. Она была по стилю души совершенно русская, а если русская, то раскольница бы „поморского согласия“, или, еще лучше, – „хлыстовская богородица“» (цит. по: Сулова, 1991, с. 7).

Достоевский встретился с ней в начале 1860-х годов. А. П. Сулова была девушкой прогрессивных взглядов. Она занималась литературой, и один из ее рассказов «Покуда» был напечатан в журнале «Время» под редакцией Достоевского. А. П. Сулова посещала публичные лекции в университете, играла значительную роль в студенческой жизни и была в идеологическом плане выразительницей нигилисти-

ческих веяний эпохи. Учитывая сложившиеся у нее идейные установки, можно предположить, что встреча с известным писателем, имевшим в 1860-е годы ореол страдальца, только что вернувшимся с каторги, произвела на нее глубокое впечатление. Достоевский же был человеком увлекающимся и, по воспоминаниям современников, влюбчивым. Естественно, он не смог устоять перед обаянием Суловой. Роман длился с 1861 по 1863 г.

Для Суловой эти взаимоотношения были очень сложными, так как в них присутствовала двойственность, которую отмечают в Достоевском психоаналитики. С одной стороны, его отличало «сияние высшего идеала», он был певцом «униженных и оскорбленных», с другой стороны, для него была характерна «мутная, тяжелая, чувственная» страсть. Вся гамма переживаний Суловой наиболее полно выражена в письме к Достоевскому, написанном уже после их разрыва: «Ты просишь не писать, что я краснею за свою любовь к тебе. Мало того, что я не буду писать, могу уверить тебя, что никогда не писала и не думала писать; за любовь свою никогда не краснела: она была красива, даже грандиозна. Я могла тебе писать, что краснела за наши прежние отношения. Но в этом не должно быть для тебя нового, ибо я этого никогда не скрывала и сколько раз хотела прервать их до моего отъезда за границу... Что ты никогда не мог понять, мне теперь ясно: они для тебя были приличны. Ты вел себя как человек серьезный, занятой, по-своему понимал свои обязанности и не забывал и наслаждаться, напротив, даже, может быть, необходимым считал наслаждаться на том основании, что какой-то великий доктор или философ утверждал, что нужно пьяным напиться один раз в месяц» (Сулова, 1991, с. 170). В этом письме отражены чувства сильно уязвленной женщины, которая, несмотря на свои прогрессивные идеи, хотела воплощения «светлого и чистого» идеала, а на проверку оказалась втянута в «приличные интимные отношения». Здесь явно просматривается рассогласование идеальных представлений и реальности.

Анализ дневниковых записей Суловой, повести «Чужая и свой», в которой описаны ее отношения с Достоевским, весь ее жизненный путь позволяют предположить, что встреча с писателем стала для нее тем травмирующим событием, через которое преломилась вся ее дальнейшая судьба. Как пишет Л. Долинин, «фигура великого мученика и мучителя, Достоевского, бросает жуткий зловещий свет на начало жизненного пути Суловой» (цит. по: Сулова, 1991, с. 43).

Сам Ф. М. Достоевский, несмотря на глубину познания человеческой души, не понимал той роли, которую он сыграл в судьбе Суловой. Более того, он был обижен разрывом, инициатором которого она была, ее непониманием необходимости соблюдения им супружеских и человеческих обязанностей перед умирающей женой. В письме сестре Суловой от 19 февраля 1865 г. Достоевский пишет: «Она требует от людей всего, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважение других хороших черт, сама же избавляет себя от самых малейших обязанностей к людям. Она корит меня до сих пор тем, что я не достоин был любви ее, упрекает меня непрерывно, сама же встречает меня в 63 году в Париже фразой: „Ты немного опоздал приехать“, т. е., что она полюбила другого... Я люблю ее до сих пор, очень люблю, но я уже не хотел бы любить ее... мне жаль ее, потому что, предвижу, она вечно будет несчастна. Она нигде не найдет себе друга и счастья... Она не допускает равенства в отношениях наших... считает грубостью, что я осмелился говорить ей; например, осмелился высказать, что мне больно. Она меня третировала свысока. Она обиделась тем, что и я захотел, наконец, заговорить, пожаловаться, противоречить ей» (цит. по: Сулова, 1991, с. 8). Слова Достоевского оказались пророческими. Действительно, этой яркой женщине не суждено было испытать семейного счастья. После смерти жены Федор Михайлович делает Суловой предложение, но она его отвергает. Скитаясь по Европе, осуществляя пропагандистскую деятельность в России, она была занята поиском смысла жизни, который неизменно от нее ускользал. В одном из последних своих писем к Суловой Достоевский, между прочим, замечает: «Твое письмо оставило во мне грустное впечатление. Ты пишешь, что тебе грустно. Я не знаю твоей жизни за последний год, и что было в твоём сердце, но, судя по всему, что о тебе знаю, тебе трудно быть счастливой. О, милая, я не к *дешевому необходимому счастью* приглашаю тебя. Я уважаю тебя (и всегда уважал) за твою требовательность, но ведь я знаю, что сердце твое не может не требовать жизни, а сама ты людей считаешь или бесконечно сияющими или тотчас же подлецами и пошляками. Я сужу по фактам. Вывод составь сама. До свидания, друг вечный!» (там же, с. 169).

Встреча с Суловой оставила неизгладимый след в душе Достоевского. В. В. Розанов считает, что писатель воплотил ее черты в образах героинь своих произведений: Дуни из «Преступления и наказания» и Аглаи из «Идиота». Дочь Достоевского Любовь Федоровна утверждает в своей книге об отце, что личность Суловой являет-

ся прообразом Полины в романе «Игрок» и Настасьи Филипповны в «Идиоте».

«Дешевое необходимое счастье» Ф. М. Достоевский обрел с Анной Григорьевной Сниткиной. Второй брак Достоевского оказался необыкновенно удачным. Их встреча состоялась в тяжелый для Достоевского период, когда он потерял одного за другим любимых им людей – умерли жена и брат Михаил Михайлович. Журнал «Время», выпускаемый братьями, по указу Правительства был закрыт, а новый журнал «Эпоха» не имел уже такого успеха. Все долги по журналам и заботу о семье покойного брата Достоевский взял на себя. Кредиторы требовали уплаты долгов. Чтобы добыть необходимые средства, Федор Михайлович подписал договор с издателем Ф. М. Стелловским на выпуск собрания своих сочинений, который грозил ему в случае невыполнения условий договора полной утратой авторских прав на собственные произведения, как уже написанные, так и будущие. Не успевая к сроку сдать в редакцию рукопись нового романа, Достоевский вынужден был нанять стенографистку. «Стенографка моя, Анна Григорьевна Сниткина, была молодая и довольно пригожая девушка 20 лет, хорошего семейства, превосходно кончившая гимназический курс, с чрезвычайно добрым и ясным характером, – пишет он в письме Суловой. – Работа у нас пошла превосходно... При конце романа я заметил, что стенографка моя меня искренно любит, хотя никогда не говорила мне об этом ни слова, а мне она все больше и больше нравилась. Так как со смерти брата мне ужасно скучно и тяжело жить, то я предложил ей за меня выйти. Она согласилась, и вот мы обвенчаны. Разница в годах ужасная (20 и 44), но я все более и более убеждаюсь, что она будет счастлива. Сердце у нее есть, и любить она умеет» (цит. по: Сулова, 1991, с. 168).

Анна Григорьевна действительно оказалась хорошей женой. Испытывая восхищение перед знаменитым писателем, искренне сочувствуя его невзгодам и болезням, Анна Григорьевна стала ему верной помощницей в творчестве и матерью четырех его детей. В отличие от предыдущих женщин она была менее взыскательна, терпелива и многое прощала своему гениальному мужу. Взаимоотношения супругов с годами становятся все более трепетными. Письма последних лет наполнены их искренней заботой, нежностью и любовным отношением друг к другу. Так, в письме жене от 12 мая 1975 г. Ф. М. Достоевский признается в своей любви к ней: «Постараюсь поскорее прибыть к Вам: как уехал от Вас, так и грустно ужасно. Вас, милостивая государыня, ужасно люблю и считаю ве-

ликолепнейшим существом. Обнимаю и целую тебя, милая, крепко. Детишек тоже» (Достоевский, Достоевская, 1979, с. 163).

Через несколько месяцев после свадьбы супруги уехали за границу, где прожили четыре года. Как пишет в своих воспоминаниях Н. Н. Страхов, «я совершенно убежден, что эти четыре с лишним года, проведенные Федором Михайловичем за границею, были лучшим временем его жизни, т. е. таким, которое принесло ему всего больше глубоких и чистых мыслей и чувств. Он очень усиленно работал и часто нуждался; но он имел покой и радость счастливой семейной жизни и почти все время жил в совершенном уединении, т. е. вдали от всяких значительных поводов оставлять прямой путь своих мыслей и глубокой душевной работы. Рождение детей, забота о них, участие одного супруга в страданиях другого, даже самая смерть первого ребенка, – все это чистые, иногда высокие впечатления. Нет сомнения, что именно за границей при этой обстановке и этих долгих и спокойных размышлениях в нем совершилось особенное раскрытие того христианского духа, который всегда жил в нем» (цит. по: Биография..., 1883, с. 294). Это действительно было время тесного общения с женой, так как русской политической эмиграции Достоевский намеренно сторонился, не разделяя ее взглядов. Для него было неприемлемо отношение свысока к собственному народу, принятие того, что ему дорого и стремление переделать, перестроить Россию на европейский лад. Большинство русских за границей вызывали у писателя недоумение и раздражение, чувством неполноценности, приниженности перед любым иностранцем. В связи с этим большую часть времени он проводил с женой и детьми.

Постоянная нужда в средствах заставляла Достоевского много писать. Работа на заказ, осуществляемая в жестких временных рамках, очень сильно нервировала его. По мнению писателя, его романы были бы более «отточены», если бы не необходимость создавать их второпях. Чаше всего Достоевский был вынужден дописывать роман, когда деньги за него уже были получены и первые главы печатались. «А теперь даже и минуты времени не имею. Работаю, и ничего не делается. Только рву, – пишет он из Дрездена А. Н. Майкову. – Я в ужаснейшем унынии; ничего не выйдет. Они объявили, что в апрельском № <номере> явится продолжение, а у меня ничего не готово, кроме одной, ничего не значащей главы. Что я пошлю – не понимаю! Третьего дня был сильный припадок. Но вчера я все-таки писал в состоянии, похожем на сумасшествие. Ничего не выходит. Чем я извинюсь перед Катковым, и понять не могу,

а апрельской книге уже пора выходить. Хоть бы два листа выслать успелось. Во всяком случае, буду писать. А денег-то я все-таки у Каткова уже попросил на переезд в Вевей» (цит. по: Биография..., 1883, с. 185). В письмах Достоевского того времени постоянно идет речь о денежных затруднениях. Он волнуется, просит, жалуется, кается, возмущается и требует.

Трудность материального положения семьи Достоевских осложнялась и его страстью к игре. Еще во время первой заграничной поездки Федор Михайлович увлекся игрой на рулетке. Как вспоминает Н. Н. Страхов, впервые начав играть, Достоевский выиграл одиннадцать тысяч франков, и эта первая удача постоянно вводила его в «соблазн», хотя позднее такое везение ему не сопутствовало. Сам Достоевский до определенного времени не видел в рулетке ничего дурного. По его мнению, романист должен приобщиться к нравам общества, чтобы иметь возможность в дальнейшем описать их в своих произведениях. Как известно, переживания игрока были очень точно переданы им в романе «Игрок». Но постепенно игра для Достоевского превратилась в настоящую страсть. Как следует из его писем к жене, он начинал игру спокойно, так как имел четкое представление о том, как необходимо вести игру: ставить маленькие суммы и не «горячиться». Но как только появлялись выигрыши, он начинал «горячиться», увеличивал ставки, увлекался и вследствие этого проигрывал. Так он играл изо дня в день, пока не проигрывал все. Получая новые гонорары, он вновь шел в казино, и это продолжалось до тех пор, пока игра его окончательно не изматывала. Это повторялось из раза в раз. «Проезжая недалеко от Бадена, я вздумал туда завернуть. Соблазнительная мысль меня мучила: пожертвовать 10 луидорами и, может быть, выиграю хоть 2000 франков лишних, а ведь это на 4 месяца житься со всем, со всеми петербургскими, – пишет он А. Н. Майкову из Женевы в 1867 г. – Гаже всего, что мне и прежде случалось иногда выигрывать. А хуже всего, что натура моя подлая и слишком страстная. Везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил. Бес тотчас же сыграл со мною шутку: я дня в три выиграл 4000 франков с необыкновенной легкостью. Теперь изображу вам, как все это мне представилось: с одной стороны, этот легкий выигрыш – из 100 франков я в три дня сделал четыре тысячи. С другой стороны, – долги, взыскания, тревога душевая, невозможность воротиться в Россию. Наконец третье и главное – сама игра! Знаете ли, как это втягивает! Нет, клянусь вам, тут не одна корысть, хотя мне, прежде всего,

нужны были деньги для денег. Анна Григорьевна умоляла меня удовольствоваться 4000 франками и тотчас уехать... Я рискнул дальше и проиграл. Стал свои последние проигрывать, раздражаясь до лихорадки, – проиграл. Стал закладывать платья. Анна Григорьевна все свое заложила, последние вещицы (что за ангел! Как утешала она меня, как скучала в проклятом Бадене...). Наконец, довольно, все было проиграно... Надо было спасаться, уезжать из Бадена. Опять написал Каткову, опять попросил 500 рублей (не говоря об обстоятельствах, но письмо было из Бадена, и он наверно кое-что понял). Ну-с, ведь прислал! Прислал!» (Достоевский, 2001, с. 92). Это была настоящая игровая зависимость, которую Достоевский не мог преодолеть в течение многих лет.

Любопытно, что Достоевский практически не пил вина: оно приводило его в возбуждение и часто провоцировало припадок. В молодости он даже чай пил холодный и не очень крепкий, не играл в карты, так как необходимость сосредоточиваться для него была трудна; точно так же он не испытывал страсти к еде, любил только сладости. По всей видимости, страстность его природы требовала выхода, и игра в определенных обстоятельствах (семейные неурядицы, смерть близких, разрыв с Сусловой) этому способствовала. Постепенно «закрепившись», игра стала способом снятия внутреннего напряжения, избавления от тоски, которой был подвержен писатель, заняв важное место в его жизни. Анна Григорьевна Достоевская недоумевала по поводу такой зависимости мужа, но постепенно смирилась. «Сначала мне казалось странным, как это Федор Михайлович, с таким мужеством перенесший столько разнородных страданий (заключение в крепости, эшафот, ссылку, смерть любимого брата, жены), как он не имеет настолько силы воли, чтобы сдерживать себя, остановиться на известной доле проигрыша, не рисковать своим последним талером. Мне казалось это даже некоторым унижением, недостойным его возвышенного характера, и мне было больно и обидно признать эту слабость в моем дорогом муже. Но скоро я поняла, что это – не простая „слабость воли“, а всепоглощающая человека страсть, нечто стихийное, против чего даже твердый характер бороться не может. С этим надо было примириться, смотреть на увлечение игрой как на болезнь, против которой не имеется средств» (Достоевская, 2002, с. 119). Анна Григорьевна даже сама, видя угнетенное настроение Достоевского, застой в творчестве, отпирала его развеяться и сыграть на рулетке. Оттуда он возвращался проигравшийся, виноватый и с жаром приступал к работе.

Страсть эта прекратилась под воздействием некоего странного обстоятельства, которое подействовало на Достоевского как шоковая терапия. «Я проиграл все к половине десятого и вышел как очумелый; я до того страдал, что тотчас побежал к священнику (не беспокойся, не был, не был и не пойду!). Я думал дорогою, бежа к нему в темноте, по неизвестным улицам: ведь он пастырь божий, буду с ним говорить не как с частным лицом, а как на исповеди. Но я заблудился в городе, и когда дошел до церкви, которую принял за русскую, то мне сказали в лавочке, что не русская, а жидовская. Меня как холодной водой облило... Аня, я лежу у ног твоих, и целую их, и знаю, что ты имеешь полное право презирать меня, а стало быть, и подумать: „Он опять играть будет“. Чем же поклянусь тебе, что не буду; я уже тебя обманул. Но, ангел мой, пойми: ведь я знаю, что ты умрешь, если б я опять проиграл! Не сумасшедший же я вовсе! Ведь я знаю, что сам тогда я пропал. Не буду, не буду, не буду и тотчас приеду! Верь. Верь в последний раз и не раскаешься. Теперь буду работать для тебя и Любочки, здоровья не щадя, увидишь, увидишь, увидишь, всю жизнь, и достигну цели! Обеспечу вас... На со мной великое дело свершилось, исчезла гнусная фантазия, мучившая меня почти 10 лет. Десять лет (или, лучше, со смерти брата, когда я был вдруг подавлен долгами) я все мечтал выиграть» (Достоевский, 2001, с. 133). Впечатлительность Достоевского, склонность верить неким предзнаменованиям в совокупности с религиозными основами, которые были в нем достаточно сильны, подействовали на него отрезвляюще и позволили пересмотреть осознаваемые мотивы, оправдывающие игру как способ материальной поддержки семьи и расчета с кредиторами.

Еще в юности Достоевский отличался непрактичностью. Эта черта была ему присуща всю жизнь, и семья писателя постоянно находилась в стесненных обстоятельствах, усугубленных долгами, оставшимися после закрытия журналов «Время» и «Эпоха». Анна Григорьевна причину непрактичность мужа видела в его непомерной доброте, отзывчивости и доверчивости, которой пользовались как чужие люди, так и близкие родственники. Только практический талант Анны Григорьевны помог семье к концу жизни писателя расплатиться с долгами и даже скопить некоторый капитал. Это, в свою очередь, обеспечило Достоевскому большую свободу в написании произведений. Как утверждает в своих воспоминаниях Н. Н. Страхов, врачи рекомендовали Достоевскому в целях облегчения его состояния здоровья воздерживаться от интенсивной литературной

деятельности. Но, несмотря на это, Федор Михайлович был постоянно занят работой: издавал «Дневник писателя», общался и переписывался с читателями, участвовал в разнообразных литературных чтениях, работал над своими произведениями. И так до последних минут его жизни, оборвавшейся на пике творческой активности.

Проанализировав отношения Ф. М. Достоевского с женщинами, можно констатировать, что именно Анна Григорьевна Достоевская смогла дать писателю то счастье, к которому он постоянно стремился, и которое в какой-то мере повторило его родительскую семью (нежные взаимоотношения между супругами, любимые дети и возможность спокойно работать). Практичность Анны Григорьевны, ее беспредельное терпение, благоговейное отношение к мужу и преклонение перед его талантом обеспечили Ф. М. Достоевскому покой и семейное счастье.

Прежде всего, А. Г. Достоевская подарила Ф. М. Достоевскому счастье отцовства. По воспоминаниям родственников и по произведениям писателя, можно сделать вывод о том, что Достоевский очень любил детей, с большой радостью общался с племянниками, заботился о пасынке. Значительное влияние на Достоевского оказало появление в его жизни собственных детей. Об этом свидетельствует письмо писателя Страхову: «Мы теперь возимся с нашей Любочкой. Ах, зачем вы не женаты и зачем у вас нет ребенка, многоуважаемый Николай Николаевич! Клянусь вам, что в этом – $\frac{3}{4}$ счастья жизненного, а в остальном – разве только одна четверть» (цит. по: Биография..., 1883, с. 287). Рождение первой дочери, Сони, стало настоящим счастьем для Достоевского. Анна Григорьевна в своих воспоминаниях пишет о том впечатление, которое произвело на него появление первого ребенка: «Федор Михайлович благоговейно перекрестил Соню, поцеловал сморщенное личико и сказал: „Аня, погляди, какая она у нас хорошенькая!“ Я тоже перекрестила и поцеловала девочку и порадовалась на моего дорогого мужа, видя на его восторженном и умиленном лице такую полноту счастья, какой доселе не приходилось видеть» (Достоевская, 2002, с. 149). Достоевский оказался очень заботливым и нежным отцом. Общение с дочкой было для него большой радостью. Ее смерть, так же как и смерть сына Алексея, он переживал как огромное горе. Внезапная кончина Сони буквально потрясла его. «Отчаяние его было бурное, он рыдал и плакал, как женщина, стоя перед остывшим телом своей любимицы, и покрывал ее бледное личико и ручки горячими поцелуями. Такого бурного отчаянья я никогда более не видала. Обоим нам

казалось, что мы не вынесем нашего горя. На Федора Михайловича было страшно смотреть, до того он осунулся и похудел за время болезни Сони» (там же, с. 152). В письме А. Н. Майкову из Вевея 4 июня 1868 г. Федор Михайлович писал: «Друг мой, Аполлон Николаевич, я знаю и верю, что вы истинно и искренно жалеете меня. Никогда я не был более несчастен, как во все это последнее время. Описывать вам ничего не буду, но чем дальше идет время, тем язвительнее воспоминание и тем ярче мне представляется образ покойной Сони. Есть минуты, которых выносить нельзя. Она меня уже знала; она, когда я в день смерти ее уходил из дома читать газеты, не имея понятия о том, что через два часа умрет, она так следила и провожала меня своими глазками, так поглядела на меня, что до сих пор представляется, и все ярче и ярче. Никогда не забуду и никогда не перестану мучиться! Если даже и будет другой ребенок, то не понимаю, как я буду любить его; где любви найду; мне нужно Соню. Я понять не могу, что ее нет, и что я ее никогда не увижу» (цит. по: Биография..., 1883, с. 189). Этот небольшой отрывок из письма Достоевского свидетельствует о том, что Достоевский был искренне привязан к ребенку, смерть его стала для него настоящей трагедией. У Федора Михайловича было еще трое детей, и всех их он безмерно любил. Письма из Эмса, адресованные Анне Григорьевне, наполнены заботой и тревогой за детей: здоровы ли они, обеспечен ли им надлежащий уход, все ли необходимое у них есть. «Я сегодня видел во сне Федю и Лилю и беспокоюсь, не случилось ли с ними чего! Ах, Аня, и об них думаю день и ночь. Ну умру, что я им оставлю. Только бы кончить проклятую эту работу, а там бы предпринять что-нибудь. Но это все при свидании. А теперь дай бог, чтоб насущное как-нибудь удалось. Цалую и благословляю Федю и Лилю и... Впрочем, что ты, Анька, пишешь о двойне? Ах, ты! Впрочем, цалую и двойню, и дай бог, а тебя цалую тридцать пять раз, как говорит Федя. Пиши о себе чаще» (Достоевский, Достоевская, 1979, с. 188). Когда же Федор Михайлович присматривал за детьми в отсутствие Анны Григорьевны, его отчеты были наполнены подробнейшей информацией об их здоровье, прогулках, настроении. Болезни детей вызывали в нем «панику», ему казалось, что заболевший ребенок непременно умрет. Смерть младшего сына Алексея 16 мая 1878 г. от судорожного припадка в возрасте трех лет потрясла писателя. Он винил себя в том, что передал по наследству ребенку свою болезнь.

При анализе отношений Достоевского к своим детям и чтении строк, посвященных детям и детско-родительским отношениям в его

произведениях, возникает большое сомнение в справедливости обвинения Ф. М. Достоевского Н. Н. Страховым уже после его смерти, представленного в письме к Л. Н. Толстому: «Его тянуло к пакосям, и он хвалился ими. Висковатов стал мне рассказывать, как он похвалялся, что... в бане с маленькой девочкой, которую привела ему гувернантка. Заметьте при этом, что при животном сладострастии у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести. Это видно в его романах. Лица, наиболее на него похожие, – это герой „Записок из подполья“, Свидригайлов из „Преступления и наказания“ и Ставрогин в „Бесах“. Одну сцену из Ставрогина (растление и пр.) Катков не хотел печатать, а Достоевский здесь читал многим» (цит. по: Достоевская, 2002, с. 347). Во-первых, человек, так сильно любивший своих детей и так трогательно и заботливо относившийся к чужим (всю свою жизнь он заботился о пасынке и о детях брата), вряд ли был склонен к педофилии. Люди, подверженные данной форме девиантного поведения, не могут создать нормальных семейных отношений и, как правило, их избегают, так как имеют несформировавшееся вследствие неправильного воспитания представление о себе. Во-вторых, данный документ (письмо Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому) по своему содержанию резко противоположен воспоминаниям о Достоевском, написанным Страховым в 1883 г., что вызывает некоторое недоумение. И. Л. Волгин в своей книге «Родиться в России» приводит интересный эпизод из жизни Ф. М. Достоевского. Случай произошел в гостинице А. П. Философовой. Когда писателя спросили, какой грех он считает самым страшным, он ответил: насилие над ребенком. В связи с этим Достоевский описал впечатления детства, когда ему довелось стать свидетелем трагедии в возрасте девяти лет. Его одноклассницу девочку, дочь кучера, подружку его детских игр, изнасиловал «пьяный», и девочка умерла, истекая кровью. Закljučая свой рассказ, Достоевский отметил: «Самое ужасное преступление... Самый страшный грех... Отнять веру в правоту любви» (цит. по: Волгин, 1991, с. 181). Описание этого случая, как полагает Волгин, косвенным образом воспроизводится в романах «Преступление и наказание» и «Бесы» (исповедь Ставрогина). Своих отрицательных героев писатель наделяет этим страшным грехом.

Проанализировав межличностные отношения Достоевского – его взаимоотношения с родительской и собственной семьей – можно сделать вывод, что семья оказала решающее воздействие на формирование его религиозных представлений, нравственных норм

и правил, которыми он руководствуется в жизни, на его взаимоотношения с собственными детьми. Большое влияние на жизнь и литературную деятельность писателя оказали окружавшие его женщины, ставшие источником глубоких переживаний, творческого вдохновения и образов героинь его произведений. Собственная семья, взаимоотношения с супругой были для Достоевского тем необходимым основанием, которое помогало ему перенести все удары судьбы, преодолеть трудности и отчаяние и полностью отдаться творчеству. Именно в собственной семье, в своей жене и детях он обрел не только подлинную любовь, но и поддержку, единомыслие, которые необходимы художнику.

1.5. Психическое состояние Ф. М. Достоевского как фактор развития его личности и творчества

Важный фактор формирования и развития личности и творчества Ф. М. Достоевского – это его собственное психическое состояние. Писатель был болен эпилепсией, что отражалось и на его поведении, и на творческой деятельности.

В своих письмах к брату Федор Михайлович упоминает о припадках, похожих на эпилептические, которых до каторжного периода у него не было. В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» в качестве одной из причин болезни писателя называется боязнь постоянной угрозы телесного наказания на каторге. Сам Федор Михайлович «всегда говорил, что падучую он получили в Сибири... и всегда выставлял причиной болезни свой страстный темперамент, который в течение 4 лет каторги ни разу не мог быть удовлетворен вследствие страха быть наказанным розгами» (Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1999, с. 54).

Другая версия принадлежит дочери писателя Л. Ф. Достоевской. Она сообщает, что примерно в 1835 г. «ссора родителей повлияла на Достоевского и вызвала у него первый припадок падучей» (там же, с. 29).

Доктор С. Д. Яновский в своих воспоминаниях утверждает, что в 1840-х годах у Ф. М. Достоевского наблюдались признаки начинающейся эпилепсии. Основными симптомами, с которыми он обратился к врачу, были «жалобы на особенные головные дурноты, галлюцинации, муть в голове». Рассказы писателя о нервных явлениях, которые бывали с ним в детстве, а также его темперамент и телосложение свидетельствовали о вероятности у него нервной

болезни, которую Яновский «постоянно допускал у него». «Будучи от природы чрезвычайно мнительным (что у него было несомненным признаком известных страданий мозга и именно такого рода, которые впоследствии обнаружили чистую форму падучей болезни) и состоя под страхом кондрашки, он всячески воздерживался от всего возбуждающего» (Яновский, URL).

А. Е. Врангель, ссылаясь на свидетельство самого Достоевского, начало его болезни относит к докаторжному периоду жизни: «Первые признаки болезни, как он утверждал, появились у него еще в Петербурге, а развилась она на каторге» (Врангель, URL).

Описание припадков, происходивших с Достоевским, представлено в воспоминаниях жены писателя, А. Г. Достоевской, и близко знавших его людей – А. Е. Врангеля, Н. Н. Страхова, а также в произведениях писателя.

А. Е. Врангель в своих «Воспоминаниях о Ф. М. Достоевском в Сибири» пишет: «Бог миловал, я лично никогда свидетелем их не был. Но знаю, что припадки бывали довольно часто... После припадка он чувствовал себя всегда дня два-три разбитым, вялым, мысли не вязались, голова не работала. В Семипалатинске припадки случались через три месяца. Приближение их он чувствовал и говорил, что перед приступом его тело охватывает какое-то невыразимое чувство сладострастия. Жутко было видеть в эти минуты этого страдальца, да еще при таких жизненных условиях; жалок и беспомощен он был после каждого параксизм!» (там же).

А. Г. Достоевская утверждает, что чаще всего приступы случались у Федора Михайловича ночью, во сне, но бывали и днем, иногда по несколько раз в сутки. Она описывает протекание приступа: «Федор Михайлович был чрезвычайно оживлен и что-то интересное рассказывал моей сестре. Вдруг он прервал на полуслове свою речь, побледнел, привстал с дивана и начал клониться в мою сторону. Я с изумлением смотрела на его изменившееся лицо. Но вдруг раздался ужасный, нечеловеческий крик, вернее вопль, и Федор Михайлович начал склоняться вперед... Я обхватила Федора Михайловича за плечи и силою посадила на диван. Но каков же был мой ужас, когда я увидела, что бесчувственное тело моего мужа сползает с дивана, а у меня нет сил его удержать... Я опустила и все время судорог держала его голову на своих коленях... Мало-помалу судороги прекратились, и Федор Михайлович стал приходить в себя; но сначала он не сознавал, где находится, и даже потерял свободу речи: он все хотел что-то сказать, но вместо одного слова

произносил другое, и понять его было невозможно» (Достоевская, 2002, с. 85).

В воспоминаниях о Достоевском Н. Н. Страхова, близко знавшего писателя уже после каторги, припадок эпилепсии описывается следующим образом: «Федор Михайлович очень одушевился и зашагал по комнате, а я сидел за столом. Он говорил что-то высокое и радостное... он остановился на минуту, как бы ища слова для своей мысли, и уже открыл рот... Вдруг из его раскрытого рта вышел странный, протяжный бессмысленный звук, и он без чувств опустился на пол среди комнаты. Припадок на этот раз не был сильный. Вследствие судорог все тело только вытягивалось, да на углах губ показалась пена. Следствием припадка были случайные ушибы, также боль в мускулах от перенесенных им судорог. Изредка появлялась краснота лица, иногда – пятна. Но главное было то, что больной терял память и дня два или три чувствовал себя совершенно разбитым. Душевное состояние его было очень тяжело; он едва справлялся со своею тоскою и впечатлительностью. Характер этой тоски, по его словам, состоял в том, что он чувствовал себя каким-то преступником, ему казалось, что над ним тяготеет неведомая вина, великое злодеяние» (цит. по: Биография..., 1883, с. 214). Страхов упоминает и о наличии «ауры» перед припадком.

Все приведенные свидетельства убеждают в наличии у Достоевского эпилепсии. Описание припадка соответствует симптоматике, приведенной в психиатрической литературе. Известно, что даже при средней тяжести заболевания – при нескольких приступах в месяц – наблюдаются определенные изменения в мышлении, памяти, восприятии. У Достоевского могло быть и несколько приступов в месяц, и один – в два-три месяца, а при сильном возбуждении они могли повторяться один за другим с интервалом в несколько часов, между тем его психические функции оставались полностью сохраненными. Анализ воспоминаний очевидцев, писем, записных книжек, произведений и публицистики Достоевского не обнаруживает каких-либо признаков деформации мышления писателя. Отсутствуют нарушения операционной стороны мышления – снижение уровня обобщений, а также динамики мыслительной деятельности, проявляющейся в замедленности, слабой подвижности интеллектуальных процессов. Не наблюдается «эпилептическое резонерство» (вязкость мышления), проявляющееся в излишней обстоятельности, детализированности. (Хотя излишнюю обстоятельность и детализированность можно отметить в письмах Достоевского.) Наоборот, иногда

способность к анализу Достоевского вызывала у окружающих восхищение. В этой связи показательны высказывания С. Д. Яновского, приведенные выше. В воспоминаниях Н. Н. Страхова о литературной деятельности Достоевского содержатся интересные сведения о присущих ему мыслительных способностях: «Он имел дар извительности, иногда очень веселой. Меня поражает именно неистощимая подвижность его ума, не иссякающая плодovitость его души. С чрезвычайной ясностью в нем обнаруживалась особенного рода раздвоение, состоящее в том, что человек предается очень живо известным мыслям и чувствам, но сохраняет в душе неподдающуюся и непоколебимую точку, с которой смотрит на самого себя, на свои мысли и чувства. Он сам говорил об этом свойстве и называл его рефлексией. В нем постоянно совершался внутренний труд, происходило нарастание и движение мысли» (цит. по: Биография..., 1883, с. 215).

Что касается памяти, то сам Достоевский отмечал у себя ее некоторое снижение. Он часто не помнил людей, которые были некогда ему знакомы, забывал отдельные события своей жизни. В биографии писателя, изданной под редакцией О. П. Миллера, отмечается, что он вследствие своей забывчивости путал год своего рождения. А. Г. Достоевская сообщает, что при первом знакомстве Федор Михайлович несколько раз переспрашивал ее имя, так как не мог его запомнить. По свидетельству Анны Григорьевны, Достоевский однажды ей признался, что забыл свой роман «Преступление и наказание», и ему необходимо его перечитать. Но неясно, является ли это следствием эпилепсии или отражает возрастную динамику мнемической функции. Возможно также, что забывание отдельных событий и деталей было обусловлено предельной концентрированностью писателя на предмете размышления, при которой все малозначимое в этой ситуации вытеснялось на периферию сознания.

Нарушения восприятия отмечались у Достоевского только в период до появления приступов. На это, в частности, указывает С. Д. Яновский.

Умер Достоевский не вследствие приступа, а в результате внутреннего кровотечения, к которому привел разрыв легочной артерии, вызванный эмфиземой легких.

Авторы книги «Достоевский над бездной безумия» О. Н. Кузнецов и В. И. Лебедев ставят под сомнение наличие у Достоевского эпилепсии. Первое, что приводит их к подобному утверждению, – это отсутствие у потомков писателя наследственной патологии. «Оди-

ночный припадок, приведший к смерти сына Достоевского, с современных медицинских позиций никак не может быть уверенно диагностирован как признак наследственной эпилепсии. Любая инфекция, интоксикация, нарушение водно-пищевого режима могут быть причиной неспецифического судорожного припадка» (Кузнецов, Лебедев, 2003, с. 52). Не страдали эпилепсией и другие члены семьи Достоевских – его родители, близкие родственники. Отсюда авторами делается вывод об отсутствии наследственного фактора.

Наряду с этой точкой зрения существует и другое мнение – о наличии у членов рода Достоевских определенных патологических особенностей. «Несомненно, Достоевский-отец был психически больным человеком: болезнь прогрессировала с углублением последствий запойного пьянства... Михаил, старший брат Ф. М. Достоевского, и младший брат его, Николай, унаследовали болезнь отца, страдали запойным пьянством... Большинство потомков Михаила (второе, третье поколения) также страдали алкоголизмом... Варвара, сестра писателя, проявляла явные признаки душевнобольной. Идиотом был ее сын. После замужества она очень разбогатела и, тем не менее, страдала до крайности болезненной скупостью. Старший сын брата Ф. М. Достоевского, Андрея Михайловича, – блестящий молодой человек умер от прогрессивного паралича» (Колупаев, Клюжев, Лакосина, Журавлев, 1999, с. 24).

Таким образом, говорить однозначно об отсутствии патологии в роду Достоевских вряд ли правомерно.

Второй аргумент, выдвигаемый Кузнецовым и Лебедевым, – это невозможность точного определения начала припадков. С этим можно согласиться, так как из литературы, посвященной Достоевскому, этот факт установить не удастся. Хотя в 1873 г. Достоевский говорил о своей болезни Вс. Соловьеву: «Мои нервы расстроены с юности. Еще за два года до Сибири, во время разных моих литературных неприятностей и ссор у меня открылась какая-то странная и невыносимо мучительная нервная болезнь. Рассказать я не могу этих отвратительных ощущений, но живо их помню; мне часто казалось, что я умираю, ну вот право – настоящая смерть приходила и потом уходила. Я боялся даже летаргического сна. И странно – как только я был арестован – вдруг вся эта моя отвратительная болезнь прошла, ни в пути, ни на каторге в Сибири и никогда потом я ее не испытывал – я вдруг стал свеж, бодр и спокоен... Но во время каторги со мной случился первый припадок падучей, и с тех пор она меня не покидает. Все, что было со мной до этого первого припад-

ка, каждый малейший случай из моей жизни, каждое лицо, мною встречаемое, все, что я читал, слышал, – я помню до мельчайших подробностей. Все, что началось после первого припадка, я очень часто забываю, иногда забываю совсем людей, которых знал хорошо, забываю лица. Забыл все, что написал после каторги; когда дописывал «Бесы», то был должен перечитать все с начала, потому что перезабыл даже имена действующих лиц» (цит. по: Биография..., 1883, с. 352). Сам Достоевский относит начало болезни именно к каторжному периоду.

Третий аргумент – это связь припадков с аффективно окрашенными событиями. «Тесная связь припадков с психотравмирующими воздействиями достаточно явно прослеживается в биографической литературе как очевидный и подлежащий обсуждению факт. В рамках эпилептической болезни такие особенности характерны для „аффективной эпилепсии“ Крепелина. А. Г. Иванов-Смоленский так объяснял это понятие: „Это та эпилепсия, при которой судорожный припадок вызывается ссорой, неприятностью, волнением и т. д. Такой эпилепсией страдал Достоевский, у которого припадок всегда присоединялся к какому-то волнению...“. Таким образом, термин „аффективная эпилепсия“ в психиатрии используется для обозначения патологии, промежуточной между психогениями и собственно „падучей“, существенно от них отличающейся» (Кузнецов, Лебедев, 2003, с. 56). С этим можно согласиться, учитывая действительно аффективный характер приступов и отсутствие грубой психической патологии в психических процессах. Но, с другой стороны, как объяснить тот факт, что припадки Достоевского заканчивались медленным приходом в сознание и дальнейшей амнезией? При падении Достоевский часто получал травмы. По воспоминаниям жены писателя, приступы у Достоевского часто случались ночью и необязательно в присутствии людей, что характерно именно для эпилептоидного приступа, а не истерического.

В заключение своего исследования Лебедев и Кузнецов ставят диагноз: симптоматическая эпилепсия при последствиях легко протекающего органического заболевания головного мозга, сопровождающаяся пограничными психическими расстройствами невротического уровня. «Истеричность... обуславливается преимущественно тяжелыми жизненными обстоятельствами» (там же, с. 60).

Интересна концепция психоаналитиков в трактовке болезни Ф. М. Достоевского. Все творчество Достоевского, по мнению З. Фрейда и И. Нейфельда, вытекает из инфантильных переживаний писа-

теля, связанных с комплексом Эдипа. И, как следствие этого, – бессознательная ненависть к отцу и жажда его смерти, что приводит к чувству вины, которое Достоевский не мог изжить до конца своих дней. Отсюда его анализ преступлений, фабула романа «Братья Карамазовы», ранний социализм и революционность – борьба против самодержавия как воплощенный образ отцовства. Достоевский всю свою жизнь залечивал в себе этот «сексуальный надрыв детства»; он видел завершение страданий в наказании, искуплении, во всепрощении. И, как следствие, – это падучая болезнь (эпилепсия), которую Фрейд рассматривает как невротический комплекс. Затем полное принятие наказания от царя-батюшки – каторга, всепрощение и преклонение перед царской властью. По мнению Нейфельда, заслуживает внимания тот факт, что Достоевский наделяет Федора Павловича Карамазова своим именем. А Смердяков в его романе болен той же болезнью, что и сам писатель. По-видимому, создавая роман об отцеубийстве, Достоевский бессознательно переживал свои инфантильные желания. Отсюда и то тяжелое состояние, которое испытывал писатель после припадка – чувство вины и ощущение совершенного преступления (Фрейд, 2002; Нейфельд, 2002). Версия интересная, но весьма спорная.

В литературе, посвященной Достоевскому, при описании его личности выделяются такие его болезненные черты, как повышенная чувствительность к неудачам, постоянное недовольство кем-то, неумение прощать оскорбления, подозрительность, щепетильность, ревнивость.

Действительно, Достоевский был очень чувствителен к неудачам, о чем упоминалось в главе, посвященной началу его творческой деятельности. Подтверждение этому можно найти в воспоминаниях Н. Н. Страхова: «Его внимание было постоянно устремлено на его собратий по части изящной словесности, на всякие критические отзывы и о нем самом и о других. Он очень дорожил всяким успехом, всякою похвалою и очень огорчался нападками и бранью» (цит. по: Биография..., 1883, с. 220).

В письмах Достоевского прослеживается постоянное недовольство кем-то: то он подозревает брата в боязни с ним переписываться, так как он политический ссыльный, то недоволен А. Е. Врангелем, который не присылает ему денег, и т. д. Он и сам признает наличие у себя этой особенности характера: «Я почти перестал надеяться получить от тебя письмо, хотя когда-нибудь! – пишет он в письме к брату. – Ты знаешь, как я мнителен. Как же я мучился!

Заметь себе, милый мой, что ни разу не подумал я, что ты от того не пишешь, что я надоед тебе, и что письма ко мне пишутся так, из какого-то приличия. Ни разу не усомнился я в твоём прекрасном сердце. Я писал сестре Вареньке, которая тоже уже долго не пишет ко мне (а остальные совсем престали писать), что ты меня, верно, забыл, и что это мне тяжело. Но эти слова вылетели из сердца от горечи, и ты на них не сердись; мне было очень тяжело» (там же, с. 77).

Приступы ревности, которым был подвержен Достоевский, описывает его жена. Однажды она подшутила над ним и послала ему написанное своей рукой анонимное письмо, в котором ее обвиняли в неверности. Достоевский, прочитав его, пришел в неопишуемый гнев и с такой силой сорвал с нее медальон, в котором, как утверждалось в письме, хранился портрет любовника, что даже поранил ее. Анна Григорьевна замечает, что она старалась не посещать светские мероприятия, где было много молодых мужчин, так как муж ее отчаянно ревновал и даже отчитывал за это, хотя потом и искренне извинялся (Достоевская, 2002).

Переживание собственной повышенной значимости тоже было свойственно Достоевскому. Страхов описывает, как однажды он сказал с гордостью: «Мое имя стоит миллион!» (цит. по: Биография..., 1883, с. 221).

Можно сказать, что отношение Достоевского к своей болезни было неоднозначно. Он страдал от нее, часто жаловался, но в то же время считал эту болезнь «священной», неким знаком, ниспосланным ему свыше, любил рассказывать о ней окружающим. О предвестниках приступа он говорил как о некоем откровении: «Вы все, здоровые люди, и не подозреваете, что такое счастье, то счастье, которое испытываем мы, эпилептики, за секунду перед припадком. Магомет уверял в своем Коране, что видел рай и был в нем. Все умные дураки убеждены, что он просто лгун и обманщик! Ан, нет! Он не лжет! Он действительно был в раю в припадке падучей, которую страдал, как и я. Не знаю, длится ли это блаженство секунду, или часы, или месяцы, но верьте слову, все радости, которые может дать жизнь, не взял бы я за него!» (цит. по: Кузнецов, Лебедев, 2003, с. 48).

Из дневниковых записей писателя можно сделать вывод, что приступы чаще всего у него случались ночью. Его жена отмечала, что Достоевский писал по ночам, ложился спать в четыре часа утра и вставал в два часа дня. Если предположить, что приступы случались с ним во время работы или после нее, то отсюда следует, что они

имели аффективный характер, так как творчество писателя неразрывно связано с большим эмоциональным напряжением.

В работе «Психология творчества» Н. Н. Николаенко рассматривает особенность творческого процесса создания Достоевским художественных произведений соотносительно с его заболеванием. Изучая симптоматику заболевания Достоевского, автор, опираясь на современные исследования особенностей протекания эпилепсии, констатирует, что у писателя имела место эпилепсия с поражением правой височной области; эта форма имеет относительно доброкачественный тип течения. Приближение припадка сопровождалось избыточно высокой активацией правого полушария. После припадка эта активность снижалась и наступала «реципрокная активация левого полушария, приводившая к обостренной способности комбинировать и деформировать хранящиеся в памяти образы» (Николаенко, 2005, с. 191). Свой вывод Николаенко подтверждает примерами из исследования К. Барштом имеющихся в рукописях Достоевского рисунков и каллиграфических проб пера, подтверждающих виртуозное владение изобразительными и письменными знаками. На начальных этапах работы над произведениями писатель рисовал лица, что свидетельствует об активности правого полушария; при разработке сюжета и характеров героев на полях его рукописей появлялись каллиграфические надписи, что свидетельствует об активации левого полушария. Николаенко анализирует также работу Д. С. Лихачева «Готические окна Достоевского», посвященную исследованию рисунков писателя. Лихачев отмечает характерное для Достоевского стремление к вертикали при изображении готических окон, выражающее вертикальное мировидение писателя: «Верх и низ жизни, Бог и дьявол, добро и зло, постоянные устремления его героев снизу вверх... бездна и небо в душе его героев – все это располагается по вертикали и может напоминать готическое построение того мир, который изображал Достоевский» (Лихачев, URL). Николаенко видит в этом проявление двоичности мышления Достоевского в виде оппозиции «верх – низ», что также связано с избыточной активностью левого полушария. Возможно, при избыточной активации правого полушария у Достоевского начинался эпилептический припадок (именно правое полушарие было поражено у писателя, как утверждает Николаенко), обусловленный усиленной работой мозга в момент создания произведений. На каждом этапе творческого процесса происходит постоянная смена активности полушарий мозга, поэтому связь болезни и творчест-

ва у писателя, по-видимому, была довольно тесная. Свойственная Достоевскому полярность, амбивалентность чувств, переживаний и стремлений воплощалась им в чертах героев его произведений. Сам Достоевский осознавал эти особенности своего психического мира и пытался преодолеть их посредством объективизации в своем творчестве. В этом плане интересно следующее замечание писателя: «Эта черта свойственна человеческой природе вообще. Человек может, конечно, век двойиться и, конечно, будет при этом страдать... Надо найти в себе исход в какой-либо деятельности, способной дать пищу духу, утолить жажду его... Я имею у себя всегда готовую писательскую деятельность, которой предаюсь с увлечением, в которую влагаю все мои страдания, все радости и надежды мои, и даю этой деятельности исход» (Экспедиция в гениальность, 1999, с. 407).

Болезнь гения является фактором большой художественной и духовной значимости, в особенности у Достоевского: всю свою сознательную жизнь он боролся с болезнью, пытался ее преодолеть.

Наличие припадков у Достоевского – факт, подтверждаемый документально. Неизвестен только генезис этих припадков, хотя их аффективная природа не вызывает сомнения. У Достоевского имело место серьезное и длительно протекающее заболевание. Но благодаря своему таланту, ставшему источником большой сопротивляемости гениального художника и мыслителя, он до конца жизни сохранял «ядро личности», творческие способности, сознание болезни и критическое отношение к себе. Вместе с тем болезнь оставила отпечаток в личности и творчестве Достоевского. Ею были обусловлены некоторые его характерологические черты (мрачность, мнительность). Она вызвала особый интерес к изображению людей, имеющих психическую патологию. В. Ф. Чиж в его работе «Достоевский как психопатолог и криминалист», проводя анализ состояния героев романов писателя, отмечает точность и тонкость в описании «болезненных душевных явлений». Этот феномен он относит к особенностям восприятия писателя и активной деятельности фантазии. В заключение он пишет: «Конечно, многое в болезненных состояниях души уяснила Достоевскому и его собственная болезнь; но почти невозможно определить, что именно мог указать Достоевский путем самонаблюдения. Биографических сведений по этому вопросу нет, да и едва ли и могут быть они; наконец, уважение к личности и страданиям Достоевского много не позволяют говорить даже врачу... Наконец, сама жизнь дает бесспорно много материала для изучения болезненных душевных явлений» (Чиж, 2001а, с. 121).

Во многих произведениях писателя есть герои, страдающие падучей, и, судя по всему, Достоевский придавал этой болезни особый смысл. Он был склонен верить снам, необычным событиям, предзнаменованиям и т. п. О наблюдательности Достоевского и его интересе к психиатрической литературе упоминает С. Д. Яновский.

Таким образом, наличие эпилепсии способствовало развитию очень тонкой и болезненной психической организации писателя, обеспечивающей восприятие окружающего мира и людей с большой глубиной и достоверностью, что в совокупности с высокими моральными принципами дало ему возможность проникнуть в самые глубины человеческой души и, как никому иному, понять многое в развитии современного ему общества. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что болезнь Достоевского послужила фактором формирования его личности и оказала существенное влияние на создаваемые им произведения.

1.6. Кризисные периоды жизни как катализаторы развития личности и творческой деятельности писателя

Для понимания особенностей развития и психологических характеристик личности вообще и гениальной личности в частности большое значение имеет выявление и раскрытие кризисных ситуаций, которые она переживала в течение своего жизненного пути. Прежде всего, необходимо рассмотреть критические моменты в ее судьбе, которые имели ключевое значение для реализации жизненных замыслов и сценариев.

По мнению Ф. Е. Василюка, существуют четыре основных понятия, которыми в современной психологии описываются критические жизненные ситуации: «стресс», «фрустрация», «конфликт» и «кризис». Кризис трактуется им как критический момент и поворотный пункт в жизненном пути. «Кризис – поворотный пункт жизненного пути личности. Сам этот жизненный путь в своей уже-совершенности, в своей ретроспективе есть история жизни личности. А в своей еще-неисполненности, в феноменологической перспективе есть замысел жизни, внутреннее единство и идейная цельность которого конструируются ценностью. Замысел в отношении к идеальной ценности осознается, точнее сказать, ощущается как призвание. А в отношении к пространственно-временным условиям своего существования – как Дело жизни. Дело конкретизируется в конкретных проектах, планах, задачах, целях, реализация которых

и воплощает жизненный замысел. Когда в результате тех или иных событий реализация жизненного замысла становится субъективно невозможной, возникает ситуация кризиса» (Василюк, 1984, с. 147). Психологическим «органом», проводящим замысел сквозь неизбежные трудности и сложности мира, является воля. «Воля – это орудие преодоления „умноженных“ друг на друга сил трудности и сложности» (там же, с. 47). «Невозможность» осуществления жизненного замысла определяется тем, какая жизненная необходимость оказывается парализованной в результате неспособности имеющихся у субъекта типов активности справиться с наличными внешними и внутренними условиями жизнедеятельности. Жизнь ставит перед индивидом проблему, от которой он не может уйти, и которую не может разрешить в короткое время и привычным способом. Результаты кризиса – не только возможные патологические следствия, но и *рост и развитие личности*, что является для нас наиболее важным. Глубокие переживания невозможности реализации жизненного замысла приводят к *перерождению личности, принятию ею нового замысла жизни, новых ценностей, новой жизненной стратегии, нового образа-Я*. «Исход переживания кризиса – либо восстановление прерванной кризисом жизни, либо перерождение ее в другую, по существу, жизнь. Речь идет о порождении собственной жизни, самостроительстве, самосозидании, т. е. о творчестве. Порождение нового замысла жизни не уничтожает полностью старый, а продолжает его дело; старое содержание жизни сохраняется силой творческого переживания, причем, сохраняется не в форме мертвого, бездейственного прошлого, а в форме живой и продолжающейся в новой истории жизни личности» (там же, с. 148). Таким образом, кризис становится важным моментом в развитии личности, способствующим определению новых жизненных ориентаций, преобразованию смыслов жизни, идеалов и ценностей.

Рассматривая жизнь творца, необходимо иметь в виду, что именно кризисные моменты в его жизни и связанные с этим глубокие переживания выступают как источник новых средств к жизни, динамики его сознания, тех изменений, которые претерпевает его мировоззрение.

Наиболее важными кризисными моментами в жизни Ф. М. Достоевского явились смерть матери, арест, публичная казнь, каторга, потеря первой жены, любимого брата, малолетних дочери и сына.

Для понимания состояния молодого Достоевского необходимо обратиться к воспоминаниям, оставленным доктором С. Д. Янов-

ским, который в 1840-е годы не только наблюдал его как лечащий врач, но и был связан с ним дружбой. Вот как характеризует он Достоевского второй половины 1840-х годов: «...роста он был ниже среднего; кости имел широкие и особенно широк был в плечах и груди; голову имел пропорциональную, но лоб чрезвычайно развитой с особенно выдававшимися лобными возвышениями; глаза небольшие светло-серые и чрезвычайно живые; губы тонкие и постоянно сжатые, придававшие всему лицу выражение какой-то сосредоточенности и ласки; волосы у него были более чем светлые, почти беловатые и чрезвычайно тонкие или мягкие; кисти рук и ступни ног примечательно большие. Одет он был чисто и, можно сказать, изящно: на нем был прекрасно сшитый из превосходного сукна черный сюртук, черный кашемировый жилет, безукоризненной белизны голландское белье и циммерменовский цилиндр; если что и нарушало гармонию туалета, – это не совсем красивая обувь, и то, что от держал себя как-то мешковато, как держат себя не воспитанники военно-учебных заведений, а окончившие курс семинаристы. Легкие при самом тщательном осмотре и выслушивании оказались совершенно здоровыми, но удары сердца были не совершенно равномерны, а пульс был не ровный и замечательно сжатый, как бывает у женщин и у людей нервного темперамента» (Яновский, URL).

Яновский отмечает такую черту характера Достоевского, как *мнительность в отношении своего здоровья*: «Эта мнительность доходила у него до смешного, на взгляд людей посторонних, чем он, однако же, очень обижался; а между тем нельзя было иногда не рассмеяться, когда, бывало, видишь, что стоило кому-нибудь случайно сказать: „Какой славный, душистый чай!“ – как Федор Михайлович, пивший обыкновенно не чай, а теплую водицу, вдруг встанет с места, подойдет ко мне и шепчет на ухо: „Ну, а пульс, батенька, каков? А? Ведь чай-то цветочный!“ И нужно было спрятать улыбку и успокоить его серьезно в том, что пульс ничего, и что язык хорош, и голова свежа» (там же). Тесно общаясь с Достоевским, Яновский подпадает под обаяние его ума и отмечает присущий мышлению писателя чрезвычайно тонкий и глубокий анализ и «необыкновенную гуманность»: «Федор Михайлович был человек сосредоточенный, мыслитель глубокий, наблюдатель или, лучше сказать, нравственный химик-аналитик неудовлетворимый, писатель самолюбия большого и, в то же время, патриот из патриотов и верующий. Ему нужен был человек, который понимал бы его вечно роющийся в анализе ум и, сочувствуя его неутомимой работе, ценил бы его по достоинст-

ву» (там же). В своих воспоминаниях о писателе Яновский приводит интересный факт. Федор Михайлович брал у него для чтения книги не только беллетристические, но и книги по медицине, «особенно те, в которых трактовалось о болезнях мозга и нервной системы, о болезнях душевных и о развитии черепа по старой, но в то время бывший в ходу системе Галля» (там же). Этим свидетельством объясняется удивительная осведомленность Достоевского в области душевных болезней, вызывавшая восхищение В. Ф. Чижа: «Достоевский, как в русской, так и во всемирной литературе, представляет исключение не только по количеству сделанных им наблюдений, но и по верности и точности описаний, достойных лучшего естествоиспытателя и, наконец, по глубине понимания предмета, возбуждающей изумление» (Чиж, 2001а, с. 290). Исследуя творчество Достоевского, Чиж приходит к выводу, что столь глубокого и верного анализа душевных болезней не проводил до него ни один писатель. Яновский, говоря о Достоевском, подчеркивает «его беспредельную гуманность, его неудержимую страсть к анализу, в самую душу забиравшемуся... Любимый им предмет изучения была душа человека. Стань он сразу на эту дорогу, он дал бы психиатрии такое движение, перед которым благоговели бы все Шарко, Сигмунты и Вестфалии. Ведь когда, бывало, слушаешь Федора Михайловича, как он определяет какое-нибудь побуждение страсти и как он роется во глубине души человека, чтоб определить причину причин какого-нибудь явления, то невольно верилось лишь в тот диагноз, который он давал вам» (там же).

Приведенные выше описания молодого писателя позволяют высказать предположения, что для человека столь тонкого, аналитического ума, патриота, каким был Достоевский, к тому же отличающегося значительным самолюбием, было необходимо общение, применение своих умственных и нравственных способностей. А так как отношения с литературными и светскими кругами у Федора Михайловича не складывались, то местом, где можно было оттачивать свой ум, наблюдательность и склонность к анализу, оказались «пятницы» Петрашевского. Еще одной из причин, приведшей Достоевского в кружок Петрашевского, Яновский считает склонность писателя к «проповедничеству»: «Федор Михайлович очень любил общество, или лучше сказать, собрание молодежи, жаждущей какого-нибудь умственного развития, но в особенности он любил такое общество, где чувствовал себя как бы на кафедре, с которой мог проповедовать» (там же).

Яновский лишь косвенно задел еще одну, как представляется, главную причину вступления Достоевского в общество – его гуманизм и патриотизм, а значит, любовь к своему народу, сочувствие его бедственному положению, переживание несправедливости общественного устройства и желание найти путь обновления социальной жизни.

Каждую пятницу в период с 1846 по 1849 г. у М. В. Буташевича-Петрашевского собирались молодые люди и обсуждали современные события, распоряжения правительства, произведения новейшей литературы, городские новости. Иногда проводились лекции по политической экономии. Больше всего молодых людей занимал вопрос об освобождении крестьян и путях его осуществления. Активно обсуждались на собраниях также вопросы, касающиеся политической цензуры. Рассматривались теории французских социалистов-утопистов и возможности их применения в России. Говоря об освобождении крестьян, одни высказывались за решение этой задачи «снизу» в силу реакции, вызванной в стране революционным движением в Европе, другие, и в их числе Достоевский, выступали категорически против и уповали в этом вопросе на волю верховной власти. Как вспоминал участник кружка Петрашевского А. П. Милюков, сторонники мирного решения крестьянского вопроса «говорили, что народ наш не пойдет по следам европейских революционеров и, не веруя в новую пугачевщину, будет терпеливо ждать решения своей судьбы от верховной власти. В этом смысле с особенной настойчивостью высказывался Ф. М. Достоевский... Когда при этом кто-то выразил сомнение в возможности освобождения крестьян легальным путем, Ф. М. Достоевский резко возразил, что ни в какой иной путь он не верит» (цит. по: Гроссман, 1928, с. 6). Таким образом, уже в тот период у Достоевского проявлялась вера в единство народа и верховной власти.

Взаимоотношения с участниками кружка у Достоевского были неоднозначные. Как сам он пишет в своих показаниях следственной комиссии, с Петрашевским он близкого знакомства не имел, так как расходился с ним и характером, и взглядами. Вообще из литературы, посвященной делу Петрашевского, можно сделать вывод, что общего мнения у членов кружка не было. Было много разговоров, жарких споров об экономических и социальных проблемах, но единую программу и способ переустройства общества разработать не удалось. Как пишет К. Веселовский в «Воспоминаниях о лицейских товарищах», «о пятницах у Петрашевского знал весь город,

но знал так, что о них говорили не иначе, как смеясь. Знала о них и полиция, которая не упускала их из вида, но не находила в них ничего такого, что требовало вмешательства и репрессии. Но настал 1848 год, грянула в Париже февральская революция со всеми ее последствиями, и картина переменялась» (там же с. 20).

В отличие от этого, И. Л. Волгин полагает, что заговор был не столь уж невинен. Он считает, что Достоевский был членом «семерки», занятой производством подпольной типографии с намерением печатать в дальнейшем нелегальную литературу, что в те времена строго казалось как противозаконное дело (Волгин, URL).

Император Николай I счел деятельность общества опасным и повелел приступить к арестам. В своей резолюции на докладной записке шефа жандармов графа Орлова он написал: «Я все прочел; дело важное, ибо ежели было только одно вранье, то и оно в высшей степени преступно и нестерпимо...» (там же, с. 21).

Достоевского арестовали 23 апреля 1849 г. и поместили в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Что удивительно, Достоевский, постоянно жалующийся на свое здоровье, мнительный, в этой тяжелой ситуации стойко выдержал все испытания и психически стал более устойчив и крепок, о чем свидетельствует его письмо Вс. Соловьеву, приведенное выше. Если ранее его преследовали страх смерти, постоянная боязнь заболеть, то в крепости ему удалось взять себя в руки. Хотя его письма полны грусти, но в них присутствует оптимизм и вера в будущее. Вот как он описывает свое состояние в письме к брату: «Покаместь все хорошо относительно здоровья. Я ожидал гораздо худшего и теперь вижу, что жизненности во мне столько запасено, что и не вычерпаешь.

Все из меня ушло в голову, а из головы в мысль, все, решительно все, и несмотря на то, эта работа с каждым днем увеличиваетя. – Книги хоть капля в море, но все таки помогают. А собственно работа только, кажется, выжимает последние соки. Впрочем, я рад» (цит. по: Биография..., 1883, с. 71). Сидя в каземате, он сочинял новые произведения: как он пишет брату, «три повести и два романа», которые впоследствии станут повестью «Маленький герой» – самым светлым произведением в творчестве Достоевского. Он читал присланные книги, анализировал их, размышлял о прожитой жизни.

Заключение продолжалось 8 месяцев. Все участники кружка были признаны следственной комиссией виновными и приговорены

к смертной казни. «Его Величество, по прочтении всеподданнейшего доклада Генерал-аудиториата изволил обратить все милостивейшее внимание на те обстоятельства, которые могут в некоторой степени служить смягчением наказания, и вследствие того высочайше повелел: прочитав подсудимым приговор суда при сборе войск, и по совершении всех обрядов, предшествующих смертной казни, объявить, что Государь Император дарует им жизнь, и затем вместо смертной казни подвергнуть их следующим наказаниям...» (цит. по: Гроссман, 1928, с. 32).

22 декабря 1849 г. приговор был приведен в исполнение именно в той форме, которая предписывалась в распоряжении императора. Описание смертной казни и те ощущения, которые испытывает осужденный, неоднократно воспроизводятся на страницах трудов Достоевского. Самое яркое их описание представлено в романе «Идиот». «Три четверти часа на эшафоте» произвели неизгладимое впечатление на молодого писателя и изменили всю его жизнь. А. Г. Достоевская вспоминала, что о смертной казни Федор Михайлович говорил с ней в первую их встречу. «Помню, как стоял я на Семёновском плацу среди осужденных товарищей и, видя приготовление, знал, что мне остается жить всего пять минут. Но эти минуты представлялись мне годами, десятками лет, так казалось, предстояло мне долго жить. На нас уже одели смертные рубашки и разделили по трое, я был восьмым, в третьем ряду. Первых трех привязали к столбам. Через две-три минуты оба ряда были бы расстреляны, и затем наступила бы наша очередь. Как мне хотелось жить, господи боже мой! Как дорога казалась мне жизнь, сколько доброго, хорошего мог бы я сделать. Мне припомнилось все мое прошлое, не совсем хорошее его употребление, и так хотелось все вновь испытать и жить долго, долго... Вдруг послышался отбой, и я ободрился. Товарищей моих отвязали от столбов, привели обратно и прочитали новый приговор: меня присудили на четыре года в каторжную работу, не запомню другого такого счастливого дня. Я ходил по своей каземату и все пел, громко пел, так рад был дарованной мне жизни» (цит. по: Достоевская, 2002, с. 41).

Следует отметить, что в то время как на психику некоторых приговоренных данный жестокий «спектакль» и последующий приговор подействовали очень негативно, Достоевский, напротив, воспрял духом и был готов ко всему – лишь бы жить. Он верил, что все еще впереди, что и «на каторге люди живут», что там он получит такой материал, которого не было ни у одного писателя.

Но на смену эйфории от дарованной возможности жить приходит страх быть отлученным от писательской деятельности – основного смысла жизни. Это можно проследить по письмам. Так, в последнем письме к брату перед отправкой в ссылку от 22 декабря 1849 г. Достоевский пишет: «Да если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заключения и перо в руках... Но не тужи, ради бога, не тужи обо мне. Знай, что я не уныл, помни, что надежда меня не покинула» (цит. по: Биография..., 1883, с. 43).

Тот факт, что люди хрупкой телесной организации, но сильные духом иногда лучше переносят тяжелые условия, чем физически сильные натуры, подчеркивает В. Франкл. Вынесенные им наблюдения из пребывания в концлагере подтвердили, что «чувствительные люди, с детства привыкшие к активному духовному существованию, переживали тяжелую внешнюю ситуацию лагерной жизни, хотя и болезненно, но... она не оказывала такого разрушительного действия на их духовное бытие. Ведь для них как раз был открыт путь ухода из ужасающей действительности в царство духовной свободы и внутреннего богатства» (Франкл, 1990, с. 153). Подобную же мысль высказывает и Э. Кречмер. Достоевский оказался способен подняться над ситуацией, дистанцироваться от нее и в тяжелых условиях найти силы для дальнейшего существования, так как видел смысл в своих страданиях, сформировал определенное отношение к ним, воспринимая окружающую действительность как материал для будущих произведений.

Арест и казнь стали в судьбе Ф. М. Достоевского поворотным моментом. В его жизни произошло судьбоносное событие, которое позволило ему взглянуть на себя, свои поступки, всю свою жизнь по-новому, под иным углом зрения. Можно вслед за Л. Шестовым сказать, что кризис жизни – это такое сверхъестественное душевное напряжение, которое открывает «второе зрение». По-видимому, именно арест и казнь стали для писателя пусковым механизмом для открытия «второго зрения», неким мерилом его прошедшей и последующей жизни. Он никогда не забывал об этих трагических событиях, кардинально изменивших его мироощущение и мировосприятие.

С точки зрения концепции Ф. Е. Василюка, данную ситуацию, пережитую Достоевским, безусловно, правомерно оценить как жизненный кризис. Кризис как внутренний – субъективный, так и внешний – объективный, когда реализация жизненного сценария, дела жизни – литературной деятельности – становится невозможной.

Напомним, что этим событиям предшествовали серьезные трудности в профессиональной деятельности писателя. После первого шумного успеха «Бедных людей» был провал повести «Двойник» и последующих произведений, последовали негативные отзывы критиков, остро ощущалось непонимание и отвержение писателя литературными собратьями. Следствием этих обстоятельств стало возникновение творческого кризиса, тяжелого душевного состояния, близкого к психической болезни. Очевидцы отмечали странности в поведении писателя в этот период, да и сам он вполне реалистично оценивал свое психическое состояние.

Таким образом, на относительно коротком временном промежутке совпали два кризиса – творческий кризис и кризис, обусловленный угрозой прекращения физического существования. В этой ситуации у Достоевского происходит тот душевный переворот, который разделяет его жизнь надвое. Душевный переворот помог Достоевскому переосмыслить прошлое и увидеть новые пути в настоящем и будущем.

Пережитые трудности не сломили писателя, а, наоборот, сделали его более сильным, привели к осознанию *ценности жизни и творчества*. По-видимому, именно это позволило ему выжить на каторге в чудовищных условиях. «В каторге человек научается иначе спрашивать, чем на свободе, обретает смелость мысли, которой он и сам в себе не подозревал, вернее: обретает смелость задавать мысли такие задачи, которые ей никто задавать не решается: борьбу за невозможное» (Шестов, URL).

И если на предыдущих этапах жизни и творчества Достоевского на первом плане были проблемы маленького человека и социальной несправедливости, то теперь они отходят на второй план, главенствующую роль приобретают *христианские ценности*, понимание страдания как главной очищающей душу человека силы. Пережитый кризис оставил след в личности Достоевского, сформировав у него те черты характера, которые обеспечили его последующий успех. Он вооружил писателя решимостью, терпимостью, умением не теряться в неопределенных и сложных ситуациях.

Можно предположить, что наличие кризисной ситуации было необходимо Достоевскому и в последующей его жизни. Это подтверждается его страстью к игре, потребностью испытывать судьбу, что выступало некими стимулами в раскрытии его творческой энергии. Оказаться на самом краю и сделать вызов своей жизни, чтобы увидеть, почувствовать и понять ее смысл, ощутить «восторг»

от собственного унижения, как его «подпольный человек», и снова писать, перерабатывая в творчестве свои внутренние конфликты и противоречия, – таков был стиль его жизни.

Следующий переломный момент в жизни Достоевского – это потеря самых близких для него людей – брата Михаила, с которым он с детства был очень близок, делился самыми сокровенными мыслями, вместе создавал журналы «Время» и «Эпоха», и первой жены Марии Дмитриевны. В тяжелый момент потери горячо любимой жены Достоевский еще больше укрепляется в вере, видя в ней основной способ преодоления жизненных трудностей. В этом плане показательна дневниковая запись писателя от 16 апреля 1864 г.: «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?.. Итак, человек стремится на земле к идеалу, *противоположному* его натуре. Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, т. е. не приносил *любовью* в жертву своего „Я“ людям или другому существу („Я“ и Маша), он чувствует страдание и назвал это состояние грехом» (Неизданный Достоевский..., 1971, с. 175).

Позже потеря дочери и сына потрясла Федора Михайловича до глубины души и обратила его окончательно к Богу. Достоевский никогда не расставался с «Евангелием», ежедневно его перечитывал. Именно к нему он обращается и в последние минуты своей жизни. В этой связи можно привести слова В. В. Розанова, для которого религиозное чувство, проявляющееся в молитве, было способом обретения защищенности, преодоления «оставленности» человека в самые критические моменты его судьбы: «Без молитвы совершенно нельзя жить... без молитвы – безумие и ужас. Но это все понимается, когда плачется... А кто не плачет, не плакал, – как ему это объяснить? Он никогда не поймет... Молитва – где „я не могу“; где „я могу“ – нет молитвы» (Розанов, 2004, с. 59). Именно в переломные моменты своей жизни человек обращается к Богу как единственному спасителю и источнику своего существования.

Таким образом, кризисы стали поворотными моментами в жизни Достоевского, катализаторами формирования внутреннего стержня его личности, той духовной внутренней силы, которая позволяла извлекать из пережитого позитивный жизненный опыт, помогала найти новые средства жизни, способствовала изменению мировоззрения писателя, формированию новых ценностей и идеалов как основы его творческой самореализации. Именно в пограничных ситуациях, оказавшись перед лицом страдания и смерти, постигая свое существование в мире, человек обретает свободу, которая есть выбор

самого себя, своей сущности, накладывающей на него ответственность за все происходящее в действительности. В такой ситуации, по мнению экзистенциальных философов С. Кьеркегора, Л. Шестова, В. Франкла и др., происходит высвобождение экзистенции и обретение свободы человеком, выход за рамки обыденного, когда через страдания открывается сущность бытия. Заключение под арест и казнь оказали большое влияние на дальнейшее мироощущение и мировосприятие Ф. М. Достоевского, привели к преобразованию его жизненных ценностей и смыслов. Утрата же близких людей произвела религиозный переворот в сознании писателя и окончательно обратила его к Богу.

ГЛАВА 2

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ И ПРОЯВЛЕНИЕ ГЕНИАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

2.1. Этапы творческой деятельности писателя и ее место в общественном сознании России

По словам Ф. М. Достоевского, литература была его призванием. Уже во время возвращения с каторги, не имея возможности печататься, он в своих письмах сравнивал эту ситуацию со смертью. Литература для Достоевского была всем: и источником самоутверждения, и способом самоактуализации, и единственным средством получения доходов, и основным смыслом всей его жизни.

Для понимания творчества писателя необходимо выделить этапы творческой деятельности, проследить ее динамику.

Первые шаги на литературном поприще имели огромное значение в судьбе писателя. Именно первый большой успех закрепил в нем веру в себя и свои способности. Появление романа «Бедные люди» вызвало огромный интерес к творчеству Достоевского. В литературных и светских кружках разговоры шли только о нем, сравнивали его с Н. В. Гоголем. В. Г. Белинский, который владел умами русской интеллигенции середины XIX в., был восхищен силой таланта молодого писателя. Ю. Н. Тынянов писал: «Современники охотно усмотрели в нем прямого преемника Гоголя. Некрасов говорил Белинскому о „новом Гоголе“; Белинский называл Гоголя „отцом Достоевского“; даже до сидящего в Калуге Ив. Аксакова донеслась весть о „новом Гоголе“. Требовалась смена, а смену мыслили как прямую, „линейную“ преемственность» (цит. по: Громова, 2000, с. 34). Уже позднее, во второй половине XIX в., анализируя творчество Достоевского в своей статье «Достоевский в русской критике», Н. А. Добролюбов следующим образом охарактеризует вступление писателя в литературу: «Г. Достоевский в первом же своем произведе-

дении явился замечательным деятелем того направления, которое назвал я, по преимуществу, гуманистическим. В „Бедных людях“, написанных под свежим влиянием лучших сторон Гоголя и наиболее жизненных идей Белинского, г. Достоевский со всею энергией и свежестью молодого таланта принялся за анализ поразивших его аномалий нашей бедной действительности и в этом анализе умел выразить свой глубоко гуманный идеал. Идеал этот не принадлежал ему исключительно и не им внесен в русскую литературу» (там же, с. 34).

На такую впечатлительную и увлекающуюся натуру, какой обладал Ф. М. Достоевский, этот неожиданный и громкий успех оказал двойное воздействие. С одной стороны, он укрепил его веру в себя, с другой стороны, подействовал несколько головокружительно. Молодой писатель уже видел себя вершителем судеб и властелином умов всего Петербурга. В письме брату от 16 ноября 1845 г. Ф. М. Достоевский писал: «Ну, брат, я думаю, слава моя не дойдет до такой апогеи, как теперь. Всюду почтение неимоверное, любопытство на счет меня страшное. Я познакомился с бездной народа самого порядочного. Князь Одоевский просит меня осчастливить его своим посещением, а граф С. рвет на себе волосы от отчаяния. Панаев объявил ему, что есть талант, который их всех в грязь втопчет. С. обегал всех и, зашедши к Краевскому, вдруг спросил его: „Кто этот Достоевский? Где мне достать Достоевского?“ Краевский, который никому в ус не дует и режет всех напропалую, отвечает ему, что Достоевский не захочет вам сделать чести осчастливить вас своим посещением. Оно и действительно так: аристократишко теперь становится на ходули и думает, что уничтожит меня величаем своей ласки. Все меня принимают, как чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всех углах не повторяли, что Достоевский то-то сказал, Достоевский то-то хочет делать. Белинский любит меня как нельзя более... У меня бездна идей; и нельзя мне рассказать что-нибудь из них хоть Тургеневу, чтобы назавтра почти во всех углах Петербурга не знали, что Достоевский пишет вот то-то. Ну, брат, если бы я стал исчислять тебе все успехи мои, то бумаги не нашлось бы столько» (цит. по: Биография..., 1883, с. 42).

Эта выдержка из письма раскрывает Достоевского как самолюбивого, тщеславного, честолюбивого и одновременно по-детски наивного и доверчивого человека. В силу своей простоты и незнания света, он стал жертвой моды. Как новую знаменитость каждый хотел видеть его в своем салоне. Но по своей простоте молодой писатель

не понимал, что за всем этим стоит не столько поклонение перед его талантом, сколько тщеславное желание не отстать от других.

Когда повести «Двойник», «Хозяйка» вышли за рамки того направления, идеологом которого был Белинский, публика потеряла интерес к Достоевскому; он стал непонятен ей. А критики, которые до того момента были более или менее сдержаны, накинулись на молодого писателя с удвоенной силой. Для Достоевского это было большим ударом, переживаемым им крайне болезненно. Открытость, стремление к общению и некоторая заносчивость сменились подозрительностью, злобой и агрессией. Литературные собрания, доселе настроенные к нему дружелюбно и даже восторженно, с удовольствием стали подчеркивать его недостатки. Как вспоминает А. Я. Панаева, «раз Тургенев при Достоевском описывал свою встречу в провинции с одной личностью, которая вообразила себя гениальным человеком, и мастерски изобразил смешную сторону этой личности. Достоевский был бледен, как полотно, весь дрожал и убежал, не дослушав рассказа Тургенева. Я заметила всем: „К чему изводить так Достоевского?“. Но Тургенев был в самом веселом настроении, увлек и других, так что никто не придавал значения быстрому уходу Достоевского. Тургенев стал сочинять юмористические стихи на Девушкина, героя „Бедных людей“, будто бы тот писал благодарственные стихи Достоевскому за то, что он оповестил всю Россию о его существовании, и в стихах повторялось часто „маточка“. С этого вечера Достоевский уже боле не показывался к нам и даже избегал встреч на улице с кем-нибудь из кружка» (Панаева, 1972). Те, кто прежде восхищался Достоевским, теперь смеялись над его восторженностью, некоторой неловкостью, порывистостью и наивностью.

Надо признать, что мало кто из русских писателей имел такую богатую биографию: успех и поражение первых опытов писательской деятельности, каторга, возвращение к литературному творчеству после почти десятилетнего «молчания» и новый триумф. Действительно, через десять лет судьба вновь приводит писателя к славе. Выход в свет «Униженных и оскорбленных» и «Записок из Мертвого дома» вновь обращает внимание публики к Достоевскому. Если роман «Униженные и оскорбленные» воспринимался как продолжение темы «Бедных людей», а автор – как борец за общественную правду, то «Записки из Мертвого дома» раскрыли совершенно новые грани его как творца и личности. Это произведение представляет собой документальный, значительный по силе воздействия

и достоверности изображения очерк о русской каторге. Автор, сам непосредственно переживший все трудности каторжной жизни, выступил в общественном сознании чуть ли не революционером. Его приглашают с чтением отрывков «Записок из Мертвого дома» в разнообразные литературные общества и студенческие кружки. Вспоминая об этом времени, А. И. Герцен пишет: «Не следует забывать, что эта эпоха оставила нам одну страшную книгу, своего рода *carmen horrendum*, которая всегда будет красоваться над выходом из мрачного царствования Николая как надпись Данте над входом в ад: это „Мертвый дом“ Достоевского, страшное повествование, автор которого, вероятно, и сам не подозревал, что, рисуя своей закованной рукой образы сотоварищей-каторжников, он создал из описания нравов одной сибирской тюрьмы фрески в духе Буонарроти» (там же, с. 73). Роман вызвал в обществе большой резонанс, и о Достоевском вновь заговорили.

Следующий этап литературного творчества писателя связан с подготовкой романа «Преступление и наказание». Интересен тот факт, что он вышел в свет накануне громкого дела об убийстве в Москве молодым студентом ростовщика, причем, это убийство было мотивировано идейными убеждениями нигилистического характера. Достоевский очень гордился этим совпадением, свидетельствующем о высокой чувствительности писателя к тенденциям общественной жизни. Роман произвел необычайно сильное впечатление. Как пишет Н. Н. Страхов, «сильно подействовал этот роман на молодых людей, бывших в ссылке в одном из городов Европейской России. Нашелся даже юноша, который стал на сторону Раскольникова и некоторое время носился с мыслью совершить нечто подобное его преступлению, и лишь потом одумался. Так верно была схвачена автором эта логика людей, оторвавшихся от основ и дерзко идущих против собственной совести» (цит. по: Биография..., 1883, с. 290). Критика же довольно сдержанно встретила этот труд Достоевского.

Исследование нравственных основ нигилизма продолжается Достоевским и в последующих его произведениях: «Подросток», «Бесы» и, конечно же, «Братья Карамазовы». Общество с нетерпением ожидало выхода очередных работ автора, принимало их с большим интересом. Либеральная же критика, отдавая дань таланту Достоевского, выступала категорически против его понимания общественных процессов. «По глубине замысла, по ширине задач нравственного мира, разрабатываемых им, этот писатель стоит у нас совершенным особняком. Он не только признает законность тех интересов,

которые волнуют современное общество, но даже идет далее, вступает в область предвидений и предчувствий, которые составляют цель не непосредственных, а отдаленных исканий человека... – пишет в критической статье М. Е. Салтыков-Щедрин. – И что же? Несмотря на лучезарность подобной задачи, поглощающей в себе все превосходные формы прогресса, г. Достоевский, ни мало не стесняясь, тут же подрывает свое дело, выставляя в позорном виде людей, которых усилия всецело обращены в ту самую сторону, в которую, по-видимому, устремляется и заветнейшая мысль автора. Дешевое глумление над так называемым нигилизмом и презрение к смуте, которой причины всегда остаются без разъяснения, – все это пестрит произведения г. Достоевского пятнами, совершенно им не свойственными, и рядом с картинами, свидетельствующими о высокой художественной прозорливости, вызывает сцены, которые доказывают какое-то уже слишком непосредственное понимание жизни и ее явлений» (цит. по: Громова, 2000, с. 125).

Успех сопутствовал выходу в свет «Дневник писателя». В 1870-е годы к Достоевскому и его прозе большой интерес проявил царский дом. Писателя пригласили на встречи с великими князьями, где Достоевский читал свои произведения. Как сообщал в записке к Достоевскому К. П. Победоносцев, цесаревич Александр (будущий Император Александр III) с нетерпением ожидал выхода в свет «Братьев Карамазовых». В этот период своей жизни Достоевский тесно общался с К. П. Победоносцевым, который преподавал право и законоведение наследникам престола, а в 1880 г. стал обер-прокурором Священного Синода.

Кульминацией в жизни писателя выступил Пушкинский праздник, где он четко и однозначно высказался о предназначении русского народа как выразителя всечеловеческих идей, призвал интеллигенцию к объединению и сплочению вокруг народа. Речь вызвала сенсацию, породила у собравшихся воодушевление, и, казалось, что идеи Достоевского вот-вот воплотятся в жизнь. Но уже через несколько дней и из стана западников и из стана славянофилов на Достоевского посыпались обвинения в «исторической неграмотности, в заносчивом смиренномудрии» (Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1999, с. 477).

Смерть Достоевского вызвала потрясение как среди читателей, так и среди людей, близко его знавших. Он умер на взлете своего таланта. Как пишет Л. Н. Толстой в письме к Н. Н. Страхову, «я никогда не видел этого человека и никогда не имел отношений с ним,

и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой и нужный мне человек... И вдруг за обедом – я один обедал, опоздал – читаю: умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу» (цит. по: Громова, 2000, с. 233).

Похороны писателя стали явлением небывалым: такого стечения народа, представителей разных слоев общества – от великосветских особ до простых смертных – представителей различных общественных и религиозных организаций не было еще никогда. Как это ни странно, но именно смерть писателя вызвала то самое единение, к которому он призывал и которого добивался всем своим творчеством.

Творчество Достоевского занимало особое место в общественном сознании России. Несмотря на мрачность описываемых Достоевским тем, его романы вызывало огромный интерес у читательской аудитории – широкой и разнообразной по своему социальному составу. По-видимому, этот интерес определялся тем, что при всей «фантастичности» его героев они чрезвычайно глубоко отражали трагичность жизни человека. Усиливая впечатления при помощи введения героев в необычные критические ситуации, Достоевский сумел раскрыть человека во всей его сложности и противоречивости, показав и красоту его помыслов, душевных порывов, и все отталкивающее, что есть в человеческой натуре. Современники констатировали, что при всей сложности чтения романов Достоевского от них невозможно оторваться, их выхода с нетерпением ожидали.

Непонимание романов писателя современной ему критикой была обусловлена тем, что в них было слишком много провидческого и пророческого: Достоевский предсказал судьбу России в XX в. Вместе с тем его идеи казались созвучными взглядам В. С. Соловьева, В. В. Розанова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина.

Творчество Ф. М. Достоевского и сегодня вызывает много споров и большой интерес.

2.2. Динамика проблематики творчества Ф. М. Достоевского как воплощение его духовных исканий, установок, ценностей и личностных противоречий

Проведя анализ художественных произведений Ф. М. Достоевского, мы выделили основные темы произведений на разных этапах его творческой биографии:

- красота души «маленького» человека – 1840-е годы;
- пустота и бессмысленность существования без Бога и опасность деяний людей, ступивших на этот путь отрицания (тема нигилизма) – 1860-е годы;
- условие обращения человека к Богу: отрешенность от собственного «Я», посвящение себя безраздельно всем и каждому – 1879-е годы.

Три эти темы становятся лейтмотивом творческого пути Достоевского. Они отражают те духовные искания, которые характерны для него на разных этапах жизни, внутренние противоречия, переживаемые им, социальные конфликты, проявляющиеся в современном ему обществе и своеобразно преломляющиеся в личности писателя. Переживая и проживая жизнь своих героев, Достоевский вместе с ними приходит к тем нравственным принципам и идеалам, которые становятся доминирующими на последних этапах его жизни и творчества.

На *первом этапе* своего творческого пути, в 1840-е годы, писатель в произведениях «Бедные люди», «Двойник» рисует образ «маленького человека».

Герой романа «Бедные люди» – Макар Девушкин. Это нищий и одинокий чиновник средних лет, глубоко порядочный человек (подобным образом характеризует самого себя и сам Достоевский), застенчивый и всех сторонящийся, порой даже смешной. Жизнь его безрадостна и однообразна. И только внутренний его мир прекрасен. Несмотря на безденежье и жестокость окружающего его мира, душа его не очерствела. Он способен любить, сострадать и быть подспорьем для таких же, как и он, слабых и обиженных людей. Девушкин, полюбивший молодую девушку Вареньку Доброселову, ведет с ней переписку. Письма, обращенные к ней, глубоко диалогичны. Эти письма становятся главной отрадой его жизни. Мнение девушки очень значимо для героя. Обращаясь к Вареньке, Девушкин старается предсказать заранее все возможные вопросы и замечания, как можно подробнее и «приличнее» описать ей свою жизнь, объяснить свою бедность и предстать в ее глазах не очень «жалким». Отношение героя к себе самому обусловлено его отношением к другому и отношением другого к нему. Поэтому самоутверждение прослеживается здесь как непрерывный скрытый диалог на тему о себе с другим человеком. В речь героя как бы включаются слова его собеседника, и хотя в реальности их нет, но в сознании Девушкина обнаруживается их присутствие и воздействие на ход его мыслей:

«Я живу в кухне, или гораздо правильнее будет сказать вот как: тут, подле кухни, есть одна комната (а у нас, нужно вам заметить, кухня чистая, светлая, очень хорошая), комнатка небольшая, уголок такой скромный: то есть, или еще лучше сказать, кухня большая в три окна, так у меня вдоль поперечной стены перегородка, так что и выходит как бы еще комната, номер сверхштатный; все просторное, удобное, и окно есть, и все, – одним словом, все удобное. Ну, вот это мой уголок. Ну, так вы и не думайте, маточка, чтобы тут что-нибудь такое иное и таинственный смысл какой был, что вот, дескать, кухня! – то есть я, пожалуй, и в самой этой комнате за перегородкой живу, но это ничего; я себе ото всех особняком, помаленьку живу, втихомолочку живу. Поставил я у себя кровать, стол, комод, стульев парочку, образ повесил. Правда, есть квартиры и лучше, – может быть, есть и гораздо лучшие, да удобство-то главное; ведь это я все для удобства, и вы не думайте, что для другого чего-нибудь» (Достоевский, 1972, с. 16).

Речь Девушкина изобилует уменьшительными и ласкательными словами («маточка», «втихомолочку», «комнатка», «уголок», «тихонький», «денежка»), звучит робко. Он будто извиняется за бедность своего существования, но не ропщет, более того, пытается акцентировать внимание на положительных сторонах своей бытовой жизни («кухня чистая, светлая, очень хорошая», «я себе ото всех особняком, помаленьку живу, втихомолочку живу», «все удобное»). В этих словах героя отражается сущность его личности – доброта, неприятельность, боязливость, желание никого не обидеть, стремление всех извинить и при этом быть как можно незаметней. Герой постоянно рефлексировать и пытается уловить чужое слово путем всяческих уступок, оговорок, смягчений. Чужое слово представлено здесь в двух ракурсах: как герой его сам понимает и как его может понять другой. Чужой голос в речи Девушкина постепенно усиливается. Но одновременно возрастает и сопротивление ему со стороны слова героя. Две противоречивых реплики в диалоге накладываются друг на друга, вызывая резкие противоречия в сознании, конфликт собственного «Я» с «Я» другого человека.

Маленький человек, задавленный обстоятельствами жизни, старается вырваться из череды неудач, наладить свою жизнь. При этом он сохраняет чистоту и красоту своего внутреннего мира, остается человеком, способным чувствовать и понимать боль другого, готовым помочь и защитить его, несмотря на собственную незащищенность.

Герой повести «Двойник» – титулярный советник Яков Петрович Голядкин. Он прожил всю свою жизнь тихо и смиренно, всем довольный и ни на что не ропщущий. Но в определенный момент у него возникает осознание того, что он является маленьким, незаметным для других, презираемым всеми человеком. Достоевский с большим мастерством раскрывает тот внутренний кризис, который переживает его персонаж, и те действия, которые предпринимаются им по его преодолению. Полное непризнание себя другими герой стремится компенсировать путем перестройки представления о себе самом. Для этого он реализует демонстративное поведение, разыгрывая уверенность, самодостаточность, независимость от чужого мнения. Таким образом, в основе повести лежит мысль о конфликте личности с социальным окружением. Но этот конфликт становится одновременно внутренним конфликтом, когда два голоса, звучащие в сознании личности не могут слиться, не находят точку опоры и постоянно полемизируют между собой, приводя к раздвоению сознания героя.

Пафос и направленность ранних произведений Достоевский проявляется не столько в обличении существующей действительности (что, прежде всего, усмотрели в его работах критики), сколько в раскрытии психического мира «маленького человека», вынужденного существовать в жестоком и отвергающем его мире. Он доказывает, что несчастным, «униженным и оскорбленным» необходимо сочувствовать не только потому, что они терпят страдания, что судьба ломает и уродует их, а в связи с тем, что в них проявляются лучшие человеческие качества. Отсюда делается вывод, что «нужно не только сожалеть и горевать об них, нужно их любить» (Достоевский, 1976, с. 267).

Тема «страдания» проходит красной нитью через все творчество Достоевского. И. А. Ильин назвал писателя «мастером терзающего сердца» за глубину и правду, которые были присущи его произведениям (Ильин, 2007, с. 680). В страдании Достоевский видит путь духовного роста человека. Пройдя через страдания, очистившись ими, человек может преодолеть присущий ему эгоизм, подняться до высших границ своего существования, понять и принять мир. Эти мысли Достоевского в XX в. точно выразил В. Франкл: «Страдание своей целью имеет уберечь человека от апатии, от духовного окоченения. Пока мы способны к страданию, мы остаемся живыми духовно. Действительно, мы мужаем и растем в страданиях, они делают нас богаче и сильнее» (Франкл, 1990, с. 225).

В понимании Достоевского со страданием тесно связана любовь, которая в его романах раскрывается двойственно. С одной стороны, она выступает как страсть и сладострастие, другой – как сострадание и жалость.

На *втором этапе* своего творчества, в 1860-е годы, Достоевский обратился к проблеме нигилизма. Писатель оценивал нигилизм как «болезнь» интеллигенции XIX в. и воспринимал чрезвычайно остро, пережив его сам. Это одна из тем «Преступления и наказание», «Бесов», «Братьев Карамазовых». Особенно волновало Достоевского то, что нигилизм – путь к духовному оскудению личности, утрате базовых ценностей, веры в Бога. Возмущение социальной несправедливостью и отвержение мира, полного зла, через нигилизм и бунт против существующего миропорядка приводят героев этих романов к безбожию. А так как бог перестает для них существовать, то для осуществления своих целей они дают себе право переступить через законы совести и морали. Достоевский убедительно показывает гибельность такого пути и для личности, и для общества. Он считает невозможным и недопустимым достижение «мировой гармонии» Карамазовыми и Раскольниковыми любой ценой, включая преступления, полагает, что «принудительное добро», желание помимо воли людей осчастливить их превращается во зло.

Именно в этот период Достоевский и его герои ставят перед собой вопрос о сущности свободы человека. Н. А. Бердяев определяет понимание свободы Достоевским и его героями как путь, ведущий или «к Человекобожеству, и на этом пути человек находит свой конец и свою гибель, или к Богочеловечеству, и на этом пути он находит свое спасение и окончательное утверждение своего образа» (Бердяев, 2002, с. 413). Для одних героев Достоевского свобода – это проявление своеволия («подпольный человек», Раскольников, Иван Карамазов). Собственный выбор, осуществленный самостоятельно, для них важнее интересов, благополучия и счастья других людей. Такая жизненная стратегия в итоге приводит их к произволу, саморазрушению и уничтожению «мира сего». Другие же герои, такие как князь Мышкин, Алеша Карамазов, старец Зосима, понимают свободу как ответственность перед Богом и совестью. По сути, эти герои выражают позицию самого автора.

Выбор своеволия как источника свободы приводит героя романа «Преступление и наказание» Раскольникова к убийству. В романе говорится о трагических последствиях для личности деструктивного, разрушающего мышления (Воловикова, 2002). Автор детально ис-

следует, как происходит захват «больной и убийственной» мыслью власти над человеком. Раскольников сознательно идет на преступление, видит в нем смысл, объясняет и оправдывает свои действия. Он становится рабом своих преступных замыслов, попадает в полную зависимость от них, не в силах противопоставить им никакие аргументы: «Страшная мысль наклеивалась у него в голове, как из яйца, цыпленок, и очень занимала его» (Достоевский, 1973, с. 51). Случайно услышанный разговор помог его разрушительной мысли оформиться в идею, которая сначала подчинила Раскольникова, а затем и поработила его. Под воздействием внешних обстоятельств, собственного опыта, с одной стороны, и эмоциональной направленности, с другой, в сочетании с определенным ходом мысли происходит «застревание» героя на одной идее и постепенное отключение волевой компоненты. Способность к сопротивлению исчезает. Раскольников ощущает себя приговоренным к смерти; способность рассуждать покидает его. Он чувствует, что лишился «свободы рассудка» и воли. Совершив преступление, он уничтожает самого себя, убивая в себе человеческое начало.

Отсутствие веры, душевная пустота и потеря смысла жизни характерны для идеологов вседозволенности Родиона Раскольникова, Ивана Карамазова и Николая Ставрогина. И неизбежным следствием этого становится преступление. Опасность людей, поработенных идеями и отказывающихся ради ее реализации от нравственных принципов, тревожила Достоевского. Он пытался предупредить современное ему общество о трагических последствиях безверия и внутренней пустоты, к которым приводят изначально талантливых и красивых людей фанатическая приверженность идеям вседозволенности и сверхчеловека. Сам писатель прошел путь революционного движения и видел подобных людей, вместе с ними пережил поиск истины и отверг их принципы. Отсюда реалистичность изображения этих персонажей, в которой упрекал Достоевского И. А. Аксаков: «Я прямо высказал ему упрек в том, что, проповедуя нравственные высшие начала, он в изображении безнравственных явлений излишне реален и словно смакует их. Я сказал, помнится, что высшее искусство требует в обличении порока целомудренности со стороны художника, а ее у него нет» (цит. по: Биография..., 1883, с. 344).

Разумеется, выбор между добром и злом, имманентно присущий природе человека, должен быть свободным. Но, к сожалению, часто грани между ними стираются. Так, Достоевский видит в принуди-

тельном добре оборотную сторону зла (роман «Братья Карамазовы», глава «Великий инквизитор»). Он убежден, что подлинная свобода обеспечивается только ответственностью перед своей совестью, Богом и людьми. К этому выводу Достоевский вместе со своими героями приходит на последнем этапе творчества.

На *третьем этапе* творчества, в 1870-е годы, когда у самого Достоевского укрепляется стремление к достижению внутренней гармонии, он создает образы идеально нравственных людей. В романе «Идиот», а затем в «Братьях Карамазовых» раскрывается тип людей, для которых нравственные идеалы имеют первостепенное значение.

В романе «Идиот» его главный герой – идеально чистый и честный человек. Согласно Достоевскому, он представляет собой некий прообраз Христа: «Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, особенно теперь... На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица, уж конечно, есть бесконечное чудо» (Неизданный Достоевский..., 1971, с. 122). Появление князя Мышкина в петербургском обществе производит переворот. Своей нравственной чистотой он влияет на окружающих, способствует актуализации их самых лучших чувств и качеств.

Простота и искренность – главная черта характера князя Мышкина. Христианская доброта и некая наивность в восприятии других людей делает его способным исправлять их. Проецируя чистоту своей души на окружающих, он видел их лучшие качества и проявления. Его готовность принять и простить людей, способность проникать в самые глубины их психики (понять мотивы их поступков, установки, которыми они руководствуются, объяснить их себе и им самим) поражают окружающих и располагают их к нему. Люди бессознательно под влиянием обаяния личности князя становятся лучше, очищаются, находясь рядом с этим источником доброты, нравственной частоты и человечности. «Я, как тебя нет передо мною, то тотчас к тебе злобу и чувствую, Лев Николаевич. В эти три месяца, что тебя не видал, каждую минуту злобился, ей-богу. Так бы тебя взял и отравил чем-нибудь! Вот как. Теперь ты четверть часа со мной не сидишь, а уж вся злоба моя проходит, и ты мне опять по-прежнему люб...» (Достоевский, 1973, с. 174). Нравственные достоинства князя внушают глубокое уважение к нему окружающим его людям. Близко сходясь с ним, другие персонажи понимают ту особую нравственную силу, которая исходит от этого человека:

«...вы первый из благородных людей мне попались, я на вас и накинулся, то есть „накинулся“ не примите за каламбур» (там же, с. 104).

Характерная особенность большинства героев Достоевского – интуитивное, на подсознательном уровне осознание своего конца. Эта особенность наиболее ярко выражена у героя романа «Идиот». И действительно, общество уничтожает его, приводит к гибели. Князь Мышкин, как Христос, приходит в мир, чтобы спасти его и приносит себя в жертву людям.

Герой романа «Братья Карамазовы» Алеша Карамазов оказывает положительное влияние на всех окружающих его персонажей, заставляет их задуматься над собственной жизнью и становится мерилем нравственности для каждого из них. В поведении и оценках Алеши проявляются ответственность за людей, озабоченность их судьбами, вера в них и одновременно понимание своего предназначения на этой земле. Для него характерна вера в высшую справедливость при четком понимании тех противоречий, которые переживают окружающие его люди. В качестве подтверждения вышесказанного можно привести диалог Алеши с Иваном Карамазовым, который является его идейным оппонентом:

«– ...Затравили в глазах матери, и псы растерзали ребенка в клочки!.. Генерала, кажется, в опеку взяли. Ну... что же его? Расстрелять? Для удовлетворения нравственного чувства расстрелять? Говори, Алешка!

– Расстрелять! – тихо проговорил Алеша, с бледною, перекосившеюся какою-то улыбкой подняв взор на брата.

– Bravo! – завопил Иван в каком-то восторге, уж коли ты сказал, значит... Ай да схимник! Так вот какой у тебя бесенок в сердечке сидит, Алеша Карамазов!

– Я сказал нелепость, но...» (Достоевский, 1976, с. 221).

В данном и последующем примерах отражается отношение Алеши, а с ним и самого Достоевского, к существующему мировому порядку, к несправедливости и жестокости мира, к цинизму и бездушию людей. И опять на передний план выходит тема страдания и веры:

«– ...можешь ли ты допустить идею, что люди, для которых строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького замученного, а, приняв, остаться навеки счастливыми?»

– Нет, не могу допустить. Брат, – проговорил вдруг с заискрившимися глазами Алеша, – ты сказал сейчас: есть ли во всем мире

существо, которое могло бы и имело право простить? Но существо это есть, и оно может все простить, всех и вся и за все, потому что само отдало неповинную кровь свою за всех и за все. Ты забыл о нем, а на нем-то и созиждется здание, и это ему воскликнут: „Прав ты, господи, ибо открылись пути твои“» (там же, с. 224).

В данном отрывке на примере столкновения двух сознаний (Ивана и Алеше) Достоевский показал различие идейных убеждений, которые приводят героев к диаметрально противоположным выводам – невозможности принятия существующего мира для одного, как следствие – к идее вседозволенности, и стремления к нравственному идеалу и ответственности за существующий миропорядок другого. Алеша Карамазов – наверное, единственный персонаж, в раскрытии которого писатель попытался найти ответ на мучившие его самого вопросы.

В романах «Идиот» и «Братья Карамазовы» высказывается главная религиозная идея Достоевского, что только через страдания русский человек придет к вере, вступит на дорогу, ведущую к Богу. Все творчество Достоевского глубоко антропоцентрично. «Человек микрокосм – центр бытия, солнце, вокруг которого все вращается. Все в человеке и для человека. В человеке – загадка мировой жизни. Решить вопрос о человеке – значит решить вопрос о Боге» (Бердяев, 2002, с. 402).

Главный вопрос, который решает автор, – это вопрос о существовании Бога и человека. Решение вопроса о Боге – решение вопроса о человеке. Любой человек с потерей веры утрачивает и свое человеческое лицо. На этой основе возникает возможность воплощения сначала в идейном допущении, а затем и в практических действиях того зла, которое таится в человеческой природе и мире. Только Бог позволяет человеку сделать правильный нравственный выбор. Достоевский сам в какой-то мере был парадоксалистом и описал в своих романах идейные допущения, которые свойственны не только его героям, но и ему самому. Но вера во Христа спасала писателя от воплощения этих идей в жизнь, давала ему силы жить и творить. Наиболее полно его жизненные принципы отражены в его рабочих материалах: «Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на Земле связывает „Я“ препятствует. Между тем, один Христос мог, но Христос был вечный, от века идеал, к которому... по закону природы должен стремиться человек. Между тем, после появления Христа, как идеала человека во плоти, стало ясно как день, что высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (в самом кон-

це развития, в самом пункте достижения цели), чтоб человек нашел, создал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты своего „Я“, – это как бы уничтожить это „Я“, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье. Таким образом, закон „Я“ сливается с законом гуманизма, и в слитии оба, „Я“ и „Все“ (по-видимому, две крайние противоположности), взаимно уничтожены друг для друга, в то же самое время достигают и высшей цели своего индивидуального развития каждый особо» (Неизданный Достоевский..., 1971, с. 173). Приведенный отрывок можно прокомментировать на психологическом языке следующим образом: Ид и Супер-Эго – это две крайние противоположности в человеческой натуре, и между ними происходит постоянная борьба. Борьба этих противоположностей и есть развитие. Основной целью этой борьбы и конечным результатом развития личности является не стремление к удовольствию, удовлетворению собственных желаний и инстинктов, а поиск экзистенциального смысла. Именно он дает возможность человеку удержаться в рамках человеческой морали и человеческого достоинства. Достоевский был занят поиском смысла всю жизнь. Вся его судьба и все творчество были направлены через страдание на преодоление себя, своего эгоизма, поиск экзистенциального смысла. Это делает его философию близкой к экзистенциальной философии. «Человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим, на что-то или кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью. В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя. Чем больше он отдает себя делу, чем больше он отдает себя своему партнеру, тем в большей степени он является человеком, и тем в большей степени он становится самим собой. Таким образом, он может реализовать себя лишь в той мере, в какой он забывает про себя» (Франкл, 1990, с. 30). Эти слова В. Франкла перекликаются с мыслью Достоевского о предназначении человека в мире. Только через страдание, переживания, творчество и нахождение Бога в своей душе, обретение истинной человечности в любви к другим человек может преодолеть экзистенциальный вакуум, состоянием пустоты и бессмысленности собственной жизни.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что анализ произведений писателя позволяет выделить главные темы и этапы его творчества. Психологические особенности личности Достоевского,

его идеалы и антиидеалы, искания, установки, ценности, внутренние противоречия и конфликты отражены в созданных им образах героев. Огромным достоинством произведений писателя является отсутствие морализаторских тенденций, черно-белого принципа в изображении персонажей. Все они у Достоевского представлены как живые люди, перед читателем осуществляющие свой нравственный выбор, переживающие свое несовершенство, преодолевающие собственные противоречия. Писатель доказывает, что человек сложен и неоднозначен: он способен подняться до вершин нравственного сознания («дойти во все до самого предела»), либо впасть в бездну зла и разврата, любить другого сладострастно, руководствуясь своими эгоистическими побуждениями, или любить в человеке человеческое, относясь к нему с жалостью и состраданием; понимать свободу как вседозволенность или как ответственность перед собой и другими; исходить из идеи человекобога или богочеловека. Причем все эти антагонистические тенденции в развитии личности представлены в сознании, являющемся диалогичным по своей природе. И то, какие жизненные ориентиры выбирает для себя человек, зависит от него самого – его веры или безверия, голоса его совести, от способности преодолеть в себе дурное, плотское, руководствоваться истинно христианскими ценностями. Отсюда особое внимание писателя к проблемам внутреннего диалога, «разговора с самим собой», рефлексии как способам познания своего «Я» и выбора соответствующей стратегии взаимодействия с миром.

Каким же образом события жизни Ф. М. Достоевского перекликаются с основными темами его творчества?

Если возвратиться к тематике *первого периода* (1840-е годы) творчества Достоевского и сопоставить ее с анализом жизни писателя, то можно сказать, что «маленький человек» – это в какой-то мере сам Достоевский. Молодой человек, мечтающий о литературной славе, несостоявшийся военный инженер (он не чувствовал в себе тяги к этой сфере деятельности), бросивший службу и погрузившийся в литературу. Упорный труд над первым романом «Бедные люди», постоянный поиск себя приносит ему огромный успех, который сменяется непониманием и жестоким поражением, приводя к творческому и психологическому кризису. Это заставляет Достоевского обратиться к утопическим социальным идеям и вступить в революционный кружок Петрашевского. Здесь он знакомится с будущими прототипами своих произведений – Ставровиными и Карамазовыми – нигилистами, увлеченными утопическими идеями,

которыми сам Достоевский был захвачен в данный период своей жизни. Эти идеи он доведет до их логического завершения, вложив их в уста и рассуждения своих героев (Раскольников, Ивана Карамазова), вплоть до самых безобразных их воплощений в образах Ставровина, Смердякова, Свидригайлова (такие люди появятся в реальной жизни в 1870-е годы).

Переломный момент жизни Достоевского – арест, казнь, которая – помог ему переосмыслить собственные взгляды и убеждения. Глубокая религиозность Достоевского, воспитанная в нем с детских лет и укрепившаяся на каторге, а также вера в русский народ, который никто из современных ему русских писателей не наблюдал столь близко, как это было судьбой предназначено ему, усилились и укоренились в его душе. Все наносное и сиюминутное (увлечение социальными утопиями и революционным движением) оказалось пересмотрено, пережито заново и отвергнуто как не оправдавшее себя. Все поступки и прожитая жизнь были оценены писателем под новым углом зрения. В этой сложной и драматической борьбе с собой и за себя Достоевский вышел победителем, определив новые пути своего развития в настоящем и будущем. А будущее не мыслилось им без Бога.

Следующий *значимый момент* в его жизни (1860–1870-е годы) – это потеря близких для писателя людей – брата Михаила и первой жены Марии Дмитриевны, дочери и сына. Именно в эти тяжелые моменты он окончательно укрепляется в вере, приходит к непоколебимому убеждению, что только с Богом в сердце возможно построение «мировой гармонии». Динамику религиозных исканий Достоевского можно проследить в романах «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы».

«Слушай, Парфен, ты давеча спросил меня, вот мой ответ: сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и не под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то говорить. Но главное то, что всего яснее и скорее на русском сердце это заметишь...» (Достоевский, 1973, с. 184).

«– Я хотел лишь узнать: веруете ли вы сами в Бога или нет?

– Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую... – залепетал в иступлении Шатов.

– А в Бога? В Бога?

– Я... я буду веровать в Бога» (Достоевский, 1974, с. 200).

«На земле мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова образа перед нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий перед потопом. Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей не здесь, а в иных мирах» (Достоевский, 1976, с. 290).

Эти отрывки показывают, что Достоевский вместе со своими героями проходит через сомнения и душевную борьбу, путь от неверия к Богу. Наиболее полно смысл его веры, творчества и всей его жизни отражен в последнем его романе «Братья Карамазовы». Свои идеи Достоевский выражает словами героя своего романа, старца Зосимы: «Возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской. Друг, да ведь это и вправду так, ибо чуть только сделаешь себя за все и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно так и есть в самом деле, и что ты-то и есть за всех и за вся виноват. А скидывая свою же лень и свое бессилие на людей, кончишь тем, что гордости сатанинской приобщишься и на Бога возропшишь. О гордости же сатанинской мыслю так: трудно нам на земле ее и постичь, а потому столь легко впасть в ошибку и приобщиться ей, да еще полагая, что нечто великое и прекрасное делаешь» (там же, с. 290). В этих словах старца выражено религиозное мировоззрение писателя. Достоевский выводит новую формулу бытия, где только страдание и «самоодоление» позволяют человеку стать человеком. Мир с его противоречиями и несовершенством может стать лучше лишь тогда, когда каждый человек осознает свою ответственность перед своей совестью и другими людьми, поймет, что он не идеален и что требуется глубокая и серьезная внутренняя работа по самосовершенствованию, преодолению негативных сторон своей личности. Именно эта внутренняя работа и раскрывается на страницах романов Ф. М. Достоевского, обеспечивая человеку восхождение от бездны, темных сторон человеческой природы, до самых ее вершин. Можно сказать, что в произведениях писателя перед читателем предстает именно *динамика человеческого духа*.

Проведя анализ жизни и творчества Достоевского, можно сделать вывод, что между личностью и продуктами ее деятельности, между тем, что она собой представляет, и тем, что создано благодаря ее труду, существует тесная связь. Психическое развитие личности опосредовано ее деятельностью. Рассматривая личность на каждом этапе ее развития, можно проследить динамику ее внутреннего мира, изменения ценностей и идеалов. В деятельности же, в свою очередь,

эти изменения не только формируются, трансформируются, но и отражаются, так как продукты деятельности являются тем материалом, который позволяет составить представление о внутреннем мире творца. «Можно сказать, что если Достоевский, действительно, был одним из тех, кто открыл бездны человеческого духа, и вместе с тем, мощными, необычайно сильными красками изобразил вершины человеческого духа, то можно себе представить, что весь этот диапазон от вершин до бездн и от бездн до вершин – это вмещалось в нем самом – Достоевском» (Ананьев, 1997, с. 80). Таким образом, исследование продуктов творческой деятельности в совокупности с анализом жизненного пути Ф. М. Достоевского дает возможность воссоздать психологические особенности его личности: диалогичность мышления писателя; двойственность характера; глубокая рефлексивность; постоянный поиск смысла существования человека и Бога; сострадательность ближнему: протест против существующего общественного устройства. Все эти особенности личности и мировоззрения Достоевского отражены в созданных им образах как воплощение его собственных духовных исканий. На каждом этапе жизни и творчества писатель по-разному разрешает стоящие перед ним вопросы.

Первый этап творчества, вылившийся в создании образа «маленького» человека с его горестями и лишениями, отразил трудности жизни самого писателя и привел его в лоно революционного движения.

Второй этап, показавший идейные искания его героев, проходящих через отрицание нравственного идеала и ощутивших пустоту и бессмысленность существования без Бога, отразил внутренние конфликты автора и привел его к переосмыслению собственных идей и действий, помог найти новые ориентиры в жизни. На этом этапе произошло разрешение вопроса о сущности свободы, важности ответственности человека перед другими людьми, осознание, что нравственное содержание должно быть основным мерилom поступков и действий человека.

Третий этап – обращение к религиозным традициям Православия, позволившее создать образы идеально нравственного человека. Решение вопроса о Боге, поиск веры, характерный для Достоевского на всем протяжении его жизни, приводят его к убеждению о ценности христинско-православной идеи. Достоевский доказывает, что человек может вступить на дорогу, ведущую к Богу, только отрешившись от собственного «Я», отдав себя целиком всем и каждому.

2.3. Эволюция жизненных смыслов и ценностей

Ф. М. Достоевского на разных этапах его творческой деятельности

Для иллюстрации жизненных смыслов, переживаемых Ф. М. Достоевским на протяжении жизни и объективирующихся в его творчестве, был проведен контент-анализ ключевых произведений писателя.

Контент-анализ – стандартная методика исследования, направленная на анализ содержания текстовых массивов и продуктов коммуникативной корреспонденции с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей. Контент-анализ применяется при изучении источников, инвариантных по структуре или содержанию, но внешне существующих как несистематизированный, беспорядочно организованный текстовой материал. Философский смысл контент-анализа как исследовательского метода состоит в восхождении от многообразия текстового материала к абстрактной модели содержания текста. В указанном смысле контент-анализ является одной из номотетических исследовательских процедур, используемых в сфере применения идеографических методов.

Возможность использования в исторической психологии количественных методов (в частности, метода контент-анализа) является принципиальным вопросом, по которому существуют различные мнения. Большинство исследователей относят историческую психологию к области гуманитарного знания, поэтому количественный анализ, по их мнению, не применим в данной области. «Материализация воображения и воображенного в результатах поведения и деятельности не укладывается в прокрустово ложе математических моделей анализа», – пишет Т. К. Рулина. Данную позицию отстаивает и В. А. Шкуратов (Историческая психология, 2004, с. 29). Но существует и другая точка зрения. Противоположной точки зрения придерживается В. А. Кольцова. В ряде исследований, проведенных в лаборатории истории психологии и исторической психологии ИП РАН под руководством В. А. Кольцовой, была продемонстрирована возможность использования количественных методов в исследованиях в области исторической психологии. Наглядно это было представлено в работах Л. В. Спициной, А. Д. Барской, Е. В. Харитоновой, И. Р. Федорковой, Т. Хоанг. Мы сочли возможным использование данного метода в исследовании *динамики духовно-нравственных смыслов в жизни и творчестве исторической личности* с целью повышения доказательности полученных в работе выводов.

Для проведения контент-анализа были выбраны следующие произведения, относящиеся к различным временным периодам: «Бедные люди» (1840-е годы), «Преступление и наказание» (1860-е годы), «Братья Карамазовы» (конец 1870-х годов). Эти произведения, во-первых, являются наиболее значимыми в творческой биографии писателя, во-вторых, они отражают основные темы творчества Достоевского, выделенные в процессе данного исследования:

- красота души «маленького» человека;
- «пустота» и бессмысленность существования без Бога и опасность людей, вступивших на этот путь (тема нигилизма);
- человек может вступить на дорогу, ведущую к Богу, только отрешившись от собственного «Я», отдав его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно.

Эти произведения отражают те духовные искания, через которые проходит автор на различных этапах своей биографии. Переживая жизнь своих героев, Достоевский проходит путь от сострадания «маленькому» человеку, протеста против социальной несправедливости и отвержения мира, полного зла, через нигилизм и бунт против существующего общественного устройства к пониманию необходимости сделать шаг для построения «мировой гармонии», единственный путь к которой он видит в сердце каждого человека, в его способности забыть собственное «Я», отдать его людям, в обращении к Богу. На экзистенциальную сущность мировоззрения Ф. М. Достоевского указывали представители экзистенциальной психологии. Это обусловило выбор данного направления психологии для определения категорий шкалы ценностей при проведении контент-анализа произведений писателя.

В основе экзистенциальной психологии и психотерапии лежит понимание конкретной человеческой индивидуальности как высшей ценности. Непосредственное общение с человеком является приоритетным: диалог помогает понять главный смысл человеческого существования. Имеющиеся в экзистенциальной психологии конкретные методики, направленные на выявление смысложизненных ориентаций (например, «Методика предельных смыслов», «Тест смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева, «Методика исследования жизненных смыслов» В. Ю. Котлякова; и др.), не позволяют нам в достаточной мере раскрыть экзистенциальный смысл творчества Достоевского, так как они предназначены для непосредственного взаимодействия с личностью. Мы нашли возможным выделить

категории, отвечающие принципам экзистенциальной психологии, основываясь на анализе работ М. Хайдеггера, Л. Бинсвангера, В. Франкла, А. Лэнгле и т. д.

Экзистенциальная психология по сути своей глубоко антропологична. Основной ее проблематикой является проблема ценностей и смыслов, а главной ценностью выступает человек. Задача его существования – открытие для себя и реализация в своем бытии смысла жизни. Как пишет С. Л. Франк о философском понимании человеческого бытия М. Хайдеггером, оно «имеет смысл и исполнение только в связи с ему открывающимся и в нем свершающимся истинным бытием» (Франк, URL).

Согласно Л. Бинсвангеру, психические феномены можно объяснить с точки зрения «трансцендентности», их «значения для «Я», в котором они имеют место» (Бинсвангер, URL). И именно с этой точки зрения становится понятным, какое значение и смысл человек придает тому или иному феномену в соответствии с его мировоззрением (миропредставлением). Бытие человека не сводится к удовлетворению его инстинктивных потребностей, к стремлению к удовольствию, как это видит психоанализ; оно связано, прежде всего, со стремлением к смыслу. *Смысл* же человеческого существования, в соответствии с экзистенциалистической концепцией, связан с самотрансцендентией человека. Быть человеком – это, прежде всего, быть направленным не на себя, а на что-то иное. «Сущность человека включает в себя его направленность вовне, на что-то или на кого-то, на дело или человека, на идею или на личность!» (Франкл, 1990, с. 100). Согласно В. Франклу, существование человека означает его «соприсутствие» в бытии равного ему другого существа. Полное «соприсутствие» обозначается как «со-бытие», или любовь, т. е. полная отдача себя другому без остатка. Только через соприсутствие чему-либо другому человек соприсутствует и самому себе: «Лишь поскольку мы интенциональны, постольку мы и экзистенциальны; лишь в той мере, с какой человек духовно соприсутствует чему-то или кому-то, духовной или иной сущности, лишь в меру такого соприсутствия человек соприсутствует себе. Человек не для того здесь, чтобы наблюдать и отражать самого себя; он здесь для того, чтобы предоставлять себя, поступать собой, чтобы, познавая и любя, отдавать себя» (Франкл, 1990, с. 100). Эта мысль переключается с религиозным мироощущением Ф. М. Достоевского, с мыслью о предназначении и цели бытия человека в мире.

По мнению экзистенциальных философов, человек не свободен от необходимости, он связан своей судьбой с реалиями этого мира. М. Хайдеггер эту особенность человеческого существования обозначает как заброшенность, т. е. фактичность, «то-что-оно-есть», «как-уже-пребывание-в-мире». «Аналитика существования Хайдеггера дает возможность понимания человека и как творение природы, и как социально детерминированного и исторического существа, и это посредством одного онтологического проникновения, которое, таким образом, устраняет разделение тела, разума и души. Человек как творение природы раскрывается в заброшенности Dasein (человеческое существование, по Хайдеггеру), его «то-что-оно-есть», его фактичности. Dasein, хотя оно существует, по существу, ради самого себя, тем не менее, не само заложило основание своего бытия. И кроме того, как создание, вступившее в существование, оно есть и остается заброшенным, детерминированным, т. е. окруженным, захваченным и подчиненным сущим вообще. Следовательно, оно не совершенно свободно в своем проекте мира» (там же).

Бинсвангер, анализируя концепцию существования Хайдеггера, указывает на несвободу человека, его зависимость от биологических и социальных детерминант. При этом он подчеркивает, что у человека есть путь обретения свободы – понять свою зависимость и подняться над ней, тем самым, преодолев ее: «Только тот, кто знает о несвободе конечного человеческого существования и кто получает власть над своим существованием в рамках этого бессилия, не невротичен, или свободен» (там же).

Экзистенциальная психология, вслед за философией, также рассматривает этот аспект человеческого бытия. А. Лэнгле пишет: «Можно сказать, что жизнь человека сформирована внутренней и внешней средой. Каждый человек однажды обнаруживает себя с врожденными задатками, в физическом и социальном окружении, которые он не выбирал. Все это сделало его таким, каков он есть. И задача его сводится к тому, чтобы решить, как он будет с этим обходиться, как устроит свою жизнь в этом мире» (Лэнгле, 2008, с. 25). Несмотря на обусловленность своего существования в мире внешними и внутренними факторами, человек сохраняет свободу в выборе своего жизненного пути. Человек зависим от условий, в которых протекает его бытие, но при этом он свободен в выборе своей позиции по отношению к этим условиям. «Условия не обуславливают его полностью. От него – в пределах его ограничений – зависит, сдастся ли он, уступит ли он условиям. Он может так же поднять-

ся над ними и, таким образом, открыться и войти в человеческое измерение» (Франкл, 1990, с. 77). В этом выражается основной постулат экзистенциальной психологии: *свобода* человека состоит в выборе им своего индивидуального пути, только ему одному присущего в этом мире. В каждый момент своего существования человек ищет смысл, делает выбор и в соответствии с ним строит свое бытие. Но этот выбор предполагает *ответственность* за него человека перед своей совестью. *Совесть*, по мнению В. Франкла, имманентно присуща человеку, это есть некая «сверхличность», которая для верующего человека есть Бог. «Инстанция, перед которой мы несем ответственность, – это совесть. Более того – это своеобразная сверхличность. Мы должны стать последними, кто не решался назвать эту инстанцию, эту сверхличность тем именем, которую ей дало человечество: Бог» (там же, с. 126). Таким образом, согласно экзистенциальному подходу, *свобода* и *ответственность* связаны со *смыслами человеческого существования*, под воздействием которых формируются основные ценности, за выбор которых человек отвечает перед своей совестью.

Главные ценности, которые выделяет В. Франкл, – ценности переживания (*любовь*), созидания (*труд*), отношения (*страдание*). В особую категорию им выделяется ценность самой *жизни* и *смерти*.

Опираясь на основные положения экзистенциальной философии и психологии, а также проведенный тематический анализ произведений Ф. М. Достоевского и его жизненного пути, мы в качестве смысловых единиц при проведении контент-анализа выделили следующие экзистенциальные категории: «человек», «судьба», «свобода», «ответственность», «жизнь», «смерть», «совесть», «любовь», «труд», «страдание».

Для выявления понятий, отражающих картину мира Ф. М. Достоевского, на основе выделенных нами в ходе анализа экзистенциальной реальности бытия человека категорий, необходимо обратиться к художественному творчеству писателя. По мнению Д. А. Леонтьева, содержание, вкладываемое художником в произведение, представляет собой ответы на вопросы, которые ставит перед ним жизнь. «Тот смысл, который несет в себе произведение – это ответ на жизненную „задачу на смысл“, стоящую перед художником, или же заостренная осознанная постановка этой задачи» (Леонтьев, 2003, с. 424). Смысловые структуры являются наиболее глубинными, интимными структурами сознания, определяющими содержание и динамику «внутреннего мира». Чтобы понять жизнь сознания, надо выйти

за его пределы, обратившись к контексту реальной жизни субъекта. Это было сделано в предыдущих главах, где проведен анализ жизненного пути и творчества Ф. М. Достоевского, позволивший выделить основные этапы и кризисные периоды его жизни, а также жизни «значимых других», повлиявших на формирование его как личности и творца, основные темы его произведений, отражающие волнующие его проблемы, изменения его ценностей и идеалов.

Д. А. Леонтьев выделяет *значимые ситуации* в жизни конкретной личности, определяемые им как ситуации смыслостроительства:

- 1) критические ситуации в жизни субъекта, характеризующиеся невозможностью реализации им внутренних потребностей своей жизни;
- 2) личностные вклады – равнозначные взгляды, идеи другой личности, значимые для субъекта (ситуация диалога);
- 3) художественное переживание воздействия искусства (в данном случае можно говорить о переживаниях создателя произведения искусства).

Все это способствует формированию *смысловых конструктов*, обобщающих жизненные переживания и отражающих личностные ценности человека. «Смысловой конструкт – устойчивая категориальная шкала, представленная в психике субъекта на уровне глубинных структур образа мира, выражающая значимость для субъекта определенной характеристики (параметра) объектов и явлений действительности (или отдельного их класса) и выполняющая функцию дифференциации и оценки объектов и явлений по этому параметру, следствием которой является приписывание им соответствующего жизненного смысла». Таким образом, предметом нашего исследования стали «смысловые связи в картине мира, мировоззрение, субъективная семантика, образы в широком смысле слова» (Леонтьев, 2003, с. 217).

Мы исходим из положения, что в продуктах деятельности писателя, его художественных произведениях объективируются его мировоззрение, мирозерцание, отражается структура и динамика его жизненных ценностей и смыслов. Это позволило нам наполнить экзистенциальные категории понятиями, которые мы можем, вслед за Д. А. Леонтьевым, назвать *смысловыми конструктами*, отражающими мирозерцание Ф. М. Достоевского. Они выделены на основе текстологического анализа трудов писателя, литературы, посвященной его творчеству, биографического анализа с опорой на основную

категориальный аппарат, общепринятый в науке. Выделенные нами смысловые конструкты (понятия) подвергнуты *экспертной оценке специалистов*, хорошо знакомых с творчеством Ф. М. Достоевского, которая подтвердила правильность и достаточную аргументированность проведенного нами отбора ключевых категорий.

Как пишет Н. А. Бердяев, человек и о человеке – это главная тема произведений Ф. М. Достоевского: «У Достоевского был только один всепоглощающий интерес, только одна тема, которой он отдал все свои творческие силы. Тема эта – человек и его судьба. Не может не поражать исключительный антропологизм и антропоцентризм Достоевского. В поглощенности Достоевского человеком есть иступленность и исключительность» (Бердяев, 2002, с. 402). И действительно, в произведениях писателя очень незначительное место отводится описанию природы или общественных отношений. Все его творчество пронизано интересом к судьбе человека в этом мире, его мироощущению и мировосприятию, сложности и многогранности его внутреннего мира. Основные темы его творчества, выделенные в данном исследовании, отражают эту особенность.

Рассмотрим основные смысловые конструкты (понятия), отражающие сущность каждой категории в мирозерцании Ф. М. Достоевского.

1. *Человек* как сущность бытия, некая единица, вокруг которой и внутри которой сконцентрированы все главные вопросы бытия.
2. *Бог* – главный вопрос, на который ищут ответ герои романов Достоевского и сам автор. Решить вопрос о Боге – значит решить вопрос о человеке.
3. *Вера*. Возможность оставаться человеком с его человеческими достоинствами, а не превратиться в зверя и не уничтожить себя, помогает только вера в Бога.
4. *Христос* – это нравственный идеал. Подвиг Христа дает возможность раскрыть божественную природу, на которой зиждутся его лучшие качества: сострадание, стремление к добру, свободе и ответственность за нее (гимн Христу и человеческой свободе в главе о «Великом Инквизиторе» романа «Братья Карамазовы»).
5. *Дьявол* (черт, антихрист) – вековечный антипод Христа, отражающий звериное начало в человеческой природе – его стремление к свободе как к своеволию, вседозволенности.
6. *Судьба*. Герои романов Достоевского поставлены в определенные условия, роковым образом связаны друг с другом. Их прошлое

неотделимо от настоящего и будущего. Хотя оно не обозначено четко, но всегда проявляется в некоем предчувствии. То есть судьба и свобода – это две полярные точки, между которыми стоит человек Достоевского.

7. *Предназначение*. В произведениях писателя все герои наделены определенной миссией. Алеша Карамазов, князь Мышкин предназначены для того, чтобы объединять всех и вести к свету. Раскольников, Иван Карамазов, Николай Ставрогин, Версилов – герои, в которых отчетливо определяется темное начало, приводящее к разрушению личности и преступлению. Избрав свой путь, герои Достоевского идут по нему до конца.
8. *Свобода*. Человеческая свобода очень важна для мирозерцания Достоевского. Для одних героев свобода – это проявление своеволия («подпольный человек», Раскольников, Иван Карамазов). Собственный, самостоятельно сделанный выбор, без опоры на нравственные принципы для них важнее благополучия и счастья других людей. В итоге они приходят к своеволию и произволу, к саморазрушению и разрушению «мира сего». Другие же герои – Алеша Карамазов, старец Зосима – понимают свободу как ответственность перед Богом и совестью.
9. *Добро и зло*. Свобода для Достоевского предполагает выбор человеком между добром и злом. Добро и зло имманентно природе человека. И часто в современном мире эти грани между добром и злом стираются. Так, в принудительном добре Достоевский видит оборотную сторону зла («Великий инквизитор»).
10. *Любовь*. Природа любви в романах Достоевского двойственна. С одной стороны – это страсть и сладострастие, с другой – сострадание и жалость (Настасья Филипповна и Рогожин, Раскольников и Соня Мармеладова и т. д.)
11. *Страдание*. На страдании строится вся философская антропология Достоевского. Только через страдание человек может прийти к Богу. Все герои Достоевского страдают, мучаются, плачут и тоскуют.
12. *Рациональное*. Все герои Достоевского – это носители идей, которые они так или иначе воплощают в жизнь. Идеи, разум (рациональное в природе человека) во многом есть источник зла. «Разум рождает преступление. Только сердцем человек может приблизиться к Богу. Но только такая вера, которая не ищет и не может найти оправдания у разума, есть, по Киркегарду, вера Святого Писания. Она одна дает надежду человеку преодо-

леть ту необходимость, которая через разум вошла в мир и стала в нем господствовать» (Шестов, URL). Так Л. Шестов в работе «Достоевский и Киргегард» исследует природу иррационального и рационального начал в философских воззрениях Достоевского и Кьеркегора. Идеи, разум ведут к преступлению, к злу; чувства, любовь, страдание – к Богу, к добру.

13. Труд. Проблематика труда в работах Достоевского практически не выражена. Только на первых этапах его творчества в произведениях «Бедные люди», «Слабое сердце» и т. п. писатель небольшое место отводит вопросу *бедности* и *богатства*. Его герои бедны и *зарабатывают* свой кусок хлеба упорным трудом. Упорный труд и непреходящая бедность составляют канву, на которой разворачиваются взаимоотношения героев. Это прослеживается и в последующих произведениях автора.

В таблице 1 представлены слова и выражения, относящиеся к выделенным нами экзистенциальным категориям во всех рассматриваемых произведениях Ф. М. Достоевского. В ней приведены также числовые значения слов и выражений, отражающих каждую категорию, и результаты их частотного анализа (при помощи метода χ^2 Пирсона).

Этап 1 эмпирического исследования включал проведение контент-анализа романа Достоевского «Бедные люди» (см. таблицу 2). Установлено, что совокупность экзистенциальных мыслей, образов, представлений на момент создания «Бедных людей» значительно отличается от равномерного распределения ($\chi^2=402,1720$, $df=10$, $p=0,00000$). Графически это представлено в виде значительной области расхождения в показателях категорий «свобода», «труд», «страдание» (значимые категории) и «смерть», «судьба» (незначимые категории) (см. рисунок 1). На графике видно несомненное преобладание категорий «труд», «свобода» и «страдание». Это отражает основную фабулу романа: мелкий чиновник Макара Девушкин и его любимая девушка Варенька упорным трудом добывают средства для пропитания и живут в страшной нужде.

Труд значим не только для персонажей «Бедных людей», но и для самого автора. Проведенный анализ жизненного пути Достоевского показывает, что молодой писатель достиг успеха благодаря упорной работе. В его письмах к брату того периода сохранились размышления на тему предназначения писателя, славы и тяжести затрачиваемых усилий. «Мне кажется, что слава так же содейству-

Таблица 1

Представленность слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям, во всех рассматриваемых произведениях Ф. М. Достоевского

Экзистенциальные категории	Смысловые конструи, отражающие мирозерцание Достоевского	Бедные люди		Преступление и наказание		Братья Карамазовы	
Человек	Человек	76	76	383	383	588	588
Вера	Бог	35	66	139	267	113	625
	Вера	9		69		236	
	Христос	12		5		99	
	Дьявол	1		36		6	
	Бессмертие	0		4		69	
	Истина	9		14		102	
Судьба	Судьба	17	19	24	28	57	65
	Предназначение	0		1		6	
	Жребий	2		3		2	
Своеволие	Воля	9	40	16	153	28	293
	Право	25		21		84	
	Зло	6		116		179	
Свобода	Ответственность	2	103	4	160	0	359
	Совесть	18		31		71	
	Добро	81		92		199	
	Свобода	2		33		89	
Любовь	Страсть	8	22	23	82	40	223
	Любовь	8		24		113	
	Сладострастие	1		5		35	
	Сострадание	4		13		24	
	Жалость	1		17		11	
Труд	Работа	46	134	70	156	35	201
	Бедность	77		70		110	
	Богатство	11		16		56	
Жизнь	Жизнь	29	29	122	122	394	394
Смерть	Смерть	11	11	53	53	125	125
Страдание	Мука	3	157	18	279	65	833
	Горе	31		16		157	
	Страх	36		108		323	
	Нужда	9		5		16	
	Страдание	18		46		99	
	Слезы	36		54		131	
	Тоска	24		32		42	

Продолжение таблицы 1

Экзистенциальные категории	Смысловые конструкты, отражающие мирозерцание Достоевского	Бедные люди		Преступление и наказание		Братья Карамазовы	
Рациональность	Идея	0	26	21	211	37	231
	Сознание	2		72		63	
	Рассудок	8		83		93	
	Власть	1		20		35	
	Разум	15		15		3	

ет вдохновению поэта... Но одно помышление о том, что некогда вслед за твоим былым восторгом вырвется из праха душа чистая, возвышенно-прекрасная, мысль, что вдохновенье, как таинство небесное, освятит страницы, над которыми плакал ты и будет плакать потомство, не думаю, чтобы эта мысль не закрадывалась в душу поэта и в самые минуты творчества» (цит. по: Биография..., 1883, с. 11). В другом письме он как бы предвидит свой собственный путь в творчестве: «Эк, сколько труда и тягости разной нужно перенести сначала, чтоб устроить себя. Здоровье свое, например, нужно пускать на авось, а обеспечение черт знает еще будет когда» (там же, с. 54). Эти рассуждения молодого писателя о предназначении поэта представляют его как уже зрелую, сформировавшуюся личность, самостоятельно выбравшую свой путь, понимающую всю полноту ответственности за взятую на себя роль. В данном контексте очень значим высокий показатель категории свободы. Достоевский делает свой выбор. Путь литературного творчества становится главным в его жизни, и в каждый момент своего существования он организует свое бытие в соответствии с этим выбором.

На этапе 2 эмпирического исследования проводился контент-анализ романа «Преступление и наказание» (см. таблицу 3). Показано, что совокупность экзистенциальных идей и представлений на момент создания «Преступления и наказания» значимо отличается от равномерного распределения ($\chi^2=654,9684$, $df=10$, $p=0,00000$). Графически это представлено в виде значительной области расхождения в показателях категорий «человек», «вера», «страдание», «рациональность» (значимые категории) и «смерть», «судьба» (незначимые категории) (см. рисунок 2). Данные, представленные на рисунке 2, свидетельствуют о том, что, наряду с возрастанием значения категории «человек» повышается также значение категорий «рациональность» и «страдание». Это отражает проблематику

Таблица 2

Эмпирическое распределение частот употребления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям, в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди»

Экзистенциальные категории	Сравнение с теоретически равномерным распределением $\chi^2=402,9722$, $df=10$, $p<0,000000$			
	Эмпирическая частота (O)	Теоретическая частота (E)	O-E	O-E*2/2
Человек	76,0000	62,0909	13,9091	3,1158
Вера	66,0000	62,0909	3,9091	0,2461
Судьба	19,0000	62,0909	-43,0909	29,9050
Своеволие	40,0000	62,0909	-22,0909	7,8596
Свобода	103,0000	62,0909	40,9091	26,9533
Любовь	22,0000	62,0909	-40,0909	25,8859
Труд	134,0000	62,0909	71,9091	83,2798
Жизнь	29,0000	62,0909	-33,0909	17,6356
Смерть	11,0000	62,0909	-51,0909	42,0397
Страдание	157,0000	62,0909	94,9091	145,0734
Рациональность	26,0000	62,0909	-36,0909	20,9782
Сумма	683,0000	682,9999	0,0001	402,9722

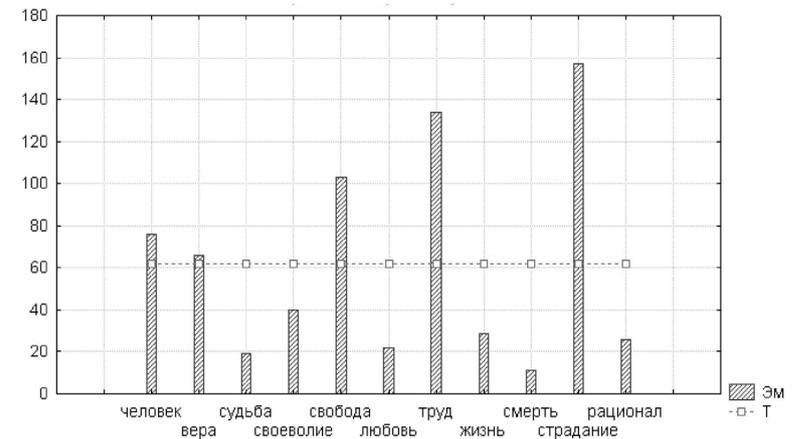

Рис. 1. Сравнение эмпирического распределения частоты употребления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям в «Бедных людях», с теоретически равномерным

Таблица 3

Эмпирическое распределение частот употребления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям, в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

Экзистенциальные категории	Сравнение с теоретическим равномерным распределением $\chi^2=654,9684$, $df=10$, $p<0,000000$			
	Эмпирическая частота (О)	Теоретическая частота (Е)	О–Е	О–Е*2/2
Человек	383,000	172,182	210,818	258,1243
Вера	267,000	172,182	94,818	52,2151
Судьба	28,000	172,182	-144,182	120,7351
Своеволие	153,000	172,182	-19,182	2,1369
Свобода	160,000	172,182	-12,182	0,8619
Любовь	82,000	172,182	-90,182	47,2335
Труд	156,000	172,182	-16,182	1,5208
Жизнь	122,000	172,182	-50,182	14,6253
Смерть	53,000	172,182	-119,182	82,4960
Страдание	279,000	172,182	106,818	66,2679
Рациональность	211,000	172,182	38,818	8,7515
Сумма	1894,000	1894,000	0,000	654,9684

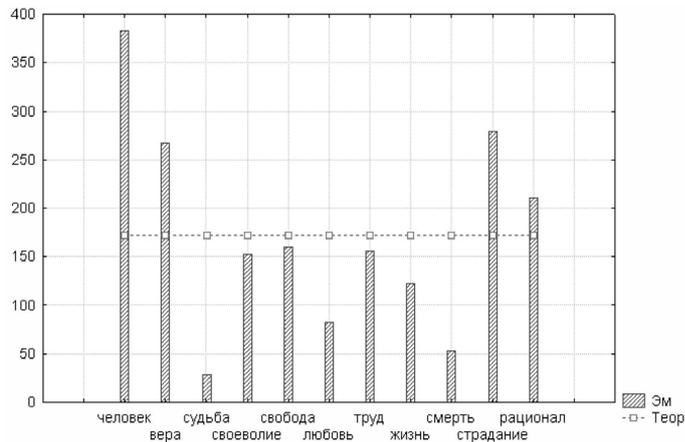

Рис. 2. Сравнение эмпирического распределения частот употребления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям в «Преступлении и наказании», с теоретически равномерным

«Преступления и наказания» – построение главным героем романа сверхценной идеи, якобы, ориентированной на благо людей, а фактически приводящей его к преступлению, а также те идейные искажения и противоречия, которые характерны для Достоевского на этом этапе творческого пути: отвержение мира, полного зла и страданий, и обоснование невозможности насаждения добра силою.

Этап 3 эмпирического исследования включал проведение контент-анализа романа «Братья Карамазовы» (см. таблицу 4). Установлено, что совокупность экзистенциальных идей и представлений в момент создания «Братьев Карамазовых» значительно отличается от равномерного распределения ($\chi^2=1550,735$, $df=10$, $p=0,00000$). Графически это представлено в виде значительной области расхождения в показателях категорий «человек», «вера», «страдание» (значимые категории) и «смерть», «судьба» (незначимые категории) (см. рисунок 3). Рисунок 3 иллюстрирует наметившийся уже на втором этапе творческой деятельности писателя рост значений категорий «страдание», «человек» и «вера». Значение категории «рациональность» значительно снижается. На наш взгляд, такое распределение отражает дальнейшее укрепление христианских позиций в мировоззрении Достоевского. Высокий показатель категории «человек» на всех этапах творчества писателя подтверждает гипотезу о том, что человек являлся для Достоевского главной сущностью, некоей единицей, вокруг которой были сконцентрированы все главные вопросы бытия. Творчество Ф. М. Достоевского глубоко антропологично, и основной проблемой его исследования выступал человек.

На этапе 4 эмпирического исследования осуществлялось сопоставление эмпирических распределений частот появления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям в произведениях «Бедные люди» и «Преступление и наказание» (см. таблицу 5) ($\chi^2=176,4424$, $df=10$, $p<0,000000$), обнаружило значимые различия. На рисунке 4 эти различия выражены в значительно большем весе категорий «человек», «вера», «страдание» и «рациональность», а также превышении значения категории «своеволие» сравнительно с категорией «свобода». Это можно интерпретировать как отражение глубоких изменений в мировоззрении Ф. М. Достоевского в период между написанием «Бедных людей» и «Преступления и наказания», что объясняется наличием в этом временном промежутке серьезных кризисов (арест, казнь, каторга, смерть брата и первой жены), стимулировавших писателя к пересмотру его главных установок и ценностей. В произведениях этого периода главенствующую роль

Таблица 4

Эмпирическое распределение частот употребления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям, в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Экзистенциальные категории	Сравнение с теоретическим равномерным распределением $\chi^2=1550,735$, $df=10$, $p<0,000000$			
	Эмпирическая частота (О)	Теоретическая частота (Е)	О-Е	О-Е*2/2
Человек	588,000	357,727	230,273	148,2290
Вера	625,000	357,727	267,273	199,6900
Судьба	65,000	357,727	-292,727	239,5380
Своеволие	291,000	357,727	-66,727	12,4470
Свобода	359,000	357,727	1,273	0,0050
Любовь	223,000	357,727	-134,727	50,7410
Труд	201,000	357,727	-156,727	68,6650
Жизнь	394,000	357,727	36,273	3,6780
Смерть	125,000	357,727	-232,727	151,4060
Страдание	833,000	357,727	475,273	631,4420
Рациональность	231,000	357,727	-126,767	44,8940
Сумма	3935,000	3935,000	0,000	1550,7350

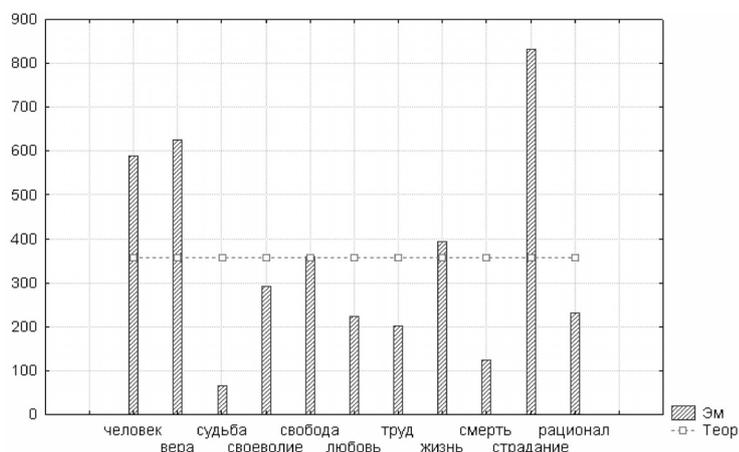

Рис. 3. Сравнение эмпирического распределения частот употребления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям в «Братьях Карамазовых», с теоретически равномерным

Таблица 5

Сравнение эмпирических распределений употребления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям, в романах Ф. М. Достоевского «Бедные люди» и «Преступление и наказание»

Экзистенциальные категории	Сравнение распределений частот $\chi^2=176,4424$, $df=10$, $p<0,000000$			
	Эмпирическая частота «Бедные люди» и «Преступление и наказание» (О)	Теоретическая частота «Бедные люди» и «Преступление и наказание» (Е)	О-Е	О-Е*2/2
Человек Бл	76,000	121,652	-45,6520	17,1317
Человек ПиН	383,000	337,348	45,6520	6,1779
Вера Бл	66,000	88,257	-22,2573	5,6130
Вера ПиН	267,000	244,743	22,2573	2,0241
Судьба Бл	19,000	12,457	6,5430	3,4367
Судьба ПиН	28,000	34,543	-6,5430	1,2393
Своеволие Бл	40,000	51,152	-11,1520	2,4313
Своеволие ПиН	153,000	141,848	11,1520	0,8768
Свобода Бл	103,000	69,705	33,2950	15,9036
Свобода ПиН	160,000	193,295	-33,2950	5,7351
Любовь Бл	22,000	27,564	-5,5640	1,1231
Любовь ПиН	82,000	76,436	5,5640	0,4050
Труд Бл	134,000	76,861	57,1390	42,4775
Труд ПиН	156,000	213,139	-57,1390	15,3180
Жизнь Бл	29,000	40,020	-11,0200	3,0345
Жизнь ПиН	122,000	110,980	11,0200	1,0943
Смерть Бл	11,000	16,960	-5,9600	2,0944
Смерть ПиН	53,000	47,040	5,9600	0,7551
Страдание Бл	157,000	115,560	41,4400	14,8604
Страдание ПиН	279,000	320,440	-41,4400	5,3591
Рациональн Бл	26,000	62,810	-36,8100	21,5726
Рациональн ПиН	211,000	174,190	36,8100	7,7787
Сумма	2577,000	2577,000	0,0000	176,4424

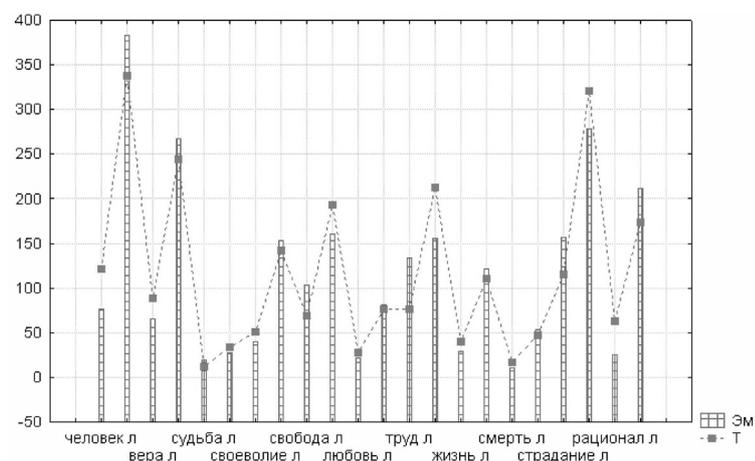

Рис. 4. Сравнение эмпирических распределений частот употребления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям, в «Бедных людях» и в «Преступлении и наказании»

приобретают проблемы взаимоотношения человека с человеком, человека с миром, с Богом.

Значение категории «труд» существенно снижается. Но это не означает, что Достоевский стал менее упорно трудиться. Процесс создания произведений, несомненно, был для него трудным, мучительным, но одновременно жизненно необходимым делом, что подтверждают следующие отрывки из писем. «Неужели никогда не возьму я пера в руки? Я думаю, через четыре года будет возможность. Я пришлю тебе все, что напишу, если что-нибудь напишу, боже мой. Сколько образов, выжитых, созданных мною вновь погибнет, угаснет в моей голове или отравой в крови разольется» (цит. по: Биография..., 1883, с. 43). Творчество было для Достоевского основным смыслом жизни; без него он не мыслил своего существования. Так было и на каторге, и в конце жизни, когда, уже не испытывая недостатка в средствах, он продолжал упорно писать, несмотря на запрет врачей. И даже в последние часы своей жизни Достоевский правил корректуру «Дневника писателя» (Волгин, 2010).

Наконец, этап 5 эмпирического исследования включал сопоставление распределений частот употребления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям, в произведениях «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» (см. таблицу 6) ($\chi^2=144,1720$, $df=10$, $p<0,00000$). Установлено, что они значимо раз-

Таблица 6

Сравнение эмпирических распределений употребления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям, в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы»

Экзистенциальные категории	Сравнение эмпирических распределений частот $\chi^2=144,1720$, $df=10$, $p<0,000000$			
	Эмпир. частота «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» (О)	Теорет. частота «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» (Е)	О–Е	О–Е*2/2
Человек ПиН	383,000	315,507	67,4930	14,4380
Человек БрК	588,000	655,493	-67,4930	6,9494
Вера ПиН	267,000	289,838	-22,8376	1,7995
Вера БрК	625,000	602,162	22,8376	0,8661
Судьба ПиН	28,000	30,218	-2,2185	0,1629
Судьба БрК	65,000	62,782	2,2185	0,0784
Своеволие ПиН	153,000	144,269	8,7311	0,5284
Своеволие БрК	291,000	299,731	-8,7311	0,2543
Свобода ПиН	160,000	168,639	-8,6387	0,4425
Свобода БрК	359,000	350,361	8,6387	0,2130
Любовь ПиН	82,000	99,104	-17,1037	2,9518
Любовь БрК	223,000	205,896	17,1037	1,4208
Труд ПиН	156,000	116,000	40,0000	13,7931
Труд БрК	201,000	241,000	-40,0000	6,6390
Жизнь ПиН	122,000	167,664	-45,6639	12,4367
Жизнь БрК	394,000	348,336	45,6639	5,9861
Смерть ПиН	53,000	57,833	-4,8375	0,4146
Смерть БрК	125,000	120,162	4,8375	0,1948
Страдание ПиН	279,000	361,322	-82,3222	18,7559
Страдание БрК	833,000	750,678	82,3222	9,0278
Рациональность ПиН	211,000	143,619	67,3809	31,6127
Рациональность БрК	231,000	298,381	-67,3809	15,2161
Сумма	5829,000	5829,000	0,0000	144,1720

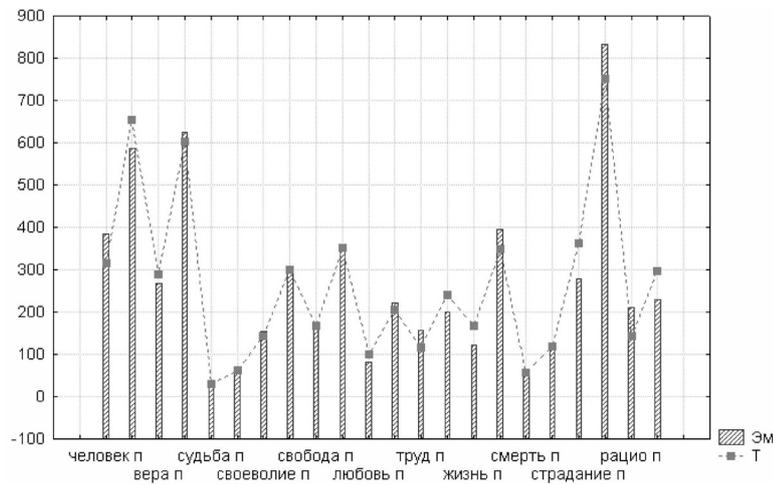

Рис. 5. Сравнение эмпирических распределений частот употребления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям, в «Преступлении и наказании» и «Братьях Карамазовых»

личаются. Графическое отображение эмпирических распределений частот слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям (см. рисунок 5), показывает повышение значения категорий «страдание», «вера» и снижение значения категорий «рациональность» и «человек». Вера для Достоевского на данном этапе приобретает важнейшее значение.

Анализ жизненного пути Достоевского показывает, что вера на всех его этапах выступала для писателя как основополагающая ценность, хотя ее значение как фактора регуляции жизнедеятельности претерпевало определенные изменения. На первом этапе вера выступала как естественная потребность, приобретенная в процессе воспитания, и не являлась предметом специального анализа. На втором этапе испытывается сила веры трагическими обстоятельствами жизни писателя, что отражается в продуктах его творческой деятельности (повышение значения категории рациональности как выражение поиска способов примирения добра и зла, проработка идейных допущений героев произведений и самого автора). На третьем этапе появляется осознанное принятие Бога в образе Христа как высшего эталона человечности и духовно-нравственного совершенства. Это подтверждается высоким показателем категории «страдание».

Следует отметить, что идея страдания проходит красной нитью через все произведения Достоевского. Это характеризует его как глубоко чувствующего, эмоционального человека. В исследовании было показано, что Достоевскому были присущи сострадателность к ближнему, особенно к детям, готовность помогать всем нуждающимся, несмотря на стесненное положение самого писателя. Это подтверждают и данные контент-анализа. В «Бедных людях» страдание связано с нуждой и несправедливостью общественного устройства. На втором этапе творчества оно выступает как добровольное страдание ради счастья другого человека (Соня Мармеладова из «Преступления и наказания»). На третьем этапе («Братья Карамазовы», «Великий инквизитор») в образах Зосимы, Алеши Карамазова и других героев объективируется основная мысль Достоевского о страдании как искуплении греха мира и других людей, прообразом чего является искупительная жертва Христа. Таким образом, поиск веры сопровождает писателя на протяжении всей его жизни, что позволяет рассматривать писателя как носителя глубоко гуманистических и религиозных убеждений.

Проведенный контент-анализ ключевых произведений писателя на разных этапах его творческой деятельности позволил выявить ценностное ядро в его сознании, сохраняющееся на протяжении всей его жизни. Его составляют категории «человек», «вера», «страдание» (это подтверждается постоянно высокими значениями данных показателей).

Интересен тот факт, что на всех этапах творчества незначимыми являются категории «смерть» и «судьба». Традиционно судьба рассматривается в философской литературе как непреложный и непреодолимый закон, довлеющий над жизнью человека. Стоицизм провозгласил принцип следования велениям судьбы, ее беспрекословного и мужественного принятия. Вместе с тем сложилась и иная точка зрения, согласно которой человек может выработать свое собственное отношение к судьбе, будучи ее субъектом, а не бессильной пешкой в ее могущих руках, или даже бросить ей вызов. Например, сам Достоевский вопреки своей мнительности и суеверности всячески сопротивлялся превратностям жизни (стоически переносил тяжелые испытания, болезнь, испытывал судьбу игрой). Вот что пишет Достоевский брату перед отбытием в ссылку: «Через четыре года облегчение судьбы. Я буду рядовой – это уже не арестант, и имей в виду, что когда-нибудь я тебя обниму. Ведь, был же я сегодня у смерти, три четверти часа прожил с этой мыслью, был у по-

следнего мгновения и теперь еще раз живу...» (цит. по: Биография..., 1883, с. 43).

Представляет интерес и отношение Достоевского к смерти. Несмотря на то, что в молодые годы под влиянием творческого кризиса и физического нездоровья писатель, будучи в удрученном состоянии, переживал страх летаргического сна и смерти, а в зрелые годы отличался ипохондрией, жил под постоянной угрозой смерти вследствие очередного припадка, он все же в своих размышлениях не выдвигал проблему смерти в качестве приоритетной. Это объясняется его глубокой религиозностью и как результат – делегированием этой проблемы воле Бога. По мнению писателя, Бог решает, когда человеку суждено перейти из мира земного в мир горний. Это говорит об огромной силе духа писателя, умении подняться выше трагических обстоятельств повседневности, продолжая наполненную творческими свершениями и упорным трудом жизнь. Гораздо больше интересовала Достоевского проблема бессмертия и искупления грехов для подготовки к жизни вечной. Именно она получила отражение на страницах его произведений. В зависимости от ее разрешения герои выстраивают свое взаимоотношение с миром.

Последний день жизни писателя очень показателен в этом отношении. 26 января 1881 г. у Достоевского пошла горлом кровь, что очень напугало Анну Григорьевну и всех его близких. Затем состояние Достоевского улучшилось, и врачи уже не высказывали опасения по поводу его жизни. Семья воодушевилась этим известием и надеялась на близкое выздоровление.

Как вспоминает жена писателя, 28 января он проснулся утром и сказал, что сегодня умрет: «Нет, я знаю, я должен сегодня умереть. Зажги свечу, Аня, и дай мне Евангелие!». Она пишет, что открылось Евангелие от Матфея (3: 2), где говорится, что Иоанн «удерживал его и говорил: „Мне надобно креститься от тебя, и ты ли приходишь ко мне?“ Но Иисус сказал ему в ответ: „Не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду“. „Ты слышишь – не удерживай – значит, я умру“, – сказал муж и закрыл книгу... Я умоляла его не думать о смерти, не огорчать всех нас своими сомнениями, попросила отдохнуть, уснуть. Муж послушался меня, перестал говорить, но по умиротворенному лицу было ясно видно, что мысль о смерти не покидает его, и что переход в иной мир ему не страшен» (Достоевская, 2002, с. 352–326). И действительно, Достоевский умер 28 января 1881 г. 20 часов 38 минут (Волгин, 2010).

Приведенный фрагмент показывает, что писатель примирился с мыслью о смерти и был готов к встрече с Богом, что подтверждает его истинную религиозность. Возможно, Федор Михайлович всю жизнь старался понять и принять конечность своего существования, с этим и связан поиск решения для него и его героев вопроса о бессмертии. Понять свою конечность, зависимость от Божьего промысла и следовать ему – в этом, по мнению Достоевского, по-видимому, состоял высший закон бытия.

Таким образом, проведение психолого-биографического исследования, тематического и контент-анализа произведений Достоевского убедительно свидетельствует, что в продуктах творческой деятельности писателя объективируется его личность. Было доказано, что на каждом этапе творчества Достоевский воплощал в образах героев своих произведений, их тематической направленности волнующие его проблемы, свое понимание человека и мира, собственные идеалы и ценности. В его творчестве нашли отражение внутренние конфликты, переживаемые им, воплотился нелегкий путь его самостроительства, духовного роста. Масштаб личности Достоевского, растущий и укрепляющийся в ходе преодоления жизненных трудностей, глубоких экзистенциальных размышлений, упорного поиска смысла жизни и обретения истинной религиозности, обусловил достижение им непревзойденных в литературном мире вершин творческого совершенства, обеспечил его становление как выдающегося писателя и мыслителя всех времен и народов. Следовательно, духовная составляющая как фактор развития ценностей, идеалов и мировоззрения в целом является неотъемлемой частью гениальной личности писателя.

ГЛАВА 3

ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

3.1. Личность Ф. М. Достоевского в восприятии и оценке его современников

Чтобы во всей полноте воссоздать образ Ф. М. Достоевского, передать особенности его личности, необходимо обратиться к воспоминаниям людей, близко его знавших.

Андрей Михайлович Достоевский, брат писателя, вспоминал, что в детстве «Федор был слишком горяч, энергично отстаивал свои убеждения, и вообще был довольно резок на слова. При таких проявлениях со стороны брата отец неоднократно говаривал: „Эй, Федя, уймись, не сдобровать тебе... быть тебе под красной шапкой!“» (цит. по: Биография, 1883, с. 26). Мальчиком он отличался живым и впечатлительным характером, был «настоящий огонь», как выражались его родители, очень любил подвижные игры, являлся любознательным и увлекающимся ребенком. Его привлекали беседы с крестьянами и выполнение их поручений. «Все крестьяне любили нас очень, в особенности брата Федора. Он по своему живому характеру брался за все: то попросит водить лошадь с бороной, то погонять лошадь, идущую в сохе и т. п. Любил он также вступать в разговоры с крестьянами, которые всегда охотно с ним говорили; но верхом удовольствия его было исполнить какое-либо поручение или сделать одолжение и быть чем-нибудь полезным» (Достоевский, 1999, с. 15).

Дети Достоевских редко общались с другими ребятами, в основном играя друг с другом. Будущий писатель был всегда заводилой в играх, и братья Михаил и Андрей подчинялись ему. Детей водили гулять в сад при больнице, и Федор Михайлович «как-нибудь

украдкой, вступал в разговоры с больными, в особенности, если попадались мальчики; но это строго преследовалось, и отец был весьма недоволен, если до него доходили об этом слухи» (Биография..., 1883, с. 12). Уже в раннем детстве Федор Михайлович проявлял познавательную активность в отношении окружающего мира, прежде всего, людей..

Достоевский с детства отличался восприимчивостью и впечатлительностью. В этой связи можно привести случаи описанные, как самим писателем, так и его биографом О. П. Миллером. В «Дневнике писателя» в главе «Мужик Марей» рассказывается о встрече мальчика с волком, которая, по мнению некоторых исследователей творчества писателя, послужило началом его болезни. О. П. Миллером описывается болезнь Достоевского, потеря голоса после смерти матери накануне его отъезда из родного дома в Петербург. Никакие лечебные средства не помогали. Голос постепенно восстановился сам собой, но своеобразная осиплость осталась на всю жизнь.

Доктор А. Е. Ризенкампф оставил описание Ф. М. Достоевского, относящееся ко времени его учебы в Главном инженерном училище: «...довольно кругленький, полненький светлый блондин с лицом округленным и слегка вздернутым носом... Светло-каштановые волосы были коротко острижены, под высоким лбом и редкими бровями скрывались небольшие, довольно глубоко лежащие серые глаза; щеки были бледные, с веснушками; цвет лица болезненный, землистый, губы толстоватые. Он был далеко живее, подвижнее, горячее степенного своего брата... Он любил поэзию страстно, но писал только прозой, потому что на обработку формы не хватало у него терпения... Природа прекрасной его декламации выходила из границ артистического самообладания» (цит. по: Биография..., 1883, с. 25). Приведенные свидетельства характеризуют Достоевского как подвижного, порывистого, эмоционального и очень впечатлительного человека.

В юношеском возрасте характер Ф. М. Достоевского стал меняться. Знавшие его люди отмечают в поведении юноши сдержанность, задумчивость, порой замкнутость. Эти черты характера начинают проявляться в период его учебы в Инженерном училище и сохраняются на всю жизнь. Но сторонящийся людей, он упорно стремится к общению. К. Г. Юнг назвал бы эту черту характера интроверсией.

А вот как описывает Достоевского А. И. Савельев, один из старших дежурных офицеров Инженерного училища: «...задумчивый, скорее, угрюмый, можно сказать, замкнутый, он редко сходил

* Т. е. в солдатах.

с кем-либо из своих товарищей, хотя и не удалялся, даже часто делился с ними своими учебными записями, которые он составлял за лекциями преподавателей; нередко писал товарищам сочинения на заданные темы по русской литературе, но никогда нельзя было его видеть праздным и веселым. Любимым местом его занятий была амбразура окна в угловой (так называемой круглой камере) спален роты, выходящей на Фонтанку. В этом изолированном от других столиков месте, сидел и занимался Ф. М. Достоевский; случалось нередко, он не замечал ничего, что кругом его делалось» (там же, с. 43).

Поступив в 1838 г. в Главное инженерное училище по настоянию отца, Ф. М. Достоевский тяготился своей жизнью в учебном заведении, особенно строевой подготовкой и нахождением в лагерях. Товарищей в инженерном училище было у него очень мало, и, как правило, их отношения основывались на почве духовной близости (Волгин, 1991).

В Инженерном училище проявляется еще одна черта личности Достоевского – подозрительность, которая будет присуща ему и в дальнейшем. Он чаще держался в одиночестве, другим ученикам казался мечтателем и идеалистом.

Интересно, что живость и импульсивность, характерная для Достоевского в детстве, прорывается в письмах к брату. Обсуждая литературу, свое будущее в ней, Федор Михайлович проявляет горячность и даже страстность; надежда чередовалась у него с отчаянием, меланхолия тут же переходила в веру в успех и мечты о счастливом будущем; воодушевление сменялось апатией и грустью: «Никогда еще не был я так богат деятельностью, как теперь. Все кипит, идет... Что же касается до меня, то я даже на некоторое мгновение впал в уныние. У меня есть ужасный порок: неограниченное самолюбие и честолюбие. Идея о том, что я обманул ожидания и испортил вещь, которая могла бы быть великим делом, убивала меня» (цит. по: Биография, 1883, с. 46). «Брат, я возрождаюсь не только нравственно, но и физически. Никогда не было во мне столько ясности, столько ровности в характере, столько здоровья физического» (там же, с. 58). «Я решительно никогда не имел у себя такого тяжелого времени. Скука, грусть, апатия и лихорадочное судорожное ожидание чего-то лучшего мучает меня» (там же). Вообще для писем Достоевского характерно постоянное глубокое самонаблюдение и рефлексия собственных психических состояний. Он анализирует свое физическое и душевное состояние, собственные чувства и ощущения,

впечатления, поступки свои и окружающих. Чувствуется непрерывная внутренняя работа, не прекращающаяся ни на минуту.

Приведенные в предыдущих главах воспоминания доктора Яновского позволяют сделать вывод о том, что Достоевский в период 1846–1849 гг. отличался нервностью, мнительностью и ипохондрическим характером.

Сравнение различных описаний Достоевского 1840-х годов позволяет сделать вывод, что живость, присущая Достоевскому в юности, постепенно уходит из внешних проявлений и становится глубинной частью его личности. Вот как в описании разных лиц происходит эта трансформация:

- он был «настоящий огонь»;
- он был далеко живее, подвижнее, горячее степенного своего брата;
- задумчивый, скорее, угрюмый, можно сказать, замкнутый, он редко сходил с кем-либо из своих товарищей, хотя и не удалялся;
- глаза небольшие светло-серые и чрезвычайно живые, губы тонкие и постоянно сжатые, придававшие всему лицу выражение какой-то сосредоточенности и ласки...

Сначала живость, импульсивность, возбудимость проявлялась в поведении Достоевского как свойство его темперамента, но постепенно она переходит во внутренний план, а на поведенческом уровне на смену ей приходят сдержанность, замкнутость и склонность к меланхолии. В 1860-е годы, познакомившись с Достоевским, Н. Н. Страхов отмечает, что тот «первенствовал не только по своей известности, но и по обилию мыслей и горячности, с которой их высказывал... Он часто говорил со своим собеседником в полголоса, почти шепотом, пока что-нибудь его не возбуждало; тогда он воодушевлялся и круто возвышал голос. Впрочем, в то время его можно назвать довольно веселым в обыкновенном настроении; в нем было еще много мягкости, изменявшей ему в последние годы, после всех понесенных им трудов и волнений» (цит. по: Биография, 1883, с. 271). Отсюда следует, что горячность и импульсивность проявлялись у писателя в особе значимых для него ситуациях.

Представляет интерес портрет Достоевского, данный в 1873 г. Вс. Соловьевым: «Передо мной был человек небольшого роста, худощавый, но довольно широкоплечий, казавшийся гораздо моложе своих пятидесяти двух лет, с небольшой русой бородою, высоким

лбом, у которого поредели, но не поседелы мягкие, тонкие волосы, с маленькими, светлыми карими глазами, с некрасивым, на первый взгляд, простым лицом. Но это было первое и мгновенное впечатление – это лицо сразу и навсегда запечатлевалось в памяти, оно носило на себе отпечаток исключительной духовной жизни» (цит. по: Волгин, 2010, с. 79).

К тому же периоду относится описание писателя В. В. Тимофеевой (О. Починковской): «Это был очень бледный – землистой, болезненной бледностью – немолодой, очень усталый или больной человек, с мрачным, изнуренным лицом, покрытой, как сеткой, какими-то необыкновенно выразительными тенями от напряженно-сдержанного движения мускулов. Как будто каждый мускул на этом лице с впалыми щеками и широким и возвышенным лбом одухотворен был чувством и мыслью» (там же). И Вс. Соловьев и Н. Н. Тимофеева отмечают духовную силу, исходящую от лица этого больного и изможденного тяготами жизни человека.

Во многих воспоминаниях отмечаются нервность его лица, особая складка губ.

Достоевский был очень чувствителен к неудачам, о чем говорилось в главе, посвященной началу его творческой деятельности. Эта черта проявлялась в его журналистской полемике: любую критику «собратьев по перу» он воспринимал чрезвычайно болезненно. Следует заметить, что критика не баловала писателя положительными отзывами на протяжении всей его творческой деятельности.

Он был самолюбив, тщеславен и честолюбив, но, с другой стороны, очень наивен и доверчив.

Как уже было отмечалось ранее, Достоевский практически не пил вина, так как это приводило его в возбуждение и часто провоцировало припадок, не играл в карты (играл только в рулетку), так как необходимость сосредоточиваться для него была трудна. Он не испытывал страсти к еде, любил только сладости.

Другая особенность характера Федора Михайловича – скрытность и замкнутость, которые были его наследственными чертами. Подпитываясь жизненными неудачами, эти черты укрепились, став неотъемлемыми свойствами его личности.

Еще одна интересная деталь, которую отмечают близкие к писателю лица (С. Д. Яновский, Л. Ф. Достоевская, А. Г. Достоевская), – это любовь Достоевского к опрятности в одежде (он даже в домашней обстановке не позволял себе быть одетым небрежно), а также к красивым вещам. Однажды в Дрездене Федор Михайлович с женой зашли

на аукцион, и его внимание привлекла коллекция богемского стекла: «Федор Михайлович, любитель изящных вещей, любовался на вазы и говорил: „Вот бы нам приобрести эти прелестные вазы. Хочешь, Анечка, купим?“ Я смеялась, зная, что хоть у нас и есть деньги в эту минуту, но их не так много. Рядом с нами восхищалась хрусталем какая-то француженка; она говорила своей спутнице, что жалеет, что так много вещей, а то бы она купила часть из них. Это услышал Федор Михайлович и мигом обратился к ней со словами: „Мадам, купимте пополам“» (Достоевская, 2002, с. 166). Вазы были приобретены и в дальнейшем привезены в Россию. Достоевский с большим вниманием относился не только к своим вещам, но и к тому, как одеты его жены. Это подтверждается тем фактом, что, приехав из Семипалатинска в Тверь, Федор Михайлович, несмотря на стесненность своих средств, в письме к брату выражает просьбу заказать шляпку Марии Дмитриевне (при отъезде все шляпки были проданы), точно и подробно описывая ее фасон и цвет. Из этого эпизода можно сделать вывод, что Достоевский большого значения уделял существующим в обществе нормам и приличиям (Донов, 2004, с. 36).

Любовь Федоровна Достоевская подчеркивает в своих воспоминаниях, что отец ее был очень аккуратен: «На его письменном столе царил идеальный порядок. Газеты, коробки с папиросами, письма, которые он получал, книги, взятые для справок, – все должно было лежать на своем месте. Малейший беспорядок раздражал отца» (цит. по: Волгин, 2010). Как пишет И. Л. Волгин, тщательность своего туалета, опрятность домашней одежды, образцовый порядок на письменном столе Достоевский противопоставлял изображаемому им хаосу. Излишнюю скрупулезность и аккуратность можно отнести к особенностям эпилептоидной личности.

В главе, посвященной участию Достоевского в обществе Петрашевского, мы приводили впечатления С. Д. Яновского от общения с молодым Достоевским, где он отмечает его тонкий ум, присущий мышлению писателя чрезвычайно глубокий анализ и «необыкновенную гуманность». Яновский описывает Федора Михайловича как человека сосредоточенного, самолюбивого, глубоко верующего, глубокого мыслителя и наблюдателя («нравственный химик-аналитик неудовлетворимый»), патриота (Яновский, URL).

Тяжелые условия и гнетущая обстановка каторги, постоянное нахождение среди людей, да еще под конвоем, выработали у писателя желание и привычку пребывать в одиночестве, зародившееся у него еще в юношеском возрасте. Вот как он пишет об этом брату

из Семипалатинска: «Я пять лет был под конвоем, а потому мне величайшее наслаждение очутиться иногда одному. Вообще каторга многое вывела из меня и многое привела ко мне» (цит. по: Биография..., 1883, с. 143). Данная привычка, приобретенная вследствие тяжелых условий жизни, подкреплялась природной застенчивостью и мнительностью писателя.

Еще один интересный факт, характерный для Достоевского, отмечаемый близко знавшими писателя людьми: он всегда оттягивал написания своих произведений и приступал к работе над ними в последний момент перед их сдачей в издательство. Одни связывали это с ленью, умением работать только в экстремальных условиях. Другие, например, Н. Н. Страхов, давали этому несколько иное объяснение: «В нем постоянно совершался внутренний труд, происходило нарастание и движение мыслей, и ему всегда трудно было оторваться от этого труда для писания. Оставаясь, по-видимому, праздным, он, в сущности, работал неутомимо... Федор Михайлович с тем обилием мыслей и чувств, которое он носил в голове, никогда не скучал праздностью и дорожил ею чрезвычайно. Мысли его кипели; беспрестанно создавались новые образы, планы новых произведений, а старые планы росли и развивались» (там же, с. 125).

Как нам представляется, оба эти предположения не верны. Оттягивание написания произведения происходило не от лени, а от бессознательного стремления к экстремальным, неординарным ситуациям. Это можно проследить на всем протяжении жизненного пути Достоевского. Первичным стимулом, повлиявшим на всю его творческую и личную судьбу, был, конечно же, арест и приговор к смерти. Недаром Достоевский так упорно вспоминал об этом в разговорах с людьми и в своих произведениях. Арест и публичная казнь послужили для него той стрессовой ситуацией, которая избавила его от начинающегося психического расстройства и дали возможность выйти из кризиса, как жизненного, так и творческого. И в последующей жизни Достоевский прибегал бессознательно к тем же методам разрешения кризисов, т. е. к экстремальным решениям. Отсюда затягивание написания романов, страсть к игре. Вместе с тем, несмотря на запрет врачей, Достоевский до последних минут своей жизни писал, правил корректуры, отвечал на письма читателей, не позволял себе быть праздным.

Крайняя непрактичность, свойственная Достоевскому в молодости (как вспоминал С. Д. Яновский, он мог нанять дорогую квартиру без обстановки только потому, что ему понравился хозяин

квартиры; зная, что денщик его обворовывает, он закрывал на это глаза), сохранялась как стойкая черта на протяжении всей жизни. Достоевского называли «палачем» денег. Анна Григорьевна вспоминает, что его портмоне всегда было открыто для любого просящего. Несмотря на то, что дневниковые записи и письма писателя изобилуют денежными расчетами и финансовыми планами, он постоянно находится в стесненном положении. Сложность материального положения семьи была в течение десяти лет еще и отягчена игровой зависимостью. Проиграв все, он писал жене: «Аня, милая, друг мой, жена моя, прости меня, не называй меня подлецом! Я сделал преступление, я все проиграл, все, все до последнего крейцера, вчера же получил и вчера же проиграл. Аня, как я буду теперь глядеть на тебе, что скажешь ты про меня теперь! Одно и только одно ужасает меня: что ты скажешь, что подумаешь обо мне? Один твой суд мне и страшен! Можешь ли, будешь ли ты теперь меня уважать! А что и любовь без уважения! Ведь этим весь брак наш поколебался. О, друг мой, не вини меня окончательно!.. Но не от того я истратил, что был легкомыслен, жаден, не для себя, о! У меня были другие цели! Да что теперь оправдываться. Теперь поскорее к тебе. Присылай скорей, сию минуту денег на выезд – хотя бы были последние» (Достоевский, 2001, с. 84). Далее он жалуется, что если бы не скверная погода, заставившая его задержаться, никогда бы он не проигрался. В другом письме к А. Н. Майкову он признается, что действительно «скверно», что он все проиграл, но ведь он проиграл свои, а не чужие. В этой связи можно привести тот факт, что в среде литераторов того времени, как упомянуто в воспоминаниях Н. Н. Страхова, было принято иметь четкие и высокие нравственные идеалы, но не стыдно было придаваться во всякого рода излишествах: «Безобразии духовное судилось тонко и строго; безобразии же плотское не ставилось ни во что. Эта странная эмансипация плоти действовала соблазнительно и в некоторых случаях повела к последствиям, о которых больно и страшно вспомнить» (цит. по: Биография..., 1883, с. 174). Подобное представление о морали, бытовавшее в литературной среде, объясняет и особенности взаимоотношения Достоевского с Сусловой.

Как уже упоминалось выше, Достоевский был очень ревнив, и наиболее сильно это качество проявилось во втором браке. Эта черта характера передалась Федору Михайловичу по наследству от отца.

Ему были присущи такие качества, как злость, подозрительность, вспыльчивость. В письмах часто встречаются реплики в адрес зна-

комых с обвинениями в их адрес в забывчивости, неуважении к нему как писателю и человеку. Ему были свойственны сильнейшие переживания собственных неудач и в связи с этим возложение вины за них на окружающих людей.

Однако перечисленные качества уживались с осознанием собственных поступков и способностью повиниться за них, признать в себе дурные качества. «В это последнее время недоразумения, происшедшего от моей мнительности, я не капли не потерял к нему своего сердечного расположения», – пишет он в письме к Н. Н. Страхову о А. Н. Майкове, которого заподозрил в плохом отношении к себе (там же, с. 79). Критичность у него была развита в достаточной сильной степени.

Что же до его самоуверенности, стремления поучать окружающих и участия в постоянных «литературных дразгах», то, например, Страхов в своих воспоминаниях объясняет это, во-первых, спецификой самой журналистской деятельности, во-вторых, тем, что «он имел на это и немалые права», в-третьих, тем, что «без уверенности в себе нельзя было выступать на поприще проповедничества, к которому он чувствовал такое влечение» (там же, с. 319).

Присутствие неизменной веры в себя позволило Достоевскому превозмочь все жизненные неудачи и испытания (успех и поражение первого вступления в литературу, каторгу, возвращение к литературному творчеству после почти десятилетнего «молчания»), несмотря на все особенности его характера.

Сам творческий процесс отнимал у Достоевского огромные силы. Об этом он писал в письме к И. С. Аксакову: «Вы не поверите, до какой степени я занят, день и ночь, как в каторжной работе! Именно – кончаю Карамазовых, следовательно, подвожу итог произведению, которым я, по крайней мере, дорожу, ибо много в нем легло мне и моего. Я же и вообще-то работаю нервно, с мукой и заботой. Когда я усиленно работаю, то болен даже физически... Верите ли, несмотря, что уже три года записывалось, иную главу напишу, да и забракую, вновь напишу и вновь напишу. Только вдохновенные места выходят зараз, залпом, а остальное все – претяжелая работа» (там же, с. 345). Этот отрывок показывает, что творческий процесс для Достоевского – это не только сложный интеллектуальный труд, но и глубоко эмоциональная деятельность, осуществляющаяся с максимальной отдачей сил. Не случайно во время работы, в моменты высокого эмоционального накала, погружения в творческий процесс с писателем случались припадки. Н. Н. Страхов писал о Достоевском: «Скажу

только, что это был один из самых искренних писателей, что все, им писанное, было им переживаемо и чувствуемо, даже с великим порывом и увлечением. Достоевский – субъективнейший из романистов, почти всегда создававший лица по образу и подобию своему» (там же, с. 226). Творческий труд для Достоевского был одновременно и тяжелым трудом, и смыслом жизни, и огромной радостью, и мукой.

Более того, можно высказать предположение, что творчество Достоевского – это некая переработка мыслей и чувств писателя, всего того, что сознательно и бессознательно владело его душой. И эта творческая сублимация помогала ему преодолевать самые «темные» свои стремления и желания. Все его герои – и положительные, и отрицательные – это разнообразные воплощения личности Достоевского, представляющие собой писателя разных временных периодов его жизни. Все его творчество – это внутренний диалог с самим собой, постоянный анализ своих поступков и мыслей. Он то собирал их в единый узел, то разматывал его, рассматривая, взвешивая все «за» и «против». Познавая свое «Я» во всех его сторонах и гранях, рефлексирова, собирая в памяти события и лица, соединяя их, трансформируя, отбрасывая второстепенное и оставляя важное, он создавал своих героев. И таким образом прорабатывал свои комплексы и страсти. Именно творчество не позволило ему «перейти за черту».

3.2. Дневники писателя как источник выявления особенностей его мировоззрения и личностных характеристик

Одним из важнейших источников знания о психологических особенностях личности являются дневниковые записи. Особенно это значимо для понимания личности творца. В дневниках отражены те животрепещущие темы, которые отражают мировоззрение человека, главные смыслы его жизни, творческие замыслы, внутренние состояния и переживания. Человек в дневнике пишет о самом сокровенном, о том, что его особенно волнует. Поскольку это запись для себя, сделанная по «свежим следам», а не по прошествии многих лет (как в мемуарной литературе), ее достоверности и точности в изложении событий можно доверять.

Для понимания личности Ф. М. Достоевского особенно важны подготовительные материалы для художественных и публицистических работ, содержащиеся в его дневниках. Особая информативная ценность данного источника объясняется также тем,

что дневниковые записи осуществлялись писателем систематически на протяжении длительного времени – с 1861 по 1881 г.

Черновые тетради исписаны вдоль и поперек, и, как отмечают исследователи творчества Достоевского (Л. М. Розенблюм, Г. М. Фридендер), в них вносились пометки и позднее. Отличительная особенность этих записей: *диалогичность, страстность, эмоциональность*. В дневниках отсутствует монолог; они представляют собой постоянный диалог. Достоевский рассматривает любую обсуждаемую им проблему с различных позиций, высказывает предположения, ставит вопросы, полемизирует с явными или воображаемыми оппонентами. Рассуждая по какому-либо вопросу, Достоевский как бы прорывается через возможные утверждения и противоречия и приходит к единственному, как ему представляется, правильному выводу. Но в следующий момент вновь возникает сомнение, и процесс диалога запускается снова. М. М. Бахтин, говоря о полифонической природе творчества Достоевского, в качестве примера, отправной точки приводит сократовский диалог – поиск истины. Этот прием присущ не только художественной прозе и публицистике писателя, но и его дневниковым записям, поэтому можно сделать вывод, что диалогичность – характерная особенность мышления писателя.

Основное содержание дневников – это острый отклик на современные ему общественные процессы, размышления о литературе, ее значении, ответы оппонентам, разработка важных, по мнению автора, духовных, нравственных, социальных проблем, замыслы будущих произведений и публицистических статей, а также хозяйственные расчеты, записи, касающиеся семейной жизни, отчеты о зарубежных поездках и т. д.

На страницах дневников Достоевский пишет о нравственной готовности общества к переменам, о роли литературы в современном ему обществе, о спорах, разворачивающихся в ней, о тех проблемах, которые она поднимает и призвана ставить и разрешать. Анализ дневников свидетельствует о широте интересов Достоевского: это вопросы философии, экономики, медицины, физиологии, в частности, работы Г. Т. Бокля, Я. Молешотта, П. Ж. Прудона, И. М. Сеченова. В них содержатся отклики на различные печатные публикации в российских и европейских изданиях, на события, происходящие в России и мире.

Здесь же поднимаются глубоко личные темы. Их немного, но они очень важны для понимания психологических особенностей Достоевского.

Во-первых, в дневниках представлены самоотчеты о состоянии здоровья писателя, частоте и силе припадков, самочувствии после них. Припадки проходили, как правило, с периодичностью раз в 2–3 месяца, из них 2–3 сильных. Вот как Достоевский описывает свое состояние после припадка: «Час после припадка – жажда. Выпил три стакана воды залпом. Голова еще болит, но не так, чтобы очень. Теперь почти час после припадка. Пишу это и сбиваюсь еще в словах. Страх смерти начинает уже проходить, но есть все еще чрезвычайный, так не смею лечь. Бока болят и ноги... Все время полного беспамьтства, т. е. уже встал с полу, сидел и набивал папиросы, и по счету набил их четыре, но не аккуратно, а в последние две папиросы почувствовал сильную головную боль, но долго не мог понять, что со мной, пока не пошел к Лукерье» (Неизданный Достоевский..., 1971, с. 350). Данный отчет показывает колоссальную силу духа писателя, живущего под постоянной угрозой смерти и физической боли. С каждым годом ему все труднее было переносить эти состояния, о чем свидетельствует его письмо М. П. Погодину от 26 февраля 1873 г.: «...в последние два года мне надо, чтоб войти после припадка в нормальное состояние, – пять дней, а не три, как было все чуть не двадцать лет...» (там же, с. 357).

Во-вторых, в дневниках освещаются важные семейные события, например, смерть первой жены, М. Д. Достоевской, брата, М. М. Достоевского. Это одни из наиболее трагических и глубоких страниц. Именно в этот период писатель пишет о своем понимании веры, ее сущности, роли в жизни человека, о тех задачах, которые она ставит перед ним, об ответственности перед ближним. Горечь утраты слита с чувством вины пред близкими и некогда любимыми людьми, ощущением полного одиночества.

В-третьих, в дневниках содержится подсчет расходов и доходов, как относящихся к семейному бюджету, так и отражающих финансовое состояние журналов, редактором которых Достоевский являлся в разные годы («Эпоха», «Гражданин», «Дневник писателя»). Обращает на себя внимание тот факт, что бюджет практически всегда был в минусе, особенно семейный. Тщательная запись расходов и доходов (сколько взято займы, на что потрачено, кому должен, какие расходы следует сократить) свидетельствует об аккуратности писавшего, но одновременно о неумении вести финансовые дела, что подтверждается анализом его биографии. Сюда же заносятся маршруты зарубежных поездок и впечатления от них.

Одна из ключевых тем этих дневников – это человек в его реальном бытии с его радостями и горестями, чувствующий, мыслящий, переживающий. Достоевский всегда писал о человеке, который был центром его внимания, какую бы проблему он ни поднимал. Замечания и наблюдения его были всегда очень точны, порой откровенны и циничны, но при этом Достоевский всегда оставался на стороне человека, выступал за него. Он любил человека и верил в него, его духовные, нравственные основы в отличие от многих его современников, поющих дифирамбы, говорящих возвышенные слова, но, по сути, относящихся к человеку с презрением. Для этих деятелей человек выступал как некая абстракция, которую следует изменить, переделать, навязать ему во что бы то ни стало собственные представления и ценности.

Интересно, что уже в 1860-е годы писатель размышлял о проблемах, поставленных им в более позднее время в его романах и публицистике. Так, в 1862–1863 гг. Достоевский в своих дневниковых записях пишет о Пушкине то, что будет им высказано в Пушкинской речи в 1880 г. Пушкин, согласно Достоевскому, – явление неслыханное и беспримерное. Его творчество свидетельствует об оригинальности русского характера, «может быть, главной сущности русской народности» (там же, с. 168). Пушкина отличала необыкновенная восприимчивость к чужой культуре. В это время Достоевским высказана также важная мысль о необходимости соединения образованной части общества с народом как средстве «спасения единства» нации (там же, с. 157). Он ставит вопрос о необходимости сохранения и развития культурных ценностей: «Мы чуть ли и теперь не отбрасываем даже то, чем мы гордились еще так недавно...» (Неизданный Достоевский..., 1971, с. 158).

В записных тетрадях 1863–1864 гг. содержатся мысли о Христе, сущности веры и бессмертии, очень важные для понимания мирозерцания Ф. М. Достоевского. «Вся история, как человечества, так, отчасти, и каждого отдельно, есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели. Но если это цель окончательная для человечества (достигнув которой ему не надо будет развиваться, т. е. достигать, бороться, прозревать при всех падениях своих идеал и вечно стремиться к нему, – стало быть, не надо будет жить), то, следовательно, человек, достигая, и оканчивает свое земное существование. Итак, человек есть на земле существо, только развивающееся, следовательно, не окончательное, а переходное. Но достигать такой великой цели, по моему рассуждению, совершенно бессмысленно,

если при достижении цели все угасает и исчезает, т. е. если не будет жизни у человека и по достижении цели. Следовательно, есть будущая райская жизнь» (там же, с. 173).

Достоевский утверждает, что человек создан по образу Бога, но не тождествен ему, и потому его цель – стремиться к уподоблению этому извечному идеалу: «Натура Бога прямо противоположна натуре человека. Человек, по великому результату науки, идет от многообразия к синтезу, от фактов – к обобщению их и познанию. А натура Бога другая. Это полный синтез всего бытия (вечно), саморассматривающий себя в многообразии, в анализе... Итак, все зависит от того: принимается ли Христос за окончательный идеал на земле, т. е. от веры христианской. Коли веришь во Христа, то веришь, что и жить будешь вовеки. Есть ли в этом случае будущая жизнь для всякого Я? Говорят, человек разрушается и умирает *весь*. Мы уже потому знаем, что не *весь*, что человек, как физически рождающий сына, передает ему часть своей личности (*пожелание вечной памяти* на панихидах знаменательно), т. е. входит частью своей прежней, жившей на земле личности, в будущее развитие человечества... Христос *весь* вошел в человечество, и человек стремится преобразиться в Христа, или в свой идеал» (там же, с. 174). Эти мысли получили дальнейшее развития в более поздние годы в романе «Братья Карамазовы», в рассказе «Сон смешного человека». Это размышления писателя о «последнем преобразении человека и вечной жизни» (там же, с. 174).

Записные тетради 1864–1865 гг. отражают колоссальную занятость писателя, его живое участие в редактировании журнала «Эпоха». Страницы пестрят финансовыми расчетами, распределением страниц в предстоящем издании на каждую статью, заметками на память о необходимости найти ту или иную статью, письмо, отзывами о новинках литературы (например, о романе И. А. Гончарова «Обломов»).

В тетрадях 1872–1875 гг. представляют интерес мысли автора об отсутствии ориентиров в обществе, о цинизме и безверии, ведущих к фанатизму различного рода. «Статья о многообразии современного общества, потеряли образы, тотчас стерлись, новые же прячутся. Дворянство, крепостные... дворянская литература, понятия, вдруг хаос, люди без образа – убеждений нет, науки нет, никаких точек упора, уверяют в каких-то тайнах социализма – люди, как Кириллов, своим умом страдающие. Главное – не понимают друг друга. Всю эту кисельную массу охватил цинизм – молодежь

без руководства бросается. Как можно, чтоб Нечаев мог иметь успех. Меж тем, несколько предвзятых понятий, чувство чести – ложное понятие гуманности. Самое мелкое самолюбие. Взгляните на литературу, как она... выражает свои цели, свой гнев, свою брань, свою торопливость... Совсем некого уважать (вот язва теперешнего), как несерьезно у нас принялось просвещение прежде» (Неизданный Достоевский..., 1971, с. 289).

Прослеживаются оценки значимых событий русской истории. Например, русские европейцы – декабристы, по мнению автора, выражают принятие европейских начал без их сердцевины и опоры на отечественные традиции.

В последующих дневниках Достоевский также пишет об этом: «Склад жизни же европейской и порядок ее современный нам никак нельзя принимать... А нравственные начала наши никак нельзя отдать... Взгляд народа на преступника, прощение и забвение обид, широкое понимание исторической необходимости – это у нас лучше, чем на Западе» (там же, с. 461).

Здесь же присутствует отчет о поездке в Эмс на лечение. Достоевский заносит в тетрадь впечатления о европейских нравах, о поведении русских за границей: «Наш чиновник – олицетворение ничегонеделания. В Дрездене за эти деньги и какая услужливость с достоинством. У нас ломание над публикой без достоинства. Дайте же ему поломаться-то. Почтальоны железнодорожные» (там же, с. 373).

В дневниковых записях 1874 г. появляются первые наброски к роману «Братья Карамазовы».

В записных тетрадях 1875–1876 гг. содержатся представления писателя о социализме и коммунизме. По мнению Достоевского, это наука без Христа, но с полной верой, новый нравственный порядок, но без любви, а основывающийся лишь на эгоизме. Чтобы любить, нужно бороться с собой, преодолевать в себе греховность, эгоцентризм, эгоизм, «ждать смирения, т. е. победить зло красотой моей любви и строгого образа воздержания и управления собой» (Неизданный Достоевский..., 1971, с. 447).

На страницах дневника освещаются вопросы, волнующие Достоевского: о взаимоотношениях интеллигенции и народа, о судьбе дворянства, об атеизме и нигилизме (их истоках и последствиях), о русском европеизме (реформы Петра, декабристы, Герцен, Белинский, Чернышевский – от аристократов к типу русского семинариста), об особенностях развития России (европейская политика всегда в историческом смысле не выгодна для России). Достоевский запи-

сывает, что презрение к нам европейцев – честь для русских – следовательно, мы особая, самобытная нация. Европейцы (французы, немцы) гордятся своей национальностью, русский же европеец стыдится ее. «Ибо всякий немец, прибитый русским, несомненно, считает в лице своем оскорбленную и всю свою нацию. Русский, прибитый немцем, ничего не подумает о своей нации, но зато утешится, что все-таки получил плюху от цивилизованного человека. Такова благородная страсть к цивилизации» (там же, с. 293).

Принципиальным для Достоевского является вопрос о связи судьбы русского народа и православия. Он убежден, что без православия в России не может быть нравственности, так же как и доверия к власти. Без веры русский человек – только «безобразник», ибо для бездуховной личности «все позволено». При отвержении Бога человек, лишенный истинного нравственного эталона, ищет «заместительный» идеал.

В дневниках писатель продолжает фиксировать динамику своих припадков: 1873 г. – 7 припадков с периодичностью раз в 2–3 месяца. 1874 г. – 7 припадков с периодичностью раз в 2–3 месяца. 1875 г. – 4 припадков с промежутком в 5,5 месяцев.

Записные тетради 1875–1876 гг. включают наброски и заготовки к «Дневнику писателя». Выделяются актуальные темы: размышления над романом И. С. Тургенева «Дым» как выражение русского европеизма; внутренняя и внешняя политика России; проблемы права; власть денег, страсть к наживе, скука в современном обществе; причины самоубийств среди молодежи и др. «Все спокойны, все самолюбивы, и уж, кажется, одно это должно бы мучить вечным беспокойством. Напротив, современный самолюбец не трепещет за себя, как он вошел, как он стоит, хорошо ли он сказал. Нынче все спокойны и всякий уверен, что все принадлежит ему одному. А нет, то он застрелится. „Папа, простите меня, 27 лет, и я ничем не проявил“. Я застрелюсь. Это еще хорошо, тут какая-то гордость. А другой просто стреляется из-за того, что он не так богат, как Овсянников. Для чего ж и жить, как не для гордости?» (там же, с. 367). Достоевский не соглашается с мнением, будто идеалы не нужны, пока человека «среда заедает». Он утверждает, что без идеалов никакие экономические улучшения не помогут человеку стать лучше: «Созидается общество началами нравственными» (там же, с. 463).

В записной тетрадке 1876–1877 гг. Достоевский обращается к вопросу о «лучших людях». Он считает, что, по сути, «вопрос о лучших людях и ставить нельзя: всякая сила хоть бы и дурная. Но что, в са-

мом деле, лучшие люди? Просто честный человек, христианин. Стало быть, завидовать нечему. Но надо. Чтобы и аристократ уважал такого, надо настроить так общественное мнение. Лучший человек и всегда был так, но не там, где аристократы. Сильные люди. Не сильные лучше, а честные. Честь и собственное достоинство только сильнее всего», – пишет Достоевский (там же, с. 552). И далее: «Без лучших людей земля не стоит» (там же, с. 574).

Как и прежде, его волнует судьба России и ее взаимоотношения с Европой.

В дневнике содержатся планы и заметки на предстоящие выпуски издания «Дневника писателя», наброски к рассказу «Кроткая».

Здесь же представлены авторские размышления о значении сатиры, о человеке, о вере и православии, о подвиге русского солдата, о современной литературе и критике.

Затем следует очередной отчет о припадках: «Очень усталое состояние. Фантастичность. Неясность, неправильные впечатления, разбитые ноги и руки. Из довольно сильных... Грусть и ипохондрия... Сильная раздражительность... Болят все члены, поясница» (там же, с. 625). Из последующих записей можно сделать вывод, что Достоевский стремится установить зависимость припадков от погодных условий (полнолуние, пасмурно и т. п.), а также от перенапряжения нервов по причине напряженной работы.

В записных тетрадах 1878–1879 гг. обсуждаются «Восточный вопрос», война, проблемы идеалов, патриотизма, состояния народа и т. д. «Над русским народом стоят две вещи вместо фельдъегеря – водка и мамон, каким образом водка займет место фельдъегеря? Она грубит и скотинит его. Пьяному не до сострадания не только к животным, но даже и к детям своим... Ныне деньги. И народ говорит: „А, значит, деньги все, значит, и всегда так было, да мы не знали. Значит, никакой другой силы и власти нет, кроме денег“. Вот это всего труднее, коли так пойдет мысль» (там же, с. 414).

Достоевский очень болезненно переживал нападки современных ему либеральных деятелей на русский народ. Он хорошо знал все его достоинства и недостатки, о которых писал всегда с большой правдивостью. Но для него всегда на первом месте стояло то лучшее, что есть в русском человеке, ибо это, по мнению писателя, важнее для его понимания и совершенствования.

В записных тетрадах 1880–1881 гг. представлены подготовительные материалы к Пушкинской речи и к ежемесячному изданию «Дневника писателя».

Здесь же автор оценивает проект финансовой реформы и категорически вступает против сокращения армии как средства пополнения казны: деньги разойдутся, найдут свои карманы, а армию уже не восполнить.

В подготовительных материалах дневника писатель полемизирует с К. Д. Кавелиным, выступившим с критикой взглядов Достоевского, в частности, его представлений о нравственности. Согласно Кавелину, нравственное – это жизнь в соответствии со своими убеждениями. Достоевский дает свой ответ на поставленный вопрос: «Помилуйте, если я (хочу) по убеждению, неужели я человек нравственный? Взрываю Зимний дворец – разве это нравственно? Совесть без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безобразия» (там же, с. 675). Убеждения не могут быть мерилем нравственности, ибо нередко они являются ошибочными и антигуманными. Поэтому человек должен ответить себе, верны ли его убеждения? По мнению Достоевского, «проверка... их одна – Христос. Но тут уже не философия, а вера, вера – это красный цвет...» (там же). Обращаясь к своему оппоненту, он пишет: «Сожигающего еретиков я не могу признать нравственным человеком, ибо не признаю Ваш тезис, что нравственность есть согласие с внутренними убеждениями. Это лишь честность (русский язык богат), но не нравственность» (там же). И опять Достоевский возвращается к своему главному утверждению: «Нравственный идеал есть у меня один – Христос. Спрашиваю, сжег бы он еретиков? Нет. Ну, так значит, сжигание еретиков есть поступок безнравственный. Совесть, совесть маркиза де Сада – это нелепо... Нравственно только то, что совпадает с вашим чувством красоты и идеала, в котором вы его воплощаете» (там же, с. 675–676). Далее Достоевский выводит проблему на уровень поведения и внутренней оценки человеком своего поступка: «Поведение его (да и то лишь общее), положим, честно, но поступок – ненравственный. Бранить себя и презирать умом, но чувством, значит, совестью, – не может совершить и останавливается (и знает, наконец, что не из трусости остановился)...» (там же, с. 676). Завершая полемику, писатель приводит пример из современной ему жизни: «Засулич – „тяжко поднять руку пролить кровь“, – это колебание было нравственнее, чем само пролитие крови», – заключает он (там же). В его дневниках можно найти множество таких примеров.

Таким образом, проведя анализ подготовительных тетрадей Ф. М. Достоевского, можно сделать вывод, что они вскрывают важнейшие проблемы, которые волновали писателя на протяжении

20 лет его творческой деятельности, особенности его мышления, мировоззрения, а также характерные нюансы творческого процесса. Каждая обсуждаемая в них проблема рассматривалась писателем с различных сторон: он выдвигал доводы и приводил аргументы для ее обоснования, делал выводы, откладывал ее на время, а затем возвращался к ней, как бы проверяя правильность сделанных им предположений и заключений, предлагал различные пути разрешения. Главные вопросы, интересовавшие Достоевского, – это сущность человека, его место в мире, исторический путь России, взаимоотношение интеллигенции и народа, соотношение славянофильства и западничества, веры и безверия и т. д. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что рассматриваемый источник содержит данные, отражающие сложность жизненного пути автора (болезнь, финансовые трудности, утрата близких людей, постоянные нападки представителей либерального крыла литературного сообщества и критиков и т. д.). Дневниковые записи писателя – убедительное свидетельство того, что его творческая деятельность была тесно «вплетена» в социальную и культурную жизнь российского общества. Общественные, нравственные и духовные проблемы глубоко и остро переживались писателем и воплощались в его художественных и публицистических трудах. Можно также с уверенностью утверждать, что на протяжении всей своей жизнедеятельности Достоевский ставил перед собой и пытался решить глубокие духовные вопросы, касающиеся смысла человеческого существования, существования веры, опасности безверия. Эти вопросы носили для него глубоко личный характер. И от ответа на них зависела его жизнь. Прохождение через страдание, преодоление физической и духовной немощи были неотъемлемой частью его жизни.

Особого внимания заслуживают размышления Достоевского о народе, который оценивался им как главная общественная сила. Проблемы и чаяния народа, по мнению писателя, должны быть в центре общественного внимания. Он постулирует и активно отстаивает идею о связи и нерасторжимом единстве народа и высшей власти: народ – дети; царь – отец. Именно этот выпуск редактировал Достоевский, будучи уже смертельно больным. Все эти идеи вошли в последнее, посмертное издание «Дневника писателя», нашли отражение в его художественном творчестве.

По мнению исследователя жизни и творчества Ф. М. Достоевского, писателя и литературоведа И. Л. Волгина, Достоевский – «один из глубочайших православных мыслителей, который воплотил

православную идею в реальном художественном контексте своих романов. Безусловно, это проповедник, прозревающий бездны человеческого духа, обладающий пророческим даром. Трудно назвать другого такого художника, который был бы столь актуален на протяжении столь длительного времени. Не просто классичен, „музеен“, „культурно-историчен“, а именно актуален – в бытийственном плане. С наступлением XXI века его творчество не только не устареет, но и наполняется новым смыслом» (Волгин, URL). Несомненно, Ф. М. Достоевский, как никакой другой русский писатель и публицист, ярко выразил русскую национальную идею. В отличие от большинства литераторов XIX в., он знал русского человека очень хорошо, многое в нем понимал и любил. В творчестве писателя отразились довольно точные характеристики, как русской жизни в целом, так и особенности русского человека.

В работах русских писателей, религиозных философов и историков конца XIX–начала XX в. религиозность русского человека определялась как системообразующая основа его характера, образа мыслей и поведения (Н. А. Бердяев, Н. И. Костомаров, Н. О. Лосский и др.). Но Ф. М. Достоевский идет дальше, показывая, что религиозность русского народа зиждется не на знании церковных канонов, а на некоем внутреннем стремлении к добру и свету, которое имманентно заложено в русской душе и находит свое выражение в православии. Коренная духовная потребность русского народа – в страдании. По мнению Ф. М. Достоевского, она красной нитью проходит не только в русской истории, но и в фольклоре.

Русского человека отличают поиски правды и справедливости – во что бы то ни стало, жертвуя всем. Образ лучшего человека, хранящийся в глубинах русского сознания, – «это тот, который не преклонится перед материальным соблазном, тот, который ищет неустанно работы на дело Божье, и любит правду и, когда надо, встанет служить ей, бросая дом и семью и жертвуя жизнью» (Достоевский, 2004, с. 484).

Русские способны на великий подвиг, проявление самоотверженности, силы духа. При необходимости, в исключительных случаях они умеют объединяться. И именно эти качества были проявлены русским народом во время войны 1812 г. и в годы других тяжелых испытаний. Ф. М. Достоевский полагал, что нравственная сила народа особенно отчетливо выражается в высших проявлениях духа в самые критические периоды его истории. Стремление к самосохранению и самосовершенствованию дает русским лю-

дям силы преодолевать самые тяжелые времена в истории своей страны.

Но в то же время Достоевский указывает на незлобивость русских. «Русские люди долго и серьезно ненавидеть не умеют, и не только людей, но даже пороки, мрак невежества, деспотизм, обскурантизм, ну и все эти прочие ретроградные вещи» (там же, с. 204). Этим объясняется быстрое забвение русским народом своих тиранов, обидчиков и порой их идеализацию.

Для русской души характерны простодушие и честность, искренность и широкий «всеоткрытый» ум, кротость, сочувствие слабому и угнетенному, милосердие, всепрощение и широта взглядов.

Достоевский выделяет в качестве особого качества русского человека восприимчивость к культурам других народов, принятие их идеалов, терпимость к их обычаям и нравам, вере. Веротерпимость как исконное качество русской нации выражено в самом духе русской государственности как многонациональной и вобравшей в себя разные религиозные конфессии. Но именно Православие всегда выступало главной доминантой в сознании русского человека. Идеалы русского народа сильны и святы. Их воплощением являются личности и подвижническая деятельность русских святых – Сергия Радонежского, Тихона Задонского, Серафима Саровского и других ревнителей веры. В соответствии с этими идеалами необходимо, по мнению Достоевского, подходить к русскому человеку. «Судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать» (там же, с. 208).

Вместе с тем Достоевский видел и «темную» сторону русской души: проявление жестокости, забвение всякой меры, порывистость как в плохом, так и в хорошем, самоотрицание и саморазрушение. «Любовь ли, вино ли, разгул, самолюбие, зависть – тут иной русский человек отдается почти беззаветно, готов порвать все, отречься от всего: от семьи, обычая, Бога. Иной добрейший человек как-то вдруг может сделаться отрицательным безобразником и преступником» (там же, с. 153). В публицистических статьях Достоевского приведены примеры чудовищной жестокости, до которой может доходить русский человек – как простой мужик, так и представитель образованного слоя общества.

Обсуждая с читателями уголовные процессы того времени, Достоевский категорически высказывался против оправдания преступлений. Он указывал на бессознательные идеи, индивидуальные и коллективные, которые «сокрыты» глубоко в душе народа. Одна

из таких идей и есть идея сочувствия, сострадания преступникам. Русский человек всегда называл их несчастными. Согласно Достоевскому, преступник достоин сострадания, но не оправдания, исходя из аргумента, будто его «среда заела». Преступник виноват перед законом. Оправдание преступления, вседозволенность, вселяет в душу русского человека «цинизм, безверие в правду народную, в правду Божью» (там же, с. 34).

Достоевский также указывает на склонность русских к пьянству, поклонению золоту и предостерегает от культивирования этих качеств как опасных для нравственного и духовного развития личности. Видя примеры развращенности и безнаказанности, русский человек принимает это как приглашение к действию.

Сквернословие очень распространено в народе. Но если в обществе культурном оно считается некой «изюминкой», то человек простой в этом отношении более целомудрен, он употребляет скверные слова по привычке, машинально.

Склонность ко лжи также отмечается писателем как русская черта. Она связана с потребностью приукрасить жизнь, а не обмануть собеседника. Русский человек может так увлечься, что и сам поверит в свою ложь.

Протест, отрицание и бунт выделяется Достоевским как обратная сторона русского терпения. Если уж «упал», так и еще ниже – как с горы лететь. Остановиться трудно, невозможно, да и не хочется. В этом выражена безмерность русской души, ее крайняя полярность, способность ужиться со всем чем угодно, отсутствие того самого чувства меры, которое свойственно европейскому человеку. «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил... Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей», – говорит Дмитрий Карамазов (Достоевский, 1976, с. 100). Это отсутствие чувства меры Достоевский отмечает и в своем характере. Страстность, эмоциональность, полярность, амбивалентность чувств, переживаний и стремлений – отличительная черта многих героев его произведений.

Реалистичность в описании русского национального характера, опирающаяся на богатый жизненный опыт, непосредственные наблюдения народной жизни, представленная в дневниках, подкрепляются и дополняются галереей героев произведений Достоевского, в которых в обобщенной и художественной форме воплощены

типические черты русских людей. Так, в его произведениях очень точно подмечена особая эмоциональность русской души. Именно она характерна для положительных героев писателя – князя Мышкина, Алеши Карамазова. Они живут не умом, а сердцем. Рациональное же начало превалирует у отрицательных героев, совершающих преступление или склонных к подобного рода деяниям: Родиона Раскольникова, Ивана Карамазова, Николая Ставрогина. Калейдоскоп русских характеров представлен в романе «Братья Карамазовы». Они описаны настолько живо и правдоподобно, что В. Чиж и К. Леонгард берут их за основу своих типологий личности.

Дмитрий Карамазов – широкой души человек, способный на пьянство, разврат, мелкую подлость, но не на преступление. Он выступает с первых страниц романа как личность беспорядочная, поверхностная. Персонаж не сам строит свою жизнь, а жизненный поток захватывает его и несет по течению. На смену жажде деятельности, повышенной вербальной активности, фонтанированию идей приходят подавленность, замедленность реакций и мышления. Эмоциональные реакции сменяют одна другую с огромной быстротой. Его энергия очень высока, в то время как критичность по отношению к целям и особенно к средствам их реализации крайне незначительна. Но в то же время это человек наивный, романтический, верящий в какое-то неожиданное и прекрасное разрешение всех затруднений, имеющий свой кодекс чести, способный видеть прекрасное, удивляться тому, что для других обыденно и привычно. При всех своих пороках это простодушный и искренний человек.

Иван Карамазов – человек гордый, легко уязвимый, очень целеустремленный, способный ставить перед собой трудные задачи и успешно их реализовывать. Осознание смысла добра и зла, их близости и противоречивости, любовь к детям и сострадание к ним, удивительно сочетаются в нем с крайним рационализмом, эгоцентризмом и жестокостью. В то же время это не совсем «человек-идея»: он способен любить и ненавидеть, быть восторженным и непосредственным в своих порывах. Иван – человек сильных страстей, которые постоянно им подавляются. Но в критических ситуациях бушующие в нем страсти (как он их сам характеризует, «сила низости карамазовской») прорываются, и он готов на все для достижения своей цели. Смердяков угадывает эти негативные стороны его натуры: непомерную гордыню, сладострастие, презрение к человеку, желание

быть над всеми и вершить судьбами людей. Все эти качества, может быть, до конца не осознаваемые Иваном, зародившись на фоне комплекса недостаточности, подпитываясь одиночеством и склонностью к размышлениям, складываются в некую идею, постепенно подчинившую себе человека.

Алеша Карамазов является мерилем нравственности для каждого из героев и для самого автора. Характерные черты Алеши – правдивость и искренность. Достоевский показывает глубокую сострадательность, отзывчивость Алеши, его высокую эмпатию. Для него особое значение имеют взаимоотношения с человеком, понимание его и доверие ему. Алеша может быть даже излишне доверчив, но это не мешает ему понять человека и проникнуть в самые сокровенные глубины его «Я». В людях он видит не дурное, а лучшее, проецируя на них чистоту своей души. Для Алеши характерна готовность к истинному христианскому прощению, любовное отношение к людям, отсутствие идеи собственного превосходства, скромность, тактичность и деликатность. Поражает глубокий самоанализ героем своих достоинств и недостатков, являющийся, без сомнения, важным источником его развития. Персонаж имеет достаточно устойчивые ценности, этические представления. Но при всей реалистичности изображения в его характере присутствует некий мистицизм, свойственный русскому человеку.

Смердяков – ограниченный в своих представлениях человек, презирающий все русское, подверженный влиянию и способный на все. Он рос жестоким, обидчивым и злопамятным, мало чем интересовался, искал в жизни какую-то особую «правду», никого не любил, проявлял элементы садизма в поведении. С взрослением все эти качества не нивелируются, а, наоборот, имеют тенденцию прогрессировать, только в более видоизмененной форме. Внешние признаки действительности он принимает за наиболее значимые. В его задумчивости автор видит внутреннюю готовность отдаться какой-либо идее, поверив в которую, он станет ее рабом и бездумным исполнителем. Идея об отсутствии Бога, а, следовательно, бессмертия и вытекающий отсюда вывод о вседозволенности оказались столь близки ему, что естественным в этой ситуации для Смердякова становится убийство. Совершив его, он с удивлением понимает, что «разрешения на убийство» ему никто не давал. Это открытие становится для него катастрофой. Жизнь теряет для него смысл. При всей негативности данного образа в нем отражены некоторые качества «русских мальчиков», столь гениально показанные Досто-

евским, которые отличаются идеализмом и всепоглощающей, фанатической приверженностью некоей идее. Если уж поверил во что, то идет до конца – и в вере, и в разочаровании.

Один из любимых образов Достоевского, который присутствует в его романах на протяжении всего творчества, – образ «маленького человека». Любовь к «маленькому человеку», обиженному жизнью в силу своих ли личных качеств или в силу жизненных обстоятельств, выражена Достоевским очень пронзительно. Его Мармеладов, Снегирев и все те бесчисленные «обиженные и оскорбленные», исполненные страдания, – это тоже тип русского характера, который встречается повсеместно, он утешает свое горе в вине, «когда некуда больше идти», пьет с горя, «куражится», буянит, но, доходя до самых вершин «безобразия», осознает, что «мерзок и негодяй», – как это характерно для русского человека. Он осознает всю глубину своего падения. В нем нет самодовольства. Он корит себя и по той же причине с еще большей силой мстит окружающим, от этого страдает и упивается своим падением.

Писатель показывает в своих произведениях еще одну отрицательную сторону русского общества. Ее олицетворением является русский интеллигент, болтающий и играющий в либерализм. И здесь он также видит отсутствие все той же меры. Необычайное самомнение и тщеславие, с одной стороны, неуважение к себе, «глубокое и затаившееся» – с другой (Достоевский, 2004, с. 369). Достоевский хорошо понимает, что идеализм – это черта, свойственная не только отечественному интеллигенту, но и всему русскому народу. Если уж поверил во что-то, так сразу без каких-либо условий, и эта вера определяет все: с ней человек готов идти и на подвиг, и на преступление. Из идейных убеждений русский человек «способен на чудовищное злодейство» (там же, с. 160). Ради мифического счастья человека в далеком будущем убежденные идеалисты подвергают себя гонениям, идут на верную смерть, унося с собой жизни десятков, а иногда и сотен людей.

Идеализм и человеколюбие присущ всей русской литературе XIX в. И Ф. М. Достоевский не является в данном случае исключением. Идеалом его был русский народ, главное предназначение которого состоит, по мнению писателя, в том, чтобы «вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая-то другая, это лишь нравственная черта» (там же, с. 39). Ф. М. Досто-

евский настаивал на том, что русский человек требует для своего совершенствования идеалов, ему необходимо стремиться к лучшему. И отвечая тем деятелям, которые проповедуют материальные блага без идеалов, он пишет в «Дневнике писателя»: «Без идеалов, т. е. без определенных желаний хоть сколько-нибудь лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности. Даже можно сказать положительно, что ничего не будет, кроме еще пуще мерзости» (там же, с. 243).

Сострадание, милосердие, стремление к добру и правде как истинные качества русской души наименее востребованы в наше время. Их недостаток в современном российском обществе привел к усилению жестокости, агрессии, культу силы и вседозволенности. В связи с этим особую актуальность имеют всечеловеческие идеи Ф. М. Достоевского, взывающие к лучшему в человеке, к его высшим, духовным свойствам и проявлениям. Естественно, в современном обществе процесс перемен приобретает ускоренный темп, складываются новые социальные отношения. Но есть, несомненно, некие основы и фундаментальные особенности в структуре менталитета, которые сложно поменять и «исправить»; их необходимо знать и учитывать при строительстве нового общества. И произведения Ф. М. Достоевского помогают в их осмыслении.

Историк Н. И. Костомаров утверждал, что «литература есть душа народной жизни, – есть самосознание народности. Без литературы последняя – только страдательное явление, и поэтому чем богаче, чем удовлетворительнее у народа литература, тем прочнее его народность, тем более ручательств, что она упорнее охранит себя против враждебных обстоятельств исторической жизни, тем сама сущность народности является осязательнее, яснее» (Костомаров, 1903, с. 34). Проведенный анализ психологических проблем, нашедших свое отражение в творчестве Ф. М. Достоевского, позволяет говорить о том, что оно является неисчерпаемым источником психологического знания.

3.3. Психологический портрет Ф. М. Достоевского

Обобщение полученных в ходе исследования материалов позволило нам составить психологический портрет Ф. М. Достоевского.

В детстве это живой, очень впечатлительный и увлекающийся ребенок, проявляющий интерес к окружающему его миру людей, умеющий заражать своими идеями и имеющий значительное влияние

на окружающих. Его психика отличалась большой подвижностью и восприимчивостью. С возрастом взрывчатость и импульсивность, характерные для Достоевского в детстве, постепенно уходят во внутренний план, проявляясь в ситуациях особо значимых, а на поверхности остаются сдержанность и задумчивость, перерастающие под влиянием жизненных обстоятельств в скрытность и замкнутость. Несмотря на эти особенности характера, он испытывает постоянную потребность в общении, имеет склонность к проповедничеству. Для Достоевского характерны: амбивалентность чувств, переживаний и стремлений, повышенная чувствительность к неудачам, тщеславие, честолюбие, но одновременно наивность, доверчивость, непрактичность, глубочайшее сострадание к людям и склонность к мученичеству как в отношении себя, так и других людей, реалистичность в восприятии окружающего мира и страстное увлечение игрой, самобичевание и постоянное недовольство окружающими, подозрительность, щепетильность. Жизненные неудачи делают его желчным, злым и несдержанным, особенно к собратьям по перу. Эти качества в совокупности с самоуверенностью и огромным талантом позволили писателю оставаться в кругу самых известных литераторов даже после десятилетнего вынужденного «молчания» в связи с пребыванием в ссылке.

Как наследственную черту можно выделить в его характере вспыльчивость и ревнивость. Для писателя свойственна мнительность относительно собственного здоровья, а также здоровья окружающих его людей. Эта черта, в свою очередь, усугубляется тяжелыми условиями жизни и болезнью Достоевского.

В молодости он отличался хорошей памятью, но с началом болезни отмечается значительное ее ухудшение; в молодые годы был подвержен галлюцинациям.

Для Достоевского характерны пунктуальность и обстоятельность, проявляющиеся в бытовой жизни, переписке.

В поведении его отличала аккуратность как в быту, так и в выполнении существующих в обществе норм и правил. Все эти особенности его психики можно связать с болезнью – эпилепсией. Но благодаря своему таланту, ставшему источником большой сопротивляемости гениального художника и мыслителя, он до конца жизни сохраняет «ядро личности», творческие способности, осознавание своей болезни и критическое отношение к себе.

Основным увлечением в жизни писателя было изучение человека во всех аспектах его жизнедеятельности и его душевные искания.

Мышлению Достоевского присущ тонкий и глубокий анализ, высоко развитая рефлексивность. Он постоянно анализировал и оценивал себя, свои мысли, чувства, действия и поступки, полемизировал с собой, рассматривал свое «Я» глазами других, представлял его на суд своей совести и на высший Божий, суд. В душе Достоевского непрестанно осуществлялся внутренний диалог, звучала полифония мыслей, идей, мнений, которые сопоставлялись, рассматривались, продвигая писателя к познанию истины. И этими способностями ведения внутреннего диалога Достоевский наделял своих героев, открыв тем самым новое, глубинное измерение познания человека, по сути, представляя его как активного субъекта собственного внутреннего мира. Обращение к внутреннему диалогу, его функциям, видам, особенностям протекания (см. приложение 2) стало революционным открытием в области психологии, философии, литературоведения. Эти вопросы до сих пор не утратили своей актуальности.

Творческий процесс имел у Достоевского характерную особенность: он долгое время вынашивал свои замыслы, прорабатывал их внутри себя, а только затем воплощал на бумаге. Этот процесс был не только интеллектуальным, но и глубоко эмоциональным. Для писателя характерна работа в состоянии постоянного «накала» и напряжения.

Достоевский был глубоко чувствующий, эмоциональный, ранимый человек. Ему были присущи сострадательность к ближнему, особенно к детям, готовность помогать всем нуждающимся, несмотря на свое постоянно стесненное положение.

Поиск веры сопровождал писателя на протяжении всей его жизни. Человек, страдание и вера были главными предметами размышлений Достоевского. Пересечение этих трех векторов позволило ему найти смысл человеческого существования. Он был убежден, что вера в Бога и отрешение от собственного «Я» позволяет достичь истинной глубины и оставаться человеком. «Путь страдания искупает преступление и сжигает зло. Очень существенна для антропологии Достоевского эта мысль, что лишь через страдание подымается человек ввысь. Страдание есть показатель глубины» (Бердяев, 2002, с. 437). Именно эта глубина была присуща самому писателю и нашла отражение в его творчестве.

ЗАКЛУЧЕНИЕ

Закончив свое исследование, мы оглядываемся назад и с грустью сознаем, что что-то удалось, а что-то осталось раскрытым недостаточно полно, какие-то моменты были упущены. И, конечно же, найдутся критики, которые укажут на них (не раскрыт сексуальный надрыв детства Достоевского; недостаточно подробно разобраны взаимоотношения писателя с женщинами; не все произведения проанализированы т. п.). Да, это, наверное, так. Многие скажут: так в чем же секрет и причины гениальности? И как стать гением? Эти вопросы будут стоять перед человечеством всегда. Мы попытались приоткрыть завесу, скрывающую этот яркий феномен в человеческой природе. Русские религиозные философы начала XX в. (Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др.) видели проявление божественной природы человека именно в его творческих возможностях, которые, по их мнению, безграничны. А вершина их проявлений и есть гениальность. Мы же стремились показать, что есть некоторые условия (факторы), под воздействием которых формируется гений. И хотя гениальность имеет природные предпосылки, несомненно огромная роль социальных и культурных условий, обеспечивающих ее развитие и расцвет, а также титаническая работа самого человека по реализации своих потенциалов, самостроительству личности и максимальному творческому самораскрытию. И выбранная нами историческая персоналия является тому убедительным подтверждением.

Одним из важнейших факторов формирования и развития гениальности, который упоминается в работах различных авторов и который детально обоснован именно в нашей работе, является наличие кризисов в жизни гения, это убедительно подтверждено на примере жизни и творческой деятельности Ф. М. Достоевского.

Именно кризисы способствуют пересмотру гениальной личностью экзистенциальных ценностей и смыслов и выступают источником ее творческой продуктивности и самореализации. И это позволяет нам усомниться в непреложности существующего представления о том, что путь гения – только прямая дорога, усыпанная материальными благами, ведущая к выдающимся свершениям. Отнюдь нет. Проходя через страдание, жизненные лишения и болезни, гений приходит к пониманию высших смыслов бытия, и этим определяется духовная составляющая его личности.

Новый критерий гениальности, выделенный в работе, – высокая духовность гениальной личности – является стержневой характеристикой творчества Ф. М. Достоевского. Вся жизнь писателя состоит из взлетов и падений, борьбы с литературными собратьями, тяжелого, изнуряющего труда, преодоления житейских трудностей. Это был очень сложный человек, «сотканный» из огромного числа противоречий, достоинств и недостатков. Но главная его отличительная черта – это непрерывная внутренняя работа по поиску истины, тяжелый путь к достижению вершин творческого совершенства. Его жизнь наглядно показывает, что дорога гения полна трудностей и неудач: кризисы, душевные болезни, постоянный самоанализ и внутренняя раздвоенность. Но идущий последовательно по этому пути, преодолевая все встречающиеся на нем преграды, обретает в результате счастье осуществления задуманного.

В своих произведениях Ф. М. Достоевский выводит новую формулу существования человека, состоящую в непрерывном развитии духовного начала. Поиск правды, стремление к духовному совершенству проходит у Достоевского через осознание своих пороков, преодоление гордыни и жажды своеволия. Когда-то, еще будучи молодым человеком, Достоевский написал: «Человек – это тайна. Ее надо разгадывать, и, ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (Собрание мыслей Достоевского, 2003, с. 515).

На примере изучения жизни и творчества Ф. М. Достоевского доказано, что духовность является основополагающим критерием в определении гениальности. Ф. М. Достоевский был высокодуховной личностью, глубоко религиозным человеком и гуманистом, остро переживающим боль и страдания другого. Главным ценностным ядром его личности, выявленным при помощи контент-анализа, являлись категории (и феномены) «человек», «страдание» и «вера».

Внутренние конфликты, присущие автору, нашли свое выражение в его творчестве, в котором отразилась динамика трансформации жизненных смыслов писателя на протяжении всей его творческой деятельности. В его произведениях получили глубокое освещение ценности и смыслы, важные для понимания проблем экзистенциальной психологии.

Следующая важная составляющая представленной работы – попытка показать гения-человека. Да, гении – живые люди, полные несовершенств и противоречий, ошибающиеся, страдающие, иногда чуждающиеся и непонятные для простого обывателя. Но это люди, которые в своей жизни и творчестве пытались поставить и решить очень важные вопросы, за что платили своим здоровьем и благополучием. Но отличительная их особенность состояла в том, что прежде чем изменить мир, они пытались изменить себя, и пример Достоевского в данном случае особенно уместен.

«Самососредоточенность» и «самоуглубленность», как пишет И. Л. Волгин, являются неотъемлемой составляющей жизни и творчества писателя. Чем более погружаешься в его творчество, в его богатую внутренними и внешними событиями жизнь, тем больше возникает вопросов. А эти вопросы по-новому высвечивают окружающий мир, не дают успокаиваться и жить в довольстве и праздности. Сам Достоевский призывает: «Смирись, гордый человек!». Именно гордыня и самодовольство ведут к духовной и нравственной опустошенности, черствости, которой нет места в жизни и творчестве писателя. Только постоянное «самоодоление» и «самоусовершенствование» позволили ему достичь вершин гениальности.

Гении и общество чаще всего выступают в противовес друг другу. Гении вскрывают те несовершенства, которые существуют в обществе, ищут новые пути развития. Но те вопросы, на которые они стремятся ответить и которые ставит перед ними жизнь, напрямую зависят от нравственной направленности, характерной для этого общества. Гении не появляются неоткуда. Это лучшие представители своего времени, и их появление напрямую зависит от того уровня культуры, духовных и нравственных основ, которые заложены в современном им мире.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991.
- Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна. М., 1989.
- Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В. Основные этапы развития концепции С. Л. Рубинштейна // Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997. С. 439–457.
- Адлер А. Достоевский // Классический психоанализ и художественная литература. СПб., 2002.
- Аллахвердов В. М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993.
- Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс (Экспериментальная психология). СПб., 1999. Т. 1.
- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
- Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977.
- Ананьев Б. Г. Достоевский и психология // Ананьев Б. Г. Психология человека. Избранное. СПб., 1997. С. 79–89.
- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания // Памятники психологической мысли. М., 2000.
- Алекринский Б. С. О таланте и способностях (очерк о самовоспитании). М., 1970.
- Альтшуллер Г., Верткин И. «Как стать гением? Жизненные стратегии творческой личности». Минск, 1994.
- Басин Е. Я. Двуликий Янус (о природе творческой личности). М., 1996.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984–1985. М., 1986а.
- Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986б.
- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. URL: <http://philosophy.allru.net/perv305.html> (дата обращения: 15.05.2013).

- Бердяев Н. А. Русская идея. М.–Харьков, 2000.
- Бердяев Н. А. Смысл творчества. Харьков–М., 2002.
- Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 2006.
- Березина А. Г. Ф. М. Достоевский в восприятии Г. Гессе // Достоевский в зарубежных литературах. Л., 1978. С. 220–239.
- Бернацкий А. С. Загадки и странности великих. М., 2008.
- Бехтерев В. М. Вильгельм II, как дегенеративный тип. М., 1916.
- Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. URL: <http://psylib.myword.ru> (дата обращения: 15.05.2013).
- Биография. Письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского с приложениями / Под ред. О. П. Миллера. СПб., 1883.
- Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.
- Блок М. Феодалное общество. М., 2003.
- Богоявленская Д. Б. Вчера и сегодня психологии творчества // Творчество в искусстве – искусство творчества. М., 2000. С. 186–198.
- Большая Российская энциклопедия. СПб., 2000.
- Большой толковый психологический словарь. М., 2001.
- Большой энциклопедический словарь. М., 2000.
- Братченко С. Л. Экзистенциальная психология глубинного общения. URL: <http://hpsy.ru/link/2.htm> (дата обращения: 15.05.2013).
- Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. М., 1992.
- Буянов М. И. Лик великих или знаменитые безумцы. М., 1994.
- Вагин И. О. Умейте мыслить гениально. СПб., 2001.
- Василюк Ф. Е. Психология переживаний (анализ преодоления критических ситуаций). М., 1984.
- Владимирова А. И. Достоевский во французской литературе XX в. // Достоевский в зарубежных литературах. Л., 1978. С. 37–60.
- Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М., 1991.
- Волгин И. Л. Последний год Достоевского: исторические записки. М., 2010.
- Волгин И. Л. Пропавший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 года. URL: <http://magazines.russ.ru/october/1998/1/volgin.html> (дата обращения: 15. 05. 2013).
- Воловикова М. И. О возможностях применения микросемантического анализа в исследованиях личности // Современная психология: состояния и перспективы исследования. М., 2002. Ч. 3.
- Володина И. П. Достоевский и итальянская литература XIX–начала XX в. // Достоевский в зарубежных литературах. Л., 1978. С. 5–36.

- Воротынский Б. И. Гениальность, неуравновешенность и преступность. Казань, 1889.
- Врангель А. Е. Воспоминаний о Достоевском в Сибири. URL: <http://chulan.narod.ru/hudlit/dost/janovsky.htm> (дата обращения: 15.05.2013).
- Вундт В. Миф и религия. СПб., 1914.
- Вундт В. Проблемы психологии народов // Преступная толпа. М., 1998. С. 193–308.
- Вундт В. Проблемы психологии народов. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/vundt04.htm> (дата обращения: 15.05.2013).
- Выготский Л., Зинovieв П. Гениальность // БМЭ. М., 1929. С. 612–613.
- Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968.
- Гадамер Г. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
- Гадамер Г. Г. К русским читателям // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М., 1991а. С. 7–8.
- Гадамер Г. Г. О круге понимания // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М., 1991б. С. 72–82.
- Гадамер Г. Г. Философия и герменевтика // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М., 1991 в. С. 9–15.
- Гальтон Ф. Наследственность таланта: ее законы и последствия М., 1996.
- Гириш В. Гении и вырождения // Синдром гения. Сборник произведений по «философии гениальности». М., 2009. С. 86–116.
- Гириш В. Гениальность как психический процесс // Синдром гения. Сборник произведений по «философии гениальности». М., 2009а. С. 18–57.
- Гириш В. Истерия нашего времени // Синдром гения. Сборник произведений по «философии гениальности». М., 2009б. С. 159–184.
- Голубева Э. А. Творческий метод Б. М. Теплова: универсализм, новаторство, доказательность // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 3. С. 96–105.
- Гончаренко Н. В. Гении в искусстве и науке. М., 1991.
- Грундер Д. Черепахи до самого низа: предпосылки личностной гениальности. СПб., 2005.
- Громова Н. А. Достоевский. Воспоминания, письма, дневники... М., 2000.
- Гроссман Л. П. Казнь Достоевского. М., 1928.
- Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
- Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.

- Демоз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону, 2000.
- Дильтей В. Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М., 1987.
- Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996.
- Донов А. А. Мария Констант, жена Достоевского. СПб., 2004.
- Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 2002.
- Достоевский А. М. Воспоминания. М., 1999.
- Достоевский Ф. М. Бедные люди // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972. Т. I. С. 13–108.
- Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1974. Т. X.
- Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1976. Т. XIV–XV.
- Достоевский Ф. М. Двойник // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972. Т. I. С. 109–229.
- Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1973. Т. XVIII.
- Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1973. Т. VI.
- Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. М., 1979.
- Достоевский Ф. М. Письма из игорного дома. СПб., 2001.
- Ф. М. Достоевский. Энциклопедия. Серия «Русские писатели». М., 2003.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 9 т. М., 2004. Т. 9. Кн. I и II.
- Дранков В. Л. Природа таланта Шаляпина. СПб., 1973.
- Дружинин В. Н. Психология способностей. Избранные труды. М., 2007.
- Дудкин В. В. Достоевский в немецкой критике (1882–1925) // Достоевский в зарубежных литературах. Л., 1978. С. 175–219.
- Ермаков И. Д. Психоанализ у Достоевского // Классический психоанализ и художественная литература. СПб., 2002. С. 300–316.
- Жбанков Д. Н. Потомство выдающихся людей годов // Родословная гениальности: из истории отечественной науки 20-х гг. М., 2008. С. 191–203.
- Знаков В. В. Психология понимания. М., 2005.
- Ильин И. А. Почему мы верим в Россию. М., 2007.
- Историческая психология: предмет, структура и методы. М., 2004.
- Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 2001.

- Каменева Е. Н. Личность и генеалогия Пушкина с точки зрения современного учения о конституции и наследственности // Родословная гениальности: из истории отечественной науки 20-х годов. М., 2008. С. 319–333.
- Камю А. Убийство истинного творца // Синдром гения. Сборник произведений по «философии гениальности». М., 2009. С. 261–274.
- Климов Е. А., Носкова О. Г. Метод логической реконструкции в истории психологии // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4. Методологические проблемы историко-психологического исследования: Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН. 28–29 января 2002 г. М., 2002. С. 256–274.
- Ключевский В. О. Русская история. М., 2008.
- Ковалевский П. И. Иоанн Грозный. СПб., 1901.
- Ковалевский П. И. Магомет // Ковалевский П. И. Психиатрические эскизы из истории. В 2 т. Т. 2. М., 1995. С. 45–116.
- Ковалевский П. И. Навуходоносор, царь вавилонский // Ковалевский П. И. Психиатрические эскизы из истории. В 2 т. М., 1995а. Т. 2. С. 3–22.
- Ковалевский П. И. Наполеон I и его гений // Ковалевский П. И. Психиатрические эскизы из истории. В 2 т. М., 1995б. Т. 2. С. 271–484.
- Ковалевский П. И. Психиатрические эскизы из истории. В 2 т. М., 1995.
- Ковалевский П. И. Саул, царь израилю // Ковалевский П. И. Психиатрические эскизы из истории. В 2 т. М., 1995 в. Т. 2. С. 23–44.
- Ковалевский П. И. Иоанн Грозный. URL: <http://www.psych-portret.ru/biblio/kovalevs.htm> (дата обращения: 15. 05. 2013).
- Ковалевский П. И. Петр Великий и его гений. URL: <http://www.psych-portret.ru/biblio/kovalevs.htm> (дата обращения: 15.05.2013).
- Кольцов Н. К. Родословные наших выдвинутых // Родословная гениальности: из истории отечественной науки 20-х гг. М., 2008. С. 111–145.
- Кольцов Н. К. О потомстве великих людей // Родословная гениальности: из истории отечественной науки 20-х гг. М., 2008а. С. 203–211.
- Кольцова В. А. Историческая психология // Психология. Учебник для гуманитарных вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. СПб., 2001. С. 507–524.
- Кольцова В. А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М., 2004.
- Кольцова В. А. Особенности проблемной области исторической психологии // Историческая психология. М., 2004а.

- Кольцова В. А. Процедура реконструкции психологического знания в контексте взаимодействия культур // Историческая психология. М., 2004б.
- Кольцова В. А. История психологии: проблемы методологии. М., 2008.
- Кольцова В. А., Медведев А. М. Об изучении истории психологии в системе культуры // Психологический журнал. 1992. № 5. С. 3–12.
- Колупаев Г. П., Ключев В. М., Лакосина Н. Д., Журавлев Г. П. Экспедиция в гениальность. М., 1999.
- Костомаров Н. И. Две русские народности // Костомаров Н. И. Собр. соч. СПб., 1903. Т. 1. С. 33–65.
- Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. М., 1985.
- Кречмер Э. Гениальные люди. СПб., 1999.
- Критика 70-х годов XIX века. М., 2002.
- Кроник А. А., Кроник Е. А. В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я: Психология значимых отношений. М., 1989.
- Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. Достоевский над бездной безумия. М., 2003.
- Курлянский В. Ф. Психиатрия, история, проблемы, перспективы. Минск, 1979.
- Ландрам Д. Н. Гении, которые ломали правила. Ростов-на-Дону, 1997.
- Ландрам Д. Н. Тринадцать мужчин, которые изменили мир. Ростов-на-Дону, 1997а.
- Ландрам Д. Н. Четырнадцать гениев, которые ломали правила. Ростов-на-Дону. 1997б.
- Лаппо-Данилеский А. С. Методология истории. Вып. 2. СПб., 1913.
- Лапшин И. И. URL: http://krotov.info/lib_sec/12_1/lap/shin_02.htm (дата обращения: 15.05.2013).
- Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев, 1981.
- Леонтьев А. Н. Человек и культура // Проблемы развития психики. М., 1972. С. 401–426.
- Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 2004.
- Леонтьев Д. А. Психология смысла. М., 1999.
- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. В 3 т. СПб., 1999.
- Лихачев Д. С. URL: <http://ksana-k.narod.ru/Book/3tom/3/literature/09.htm> (дата обращения: 12.10.2010).
- Логинова Н. А. Ш. Бюлер – представитель гуманистической психологии // Вопросы психологии. 1980. № 1. С. 154–158.
- Логинова Н. А. Биографический метод в свете идей Б. Г. Ананьева // Вопросы психологии. 1986. № 5. С. 104–112.

- Логинова Н. А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Алматы, 2001.
- Ломброзо Ч. Маттоиды-графоманы, или психопаты // Синдром гения. Сборник произведений по «философии гениальности». М., 2009. С. 184–195.
- Ломброзо Ч. Особенности сумасшедших гениев // Синдром гения. Сборник произведений по «философии гениальности». М., 2009а. С. 116–131.
- Ломброзо Ч. Сумасшедшие гении // Синдром гения. Сборник произведений по «философии гениальности». М., 2009б. С. 57–86.
- Ломброзо Ч. Творчество с отпечатком оригинальности // Синдром гения. Сборник произведений по «философии гениальности». М., 2009в. С. 195–212.
- Ломов Б. Ф. Проблемы и стратегии психологического исследования. М., 1999.
- Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. М., 2008.
- Мясищев В. Н. К 100-летию со дня рождения В. М. Бехтерева. М., 1957.
- Мясищев В. Н. Психология отношений. М., 2003.
- Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М., 1971.
- Наседкин Н. Н. Самоубийство Достоевского. М., 2002.
- Нейфельд И. Достоевский. Психоаналитический очерк под редакцией проф. З. Фрейда // Классический психоанализ и художественная литература. СПб., 2002. С. 162–217.
- Николаенко Н. Н. Психология творчества: Учеб. пособие / Под ред. Л. М. Щипицыной. СПб., 2005.
- Олпорт Г. Личность: проблемы науки или искусства? // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 208–215.
- Осипов В. П. Бехтерев. М., 1947.
- Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1972.
- Переписка Бинсвангера Л. с Франком С. Л. URL: <http://hpsy.ru/link/2.htm> (дата обращения: 15.05.2013).
- Пономарев Я. А. Психология творения. М.–Воронеж, 1999.
- Попов П. С. «Я» и «Оно» в творчестве Достоевского // Классический психоанализ и художественная литература. СПб., 2002. С. 369–427.
- Путебня А. А. Мысль и язык. Киев, 1993.
- Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Собр. соч. В 10 т. М., 1975. Т. IV. С. 7–183.

- Пчелов Е. В. Евгеника и генеалогия в отечественной науке 1920-х годов // Родословная гениальности: из истории отечественной науки 20-х гг. М., 2008. С. 7–61.
- Риккерт Г. Наука о природе и наука о культуре. СПб., 1911.
- Рише Ш. Р. Гениальность и помешательства. Одесса, 1895.
- Розанов В. В. Миниатюры. М., 2004.
- Розанов В. В. О Достоевском. URL: <http://www.vehi.net/rozanov/dost.html> (дата обращения: 15.05.2013).
- Рубинштейн С. Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 19–46.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1997.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.–М.–Харьков–Минск, 2000.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2002.
- Руднев В. П. Тайна курочки рябы. Безумие и успех в культуре. М., 2004.
- Рыбников Н. А. Биографический метод в психологии // Психология и дети. 1917. № 6–7.
- Рыбников Н. А. Биографии и их изучение. М., 1920.
- Рыбников Н. А. К вопросу о возрастной психологии // Психология. 1928. № 1.
- Рыбников Н. А. Автобиографии рабочих и их изучение. Материалы к истории автобиографии как психологического документа. М.–Л., 1930.
- Сараскина Л. И. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). М., 2006.
- Сели Д. Гениальность и помешательство. СПб., 1895.
- Семенов В. Е. Социальная психология искусства: Актуальные проблемы. Л., 1988.
- Сергеев Б. Ф. Статья гением. От инстинкта к разуму. Л., 1999.
- Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб., 2007.
- Сикорский И. А. Психологическое направление творчества Гоголя. Киев, 1910.
- Сикорский И. А. Антропологическая и психологическая генеалогия Пушкина. М., 1913.
- Сикорский И. А. URL: http://xromo.com/ruskolan/avdeev/arp_pushkin.htm (дата обращения: 15.05.2013).
- Сироткина И. Е. Классики и психиатры. М., 2009.
- Сироткина И. Е. Мозг гения. URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/papers/men/gen_brain.htm (дата обращения: 15.05.2013).

- Собрание мыслей Достоевского / Сост. и авт. предисл. М. А. Фырин. М., 2003.
- Соколова Е. Е. Психолого-историческая событийность поступка // История психологии и историческая психология: состояние и перспективы развития (III Московские встречи по истории психологии): Тезисы международной научной конференции. М., 2001. С. 189–190.
- Соловьев В. С. Три речи в память о Достоевском. URL: OCR: TextShare.da.ru (дата обращения: 15. 05. 2013).
- Спивак М. Л. Посмертная диагностика гениальности: Эдуард Багрицкий, Андрей Белый, Владимир Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г. И. Полякова). М., 2001.
- Спицина Л. В. Историко-психологическая реконструкция становления форм и способов общения в советском обществе в послереволюционный период (10–20-е годы XX столетия): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.
- Спицина Л. В. О применении метода моделирования в историко-психологической реконструкции // История психологии и историческая психология: состояние и перспективы развития. Сб. тезисов. М., 2001. С. 196–199.
- Страхов И. В. Психология творчества. Саратов, 1968.
- Суслова А. П. Годы близости с Достоевским. Коммерческое изд-во «Руслит», 1991.
- Тахо-Годи А. А. А. Ф. Лосев. Жизнь и творчество // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 5–20.
- Теплов Б. М. О композиторах // Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей. М., 2003. С. 261–265.
- Теплов Б. М. Опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам // Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей. М., 2003а. С. 281–351.
- Теплов Б. М. Творчество М. А. Балакирева // Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей. М., 2003б. С. 266–272.
- Труайя А. Федор Достоевский. М., 2004.
- Унанянц Н. Т. Судьба профессора Чижа // Чиж В. Ф. Психология злодея, властелина, фанатика. М., 2001. С. 3–10.
- Филипченко Ю. А. Интеллигенция и таланты // Родословная гениальности: из истории отечественной науки 20-х гг. М., 2008. С. 295–303.
- Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии: Наука о душе. М., 2001.

- Фрейджер Р., Фейдимен Дж. Личность. Теории, эксперименты, упражнения. М., 2001.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. URL: http://azbyka.ru/dictionary/05/frank_dusha_cheloveka_01-all.shtml (дата обращения: 15.05.2013).
- Фрейд З. Леонардо да Винчи. Воспоминания детства // Психоаналитические этюды. Минск, 2001.
- Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Классический психоанализ и художественная литература. СПб., 2002. С. 70–88.
- Фридлиндер Г. М. Достоевский, немецкая и австрийская проза XX в. // Достоевский в зарубежных литературах. Л., 1978. С. 117–175.
- Фромм Э. Бегство от свободы. М.–Минск, 2007.
- Фромм Э. Искусство любить. СПб., 2007.
- Хайдеггер М. Бытие и время. URL: <http://hpsy.ru/link/2.htm> (дата обращения: 15.05.2013).
- Хомченкова Е. А. Феноменология гениальности: от антропной к социокультурной детерминации: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2007.
- Холондович Е. Н. Психологический портрет Ф. М. Достоевского // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV Московские встречи». М., 2006. С. 518–522.
- Холондович Е. Н. Человек как высшая ценность и предмет познания: Б. Г. Ананьев о Ф. М. Достоевском // Методология комплексного человекознания и современная психология: Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б. Г. Ананьева. М., 2008. С. 111–115.
- Холондович Е. Н. Использование контент-анализа в идиографическом исследовании // Российский научный журнал. 2009. №5 (12). С. 213–221.
- Холондович Е. Н. Комплексный метод изучения исторических персоналий // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 214–216.
- Холондович Е. Н. Реконструкция психологических характеристик личности гения на примере изучения жизненного пути и творчества Ф. М. Достоевского: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010а.
- Хроника человечества. М., 2000.
- Чижев В. Ф. Болезнь Н. В. Гоголя. Записки психиатра. М., 2001.
- Чижев В. Ф. Ф. М. Достоевский как психопатолог и криминолог. М., 2001а.

- Чижев В. Ф. Психология злодея, властелина, фанатика. М., 2001б.
- Чижев В. Ф. Пушкин как идеал душевного здоровья. М., 2001в.
- Чулков Г. И. Императоры. Психологические портреты. М., 1993.
- Чулков П. П. Род графов Толстых // Родословная гениальности: из истории отечественной науки 20-х гг. М., 2008. С. 95–105.
- Шестов Л. На весах Иова. Странствие по душам. М., 2009.
- Шестов Л. Достоевский и Киркегард // Киркегард и экзистенциальная философия. URL: <http://hpsy.ru/link/2.htm> (дата обращения: 15.05.2013).
- Шкуратов В. А. Историческая психология. М., 1997.
- Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы. М., 1998.
- Шутова О. М. Психоистория: школа и методы. Минск, 1997.
- Эрикссон Э. Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М., 1996.
- Эфроимсон В. П. Предпосылки гениальности. URL: http://www.pseudology.org/iscience/Ephraimson_predposylki.htm (дата обращения: 15.05.2013).
- Юдин Т. П. Очерк истории отечественной психиатрии. М., 1951.
- Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском. URL: <http://chulan.narod.ru/hudlit/dost/janovsky.htm> (дата обращения: 15.05.2013).
- Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог. СПб., 1999.
- Lomov B. F., Budilova E. A., Koltsova V. A., Medvedev A. M. Psychological Trough Within the System of Russian Culture // Indigennous Psychologies. Research and Experience in Cultural context. London–New Dehli, 1993. P. 104–117.
- Maslow A. H. Toward a humanistic biology // American Psychologist. № 24. P. 724–735.
- Simonton D. K. Talent Development as a Multidimensional, Multiplicative and Dynamic Process // American Psychological Society. 2001. P. 39–43.
- Simonton D. K. Qualitative and Quantitative Analyses of Historical Data // Annual Review of Psychology. 2003. V. 54. P. 617–640.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО*

- 30 октября 1821 г. по старому стилю в г. Москве родился Ф. М. Достоевский.
- 27 февраля 1837 г. – смерть матери Ф. М. Достоевского, М. Ф. Достоевской.
- 1837 г. – переезд в Санкт-Петербург для подготовки к поступлению в Главное инженерное училище.
- 1838 г. – поступление в Главное инженерное училище.
- 6 июня 1839 г. – смерть отца Ф. М. Достоевского, М. А. Достоевского.
- 1842 г. – окончание Главного инженерного училища и зачисление в инженерный корпус при чертежной Инженерного департамента.
- 1844 г., октябрь – выход в отставку.
- 1845 г., июнь – знакомство с Б. Г. Белинским и Н. А. Некрасовым.
- 1846 г. – выход в свет романа «Бедны люди», первый большой успех.
- 1846–1849 гг. – печатаются «Двойник», «Господин Прохарчин», «Хозяйка», «Неточка Незванова» и другие ранние произведения Ф. М. Достоевского.
- 1846 г. – знакомство с М. В. Буташевичем-Петрашевским.
- 1847 г. – Ф. М. Достоевский начинает посещать «пятницы» Петрашевского.
- 23 апреля 1849 г. – арест и заключение в Петропавловскую крепость.
- 22 декабря 1849 г. – казнь на Семеновском плацу.

* По материалам биографии Ф. М. Достоевского, изданной под редакцией О. П. Миллера (1883).

- 1850–1854 гг. – Ф. М. Достоевский отбывает каторгу в Омском остроге.
- 2 марта 1854 г. – Ф. М. Достоевский пребывает в Семипалатинск и зачисляется рядовым в 7-й Сибирский линейный батальон.
- 1854 г. – знакомство с семьей Исаевых.
- 6 февраля 1857 г. – венчание с М. Д. Исаевой в Кузнецке.
- 17 апреля 1857 г. – Указ о возвращении Достоевскому и другим пестрашевцам всех прав и дворянского звания.
- 1859 г. – переезд в г. Тверь.
- 1859 г. – в свет выходят «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели».
- 1859 г., декабрь – возвращение в г. Санкт-Петербург.
- 1860 г. – выход в свет романа «Записки из Мертвого дома».
- 1861 г. – печатается роман «Униженные и оскорбленные».
- 1861–1865 гг. – редактор журналов «Время» и «Эпоха».
- 1861 г. – знакомство с А. П. Суловой.
- 1862 г. – первая поездка Ф. М. Достоевского за границу и первая игра на рулетке.
- 16 апреля 1864 г. – смерть жены писателя, М. Д. Достоевской
- 10 июля 1864 г. – смерть брата, М. М. Достоевского
- 1866 г. – начинает печататься роман «Преступление и наказание»
- 4 октября 1866 г. – встреча со А. Г. Сниткиной, начало работы над романом «Игрок».
- 15 февраля 1867 г. – венчание Ф. М. Достоевского и А. Г. Сниткиной.
- 14 апреля 1867 г. – отъезд на границу.
- 22 февраля 1868 г. – рождение дочери Софьи.
- 12 мая 1868 г. – смерть Софьи.
- 1868 г. – начинает печататься роман «Идиот».
- 14 сентября 1869 г. – рождение дочери Любви.
- 1871 г. – выход в свет романа «Бесы».
- 8 июля 1871 г. – возвращение в Россию.
- 16 июля 1871 г. – рождение сына Федора.
- 1871 г. – печатается роман «Подросток».

- 1872 г. – Ф. М. Достоевский назначается редактором журнала «Гражданин».
- 1873 г., январь – в журнале «Гражданин» появляется раздел «Дневник писателя».
- 10 августа 1875 г. – рождение сына Алексея.
- 1876 г. – выходит первый самостоятельный выпуск «Дневника писателя».
- 16 мая 1878 г. – смерть сына Алексея.
- 1879 г. – начало выхода в свет романа «Братья Карамазовы».
- 24 мая – 9 июня 1880 г. – выступление на празднике в честь открытия памятника А. С. Пушкина в Москве, триумф.
- 1881 г., январь – возобновление работы над изданием «Дневника писателя».
- 28 января 1881 г. – смерть Ф. М. Достоевского.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА И МЕТОД РАСКРЫТИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЯ

М. М. Бахтин назвал романы Ф. М. Достоевского «полифоническими романами». Они действительно подобны полифоническому музыкальному произведению, где различные голоса образуют сложную целостность звучания, но при этом каждый из них звучит самостоятельно; в хоре голосов четко прослеживается каждая конкретная тема. В своих романах Достоевский сумел показать другую личность, не сливая с ней своего голоса. «Роман Достоевского диалогичен, – пишет М. М. Бахтин. – Он строится не как целое одного сознания, объектно принявшего в себя другие сознания, из которых ни одно не стало до конца объектом другого; это взаимодействие не дает созерцающему опоры для объективации всего события по обычному монологическому типу, делает, следовательно, и созерцающего участником» (Бахтин, URL). Заслуга Достоевского состоит в том, что он раскрывает *диалогичность сознания* человека. В его романах одно сознание не существует само по себе, а находится в постоянном напряженном отношении с другим сознанием, взаимодействует с ним и полемизирует. Его задача, как точно замечает Бахтин, – не показать идею в человеке, а раскрыть «человека в человеке». А это возможно только в плоскости другого сознания.

Человек существует в мире не как отдельный, изолированный объект, а как субъект, личность, ведущая постоянный диалог с другими субъектами, с миром. И с этой точки зрения он может быть рассмотрен в диалоге со значимыми другими, с которыми его идеи согласуются или от идей которых отличаются. Достоевский рассматривает человека не статично, а в постоянной динамике, в процессе его диалогического взаимодействия.

В романах Достоевского внутренний диалог используется многогранно. Он вскрывает диалогичность внутренней речи и мышле-

ния человека, прослеживая разные виды диалогов, аналитически, скрупулезно исследует их развитие, связывает их с психологической структурой личности. Природа диалога определяется мотивами человека, его оценками, отношениями с собеседниками. Диалог у Достоевского выступает как способ самоутверждения человека, развития его самосознания. Человек оценивает себя, глядя на себя глазами другого.

М. М. Бахтин выделяет несколько видов диалога в творчестве Ф. М. Достоевского. Наиболее важными для психологического знания, по нашему мнению, являются: диалог с «оглядкой» на значимого другого; диалог с собой другим и через себя обращение к группе (поиск себя и оправдание себя); диалог с оглядкой на чужое сознание; слово с «лазейкой»; обращение к миру (взаимодействие с идеей); диалог в лицах.

Диалог с «оглядкой» на значимого другого

Данный вид диалога представлен в виде предвосхищения чужого слова. Это исповедальное высказывание героя с учетом чужого высказывания, чужой реакции на себя. Достоевский определяет его как «приниженный» тип корчащегося слова с робкой и стыдящейся оглядкой, с приглушенным вызовом, торможением речи и перебиванием ее оговорками, повторением слов. Для его носителя характерны боязнь попрека или насмешки, оглядка на чужое слово. Это определяет манеру мыслить и переживать, видеть и понимать себя и окружающий мир, связь между элементами речевой манеры, формой самовыражения и основами мировоззрения. Наиболее яркий пример носителя такого вида диалога представлен в лице героя романа «Бедные люди» Макара Девушкина.

Диалог с собой другим и через себя обращение к группе (поиск себя и оправдание себя)

Внутренний диалог представлен в трех лицах в сознании героя повести «Двойник»: его «я» для себя» – голос приниженный, корчащийся; «я» для другого» (самоутверждающийся) и не признающий героя третий голос (оценивающий), который вне его реально не представлен. «Все произведение построено «как сплошной внутренний диалог трех голосов в пределах одного разложившегося сознания; три голоса поют не в унисон, а каждый ведет свою партию»

(там же). Здесь Достоевский вскрывает важный механизм функционирования внутреннего мира человека: его зависимость не только от интрасубъективного, но и от интерсубъективного пространства.

Второй голос есть у каждого героя Достоевского, но только в «Братьях Карамазовых» он принимает ту же форму, что и в «Двойнике» (Голядкин I, Голядкин II), – форму самостоятельного существования, как и черт Ивана Карамазова. Он комментирует слова Ивана, дразнит его, позволяет себе спорить с ним.

Диалог с «оглядкой» на чужое сознание

В «Записках из подполья» представлен третий вид диалога, построенный на предвосхищении чужого слова о себе, стремлении его угадать, предупредить и опровергнуть. Герой в своих рассуждениях постоянно «забегает вперед», со злобой заглядывая в лицо предполагаемого собеседника. Особенность данного вида диалога заключается в том, что герой не может до конца определить себя в своем собственном сознании. Его мнение о себе неустойчиво. Он постоянно оглядывается, злится, истязает себя, но к единому мнению о себе прийти не может, так же как и освободиться от чужого сознания. Соответственно, диалог, по словам Бахтина, принимает вид «дурной бесконечности». При этом «оглядка» касается не только значимых других, но и всего мира в целом. Достоевский выстраивает целую «идеологию» «подпольного человека», воссоздает тип людей, «больных идеей».

Слово с «лазейкой»

Близким по своей сути к диалогу с «оглядкой» является слово с «лазейкой». Его смысл заключается в установке сказать о себе последнее слово, поставить точку. Однако точка на самом деле условна, так как персонаж Достоевского сознательно или бессознательно ждет от другого оправдания себя. Наиболее яркий пример такого слова звучит в диалогах Настасьи Филипповны (роман «Идиот»). Когда-то в юном возрасте она была соблазнена богатым и влиятельным человеком и долгие годы жила у него на содержании. Всю свою жизнь она глубоко переживает случившееся. Считая себя виновной, падшей женщиной, в то же время Настасья Филипповна ждет оправдания от других. Предвосхищаемое и требуемое оправдание сливается с самоутверждением, и в словах Настасьи Филипповны

начинают звучать два тона, неровных и резких. И действительно, вся ее внешняя и внутренняя жизнь сводится к постоянным метаниям и исканиям себя, стремлению соединить эти два голоса или найти некую альтернативу. Примечательно, что в данной ситуации человек перестает сознавать, чье мнение для него наиболее значимо: его собственное, покаянное и осуждающее, или желаемое, оправдывающее и приемлющее его мнение другого.

Обращение к миру (взаимодействие с идеей)

Данный вид диалога является прямым продолжением диалога с «оглядкой» на чужое сознание, только в данном случае он выливается в некую идею, которая полемизирует с миром. Наиболее ярко внутренний диалог такого плана представлен в романе Достоевского «Преступление и наказание». Раскольников постоянно обращается к своим мыслям, навязчивым идеям. Герои, с которыми он находится в диалоге, становятся в его сознании символами тех идеологических вопросов, которые он решает. Его монологи глубоко диалогичны и, как замечает М. М. Бахтин, они наполнены не спорами со значимыми другими, а, прежде всего, полемикой с различными идеологиями, носителями которых и являются другие персонажи.

Диалог в лицах

В более поздних произведениях, таких как «Бесы» и «Братья Карамазовы», внутренний диалог героев переводится в более широкий план. Он как бы разделен между несколькими мирами. Так, Иван Карамазов (роман «Братья Карамазовы»), его идеология, метания представлены и в прямом изображении, и в отражении Смердякова и Алеши. Его идеи транслируются в легенде «О великом инквизиторе» и, конечно же, в диалогах с чертом. Основной темой диалогов становится обращение к миру, к Богу, которые отрицаются не принимаются им. Случайные слова одного персонажа перекликаются с тайными, едва уловимыми словами внутреннего диалога другого персонажа. В разговоре Ивана с Алешей реализуется такая форма диалога, как обращение к себе лучшему. Иван Карамазов в репликах Алеши угадывает свои реплики, высказываемые им себе-другому. Черт Ивана – это уже другое его «Я» – враждебное, издевающееся, провоцирующее. В нем собрано все самое низменное, злое и жестокое, что есть в Иване Карамазове, прикрытое «пошлой и слащавой

маской приличного джентльмена». Именно под этой маской скрывается «сила низости карамазовской». Еще одно «Я» Ивана Карамазова – Смердяков. Именно он услышал в словах Ивана идеологию «все дозволено, если нет веры». Смердяков воплотил в действие, сознательно скрытые мысли Ивана. Таким образом, бессознательные волнения Ивана воплощаются в сознательной воле Смердякова. В легенде о «Великом инквизиторе» происходит диалог Ивана Карамазова с миром. Через речь великого инквизитора Иван выносит приговор существующему миру.

Самосознание героев Достоевского диалогично: оно обращено к себе, а также направлено вовне – к другому, к третьему... Человек у Достоевского есть субъект обращения. «О нем нельзя говорить, можно лишь обращаться к нему» (там же). Герои Достоевского находятся в постоянном субъектно-субъектном общении. Нет объектов, которые анализируются. Есть только субъекты, полемизирующие с собой, с другими субъектами, с миром в целом. Диалог составляет значительную часть романов Достоевского. В диалоге человек находит себя, становится тем, чем он есть на самом деле, со всей внутренней расколотостью, противоречивостью. Даже в публицистике Достоевского в сугубо монологической по жанровой традиции форме высказывания просматривается диалог. Как констатирует Бахтин, «все в романах Достоевского сходится к диалогу, к диалогическому противостоянию как к своему центру. Все – средства, диалог – цель. Один голос – ничего не кончает и ничего не решает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» (там же).

Основная схема диалога – противостояние человека человеку, «Я» – «Другому». В первых произведениях Достоевского внутренний диалог реален, в более поздних романах, особенно в «Братьях Карамазовых», внутренний диалог представлен в более опосредованной форме, скрыт за реальным диалогом персонажей.

Обсуждая вопрос внутреннего диалога в произведениях Ф. М. Достоевского, мы затронули тему поиска своего собственного «Я» в диалоге с другими, с миром в целом. Многими авторами герои Достоевского рассматриваются как психически больные люди, близкие к шизофреническим состояниям, характеризующиеся расколотостью сознания, либо истерические невротики, психопаты и носители прочих психических патологий. С данными утверждениями трудно согласиться, ибо, как нам представляется, целью автора являлось, во-первых, доказательство диалогической природы сознания вообще как его существенной характеристики, во-вторых, рассмотрение

раздвоенности как нормального, но акцентуированного, специально преувеличенного автором состояния психики.

Согласно В. Н. Мясищеву, отношения личности представляют собой обобщения и определенные смысловые конструкты, где нет границ между внешним и внутренним (Мясищев, 2003). Они охватывают пространство внутреннего мира и продолжают в интерактивном пространстве, являются единством внутреннего и внешнего, соединения «Я» с миром. Но, помимо отношений (к людям, к событиям, к жизни), личность проявляет активность, которую сообщает ей ее экзистенциальное «Я». Если в отношениях личности с миром, с другими людьми она совпадает со своим «Я», так как это ее отношения, то в деятельности личность проявляет новое качество. Это качество различно в различных формах реализации: возникает отношение «Я-другое», а в качестве «другого» выступает другая личность. Здесь осуществляется опосредование, которое имел в виду С. Л. Рубинштейн, анализируя природу самосознания. Одна и та же личность может выступать одновременно в разных ролях: как учитель, как лидер, как брат и как представитель множества других жизненных ролей и позиций. Но все это в итоге сливается в единое «Я», интегрирующее себя в различных проявлениях, благодаря чему личность не распадается на множество ролей, а предстает как целостное многогранное образование, включающее различные ипостаси своего проявления. Оценивая себя в разных ролевых позициях, человек вырабатывает обобщенное представление о себе, о своем «Я».

«Я» не статичный «центр» личности, а деятельностный. Его задача – придать как можно большую определенность самовыражению и самореализации личности. Чем это обусловлено? Во-первых, жизнь не стоит на месте, ситуации и обстоятельства меняются, необходимо вырабатывать новые отношения к происходящему. Эти задачи и осуществляет «Я» при помощи сознания и самосознания. Во-вторых, имеет значение особенность самого «Я», уровень его идентичности, определенность его интерпретаций, уверенность его мнений. Посредством интерпретаций личность и создает свой внутренний мир, который имеет форму целостно-смыслового конструкта, обеспечивающего понимание и объяснение мира в целом и самого себя. Мнение человека о себе, его «Я», во многом строится из отношения и оценок других людей (реальных или идеальных). «Я» осознает себя, рефлексивирует себя как таковое. Внутренний мир личности состоит из интерпретаций своего «Я». Интерпретация связывает различные уровни «Я» – осознанные или не осознанные.

Она осуществляет связь внутреннего «Я» с внешним миром. Одной из форм этой интерпретации является внутренний диалог. Именно он способствует осознанию себя как личности, своего места в мире и отношения к себе других людей. Это одна из форм рефлексии, позволяющая взглянуть на себя, свои поступки глазами другого, значимого для тебя или не значимого. Это одна из форм активности сознания человека, помогающая ему прийти к самому себе, осознать свои поступки и принять правильное решение. С. Л. Рубинштейн писал: «Не существует «Я» вне отношений к «Ты», и не существует самосознания вне осознания другого человека как самостоятельного субъекта» (Рубинштейн, 2000, с. 636).

Объективировать внутренний диалог очень сложно, поэтому он и называется «внутренним», но он очень важен для практической психологии. Художественная литература, в частности романы Ф. М. Достоевского, нам наглядно показывают его наличие в сознании человека и важность в определении его поступков и поведения в целом. Роль внутреннего диалога в психотерапевтической практике наглядно представлена в духовно ориентированной терапии Т. А. Флоренской (Флоренская, 2001). На диалогичность самой практики указывают принцип доминанты на собеседнике и принцип венаходимости, раскрытый М. М. Бахтиным, положенные в основу работы с клиентом. Интересен также подход Флоренской к структуре внутреннего «Я» клиента, разложение его на «Я» наличное, «Я» идеальное и «Я» духовное. Если соотносить эту структуру с типами диалогов Достоевского, то «Я» духовное может быть соотнесено с совестью, которая всегда присутствует на сознательном или бессознательном уровнях. «Я» идеальное, в свою очередь, является социально одобряемой частью внутреннего «Я», которая появляется в процессе воспитания. «Я» же наличное – это внутренний мир человека «здесь и теперь», которое требует своего разрешения в настоящий, конкретный момент.

Еще один аспект, на который указывает Флоренская и который наглядно показан в романах Достоевского, – это проекция чужого слова. Человек слышит чужой голос в своем, но не осознает, что это его собственный голос, только в искаженном виде. Или, слыша чужой голос, не принимает его, искажает, чтобы скрыть его от себя. И задача психотерапевта, по мнению Флоренской, и состоит в том, чтобы сделать его узнаваемым. И в данном случае в поэтике Достоевского как пример подобной ситуации вводится другой персонаж, который утрирует «стройные» и «красивые» идеи, делает их наме-

ренно безобразными, чтобы показать их истинный смысл для героя и читателя. Такова роль двойника в романах.

Главная задача психотерапевта, как ее понимала Т. А. Флоренская, – это «родовспоможение» – помочь клиенту прийти к истине. И в этой связи Т. А. Флоренская обращается к «сократовскому диалогу», который, в свою очередь, и является, как отмечает Бахтин, основой диалогического романа Достоевского наряду с менипповой сатирой. Вступая во внутренний диалог с пациентом, психотерапевт ставит перед собой задачу поддержать голос добра в человеке, голос духовного «Я», голос совести. «Диалогический принцип в психотерапии – это выслушать и помочь человеку осознать выбор, который перед ним стоит, а затем поддержать светлую, правую сторону, показать свое отношение к внутренней ситуации человека» (Флоренская, 2001, с. 25). Высветить голос добра в человеке, воззвать к его совести – задача Достоевского. В на первый взгляд хаотичном нагромождении персонажей и событий выкристаллизовывается стремление к красоте и правде. Таким образом, связь художественного мира Достоевского с психологическим знанием в целом, с практической психологией в частности очень тесная. И, несомненно, его изучение должно стать одной из задач психологии в ее дальнейшем развитии.

